

Darkness Flame

МЕГІБ АЛДАНҒЫДЫ

Роман

Итак, исчезнувшая под покровом тайны загадочная Атлантида...

На фоне этого великолепия разворачивается в чем-то трагическая, а в чем-то лирическая история прекрасной Элики, прямой наследницы трона.

Не подозревая о законах чести и возмездия, наследная принцесса Атлантиды подвергла оскорблению принца соседней империи. В его ледяных глазах нет ни капли человечности и сочувствия, его поступки говорят сами за себя, а альтернативный патриархальный строй Кассиопеи низвергает роль женщины до статуса бесправной игрушки.

Что ждет юную Элику во власти чужеземца? Жестокая участь рабыни, или взносящая на неизведанную ей высоту страсть? Чем закончится противостояние героев — победой высокого чувства... или же катастрофой во всех значениях этого слова?

Глава 1

В столице непобедимой империи уже почти полный цикл пути Фебуса стояла невообразимая жара, и только во дворце королевы Атланты легкий бриз с моря создавал прохладу, наполненную ароматом цветущих садов, и, вследствие чего, очень уютную атмосферу. Впрочем, дети народа атлантов привыкли к этому климату, и ничего не мешало им наслаждаться полуденной фиестой.

Пышная зелень садов буйствовала вопреки палящему солнцу, фонтаны, выбрасывая причудливые стрелы воды, создавали дополнительную свежесть, и радуга играла в скоплениях мелкой водяной пыли. Слуги незаметно сновали по своим делам, садовые рабы предусмотрительно оставались в тени деревьев, но не по причине жаркого полудня. Принцесса не любила посторонних наблюдателей, особенно, когда у нее возникало желание поупражняться с оружием.

В этот день королева Лаэртия ждала гостей из чужеземного королевства. Впрочем, для восемнадцатилетней Элики это не являлось весомым предлогом, чтобы отложить любимое занятие. Истинная дочь правящих амазонок давно предпочитала светским пирам и развлечениям несколько иные игры. Мать только посмеивалась, наблюдая за рвением дочери, скрывая свое восхищение под церемонной маской матриарх — правительницы.

Под пологом нежного лазурного шелка, у накрытого столика, в расслабленной позе замер Лэндал. Его насмешливые зеленые глаза сейчас были устремлены на стройную девушку с гибким, как у пантеры, грациозным телом, такой же, как у него, кожей цвета кофе и молока, такими же зелеными проникновенными глазами. Вот он чуть подался вперед. Грудь девушки вздымалась под кожаным корсетом воительницы, ветер слегка трепал длинные черные волосы. Она была юна, свежа и желанна до невозможности. Но в глазах наблюдавшего за ней принца не было и намека на вожделение, только какая-то теплота с искрой покровительственной иронии. По-иному быть не могло. Темноволосая красавица, замершая в позе нападения с копьем наперевес, была его единоутробная сестра. Принцесса-наследница Элика.

На миг внимание принца отвлекла белокожая блондинка, протянувшая в ладони дольки апельсина. Она сидела рядом на плетеной лаве как равная принцу, в белой шелковой накидке, и только ошейник на точеной шее выдавал в ней рабыню. Вернее, для непосвященных золотой обруч, усыпанный бирюзой, выглядел скорее дорогим колье, чем символом рабства. Только наблюдательный человек мог понять ее статус по опущенным в пол глазам и жестам, каждый из которых был пронизан покорностью. Лэндал не стал сердиться на рабыню, которая протягивала ему освежающий фрукт в не совсем подходящий момент, вместо этого он легко отстранил ее ладони, не сводя взгляда с сестры.

— Позже, Алия.

Девушка поспешно прикоснулась губами к пальцам своего господина в знак поклонения, извинения, облегчения и благодарности одновременно и с ненасытным вниманием устремила восхищенный взгляд на его сестру.

Шшшшшах! Выпущенное ловким метательным движением копье прошло насквозь через чучело из соломы в тридцати метрах от их местоположения. Лэндал присвистнул, не сдержавшись, захлопала в ладошки белокурая рабыня, а раб-прислужник выронил поднос с яблоками от неожиданности.

Этот проступок был немедленно замечен принцем. Он вздрогнул от негодования и с угрожающим видом поднялся на ноги.

— Что это значит?

Элика повернулась к троице наблюдателей. Глаза ее смеялись. Она заинтересованно окинула взглядом рассыпанные яблоки. Раб задрожал мелкой дрожью и упал на колени.

— Госпожа! Ради священного Антала, прости!

Лицо Элики на миг замерло от недоумения, но тут ситуацию прояснил Лэндал.

— 10 плетей, негодный раб! Как ты посмел смотреть на мою сестру и осквернить нашу пищу? Как ты посмел призвать нашего бога?!

— Стой! — поспешно вмешалась Элика. — Не нужно так, брат. Это не такое страшное преступление. Зик хороший парень, он справляется с работой. Зачем стегать его плетью? — Лэндал на миг растерялся. Элика быстро обдумала сложившуюся ситуацию. Для нее произошедшее вообще не являлось проступком, но принц жаждал наказания, и если оно не свершится сейчас же, оно настигнет раба позже, вдалеке от ее глаз.

— Зик, — ее голос был слаще меда. — Подними одно из яблок.

Парень поспешно подчинился. Дрожь все еще колотила его. Элика ласково улыбнулась.

— Положи его себе на голову.

— Да, моя Госпожа! — раб поспешно выполнил приказ. Элика отошла в сторону, ухватив одной рукой арбалет, а другой стрелу из золотого колчана.

Рабыня Алия горестно вздохнула. Новенькая в гареме Лэндала, что с нее взять. Даже брат напрягся, пытаясь возразить. Да, проступок раба имел место быть, и наказание плетьюми являлось одним из универсальных, но стрельба из лука по яблоку на его голове?! Элика меткий стрелок и никогда не промахивается, но никогда в их играх не участвовали люди!

И только молодой раб Зик в момент унял нервную дрожь. Элика незаметно кивнула в знак одобрения, натягивая тетиву боевой стрелой. Как забавно наблюдать невысказанный протест на лице брата и его фаворитки! И никто из них не видит выражения облегчения и доверия на лице раба.

Сколько раз, сбегая с кухни, за что не один раз был порот, он наблюдал из зарослей игры принцессы и принца. Мастерство Элики было выше всяких похвал. Ни одного промаха! Ни одного неуверенного движения! Стрелы били точно в цель, а вместе с ними копья, дротики и ножи. Нельзя было даже представить более безопасного наказания, чем это, если, конечно, это являлось именно наказанием.

Лэндал не выдержал напряжения. Показательно строгий хозяин никогда не был жесток без причины к рабам и слугам. Обостренное чувство справедливости восстало против, как ему казалось, беспредела сестры. Он резко встал, но шагу сделать не успел. Элика уверенно спустила стрелу. Зеленый фрукт, который еще секунду назад красовался на голове раба Зика, оказался пригвожденным к стволу пальмы за его спиной.

Элика отбросила арбалет и показательно надула губки.

— Теряю хватку, я в горло целилась...

Зик упал на колени, пряча улыбку. Только ему была понятна эта игра!

— Прости, госпожа! Благодарю тебя, госпожа!

— Счастливчик ты, раб, — сдерживая смех, делано расстроенным тоном сказала принцесса. — Иди на кухню и скажи, что принцесса Атланты велела накормить тебя пирогом с гуавой. Заслужил. Ну чего стал, иди!

Бормоча слова благодарности своим хозяевам, раб поспешно ретировался. Элика

откинула со лба взмокшую прядь волос и расслабленно упала в плетеную качалку рядом с братом. Двор наверняка был бы шокирован такими манерами, но тут кроме них двоих никого не было. Рабыня в расчет не принималась. Принцесса окинула ее насмешливым взглядом. Девочка еще не отошла от последних ее слов, действительно полагая, что ее хозяйка и вправду промахнулась.

— Не узнаю тебя, сестра! — принц покачал головой. — Откуда в тебе столько... Столько....

— Жестокости? — весело подсказала Элика. — Сама не знаю. Хотя... Ты уже три раза был в набеge... А я вынуждена тут вести светские беседы и составлять букеты... А еще включаться в эту дипломатию... Мне скучно!

— Слышала бы тебя Верховная наставница!!!

— О да, ей не терпится рассказать мне о моих светских обязанностях! — рассмеялась Элика. — Кстати, ты уже видел этих гостей... Варваров... Шиа сказала, что они прибыли утром?

— Да, они в гостевых покоях. Принц Кассиопеи и его преданный соратник, полководец и молочный брат. Эл, я не вполне понимаю... Почему ты отказалась от присутствия на первом этапе переговоров?

— Матриарх не настаивала. К тому же, по сути, мне все равно. Торговые корабли не представляют особых неприятностей для Атланты. Их приспешники не пойдут дальше побережья. А слезы пустыни... Принц намеренно занижил их цену. Нам только на руку, конечно, но вызывает сомнения. Согласись. Что еще о нем известно?

— Наследный принц. Тридцать два года. Младшая принцесса только недавно вступила в брачный возраст, все пропозиции Кассий рассматривает сам на правах будущего правителя после смерти отца на поле боя со скинхами. Королева правит номинально под руководством приставленного им же советника, все инициативы и решения исходят от принца. Формально он уже принял корону, полгода до восхождения на трон не играют роли.

— Но как такое возможно?! Принимать решения за сестру и дергать королеву за нити, как марионетку?!

— Они варвары, Эл. Вся власть Кассиопеи сосредоточена лишь в руках мужчин. Женщина никогда не сможет так возвыситься в этой стране. Их жены не имеют ни права голоса, ни свободы передвижений без сопровождения мужчин. Аристократок с юности продают в жены тому, союз с кем выгоден семьям, и эти браки ничем не отличаются от рабства. Говорят, первый год жена, даже будь она самой благородной крови, обязана встречать своего мужа на коленях и снимать его сандалии, а по приказу спать в изножье его постели...

— Хватит! — Элику передернуло от одной мысли об этом. — Но почему их женщины терпят это?! Они слабы?!

— Не думаю... Но есть традиции, выкаленные веками... И женщины просто не знают ничего о возможной непокорности. Они впитали страх перед мужчиной и подчинение с молоком матерей.

— Что ж... Мне противно от мысли о том, что нога этого варвара оскверняет плиты нашего дворца. Дай сил матриарх сломить этих самцов... Ты спрашиваешь, почему я не на переговорах... Да я этим спасаю их жалкие жизни. Ибо соблазн велик...

Лэндал расхохотался, возмущение сестры его позабавило. Наклонившись ближе, он доверительно подначил девушку:

— Они бы не позволили тебе упражняться с оружием, представь только!!! Ох, Эл, а если у него хватит наглости просить твоей руки?

В этот раз расхохоталась уже Элика. Потому как будущая правительница имела право выбора, как и все правящие женщины. Наравне с ними стояли лишь мужчины королевской династии. А особое положение ее брата обуславливалось еще и тем, что близнецы считались посланниками богов на земле. Впрочем, Лэндал не стремился к королевской власти. Прирожденный воин предпочитал налеты, войны и баталии политическим интригам, и побед в набегах и завоеваниях у него в его восемнадцать лет насчитывалось более десятка. В его многочисленном гареме содержались самые красивые невольницы мира, и конкуренцию этому цветнику мог составить лишь мужской гарем Ксении, старшей сестры. Ее с детства готовили к азам правления по праву старшинства, но рождение Элики привело к переменам и передаче статуса, так как младшая сестра пришла в свет одновременно с братом, как дар богов Атланты.

Одно время знать и свита королевы с замиранием сердца ожидали баталий, вплоть до сражения обеих сестер в храме Антала и Криспиды, но время расставило все по местам, раскрыв карты.

Принцесса Ксения, кроме красивых рабов мужского пола, драгоценностей и пышных празднеств больше ничем не интересовалась. Политика не укладывалась в ее светловолосой головке ни в какие рамки. И когда явный талант к управлению младшей сестры не вызвал сомнений, Ксения, казалось, выдохнула с облегчением. С тех пор она яростно стояла на защите младших брата и сестры, готовая растерзать любого, кто посягнет на их жизни. Элика любила сестру, хотя и не вполне одобряла ее развратный образ жизни. Конечно, правящая верхушка имела права, как и все свободные женщины, но Элика, не испытывающая никакого интереса к мужчинам, не понимала экстаза Ксении. Три сотни наложников, с ума сойти... Отупевшие, загнанные животные. Домашний скот. Зачем Ксении это нужно? Впрочем, Лэндал понимал. А у Элики не было особого желания понимать. Она не знала прикосновений мужчин, хотя обычаи блюсти честь до брака были чужды женщинам Атланты. Сестра постоянно пыталась отправить к ней одного из своих наложников. Ха, у младшей принцессы эти сломленные самцы отдыхали душой. Да Ксения бы подвергла пытке того, кто год назад обучил ее сестренку держать меч! И вырвала бы язык калеными щипцами тому, кто рассказал ей азы геометрии и географии! Подумать только!

— Ты собираешься готовиться к вечернему приему? — продолжил подначивать сестру принц. — Времени не так уж много. Не хочешь надеть свое царственное одеяние и свести варвара с ума?

— Что-то мне вообще идти расхотелось! — фыркнула принцесса. — Я еще поупражняюсь с мечом.

— Ты все равно должна там присутствовать...

— Да знаю я! — устало проронила Элика. — У меня есть две меры масла (мера времени, соответствующая одному часу, времени, в течение которого масло перетекало из отсеков клепсидры.) до того, как придется готовиться... А пока я займусь тренировками. Варвары не есть причина, чтобы я теряла сноровку!

— Мне подстраховать на поле боя тебя? — без энтузиазма поинтересовался Лэндал. Его рука без стеснения сжимала грудь светловолосой невольницы. Рабыня, пунцовая от смущения, боялась поднять глаза, но ничего не могла поделать, право хозяина было неоспоримым. Элика не замечала ее затравленных взглядов, это ее не касалось. Пройдет

неделя, и эта девочка будет лежать в его ногах по собственной инициативе и молить о ласке. Такова природа всех рабынь, а Лэндал умел обращаться с женщинами без жестокости.

— Да иди уже... — отмахнулась Элика. — Смотри только начало приема не пропусти...

Королева Атланты, высокочтимая матриарх-повелительница Лаэртия Справедливая гордо восседала на троне в приемных покоях дворца. Никто и ни при каких обстоятельствах не дал бы этой поистине величественной и красивой женщине все ее сорок шесть зим. Лишь глаза выдавали ее истинные года, но вовсе не сетью морщин или усталостью, а именно невероятным интеллектом помноженным на опыт, бушующий в глубине пронзительно голубых озер. Гладкая, словно у юной девушки кожа имела тот непередаваемо чарующий оливковый оттенок, свойственный всем дочерям Атланты. Длинные волосы цвета снега Атлионских вершин без нотки седины свободно струились по спине дерзкой лавиной. Пурпурно-алое платье подчеркивало изгибы соблазнительных бедер и все еще осиной талии правительницы, а большая, приподнятая грудь не могла не вызвать приступа желания и дерзких мечтаний. Соблазнительное тело досталось ей с годами долгих тренировок и участия в боях, держать себя в боевой форме она не прекращала ни на миг, готовая встать с мечом во главе своих легионов в случае любой опасности. Гладкая оливковая кожа нежилась в ваннах из молока ослиц, умащивалась маслами и масками, которые готовили в личной лаборатории повелительницы. Даже далеко за пределами Атланты о красоте Лаэртии Справедливой слагали легенды и песни. "Ночь озаряется ярким светом поступи богини Справедливой; Небесный Фебус спешит скрыться с пути ее, поверженный ее красотой; Солнце сдалось в противостоянии за свое первенство и верным союзником освещает ее путь... И зажигаются огни цветов у ее ног, и расступаются воды". Но настолько, насколько все восхищались красотой вечно молодой матриарх, настолько и боялись ее гнева соседние государства, загадочный Заокенарум, даже Кассиопея, будущий правитель которой прибыл утром на аудиенцию с королевой загадочной Атланты...

Слезы пустыни. Единственная причина, по которой Лаэртия приняла их. Возвысившаяся Атланта не питала уважения к ослабленным войнами и невежеством дальнеземным краям. Они были просто варварами. Так считало большинство, но не Лаэртия. Правило относиться непредвзято даже к, казалось, слабому противнику не раз спасал ее за долгие годы правления.

Принц Кассий умен. Этого нельзя было сбросить со счетов. Но гениальность королевы, ее острый ум были вне конкуренции. Она в совершенстве владела математическими науками, ей были известны многие тайны алхимии, геометрии, математики и мироздания. В лабораториях дворца трудилось много гениальных ученых, собранных ею со всех сторон света. И мало кто знал, что вовсе не масла и притирания были основной целью существования лаборатории. Адская машина, мощное оружие, способное уничтожить города, собиралась по частям, и для ее завершения как раз необходимы были слезы пустыни, самые твердые кристаллы из всех существующих. Прозрачные белые кристаллы, которые добывали лишь в пустынях Кассиопеи. Для жителей этой земли лишь ювелирный камень... Всего лишь!

Она была готова принимать высокочтимых гостей. В зале присутствовал первый советник, аристократ королевской крови Антоний, благодаря знаниям поднявшийся на с труднодостижимую для мужчин ступень равного королеве мужчины. Полководица легионов Латима, гений стратегии и тактики, восседала по правую руку. Также ученая Тания, главенствующая казной Антелия, и еще четыре самые высокочтимые женщины королевства.

Не настаивала матриарх лишь на присутствии своих детей, будущей правительницы Элики, Лэндала и прибывшей во дворец три меры масла тому назад Ксении. Ибо никто из них, даже Элика, не была посвящена в тайну лаборатории и того, для чего, собственно, создавалась эта лаборатория и возникла необходимость в слезах пустыни. Хитрая и умная матриарх вела тонкую политическую игру с кассиопейцами, намеренно занижая значение самого твердого минерала, и приехавшие гости полагали, что они сами больше заинтересованы в предоставлении им торговых путей, чем Атланта в их полезных ископаемых. Лаэртия была сильна, как на поле боя, так и в науке и политических интригах.

После объявления имен и титулов гостей они уверенно вошли в зал. Лаэртия склонила голову набок и откинула маску дипломатической вежливости, бесстыдно разглядывая двух молодых мужчин.

Варвары. Бесстрашные воины песков и гор. Представители чуждой и презренной патриархальной культуры. Королева не отказала себе в удовольствии полюбоваться совершенным телом воина-принца. Высокий лоб, волевой подбородок, плотно сжатые губы. Волосы коротко подстрижены. Первое впечатление было приятным, Лаэртия ожидала увидеть заросшего бородой варвара, впрочем, как и большинство дам, присутствующих в зале. Королева ощутила мощную ауру силы и чувственности, непостижимым образом окружавшую обоих мужчин. Спутник принца с восхищением оглядел матриарх и ее свиту. Его искреннее почтение могло подкупить любого, но Лаэртия осталась непоколебимой, про себя подумав, что Ксения душу Лакедону, властителю тьмы продала бы за право обладать обоими такими мужчинами.

Принц выступил вперед. Ни один мускул не дрогнул на его волевым, словно высеченном из гранита лице. Сильный противник, даже очень, королева всегда умела распознавать скрытую мощь. Мышцы перекачивались на его сильной груди при каждом движении, этого не мог скрыть даже пурпурный плащ и подобие кожаных лат, закрывающее торс.

— Приветствую тебя, Лаэртия Справедливая, повелительница Атланты и трех морей, свет самой яркой звезды ночных небес! — уважая традиции чужеземного государства, Кассий Кассиопейский низко поклонился. — Да ниспошлют боги благодать и процветание тебе и твоему дому, во славу твоей империи!

Матриарх была приятно удивлена красотой слога церемонного приветствия чужестранцев. Та же витиеватая речь вырвалась из уст Домиция Лентула, и его обаяние даже вызвало легкое смятение среди суровых леди свиты правительницы. Лаэртия отвесила легкий поклон принцу, формально признавая в нем равного, и позволила себе обольстительную улыбку.

— Рада приветствовать тебя, принц! Твое прибытие честь для меня. Смею надеяться, что вам оказали подобающий прием! А теперь прошу вас к столу переговоров, после чего мы предадимся увеселению на вечернем приеме в вашу честь.

Матриарх и ее приближенные заняли место у круглого стола, предоставив гостям почетные места...

Глава 2

Боль. Мышцы и ладони нежных девичьих рук словно жжет пламенем. Но нет времени сетовать на это! Лучше представить, как она, Элика, будущая королева атлантов, сносит этим самым мечом головы непокорных скинхов или алтенгов. И падают ниц возомнившие себя богами предводители чужеземцев, и кровь льется рекой, а вслед за этим триумфальное возвращение будущей королевы в город с длинными повозками трофеев и вереницей захваченных пленников. Рядом Лэндал, любимый брат и соратник. Он разделяет ее величие.

Совсем скоро, спустя зиму, даже того меньше, она отправится с братом в свой первый военный поход. Это уже решено. Будущая королева ожидала этого дня с нетерпением, отдавая все свободное время совершенствованию своего мастерства. Горячая кровь амазонок вела ее по пути войны и будоражила душу.

Фабия, молодая воительница и боевая наставница принцессы, одобрительно кивнула, воткнув свой меч в землю. Элика последовала ее примеру. Девушки были подругами и периодически прерывались на интимные разговоры и кубок сока апельсина с медом. Не стала исключением и сегодняшняя тренировка

— Все девчонки возбуждены до предела, — хитро поведала Фабия. В ее темных глазах плясали чертики. — Не каждый день увидишь настоящих варваров! Катриния даже хотела пойти на аудиенцию к его величеству Лэндалу, чтобы он послал ее ублажать чужеземцев под видом невольницы!

— Что и говорить, достойное поведение атланской воительницы! — неодобрительно воскликнула Элика. — Много толку от девчонки с повадками рабыни! Я бы на месте Лэндала застегнула на ее шею рабский ошейник! Пусть танцует в шелках перед его взором, если у нее такие недостойные желания. Подумать только!

— Одно ваше слово, и, возможно, так и будет, — согласилась Фабия. — Только я бы не стала воспринимать это буквально. Катриния любит затевать подобные игры, ее любопытство сродни любопытству ученого вашей лаборатории к мертвому минералу, не больше. Да и по хорошему, одного из этих варваров стоило бы бросить на растерзание кому-либо из моих девчонок. Рабы же менее стойкие, после их развлечений они едва могут работать. Пожалуй, не стоит осуждать Кат.

— Слава Анталу, я уже забеспокоилась было... Что ж, интересная идея, но, боюсь, дипломатическая неприкосновенность не подразумевает таких развлечений для чужеземцев.

— Говорят, принц очень хорош собой, — лукаво заметила Фабия, протягивая подруге кубок с соком. — Но его спутник вызвал не меньший интерес. Я слышала, как рабыни обсуждали его улыбку.

— На то они и рабыни! — Элика сделала глоток. — Фаби, нам, пожалуй, стоит сделать перерыв в четверть меры масла.

— Но ведь ты не устала!

— Не прими за дерзость, моя верная подруга, но вот ты, кажется, как раз наоборот... Я права?

Фабия отвела взгляд в сторону. От принцессы ничего не утаишь! Ночной дозор прибрежной линии порта, где пришлось ликвидировать пьяный беспорядок двух расшалившихся аристократок, давал о себе знать, сказывалась усталость. Но девушка не привыкла выдавать своего истинного самочувствия, к тому же, отказать себе в удовольствии

обучать принцессу боевому ремеслу и вести с ней дружественные беседы она не могла.

— Я распорядюсь, пусть нам доставят фрукты и темного эликсира (напиток из зерен кофе), а также разведает последние новости, — с этими словами Фабия удалилась, сжав руку подруги.

Оставшись одна, Элика поспешно ухватила тяжелый боевой меч и сделала выверенный взмах. Головешка деревянного тренировочного истукана отлетела в кусты, выбросив сноп искр. Еще одна. За ней следующая... В азарте боя принцесса не слышала шагов за спиной. Руки, сжимавшие меч, не успели занести оружие для очередного удара, когда по спине пробежала холодная волна от ощущения чужого взгляда.

— Не слишком ли велико для юной девы такое оружие? — раздался сзади грубый насмешливый голос. Элика осторожно, не поддавшись тревоге, загнала клинок на четверть в землю и повернулась, желая знать, кто имел смелость нарушить ее уединение. Ведь все во дворце знали, что во время упражнений к ней не дозволено приближаться никому, кроме брата и наставников!

Мужчина возвышался над ней, словно гранитная скала. Элика гордилась своим высоким ростом, но чужак был выше ее более чем на голову. Ее взгляд скользнул по затянутой в кожаную боевую перевязь груди с бугрившимися мускулами, без стеснения поднялся выше. Ледяные серые глаза незнакомца смеялись, но в них был стыл лед и всепоглощающая сила. Девушка не дрогнула. Она стойко выдержала взгляд, скрывая свое негодование.

— Как ты посмел заговорить со мной, животное?!

— Юной деве стоило бы научиться хорошим манерам! — его глаза все еще смеялись, но губы сжались в тонкую и жесткую линию. Элика инстинктивно отступила на шаг, и следом за этим неразумным движением ее охватила ярость. Вызов. Этот чужак оскорбил ее своим появлением и бросил ей вызов! Не раздумывая, она оглянулась в поиске оружия подруги, но Фабия унесла его с собой. Ничего! Это не повод оставить оскорбление безнаказанным! Элика подошла к ящику, в котором хранились тренировочные гладиусы. Чувствуя насмешливый и откровенно оценивающий взгляд мужчины, непонятно как и откуда появившегося в королевском саду, девушка выхватила один из легких, мало предназначенных для боя мечей и метнула его в чужака, рассчитав бросок так, чтобы он случайно не развернулся к нему острием. Соблазн был велик, но принцессе королевской крови необходимо было уметь не поддаваться скорым эмоциям.

Чужак ловко ухватил рукоять. От его веселья не осталась и следа.

— Что, во имя Эдера, ты собираешься делать?!

— Научить тебя этикету, — охотно ответила Элика. — Защищайся, недостойный самец!

Мужчина устало вздохнул, наблюдая за ее приближением.

— Я не воюю с женщинами. Ты просчиталась.

В следующий момент он охнул от неожиданности. Принцесса, взметнув руку, полоснула острием меча по ленте кожаной перевязи, разрезав ее, но не задев кожу противника.

— А на поле боя тебе не выжить, — злорадно заметила она. — Ты слабак! Ты недостойн носить одеяния воина. Впервые встречаю такое малодушное создание! Ты погибнешь от руки даже годовалой девчонки!

— Остановись, — ледяным тоном проговорил мужчина. — Я не хочу тебя ранить. Это неравный бой.

— Неравный? Защищайся, слабак! Трус! — Элика взметнула меч над головой. — Я лишена подобных предрассудков, желаешь в этом убедиться?

Воин расправил плечи и занял боевую стойку.

— Будь по-твоему, дерзкая девчонка!

Их мечи скрестились. Чужак потрясающе парировал ее выпад. За ним следующий. Элика ощутила боевой азарт. Вот оно! Как давно она ждала настоящего поединка!!! Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Каждая мышца молодого горячего тела напряглась, исполняя свой боевой танец. Она даже не заметила, как их медленно окружили люди. Фабия, Катриния и еще четыре девушки привлеченных звуками боя, слуги, пара рабов. А толпа все прибывала. Пришел даже Лэндал. Но принцесса всего этого не видела. Просто чувствовала их взгляды, и права на ошибку у нее не было ни малейшего. Она не уронит честь дочерей Атланты, воинственных и непримиримых амазонок!

Они кружили друг напротив друга в смертельном танце. Девушка ощутила, что устает. А учебный клинок противника махал все увереннее, рассекая воздух в считанных сантиметрах от ее кожи!

Вдруг ее нога скользнула в выемку среди поляны, и девушка пошатнулась. Тревожные возгласы раздались со всех сторон, и в воздухе повисло плотное покрывало чужой тревоги. Клинок соперника почти уперся в ямочку на ее шее. Она поймала его взгляд.

— Хватит с тебя?

И тут Элика осознала, что проиграет... Если только... Нет, она не имела права уронить свой авторитет среди зрителей! И тут на помощь ей пришло чисто женское оружие. Она интуитивно изобразила взгляд перепуганной пленницы, слегка оттопырив губки и подняв на мужчину глаза, в которых, как надеялась, появилась хоть капля того выражения покорности, свойственной рабыням Лэндала. Это подействовало. Противник отвел острие клинка от ее шеи. Он казался немного смущенным. Пора!

С боевым кличем амазонок девушка вскинула ногу в жестком кожаном сандалии, целясь в самое уязвимое место мужчины. Удар пришелся прямо в цель, и противник рухнул на колени, охнув от боли. С несвойственной ей жесткостью принцесса ударила его ногой его в грудь, повергая на спину. Он не успел опомниться, прежде чем осознал, что лежит на земле, а меч дерзкой красавицы упирается ему в грудную клетку. Толпа застонала от восхищения.

— Слабак! — рассмеялась Элика. — Приятно быть у ног дочери атлантов, не так ли?

— Коварная сука! — все еще не придя в себя от осязаемого удара, мужчина смерил ее полным ненависти взглядом. Толпа застыла. Только что чужак при всех подданных оскорбил их принцессу.

Кровь отхлынула от лица Элики. Возмездие. Теперь нельзя было это оставить просто так. Она обвела взглядом притихшую аудиторию. Фабия кусала губы, Кат неестественно побледнела, а Лэндал успел отобрать у кого-то из воительниц меч, чтобы броситься на защиту сестры. И будущая правительница приняла свое первое правильное решение.

— Ты оказался слабым мужчиной. Тебя победила юная дева Атланты. Теперь ты запомнишь это на всю жизнь!

Под рокот толпы она подняла свой меч, затем, раздумав, воткнула его в землю, ловко подняв учебный гладиус.

— Ты даже недостойн метки моим боевым товарищем! Прими метку Атланты от острия детского меча! — с этими словами девушка, срезав кожаный ремень обмундирования и открыв грудь поверженного воина, выверенным движением рассекла кожу. Миг спустя на груди противника зажглась кровавая литера А, выведенная каллиграфическим почерком особы королевской крови.

— Теперь ты не забудешь!

Толпа взорвалась криками одобрения и издевательским смехом. Элика демонстративно отошла от оскорбленного побежденного, прихватив с собой оба меча. Фабия, не стыдясь своих чувств, расцеловала ее в обе щеки. Лэндал, не скрывая восхищения, тоже обнял сестру. Повернувшись, принцесса увидела растерянную Катрину.

— Говори, — мягко велела она девушке.

— Принцесса, — выдохнула воительница. — Это наследный принц Кассиопеи.

Элика вздрогнула и потрясенно посмотрела на брата. Тот успокаивающе прижал ее к себе.

— Не имеет значения, кто он такой, если посмел оскорбить дорогую моему сердцу сестру! Ты все правильно сделала.

Кассий, не замечая презрительных ухмылок и смешков, поднялся на ноги. Порез на груди не был глубоким, он заживет через декаду, но шрам останется. Не на коже. Внутри. Никогда еще ему не наносили такого оскорбления!

Домиций протянул принцу отрез чистой ткани. На его лице читалось осуждение.

— Тебе не следовало так далеко удаляться от дворца! Мне надо было пойти с тобой!

— Не следовало, — Кассий гордо вскинул голову и обвел толпу долгим взглядом. Смешки и оскорбления вмиг стихли, — Но я решил не мешать тебе читать стихи рабыням у фонтана.

— Они не рабыни. Это воительницы королевы Лаэртии, просто они сейчас не одеты в боевую форму.

— Атланские девки? Странно, что они стали тебя слушать. Могли порезать на ремни.

— Кассий, мы на чужой земле. Тут свои правила. Женщина с рождения занимает более высокое положение относительно мужчины. Я понимаю тебя. Твоя боль, моя боль. Но во избежание межгосударственного конфликта тебе стоит извиниться перед этой девчонкой. Ну не верю я, что она просто так на тебя напала! Что ты ей сделал?

— Ничего. Но я сожалею именно об этом. Эта дерзкая сука ответит мне за свое вероломство! Я выжгу герб Кассиопеи на ее очаровательных грудках!

— Прошу тебя, возьми себя в руки! — Домиций решил сам исправить положение. Принц Кассий был в ярости. Неудивительно, не дай боги кому пережить подобное унижение. К тому же, зная, что его друг не отступится ни перед чем ради мести, он ясно осознавал, что над девочкой нависла почти смертельная угроза. Она еще не приобрела четкие формы, но ее росток уже пустил ядовитую лиану в сердце принца. Домиций не спеша подошел к храброй воительнице, окруженной подругами. Молодой мужчина, обнимавший красивую атланку за плечи, негодуяще окинул взглядом чужака, но советник принца, прижав ладонь к сердцу, поклонился девушке, уважая приветствие чужого края. Такой же поклон был адресован ее спутникам, но заговорил он, обращаясь исключительно к ней.

— Прекрасная воительница Атланты, во имя ваших высокочтимых богов, разреши принести тебе искренние извинения от имени принца Кассия Кассиопейского. Мы не хотели ни словом, ни делом оскорбить жителей этой страны, этот гостеприимный дом и всех его обитателей. Наш проступок серьезен, и ему нет прощения, но прошу милосердную богиню этой земли простить нас за этот ужасающий инцидент!

Элика удивленно вскинула брови. Речь чужака была слаще меда, но в его светлых глазах, так не похожих на глаза дерзкого принца, читалась самая настоящая искренность и сожаление. Девушка почувствовала легкое умиротворение. Ее манеры принцессы вновь

вернулись к ней, и она ответила собеседнику на языке известной ей кассиопейской поэзии.

— Путник усталый, о, мне все слова твои чужды! Истину вижу в словах твоих, очи не лгут. Благословение высших богов сей душевный уклад! — она сдержала улыбку, заметив при этом, как удивился гость. Как он не похож на принца! С его обаянием можно брать города. Причем с искренним обаянием, Элика с детства умела распознавать фальшь. Она почувствовала легкую симпатию к этому человеку. Он был словно противоположностью дикого варвара, который теперь носил на груди ее метку.

— Право, мне очень тягостно от того, что произошло... И это я должна принести извинения... Как мне обращаться к тебе, добрый чужестранец?

— Домиций Лентул, прекрасная дева. Советник его величества принца Кассия.

— Домиций, как я могу загладить свою вину перед тобой и твоим другом?

— Это я должен задать такой вопрос, юная воительница. Мы прибыли издалека с целью заключения торговых договоренностей, и нам удалось прийти к соглашению. Но я остерегаюсь, что неосмотрительное поведение принца поставит дальнейшее сотрудничество под угрозу...

У принцессы словно камень с души свалился. Ведь она сама подбирала слова, дабы просить гостя из Кассиопеи умолчать об этом инциденте! Лэндал внимательно наблюдал за беседой. Элика умница! Прирожденная правительница! Импульсивна, правда, но это скорее минус ее юности. С такой королевой государство будет в надежных руках!

— Домиций, клянусь священным Анталом, ни одного слова о том, что произошло, не просочится дальше этой поляны. Вы наши гости, и никто больше не посмеет оскорбить вас или проявить неуважение. Фабия, собери людей и поясни, что они под страхом смерти должны молчать обо всем увиденном. Иначе милосердия ждать не придется!

Подруга изобразила легкий поклон и направилась к толпе подданных. И тут Элика ощутила, как напрягся ее брат. К ним неслышно приблизился принц Кассиопеи. Его глаза, не отрываясь, были устремлены на девушку.

— Я нанес оскорбление благородной воительнице. Моя честь запятнана, я не смею просить прощения за свой поступок. Я заслужил это, — мужчина коснулся рукой груди над вырезанной литерой. — И все же, знай, дочь воинов Атланты, что мое сожаление чрезмерно. Прости, что я осмелился в столь оскорбительном тоне заговорить с тобой. В Кассиопее редко встретишь женщину такой величественной красоты.

Элика встретила его взгляд. Она привыкла, что все восхищались ее внешностью, атланки поистине являлись самой красивой расой планеты, и, хотя не любила признаваться в этом себе, была тщеславна. Девушка попыталась улыбнуться и попросить прощения за свою жестокость, но слова вместе с улыбкой замерли на ее губах. Один взгляд принца словно ударил ее под дых, такая ненависть, злость и обещание чего-то ужасного плескались в этих ледяных глазах. Она пошатнулась, но отвести глаз не могла, он словно тянул ее магнитом в бездну кошмара.

Ей еще никогда не было так страшно. Хотя, видит Антал, приключений на ее долю выпало немало. Элика с ужасом ощутила легкое удушье и машинально поднесла руку к горлу. Принц злорадно усмехнулся. Девушка была близка к панике. Она сделала шаг назад. Лэндал был рядом.

— Моя хорошая, что произошло?!

Элика вырвала взгляд из стального капкана и натянуто улыбнулась.

— Н-ничего... Я... Я принимаю извинения и приношу в ответ свои. И надеюсь на

долгое и плодотворное сотрудничество между нашими землями... Встретимся на вечернем пиру в вашу честь!

Домиций Лентул понял состояние девушки и предупредительно тронул локоть Кассия. Поклонившись по атланскому обычаю, они незаметно ретировались.

— Эл, что с тобой? На тебе лица нет! — Лэндал обеспокоенно развернул сестру к себе. — Этот дикарь получил по заслугам! Не о чем беспокоиться! Ты была на высоте, так замаять конфликт, но что тебя тревожит?

— Ничего, правда.

— Ты забыла? Я чувствую твое настроение. Твою радость. Твою боль. Мы единокровны, понимаешь? И тебя что-то гнетет... Ты скажешь мне, что именно?

— Я просто испугалась своего порыва, последствий, которые он мог повлечь. Матери необходимо это торговое соглашение больше чем Кассиопее, хотя она никогда в этом не признается...

— За это вообще переживать не стоит, Эл. Они сами испугались больше тебя. Ну что, придется готовиться к рауту?

Элика улыбнулась. Она предвкушала свое эффектное появление. Ведь ни принц, ни его спутник так и не догадались, что говорили с принцессой! Еще одно потрясение им на вечер обеспечено.

Будущая правительница расслабленно приняла ванну с лепестками роз. Верная служанка-вольноотпущенница Ши натерла ее тело ароматическим маслом, смазала стертые рукояткой меча ладони мгновенно заживляющим бальзамом, расчесала непокорные черные кудри так, что они гладкой волной упали до пояса принцессы и закрепила их золотой диадемой, семейной реликвией правящей династии. Кошачьи зеленые глаза своей госпожи она умело подвела золотой пастой, такая же золотистая пудра легким мерцающим покрывалом легла на плечи. Затем помогла ей надеть белоснежное платье с глубоким вырезом, украшенное оgranенными слезами пустыни. Закрепила на шее золотое ожерелье в виде саламандры, священного животного Атланты. Элика залюбовалась своим отражением в безупречной глади зеркала. У этого отражающего стекла, будь оно одушевленным, непременно случился бы разрыв сердца, ибо сейчас в него вглядывалось само совершенство. Элика, будущая королева Атланты, дочь Лаэртии Справедливой.

Принцесса тряхнула головой, поймала отражение своих глаз, и вновь непонятная тревога сжала ее в тиски. На миг ей показалось, что из зеркала за ней наблюдают холодные, безжалостные глаза варвара Кассиопеи. А ведь он будет на вечернем пиру! Девушку охватила паника, ледяная душа тревога. словно грозовые облака внезапно сгустились над ней, грозя поразить огненной стрелой небес. Но она тут же сердито сжала кулачки. Принцесса крови не боится никого и ничего. Тем более какого-то дикаря, каким бы страшным не был его взгляд. Повернувшись, она покинула свои покои под слегка взволнованным взглядом верной Ши.

Вечерний пир в честь приезжих чужеземцев набирал обороты. Элика направилась к ложу знати, ближе к матери и брату, как вдруг утонула в объятиях появившейся из ниоткуда принцессы Ксении.

— Сестра моя! Великий Антал, до чего ты прекрасна!

— Ксена! — рассмеялась Элика, обнимая стройную блондинку с оливковой кожей и небесно-голубыми глазами, как у матриарх. Старшую сестру.

— Эл, у меня новый раб. Он с дальних черных берегов, ты никогда не видела подобной

кожи! Он умеет играть на таких, деревянных бочонках и так интересно поет, а его орудие словно прожигает меня насквозь! Он стоит сотни моих мальчиков, ты незамедлительно должна его увидеть!

— Ксена, в другое время, не сейчас! Лучше расскажи, как моя обожаемая племянница Мавия? И это правда, что недавно у вас были проездом факиры, которые умеют глотать шпаги?

Элика увлекла сестру к ложу, прикоснулась лбом к руке матери, с опаской заглянув в ее глаза: знает, не знает? Но матриарх была в безмятежном и приподнятом состоянии духа. Принцесса приняла из рук брата кубок с черным вином атланских виноградников и с наслаждением пригубила.

На возвышении посреди пиршественного зала девушки исполняли заводной, чувственный танец. Несколько музыкантов аккомпанировали им на арфе. Неспешно передвигались жонглеры, заклинатели змей, поэты, декламировавшие стихи всем, кто желал их слышать. Большинство аристократок были со своими фаворитами из свободных людей, ибо рабы на пир допускались лишь в редком случае. Но все же в зале их присутствовало немало, к большому огорчению Лэндала. Если правящая элита и смотрела на это нарушение сквозь пальцы, сама позволить себе подобной вольности не могла, и принц откровенно тосковал по своей новоприобретенной рабыне Алии.

В разгар веселья Элика заметила высокую фигуру принца Кассия. Если Домиция Лентула окружила стайка молодых прелестниц дворцовой знати, будущий правитель Кассиопеи одним своим видом отбивал у них желание приблизиться к нему. Тому виной было вовсе не его позорное падение в утреннем поединке, никто из присутствующих, кроме занятой поцелуями с молодым нарциссом Фабии и брата, даже не знал об этом инциденте. Его остерегались, несмотря на повышенный интерес. Один его взгляд отбивал охоту даже заговорить с ним.

Спустя совсем немного времени Элика, Лэндал и Ксения были официально представлены принцу. И снова ни один мускул не дрогнул на его лице. Он едва удостоил Лэндала взглядом, почти оскорбительно оглядел Ксению, и когда, наконец, дошла очередь до Элики и их глаза встретились, что-то неуловимо изменилось в его лице. Принцесса в силу своей девичьей неискренности не смогла распознать в нем восхищения вместе с вожделением, но это поняла матриарх. Вот тогда под одним взглядом королевы спесь принца немного поубавилась, но вместе с тем вернулся лед его ненависти, словно потоком света ударившего Элику снова.

— Варвар хочет тебя съесть! — засмеялась Ксения, вовсе не обиженная, а скорее польщенная тем, как чувственно он разглядывал ее едва прикрытые откровенным синим платьем формы. Кассий услышал их слова и обернулся на полпути, наградив принцесса тяжелым взглядом. Его боевое ранение скрывала черная туника, и Элика даже выдохнула с облегчением. Никто не будет задавать вопросов.

— Он смотрит, как некоторые мои рабы, которым нужна дрессировка. Ломать такого одно удовольствие, — Ксения облизнула пухлые губы. — Но все же, он очень интересный мужчина. Даже красив, какой-то первобытной красотой.

— Он просто дикарь, — отмахнулась Элика.

Пир шел своим чередом. Участники разошлись по покоям незадолго до рассвета. Всю ночь Элика чувствовала на себе взгляд Кассия и не могла избавиться от смутного чувства опасности.

На следующий день переговоры перешли в завершающую стадию, и соглашения были подписаны. Пять декад, и принц Кассиопеи взойдет на трон, тогда договоренности вступят в силу. Днем гости покидали дворец. Элика не вышла попрощаться с ними. Она наблюдала за их отъездом сквозь ажурные решетки на окнах своих покоев. На миг Кассий оглянулся, точно угадав, где она находится. И вновь поток ненависти и ожидания расправы преодолел расстояние. Принцесса застонала от нахлынувшей паники и обессиленно упала в кресло. И только когда их тени скрылись за воротами дворца, ей стало чуточку легче. Но ненадолго. Она словно задыхалась в помещении. Ксения составила ей компанию в прогулках по саду, ведя на золоченной цепи чернокожего наложника, который с щенячьим обожанием взирал на свою госпожу. У Элики он не вызвал ни малейшего интереса.

А к вечеру прибыл посыльный, вручивший Лэндалу письмо. На границе Атланты и Виларии обострилась обстановка. Кочевое племя антиквов было атаковано неизвестными бандами разбойников. Брат немедля отправил туда посланника и, решив все разведать на месте, собрался ехать сам. Элика запаниковала еще сильнее. Опасность словно витала в воздухе, и еще сильнее она ощущалась после отъезда делегации из Кассиопеи. Вечером она, не выдержав, пришла к брату сама.

Лэндал был в прескверном настроении. Невольница Алия спустя всего неделю в объятиях принца возгордилась. Все из-за того, что ей не дозволено было присутствовать на вчерашнем пиру. Ну, хозяин не стал терпеть рабские капризы. Десять плетей, но так, чтобы не испортить кожу, и никак иначе. Впрочем, при виде любимой сестры его лицо просияло.

— Эл, свет моего сердца, что привело тебя ко мне в столь позднее время? Признаться, я собирался готовиться ко сну, чтобы выехать завтра с рассветом.

Элика уняла бешеное сердцебиение и отрешенно опустила на софу.

— Возьми меня с собой, мне страшно.

Вот так, бесхитростно и откровенно. Лэндал ухватил ее ладони, ловил ее взгляд, пытался согреть дрожащие пальцы и защитить от неизвестной, но осязаемой тревоги, осторожно расспрашивал, но Элика устало опустила глаза. Завтра, в дороге. Все завтра. Она уже собралась было уйти, но повернулась в дверях.

— Эта девочка, Алия... Я могу ее увидеть?

Зачем ей это понадобилось, она и сама не знала. Она не обращала внимания на наложниц и практически не интересовалась их жизнью, но словно сам властитель тьмы толкал ее в спину, направляя в покои фаворитки. Жалость? Нет, нечто другое...

Белокурая рабыня не спала. Она лежала на шелковых покрывалах, уткнувшись лицом в подушку, спину закрывал мокрый отрез ткани, чтобы заглушить боль от порки. Плечи девушки, почти ровесницы Элики, дрожали от неудержимых рыданий. При виде принцессы она попыталась вскочить и опуститься на колени, но Элика жестом удержала ее.

— Лежи. Не двигайся. Тебе сильно больно?

— Госпожа! — рабыня всхлипнула. — Эту боль не сравнить с душевной... Я обидела повелителя! А он был добр ко мне!

— Алия, то, что с тобой сделали... Это сильно ужасно? Помимо боли. Ты понимаешь меня?

Но Алия не шла на контакт. Элика расстроилась. Она не знала, почему это ей так важно, но рабыня повторяла бессвязный бред о своей вине и недостойности. Да она уже по уши влюбилась в моего брата, осознала принцесса. Ей что боль, что ласка, все едино. Непостижимо... Почему она, принцесса, почувствовала боль рабыни как нечто близкое ей,

больше чем прежде?! Вопросы остались без ответа. Пообещав прислать девушке болеутоляющую настойку, Элика вернулась к себе. Разрешение матриарх на отъезд она получила заранее, даже не зная решения брата. Мать всегда одобряла подобные поездки, так как это являлось одной из обязанностей будущей королевы. Приняв успокаивающих капель впервые в жизни, Элика вскоре забылась безмятежным сном.

Глава 3

Розовая полоса зари постепенно захватывала горизонт, смывая предрассветные сумерки. Молодая принцесса деловито гарцевала на вороной чистокровной кобыле, носившей имя Захватчица Ветра, наблюдая за последними приготовлениями в путь к границе империи. Крытые повозки содержали в себе провиант, монеты солнечного металла, а также оружие, арбалеты и колчаны стрел, традиционное оружие дружественного племени антиквов. Несмотря на незначительный ущерб, причинённый набегами разбойников, Элика настояла на увеличении размера продовольственной и вооруженной помощи, справедливо предвидя возможные атаки чужаков на жителей приграничной территории. Также с ними в путь отправлялись пожилой воин Гаррек и гений тактики и стратегии боя Ассилия, уступающая в мастерстве только подопечным Фабии, самому опасному и сильному легиону Атланты. Будущая королева предусмотрительно решила обучить мирных торговцев антиквов самозащите. Четыре декады лучшие наставники дворца проведут с ними, обучая их владеть оружием, давать отпор набегам, а в случае необходимости самим дать бой. Привилегированные воительницы по распоряжению матриарх оставались в королевстве. Вчерашний договор с Кассиопеей требовал подготовки, но Элика и не настаивала на эскорте телохранительниц. Все же Лэндал, известный дополнительной предосторожностью, включил в караван шестерых воинов своей личной гвардии. Сперва он настаивал на двенадцати, но Элика убедила его оставить их для дополнительного наблюдения в организации портовых работ ввиду скорого прибытия Кассиопейского торгового флота. Девушка чувствовала себя гораздо лучше, даже посмеивалась в душе над своей вчерашней тревогой. Сон унес с собой поразительную резкость событий вчерашнего дня, и они сейчас казались приглушенными, нереальными, а угрожающие взгляды выскочки — принца вызывали, помимо совсем небольшой тревоги, даже приятное злорадство. Да и вспоминать о них пока не приходилось. Элика с высоко забранными на затылке черными волосами, заплетенными в длинную косу, в парадном наряде амазонки-воительницы из черно-красной кожи, подчеркивающими ее королевский статус, с закинутым на спину арбалетом вместе с колчаном золоченых стрел, могла бы сразить любого противника одним своим видом. Воины, привыкшие к обилию красивых женщин, которыми так щедра была империя Атланты, с трудом скрывали свое восхищение при виде принцессы. Девушка в пятнадцать лет вступила в брачный возраст, но искать себе вольного спутника не собиралась еще долго. Хотя, партии, которые ей предлагались, были выгодными до невозможности. Кандидатов в спутники настолько привлекала ее красота, что они готовы были сложить все свои земли к ногам юной принцессы, ничего не получив от Атланты взамен, только за право подарить наследников самой прекрасной невесте этой империи. Возможно, именно такими предельно выгодными союзами гордой матриарх Лаэртии, как до нее ее матери Атлантиды и пробабке Целии удалось достигнуть небывалого рассвета империи, приумножив ее территории и богатства. Королева в обоих случаях вольных союзов следовала лишь своему сердцу. Отец Ксении был воином Кардинии, которая после его гибели во время природного катаклизма принадлежала Атлантиде. Своего же отца ни Элика, ни Лэндалл не знали, хотя унаследовали от него зеленые глаза, темные волосы и несокрушимую волю. Матриарх всегда отзывалась о нем с теплом. Захваченным военнопленным попал к ней Дмитрий, загадочный мужчина без племени и рода, прибывший из иного мира. Несметное количество мер масла потратила

Лаэртия, дабы сломить сильного воина, но он не смирился, не сломался, сдавшись только самой сильной и красивой любви к жестокой, но такой желанной королеве. Одному Анталу ведомо, чего стоило Лаэртии впоследствии отпустить его назад, в его загадочный мир иной реальности, один Лакедон знал, чего стоило мужчине покинуть свою горячо любимую королеву, но вместе они не могли остаться, дабы не нарушить единый абсолют соприкасающихся измерений. Элика видела его всего раз. На небольшом отрезе странного, гладкого как стекло пергамента, на котором, казалось, застыл плоским изображением абсолютно живой человек. Самому гениальному художнику десяти континентов никогда не воссоздать подобного рисунка, как ни пытались они это сделать.

Принц Лэндал перед отъездом, не сдержавшись, все же навестил наказанную вчера за дерзость Алию, и находился в не менее прекрасном настроении, чем его сестра. Они любили бывать в пустынном селении антиквов, где большие шатры, казалось, подпирают небо, а звезды ночью кажутся такими низкими, что их можно достать рукой, где у костров льется рекой вино из диких плодов, а традиционные танцы девушек завораживают своей грацией. Где гордая принцесса без зазрения совести превращается в ребенка, танцует у костра вместе с юными невестами, плещется в прохладной воде оазиса обнаженной, а утром, в предрассветных сумерках, в компании лучших охотников, завернувшись отрезом белого полотна, чтобы не слепил глаза песок пустыни, преследует спустившихся на равнину горных карелов (вид горных антилоп), чтобы подстрелить самую молодую самку с наиболее сочным мясом, а потом лакомиться этим блюдом, приготовленным на костре. Принца и принцессу приграничные жители любили до безумия, молясь день и ночь великому Анталу за здоровье королевы и ее детей, сильного воина и будущей матриарх. Рассвет утвердил свою власть над небом империи окончательно, когда караван двинулся в путь.

Город только просыпался, когда они выехали за его пределы и ускорили передвижение. Крестьяне, работающие в полях, рыбаки, патрульные отряды воительниц, встречавшиеся на их пути, почтительно приветствовали караван правящей династии, желали счастливой дороги и скорого возвращения. Посоветавшись и рассчитав, что, если не будут разбивать лагерь в лесу с целью трапезы, они придут в приграничные земли к вечеру, Элика распорядилась сделать кратковременную остановку у жителей лесов, чтобы подкрепиться и дать небольшой отдых лошадям. Лесные Оциллы, как называли себя лесные охотницы, живущие обособленной женской общиной и снабжающие дворец лучшей дичью и древесиной, были восхищены пожаловавшей к ним королевской делегацией. Только полмеры масла назад один из воинов каравана, высланный вперед, принес главе общины известие, что на полуденную трапезу пожалуют принц и принцесса Атланты со своим сопровождением, как девушки хлопотали над щедрым угощением, и к прибытию Элики с братом уже был накрыт богатый стол, уставленный блюдами жареной дичи, ягод, орехов и свежельвленной рыбы. Лэндал и все мужчины из свиты были тотчас окружены плотным кольцом хороших Оцилл, с восхищением взирающих на статных свободных мужчин империи. Принц купался в их запредельном обожании, раздавая бусы из поделочных минералов и сладкие лакомства из засахаренной гуавы, а Элика, которую развеселила эта ситуация, поспешила к Роксане, главе общины, с дарами, состоявшими из оружия и, чего уж там, связок бус. Гордые и свободолюбивые, Оциллы все же оставались женщинами. Роксана была восхищена подарками и теплым вниманием принцессы. Она почтенно протянула ей кубок сока огненных деревьев, от которого по телу сразу побежало тепло, а в сознании появилась удивительная хмельная легкость. Впрочем, эта немолодая, но величественная

женщина выглядела слегка взволнованной, что не укрылось от принцессы.

— Чужаки прячутся в чащах леса, — поведала она. — Трое воинов и с ними двое наемников, неизвестного рода и племени. Засаду держали они на вашем пути две меры масла тому. Мои девушки преследовали их до территории арденов, дальше не позволил пакт о ненарушении границ. Один воин ранен. Впрочем, не отбивались они, а только уходили от погони. Все очень странно. Невооруженные чужаки были схожи с работорговцами. Черные одежды, а на лице растительность. Чужаки, никогда не встречали мы никого подобного. Смута лежит у меня на душе, принцесса. Разреши дать тебе в сопровождение несколько своих охотниц?

— Нет, Роксана, не стоит... У меня шестеро воинов, два опытных наставника, которые в случае нападения тоже возьмутся за оружие, да и мы с братом тоже бездействовать не станем. Твои девушки пусть будут вооружены и готовы дать отпор, а также несут ночью караул. И стоит отправить весть арденам, что чужаки на их территории. Сейчас лучше держаться вместе. — Элика насильно подавила в своей душе звонки тревоги. Отрицателем (самоубийца) надо быть, чтобы препятствовать королевскому каравану на пути, казнь за такое неминуема. — Все обойдется, а я, признаться, умираю с голоду, да и мои люди, боюсь, пали жертвами чар любви твоих кошечек.

Роксана рассмеялась, оценив чувство юмора принцессы, и вскоре они приступили к сытной трапезе. Элика едва сдерживала смех, наблюдая за девушками, которые из кожи вон лезли, заигрывая с воинами и принцем. Когда пришла пора уезжать, две совсем молоденькие аборигенки, выскочив из кустов, молниеносно водрузили на голову принца, Геррика и еще двоих самых симпатичных воинов венки из лесных цветов, и тут же поспешно скрылись в чаще. Полторы меры масла спустя Элика все еще не могла сдержать смех, вспоминая об этом происшествии. Лэндал так и ехал с венком алых орхидей на голове, и если на нем он смотрелся гармонично, то видеть хмурого Геррика и широкоплечих воинов в уборах из цветов было донельзя смешно. Но снять их они не решались, поскольку сам принц не торопился этого делать.

Вспомнив опасения старейшины Роксаны, Элика осадила Захватчицу Ветра и поравнялась с братом.

— Вот что, дух лесной цветочной поляны. Чужаки пытались поставить засаду на нашем пути. Оциллы не смогли их догнать, но одного ранили. Вели своим воинам быть наготове, и пусть, наконец они снимут с головы эти дары леса!

— Может, нам удастся этим очаровать наших недругов? — пошутил принц, но тут же вмиг стал серьезным. — Геррик, Дан, у нас, похоже, нежелательное сопровождение. Поедете вперед. Да, и тиары снимите, а то, смею остерегаться, Оциллы устроят бой за каждого из вас.

Но вопреки всем мерам предосторожности, а может, и благодаря им, ничто больше не препятствовало пути каравана. Элика зорко вглядывалась в заросли леса, гладкие плато поσεων и едва различимые тропы гор, но никто, кроме двух пастухов, попавшихся на пути, больше не нарушил их покоя. Первая вечерняя звезда засияла на небосклоне, когда они, наконец, прибыли в селение антиквов. Высланные вперед воины меру масла назад достигли цели путешествия, и в общине уже вовсю шли приготовления к встрече гостей. Принц и принцесса были встречены ритуальным танцем, после которого женщины проводили Элику в богато убранный шатер смыть дорожную пыль и переодеться, а Лэндал поспешил к старейшине племени вручить дары и узнать последние новости.

Почтенный вождь антиквов встретил его отеческими объятиями и выразил восхищение тем, как о быстро сын правительницы отреагировал на его весть, ибо ждали они их только в лучшем случае спустя два круговорота солнца. (сутки)

— Разве гонец не сообщил вам о моем скором прибытии? — почувствовал недоброе принц.

— Нет, мой мальчик, — удивился почтенный вождь. — Никто нам не принес вестей о том, что вы уже в пути. Возможно, что-либо задержало твоего посланника?

— Он отбыл чуть больше половины круговорота солнца тому... — Ничто не могло задержать посланника, к тому же, путь которого не был отягощен караваном, а конь был одним из самых быстрых во всем дворце. Тревога охватила Лэндала, но он мастерски скрыл это под маской невозмутимости. Стоило ли говорить об этом Элике? Нет, пожалуй, нет. Она еще и так не совсем отошла от вчерашнего визита этих дикарей из Кассиопеи. Но отсутствие гонца, непонятные преследователи... Не стоило уступать сестре, которая оставила еще шестерых воинов во дворце!

Принц овладел собой окончательно лишь спустя четверть меры масла, выслушав рассказ вождя и подоспевших старейшин о набеге разбойников, угнавших трех чистокровных скакунов и ранивших в ногу следопыта. К счастью, больше никто не пострадал. Лэндал доверительно поведал вождю о заключении торгового договора с Кассиопеей и о схватке сестры с чужеземным принцем. Он находил историю с варваром, который теперь носил на груди метку Атланты забавной, но вождь Артебий не разделил его веселья по этому поводу.

— Не стоило так унижать чужеземного принца... Тем более женщине. Это смертельное оскорбление для этого их народа. В далекие времена, в пору своей беспечной юности, мой мальчик, знавал я одного доблестного воина этой загадочной страны. Я спас его от нападения чужаков, и мы скрепили свой союз кровью как равные братья, благословит Антал его дух. Зиму провел я в его доме как почетный гость, изучив их нравы и обычаи... Честь воина неприкосновенна, и любое посягательство на нее карается жестоко. Он при мне тогда обезглавил торговца, пытавшегося продать ему просроченный товар. А юную деву из бедного сословия, грубо осмеявшую его ухаживания, обратил в рабство. Нет, он не был жестоким человеком. Но негласные традиции довлеют над этой страной. На рынке Семивзморья рабам, особенно юным девушкам проще принять смерть, чем оказаться собственностью кассиопейца. Женщина настолько не равна мужчине, что ее можно купить лишь за пару лошадей не самой чистой крови, а появиться в городе без сопровождения мужчины подобно смерти. Как бы не процветала их культура, архитектура и экономика, в некоторых вещах они остаются варварами. Месть для воинов возведена в ранг высшей добродетели, и если не свершилось воздаяние за запятнанную честь, не будет после смерти их духу покоя, — вождь прикурил длинную трубку, набитую горными травами и глубоко задумался. — Но полно об этом. Восхищаюсь будущей правительницей, которая не позволила оскорбить себя, к тому же прилюдно. Да и договоренности заключены, к тому же происшедшее не получило огласки.

— Не стоит об этом, действительно, — Лэндал поднялся на ноги. — Со мной прибыли два лучших дворцовых воина, которые обучат каждого владению оружием и окажут помощь в случае нападения. Я же в свою очередь усилю патрули у границ империи и вышлю армию прочесать близлежащие горы, больше разбойникам негде укрыться. А сейчас, полагаю, должен начаться пир, я прав?

— Да, мой мальчик. Полмеры масла и мы приступаем. Твой шатер готов, он рядом с

шатром принцессы.

Нереально красивая атланская ночь опустилась на горячие пески пустыни, расписав небо россыпью звезд, таких низких, что, казалось, они ложились мантией на плечи. Даже яркое пламя костров не смогло загасить их прелести. Отдохнувший и посвежевший после ванны принц появился на пиру как посланник Антала, во всяком случае, такой прием ему оказали. Элика была уже там, отдыхая после быстрого танца невест местного племени. Веселая, красивая первобытной красотой вольной женщины восседала она в шкурах горного льва, окруженная девушками в ярких бусах, которыми она же сама их щедро одарила. При появлении принца из ее новоиспеченной свиты отделилась невысокая, гибкая брюнетка с коротко стриженными по обычаю антиквов кудрявыми волосами и, подбежав, едва не повисла на его шее, но тут же, вспомнив о церемониале, низко поклонилась, приложив руку к сердцу. Тревоги Лэндала мигом испарились.

— Тесса, ты ли это? — просияв, он обнял юную красавицу. — Ты все краше с каждым днем!

Они были друзьями детства. Совсем недавно оба поддались первому чувству юношеской влюбленности, но ничего из этого увлечения выйти не могло. Свободолюбивая Тесса не выжила бы в гареме принца, да и он не желал для нее подобной участи, а заводить вольную спутницу ближайšie десять зим не собирался. Как полагала наблюдавшая за ними Элика, это было к лучшему, уклад дворца разрушил бы очарование романтической влюбленности... Или убил бы ее окончательно. На миг перед ее глазами возникла рыдающая в подушку Алиа с исполосованной плетью спиной. Неприятная дрожь пробежала по телу принцессы. Хуже рабства может быть только смерть.

А пир продолжался. Вольные люди пустыни во главе со своими правителями пили вино, лакомились нежным жареным мясом горных карелов и наслаждались веселой безмятежностью ночи пустыни. Сменяя друг друга, выходили в круг музыканты, танцоры, сказатели легенд. Прорицательница племени, старая Эрта, передвигалась между пирующими, предсказывала им долгие зимы жизни, благоразумно отказываясь от вина. Вскоре она приблизилась к Элике. Принцесса слегка захмелела от выпитого перебродившего сока горных фруктов, и появление оракула вызвало в ней жгучий интерес.

— Утешь же свою будущую матриарх сорванной завесой грядущих тайн мироздания! — потребовала девушка, протягивая ладони. — Завоюет ли правительница величественной Атланты дальние земли, с этой варварской Кассиопеей впридачу? Даст ли мой грядущий вольный спутник этому миру правительницу под стать мне?

Молодые дочери антиквов замерли, и в их глазах загорелось жгучее любопытство. Никто не заметил, как смутилась Эрта.

— Имею ли я право раскрывать посланнице Антала, великой принцессе ее путь? Разве не боги пижут ее жизнь своими перстами? — попыталась возразить прорицательница.

Элика подалась вперед, не отнимая рук.

— Я даю тебе это право, высокочтимая провидица! Право первой открыть принцессе славу ее пути правления!

Элику поддержали девушки, многим из которых уже были приоткрыты тайны их жизни. Никто не заметил, как сникла старуха, но отказать не посмела. Послушно села на освободившееся место среди шкур и накрыла ладони принцессы своими. Потекли минуты ожидания. Вдруг провидица отдернула сморщенные ладони, словно обжегшись.

— Покиньте нас! — велела она девушкам. Те усталились на Элику, но она лишь

нетерпеливым жестом приказала им удалиться. Лэндал оторвался от Тессы, почуяв неладное, и незаметно подошел ближе к сестре. Эрта прочла неразборчивое заклинание и вновь накрыла руки принцессы. Элика в предвкушении открытия тайн даже зажмурилась. Цепкие пальца оракула, сперва поглаживающие ее ладони, начали постепенно сжиматься, пока девушка не зашипела от боли в сжатых запястьях и не открыла глаза. Хватка не ослабла. Провидица раскачивалась из стороны в сторону, и когда ее тяжелые веки поднялись, Элика вскрикнула. Глаза старухи закатились, являя взору лишь белые склеры без зрачков. И тогда она заговорила, чужим, словно замогильным голосом, раскачиваясь и едва поспевая произносить слова.

— Тьма приблизилась к тебе, и нет отступления, и не укрыться от гнева приспешников Лакедона, юная принцесса на коленях у ног властителя подземного царства, рабой она войдет в его чертоги и не сможет оказать сопротивления, сломленная пыткой и несокрушимой силой. Слезы и боль на ее пути не высохнут, пока всепожирающим огнем не сметет она с лица земли приспешника бога тьмы, который будет любить ее не ради себя и величия, и этим делать ее страдания непереносимыми. Его любовь не награда, его страсть ужасное наказание, и не будет пути назад и иного выхода кроме пожирающего пламени!

Элика закричала от ужаса, но запястья обезумевшей старухи сжались сильнее, словно обжигающая волна накрыла девушку... Огонь полыхал в ее груди, причиняя сильную боль, шею жгло холодом металла, как и запястья, и вдруг ясная, четкая картина предстала ее взору... Обнаженная, униженная, побежденная у ног мужчины, плетью в его руках замерла над ее поверженным телом, и нет сил убежать, так держат ноги тяжелые цепи... Она не видит его лица, под страхом пытки ей нельзя смотреть, она лишена этого права... Миг, и тяжелая нога прижимает ее шею к полу, и тьма заполняет сознание... И последнее, что она видит, ледяные, серые глаза, в которых ни грамма сочувствия, только обжигающая ненависть и вместе с тем безумное восхищение... Ее душераздирающий крик, песня боли, отчаяния и безысходности летит над ночной пустыней, и меркнут звезды, отдавая ее тьме...

Элика очнулась. Она не знала, сколько пролежала в беспомощности. Первое, что она увидела, это брата, руки которого сжались вокруг шеи провидицы. Он в ярости тряс старую женщину, но никто не посмел вмешаться.

— Что ты ей наговорила, безумная колдунья?! Что ты ей сказала? Забери тебя Лакедон, что ты с ней сотворила?!

— Оставь ее! — прохрипела Элика, поднимаясь на локтях. Лэндал отшвырнул Эрту от себя и упал на колени возле сестры. — Эл, маленькая моя, что с тобой?! Что ты видела? Эта ведьма перебрала огненного эликсира, не смей слушать ее! Он гладил ее волосы, плечи, укутывал дрожащую девушку шкурами льва, поил настоем из трав, пока Элика окончательно не пришла в себя. — Эрта, — позвала она, зябко кутаясь в шкуру. — Эрта, я благодарна тебе. Я предупреждена теперь. Выбери самую большую из слез пустыни, которые я привезла с собой, и храни его как дар твоей будущей королевы. Оракул пала ниц, целуя руки принцессы. И, незаметно для всех, прошептала:

— Но и сладким будет твое заточение в чертогах неволи, а империя во главе с тобой достигнет небывалого величия, о, посланница Антала! Ты все преодолешь!

Элика велела антиквам продолжать пир, заверив их, что ничего не произошло, и позволила брату унести себя в шатер. Усталость и напряженность последних событий начали действовать, и принцесса забылась беспокойным сном. Она проспала круговорот солнца, чем сильно обеспокоила принца и жителей пустыни. Когда же проснулась,

оказалось, что принц и все мужчины общины, а также воины дворца напали на след орды разбойников и намеревались дать бой. Они вернулись лишь днем, но врагов антиквов и следа больше обнаружить не удалось. Как сквозь землю канули. Лэндал был озабочен этим. Следовало возвращаться во дворец за подкреплением. Шестеро воинов, очень мало. Элика поддержала его решение, чувствуя, что только в стенах дворца она будет в безопасности. Силы к ней вернулись, но паника и тревога просто опустошали душу, она гнала прочь слова Эрты и свое видение.

Вечерело, когда брат с сестрой отправились в обратный путь. С ними поехали трое воинов, остальных оставили в селении на случай внезапного нападения. Караван не задерживал их пути, и попасть во дворец они намеревались задолго до рассвета. Захватчица Ветра неслась во весь опор, Элика словно хотела убежать от страшного пророчества, с замиранием сердца отмечая каждую преодоленную милю и не замечая эскорт из двух воинов. Лэндал либо не поспевал за ней, либо переживал молча, не желая надоедать расспросами. Но на самом деле он просто не хотел показывать сестре свою тревогу, которая, казалось, зависла в ночных сумерках неосвязаемым маревом...

Элика рассеянно вглядывалась в спускающуюся ночь, отгоняя тягостные мысли, рисуя в воображении картины своего будущего правления. Казалось, все нюансы давно были разложены по полочкам. Не менее четырех зим править она будет под зорким надзором матриарх, и не все ее планы удастся осуществить в эти годы, но принцесса понимала, что такое положение вещей очень правильное. Четыре зимы она будет совершенствовать свой опыт и знания, учиться принимать правильные, не всегда приятные решения и завоевывать авторитет своего народа. Да, его любовь с ней с рождения, но заслужить абсолютное поклонение возможно лишь со временем. Только тогда ей откроются иные горизонты, лишь спустя время любое ее решение будет встречено радостью народа, лишь тогда она позволит себе смелую ломку стереотипов, как и Лаэртия Справедливая в свое время. На начальном пути ее восхождения подданные наверняка бы осудили возвышение бывшего раба до вольного спутника королевы, но в союз с отцом Элики и Лэндала матриарх вступила, находясь на высшей степени пьедестала, и та же элита, поначалу презиравшая безымянного раба без роду и племени, вскоре всем сердцем полюбила его так же, как и свою королеву.

Впрочем, не любовные союзы занимали юную принцессу. Ее амбиции были куда шире. Расширение границ империи. Вот, что ее по-настоящему интересовало. Войны. Завоевания. Да, пусть. Кровь. Смерть. Нет, она не была жестока. Она просто безумной любовью пылала в Атланте и хотела только мира и процветания всем ее жителям. Матриарх была осторожна, предпочитая дипломатию. Что ж, это ее право. Элика не верила в силу соглашений. Последний договор с Кассиопеей вызывал в ней бурный протест. Почему просто не прийти и не взять слезы пустыни силой? Зачем пускать чужаков в порты Атланты? Но, привыкшая видеть грани пирамиды под разными углами, девушка понимала, что ей вскоре предстоит понять все мотивы и найти в них разумность.

Дан, воин-телохранитель, стреножив лошадь, повернулся к принцу. Элика незамедлительно подъехала ближе.

— Что случилось?

— По пустоши будто бегут огоньки, моя принцесса. Миг тому они погасли, как будто отреагировав на наше приближение.

Лэндал нервно дернул плечами. Элика, поскольку не была поставлена в известность о пропаже посыльного, не поддавалась панике.

— Мы на торговом тракте? Может, купцы решили заночевать в поле? Пастухи? — предположил принц.

— Но пастухи знают, что заходить на равнины близ дороги им не дозволено, — заметила принцесса. — Дан, скачи туда и выясни, кто имел смелость стать у нас на пути. Если все хорошо, зажги факел и опиши им дважды круговорот.

Лэндал повернулся ко второму воину.

— По левую длань пролесок, нужно убедиться, что там не обосновались нежданные гости. Поедешь через заросли и присоединишься к Дану. Ты, — кивок третьему телохранителю, — остаешься с нами, на случай, если это засада.

— Как и говорили Оциллы... — задумчиво произнесла Элика. Она старалась не вглядываться в погруженную в темноту равнину вокруг их группы, где, как ей казалось, по земле скользили бесшумные тени. Впрочем, это могло быть всего лишь игрой зрения, ибо

Лэндал ничего не заметил. Воины удалились. Их очертания мгновенно растворились в непроглядной ночной тьме. Принцесса отогнала тревогу и, сняв с плеча арбалет, натянула тетиву стрелой. Лэндал обнажил меч одновременно с оставшимся воином. Осталось только ждать.

Время тянулось медленно, глаза быстро уставали, ибо в темноте безлунной ночи разглядеть что-либо было трудно. Принцесса вглядывалась вдаль равнины в ожидании условного сигнала, но тьма не озарялась долгожданной вспышкой. Дан уже должен был быть на месте! Почему он медлит? Все произошло молниеносно. Пламя вспыхнуло вовсе не там, где должен был находиться первый воин. Пролесок! Элика замерла, но тут же ее слуха достиг отчаянный крик.

— Эл! — крикнул ей Лэндал в спину, но было поздно. Захватчица Ветра уже во весь опор неслась туда, погоняемая принцессой. Элика поддалась этому порыву. Ветки хлестали ее по лицу, кобыла спотыкалась в непроглядной чаще. Сжав ее бока ногами, девушка вновь натянула стрелу, и как раз вовремя. Яркое пламя на миг ослепило ее, но она уверенно спустила стрелу. Почему-то ей даже на ум не пришло, что это мог быть воин из ее свиты. Раздался вопль и смесь фраз на неизвестном наречии, и факел вылетел из руки нападающего. Чужак! Огонь озарил небольшую поляну пролеска.

Воин — телохранитель лежал в кустах в неестественной позе. Не отдавая себе отчета, Элика спрыгнула на землю и подбежала к нему. Ярость застыла на суровом лице мужчины, а из перерезанной артерии хлестала кровь... Все мысли об опасности разом вылетели из головы Элики. Хоть бы он был еще в этом мире, на крайний случай, хоть бы его дух не успел отлететь далеко! Молодая женщина упала на колени в траву рядом с воином и поспешно опустила его веки, поцеловав свои пальцы.

— Прими священный Антал дух храброго свободнорожденного воителя, повелителя боя и сечи, проводи его в светлые чертоги согласно пути его на земле, по твоей воле прерванного, и возвысь согласно его заслугам!

Хотелось плакать, но Элика взяла себя в руки, вдруг с ужасом осознав, что она совсем одна. Ни Лэндал, ни оставшийся с ним воин не последовали за ней! Факел догорал на земле, тьма сгущалась, а ощущение не одних чужих глаз кололо в спину. Собрав остатки самообладания, девушка вновь заправила арбалет. Чужой взгляд скользил по ее ногам, поднимаясь выше... Еще выше... Пора! Быстрый свист, и стрела нашла свою цель. Никаких криков, лишь шум упавшего тела... Где еще?! Почему они не смотрят! Хотя вот... По правую руку... Но бегающий взгляд все не позволял рассчитать траекторию. Паника охватила принцессу. Она выстрелила наугад, и, похоже, мимо.

Мысль о том, почему никто не нападает, пришла ей в голову слишком поздно. Она была сейчас идеальной мишенью на освещенной поляне, но никто не стрелял и даже не выдавал своего присутствия... Захватчицы Ветра не было видно нигде. Паника охватила принцессу.

— Лэндал! — отчаянно закричала она. Бежать! Да она из ума выжила, направившись сюда одна! Понятно теперь, почему матриарх запрещала ей бывать с братом в набегах. Ее импульсивность поставила бы под угрозу любую военную операцию. Закинув малоприспособленный в подобных условиях арбалет за плечо, Элика свистнула, призывая Захватчицу Ветра. Тишина. Лишь скрип догорающего факела. Опасность сгущалась, усиливая панику, и девушка, обнажив небольшой клинок, устремилась в темную чашу и побежала, не взирая на хлесткие удары веток и неровный рельеф под ногами. Внезапно вспышка боли, словно обручем, сжала ее голову, и тьма окончательно сгустилась, а ноги

почему-то потеряли способность двигаться. Вслед за этим все медленно заволокло густым туманом, и только колени ощутили твердую землю, перед тем как сознание окончательно ушло...

Пробуждение было болезненным. Голова словно раскалывалась на мелкие осколки, и непонятная тряска усиливала болевые ощущения. Вокруг темнота, непонятный скрип и чей-то жалобный плач. Элика, жмурясь от боли, попыталась встать, но ей это не удалось, локти не слушались, и она вновь упала на бок. Только руки словно резануло чем-то острым. Сжав зубы, чтобы не стонать, принцесса всмотрелась в дальний угол непонятного помещения, где, как ей показалось, замерли два силуэта. Все потихоньку становилось на свои места. Видимо, она в повозке, которую трясет на ухабах дороги. Странно, откуда? Антиквы прислали? Наверное... Что-то зашевелилось в углу. Элика вскинула было руку, чтобы ухватить клинок, излишне резко, и боль в запястьях стала невыносимой, притом, что руки даже не пошевелились. Связана!

Приблизившаяся к ней тень оказалась хрупкой девушкой с длинными темными волосами в одежде крестьянок империи. В темноте невозможно было в деталях разглядеть черты ее лица, Элика заметила протянутые к ней руки, неестественно сближенные вместе... Тоже связаны, просто опутаны веревками, притом грубый отрезок прикреплен к шее и обвивает ее в несколько рядов. Элика ощутила ужас.

— Ты очнулась! — обрадованно произнесла девушка, склоняясь ближе. — Мы думали, ты никогда не проснешься!

— Где я? — принцесса вновь попыталась подняться, и незнакомка, обхватив ее за плечи, помогла сесть на жесткой лежанке. Постепенно глаза осваивались с темнотой, и Элика смогла рассмотреть, что ее новая знакомая хороша собой, а в ее взгляде светится огонек надежды. Принцесса не успела об этом задуматься, девушка сама пояснила свою едва скрываемую радость. — Ты воительница! Я сразу поняла, увидев твое платье. Они забрали твое оружие, когда привезли сюда, но, говорят, вы умеете убивать голыми руками, и мы теперь спасены! Ты же поможешь нам сбежать отсюда, правда? Ни одна женщина Атланты еще не была обращена в рабство! У них несколько лошадей, я пока еще не разобрала, сколько воинов, предводитель и наемники, жуткие дикари! Ночь на исходе, днем нам, может, не удастся, но они же когда-нибудь остановятся на отдых?

— Как тебя зовут? — морщась от вновь вспыхнувшей головной боли, спросила Элика.

— Алтея, благородная воительница. Она, — девушка кивнула в угол, где все еще раздавались сдавленные всхлипы, — Кальвия. Она напугана очень, ей еще нет пятнадцати зим... Эти дикари, наемники, недавно хотели ее раздеть... Только предводитель им помешал. Он говорит на нашем языке.

— Предводитель? Вы его хорошо рассмотрели? Кто он?

— Он не похож на варвара, воительница. Он даже угрожал смертью тому, мерзкому, что хотел раздеть Кальвию. Он хорош собой, похоже, что не жестокий человек, и у него выправка воина. Возможно, если вы с ним поговорите... Поясните, что похищение дочерей Атланты есть священное оскорбление для империи, он к вам прислушается?

— Возможно. Пусть твоя подруга тоже подойдет. — Элика повернулась вполоборота. — Смотри, ты можешь развязать эти веревки? Ты спереди связана. Потом я освобожу вас. Алтея, бросив быстрый взгляд на узел, покачала головой.

— Мы пытались. Но это затяжной узел, развязать невозможно, от попыток он лишь сильнее затягивается.

Затяжные узлы можно было только разрезать. Подошла заплаканная Кальвия. Ее руки были связаны за головой и притянуты к веревочному ошейнику. Теперь понятно, почему девушки больше не пытались освободиться, наверняка при попытках удушье становилось все сильнее. Элика забыла про страх, в ее груди полыхали лишь гнев и решительность. Она лично вырежет сердце того, кто осмелился связать и лишить свободы дочерей империи! Но это потом. Сейчас надо понять, как вырваться отсюда. Она их будущая королева, хоть они об этом даже не подозревают, но обе надеются на нее, чувствуя в ней сильную.

— Пить, — распорядилась принцесса, особо не удивившись, когда Алтея, у которой была большая свобода движений в силу связанных впереди рук, тотчас принесла ей воду, расплескав немного по дороге от сильной тряски, и протянула глиняную миску к губам Элики. Утолив жажду, Элика задумалась.

— Миски? Кубков они не оставили?

Лицо Алтеи посерьезнело, по нему пробежала тень негодования.

— Они хотели, чтобы мы пили и ели из этих мисок без приборов, как животные или рабыни! Мы отказались, лучше погибнуть с голоду!

— Верно, — усмехнулась принцесса. — Но погибать с голоду нам не придется. Алтея, ты будешь нашими руками. Попробуй расколотить эту миску, нам нужны осколки. Кальвия, прекрати плакать. Варвары не достойны видеть слезы дочерей Атланты! Соберись! И попытайся вспомнить, что ты видела, обращались ли они к предводителю по имени, может, проговорились, куда держат путь, и с какой целью мы здесь. Алтея, ты тоже.

— Мы заночевали в лесу, — начала Кальвия, поборов рыдания. — Возвращались с рынка столицы, торговля в эту декаду шла очень хорошо. Мы даже не думали, что в этих краях на нас могут напасть, выбрали быстрый путь, к полудню круговорота должны были быть в деревне... Алтея стояла в дозоре, но они... Их было очень много. Что она могла с клинком против целой орды? Мы отбивались, но силы... Силы не равны... Нас скрутили прямо там и затолкали в повозку. Когда один из тех иноземцев, говорящий на ином языке, замахнулся на мою подругу плетью, предводитель копьем скинул его с лошади и велел держать руки подальше. Они долго спорили. Потом он заговорил с нами. Имени не назвал. Сказал, что если мы будем покорны, ничего плохого с нами не случится, поклялся неведомым божеством. Когда воины нас связывали, доверительно сказал, что это вынужденная мера... Вот и все...

— Алтея, ты сказала, он хорош собой? Опиши его.

Девушка оставила пока что бесплодные попытки разбить глиняную миску о деревянный настил и приблизилась.

— Он явно аристократ, у него красивая речь, притом очень сдержан, но не жесток. Тело воина, а глаза светло-голубые, не такие яркие, как у атлантов, скорее как лед с предгорий, но не холодные... Сказал, что нам предстоит долгий путь, около семи круговоротов солнца, но на наши вопросы о том, что с нами будет, не отвечал...

— Была ночь, когда воины доставили тебя, связанную и без признаков жизни, — робко включилась Кальвия. — Один из них... Воин... Просто бросил тебя с лошади к его ногам. Так вот, вождь был в ярости. Кричал, что ты особая пленница, не достойная такого обращения, на руках унес тебя сюда и пытался привести в сознание. У него не вышло, он был очень обеспокоен...

— Ему стоит беспокоиться сейчас, когда я в сознании, — жарко заметила Элика. — Похоже, у нас немного времени. Как часто за время моего беспамятства он приходил сюда?

— Трижды, доблестная воительница, — ответила Алтея. — Чуть более или менее одной меры масла, и велел его позвать, если ты...

— Вы очень хорошо сделали, что не позвали его, — похвалила принцесса. — У нас немного времени, я права. Нам нужно изучить обстановку. Хорошо бы мне все увидеть своими глазами. Пока остается ждать и наблюдать, скоро мы выберемся отсюда. Только будьте готовы и не выдайте себя...

Элика резко прервала речь. Тканевая завеса фургона отодвинулась в сторону, и в серых предрассветных сумерках в проеме показался мужской силуэт. Принцесса перебросилась с Алтеей вопросительным взглядом, но та лишь отрицательно качнула головой. Нет, это не предводитель.

— Ты очнулась! — с облегчением констатировал мужчина, подходя ближе. — Наш полководец желает видеть тебя. Следуй за мной.

— Да следуй ты сам к Лакедону, властителю тьмы, недостойное животное! — спокойно ответила Элика, скривив губы в натянутой ухмылке. — И желаю по пути провалиться в огненную бездну!

Воин растерялся. Кальвия перестала всхлипывать, а в глазах Алтеи зажглись веселые, но злые огоньки. Обе с любопытством наблюдали за новой подругой по несчастью и потерянным амбалом.

— Я всего лишь выполняю приказ, не следует так браниться...

— Да я это поняла, что выполняешь приказы, великий Антал просто не наградил тебя разумом самому их отдавать! — ядовито продолжала Элика, смело смотря прямо в глаза пришельцу. — А выполни наш? Попрыгай на голове! Я жду!

Алтея залилась смехом, улыбнулась маленькая Кальвия, прижавшись к ноге принцессы, словно ища защиты. Воин вышел из себя.

— Ты пойдешь со мной!

— Связанная не пойду! — заявила Элика. — И на своих ногах тоже. Понесешь!

Воин снова растерялся. Видимо, получил четкие указания не применять насилия. Ну конечно, "особая пленница"!

— Нет дозволения развязать тебя. Прошу, не усложняй свое положение!

— Просишь? Тогда и я тебя попрошу. Отправляйся к своему господину и скажи, что гордая пр... Дочь Атланты не покорила слабаку и трусу!

Воин постоял в нерешительности и растаял в серой мгле. Девушки были в восторге.

— Гордая воительница, вас послал сам Антал! Мы спасены!

— Я сделаю все для этого, обещаю, — серьезно сказала Элика. — Я не знаю, что будет дальше, но обещайте, кто бы следом не вошел сюда, вы не дрогнете, а покажете им, какой силой наградил Антал своих дочерей! Ни одна атланка не стала рабыней чужеземцев! И мы с вами не станем первыми, помните это! А сейчас слушайте меня. У фургона стальной обод. Алтея, попробуй разбить миску о металл, это будет наше оружие. Руки не развязывайте, пока мы не обсудим, как быть дальше. Но тихо! Кажется, кто-то идет сюда.

Вновь занавеска отодвинулась в сторону. Элика придала своему лицу высокомерное выражение, и даже девушки вальяжно развалились на жесткой лежанке, немногочисленная свита будущей королевы, признавшая в ней главную и следующая ее же линии поведения. Вошедший замер на пороге. Что-то в его фигуре показалось смутно знакомым. Длинный плащ на одно плечо не скрывал воинской стати, но лица его разглядеть было невозможно, тьма ее не совсем рассеялась. Миг он испытующе оглядел гордую троицу юных прелестниц,

затем поклонился, следуя обычаю земли атлантов.

— Приветствую тебя, гордая, непокорная воительница, и приношу извинения за то зло, что было причинено тебе этой ночью. Как ты себя чувствуешь?

Все поплыло у Элики перед глазами. Она узнала этот голос. Эту речь... И этот костюм. Он мог принадлежать только им одним! Ужас заливал душу ледяной волной, но принцесса, сглотнув комок в пересохшем горле, четко ответила на приветствие понятным ему одному поэтическим изречением, дерзко выдержав его прижигающий даже во тьме взгляд.

— Ветер твой держит путь, странник, но знай, врага стрелы жестоки! Смертью ответ будет действиям твоим нечестивым...

— Выпьешь еще хмельного сока плодов страсти? — Домиций Лентул до половины наполнил серебристый кубок. Элика перестала растирать затекшие, с вмятинами от веревок запястья, и согласно кивнула.

— Полагаю, стоит.

Легкое вино не смогло помутить ее цепкий, настороженный разум. Она с удовольствием сделала глоток и отщипнула кусочек мяса запеченной на костре птицы. Силы ей пригодятся, не стоит отказываться от еды, и девушкам следует велеть не пренебрегать пищей. Она сдержит данное им обещание, но для этого понадобится недюжинная энергия.

Первый шок и ужас от того, что она в руках помощника этого ужасного кассиопейского варвара, понемногу отступали, да и она ничем его не выдала. Просто сидела рядом на меховых шкурах в шатре полководца, и со стороны, казалось, что велась обычная светская беседа. Про принца Кассия старалась вообще не думать, дабы это не сломило ее мужества.

— Надо иметь недюжинную смелость, дабы осмелиться напасть на особу королевской крови в ее землях, до сих пор не представляю, как тебе это удалось. И где запропастился твой повелитель? Побоялся сам запачкать руки и дожидаться возмездия?

Домиций внимательно смотрел на принцессу. Побеждена, поймана, но не смирилась, и будет бороться до последнего. Он втайне испытал восхищение.

— Он ждет тебя во дворце Кассиопеи. Менее чем через семь круговоротов солнца мы будем там. Ты даже не хочешь спросить, с какой целью все это?

— Да мне все предельно ясно, — нарочито весело отозвалась Элика. — Ему не терпится отправиться к Лакедону, и я ему это устрою.

Домиций подвинулся ближе, успокаивающе сжал плечо девушки. Она отшатнулась.

— Не бойся.

— Мне нечего бояться! — поспешно ответила Элика. — Тебе не удастся бросить меня к его ногам как последнюю рабыню! Лучше опасайся за себя и за своих людей, принцесса Атланты не пойдет добровольно на заклятие!

— Все не так. Элика, не бойся. Со мной ты в безопасности. Никто не причинит тебе вреда. Ешь. Ты, наверное, очень голодна...

— Конечно, конечно никто не причинит! Принцесса Атлантов должна упасть в постель варвара не оскорбленная ничьими руками! Ты это хотел сказать? Домиций, давай начистоту. Мы закончим наш приятный обед, и ты отвезешь меня обратно. Я готова поклясться тебе на крови, что о происшедшем никто не узнает, и наши соглашения будут процветать и развиваться. Это лучший выход. Ты представляешь, что произойдет, когда ваше участие в этом вскроется? Если Атланта пойдет войной на Кассиопею, вам не выстоять. Ты же не можешь этого не понимать!

— Принцесса, здесь нечего обсуждать. — Домиций был непреклонен. — Давай отложим этот разговор. Поговори со мной о чем-нибудь другом. Я не хочу, чтобы ты видела врага в том, кто им не является. Я знаю, что страх гложет тебя, но поверь, я сумею его рассеять. Что тебя гнетет?

— Домиций, я не ребенок и не стоит рассказывать мне сказки о том, что меня в вашей проклятой стране ждут светлые чертоги наслаждения. Так вот знай, до Кассиопеи я не доеду. И я убью тебя, не задумавшись, если будешь мне мешать вернуться домой. Это понятно?

— Не сомневаюсь, — глаза кассиопейского советника смеялись. — Попробуй пастилу из лесных орехов. Очень вкусно.

Элика последовала его совету. Что ж, не верить ее словам это его неотъемлемое право. Лакомство оказалось очень вкусным, и в непринужденной атмосфере ужас постепенно прятался в углу сознания, явно с целью сэкономить силы.

— Две девушки, в повозке... Надо полагать, тоже что-то вырезали на лбу твоего повелителя, что ты везешь их как рабынь? — съязвила принцесса, поджав ноги и откинувшись на подушки.

— Нет. Это добыча наших наемников, они из окраин черных земель. Обычные работяги, знают толк в захвате товара. Их было пятеро. Двоих ты застрелила в лесу, один был ранен, я не пожелал задерживать поездку. Полагаю, выживет. Если не выберется из земель Атланты, я расстроен не буду.

— Женщины Атланты никогда не становятся рабынями. Я знаю, что их цена очень высока, потому что на рынках Дальнего Востока их не встретишь. И они бы не захватили этих девочек, если б не твое попустительство. Грязные ублюдки прикрылись вашей армией как щитом! Их везут связанными и заставляют есть из мисок, как животных! Как ты можешь закрывать на это глаза?

— У меня нет права вмешиваться, принцесса. Это было их условие. К тому же...

— Домиций, ты не варвар, как твои наемники и твой принц. Прошу, отпусти их. Наши женщины не заслуживают такой участи.

— Элика, я пока ничего не могу сделать. И зря ты так. Принц Кассий благородной крови. Его единокровная сестра немногим младше тебя, он не посмеет причинить тебе вред. Я не допущу этого. Ты мне веришь?

— Не могу. Сам понимаешь, — Элика вновь пригубила вина. Стоянка была недолгой, но как же не хотелось покинуть походный шатер этого пусть вражеского, но благородного воина. — Раз уж я твоя пленница и ты не хочешь быть мне врагом, прошу тебя, не надо нас связывать как племенной скот. Твоя охрана многочисленна, нам не сбежать. Девочки при одном неверном движении или толчке повозки могут удушить себя веревкой. Поверь, это излишняя жестокость, мы так даже с рабами никогда не поступали. Это все, чего я требую.

Домиций Лентул с сожалением посмотрел на руки девушки. Следы от веревок еще не сошли. Но указание на этот счет не подлежало изменениям или послаблениям.

— Я не могу, Элика. Он велел везти тебя связанной. В особых случаях на цепи. Руки будут свободны. Только тебе придется носить ошейник. Мне бы этого не хотелось, потому что...

Что-то треснуло внутри принцессы при его словах. Ошейник? Велел везти связанной? Семь круговоротов солнца как рабыню?! Жгучие слезы обиды, ярости, унижения и безысходности сжали ее горло, и она вскочила, разбив кубок об пол.

— Потому что... Потому что... Он сам наденет на меня ошейник в вашем проклятом дворце?! Такую участь вы мне приготовили?! — она задыхалась. — Да будь ты проклят! Ненавижу тебя!

Домиций обхватил ее руками. Элику трясло. Не плакать. Он не достоин видеть ее слезы. И девушки тоже не должны. Она их будущая правительница, она обещала их спасти, не время раскисать! Не время!

Четверть меры солнца спустя тот самый воин, которого они недавно так жестоко высмеяли, завел внешне спокойную принцессу в повозку. Домиций Лентул проявил милость.

Веревки девушек разрезали, приковав кандалами с кожаными браслетами к кольцу в углу повозки. Это давало им большую свободу передвижений, кожу оков можно было разрезать без угрозы затянуть узлом. Но с Эликой советник проявил осторожность. Ее руки сковали такими же кандалами, но закрепили сверху опорной балки за скрытый стальной крюк. Принцесса молча позволила проделать с собой все манипуляции, глядя сквозь воина, словно сквозь пустое место. Лишь когда он случайно задел ее щеку, поднимая стянутые руки кверху, презрительно процедила:

— Даже не думай, рабский пес, тебе жизни не хватит оплатить даже улыбку атланской невольницы!

Ее слова попали в цель, принеся легкое удовлетворение. Мужчина отпрянул в сторону, едва успев закрепить цепь под пронзительным взглядом женщины свободной империи. В родной Кассиопее никто не имел права так смотреть на мужчину. Воин поспешно удалился, гася в глубине души восхищение вместе с внезапным желанием, но желанием не покорить зарвавшуюся пленницу, а ловить каждое ее слово и сложить весь мир к ее ногам. Такой поворот событий напугал его, и он со всей силы гнал прочь безумные мысли.

Элика скосила глаза на подруг по несчастью. Как хорошо, что они не видели ее истерики и слез, которые, несмотря ни на что, ей удалось пресечь очень быстро. Но обед с Домицием многое прояснил, и, что являлось, пожалуй, главным, при следующей встрече можно было попытаться увести его оружие. Хотя бы даже нож, она умеет обращаться с ним не хуже меча! Только как? Попытаться соблазнить? Но нет, молодая принцесса не владела наукой соблазнения совсем. Надо было воспользоваться тогда помощью Ксении! Использовать ее наложников по назначению, а не вести с ними интеллектуальные беседы о поэзии, астрономии, математике и тактике боя. Тогда бы она не растерялась наедине с главнокомандующим! Как ни странно, страх сейчас отступил. Так надежда и уверенность вытесняют все остальное. Не время бояться и мучить себя домыслами о том, что сделает с ней при встрече принц Кассиопеи, надо действовать! Она королева, это уже почти решенный вопрос, и освободить своих подданных для нее почетная обязанность!

— Алтея, — властно позвала она. — Пройдись, но осторожно, чтобы цепь не звенела.

Цепи хватило на половину повозки. По крайней мере, подойти к принцессе она позволяла. Элика удовлетворенно кивнула.

— Мы теперь знаем, где прятались элементы металла. Будь наготове, и попробуй все-таки разбить миску о кольцо. Делай это в момент наибольшего оживления, чтобы никто не расслышал.

— Он ничего тебе не сделал? — поинтересовалась Кальвия. — Сказал что-нибудь? Куда они нас везут и что хотят с нами сделать?

Элика решила быть честной. Не время искажать картину.

— Мы держим путь в Кассиопею. В жертву богам не принесут, не бойся. Для чего, ты сама понимаешь. Цена каждой из нас равна десятку самых чистых кристаллов слез пустыни. Кальвия отчаянно вскрикнула, и Элике пришлось повысить голос

— Не смей плакать или кататься по полу! Я сказала, что вытасу вас? Так вот, я требую взамен вашу помощь, а не стенания. Ясно?

Одного ее слова было достаточно, чтобы девушки взяли себя в руки. Матриарх не ошиблась, сделав ставку на младшую дочь.

Меру масла спустя Алтея, воспользовавшись шумом потасовки наемников и кассиопейцев, ловко расколола миску о стальное кольцо, добившись идеально острых

осколков. Элика велела спрятать самые длинные и тонкие из них, а остальные раздробить еще больше, покровительственно пояснив своей новой свите:

— Сторожевые псы удивятся, если осколков будет не много.

Затем внимательно изучила ручные оковы девушек. У основания заклепанной застежки оставались два тонких ремня. Конечно, риск поранить кожу оставался, но что это значило по сравнению с ожидавшей впереди свободой? Скорее всего, больше порезов останется именно на ее запястьях. Домиций, видимо, опасался, что гордая принцесса попытается что-либо сделать с собой. Откуда этим варварам было знать, что самоубийство для атлантов являлось самым тяжким грехом, закрывающим путь в светлые чертоги, и что попавшие в плен или подвергшиеся бесчестию потомки империи всегда убивают своего врага, заставившего их пройти через подобную участь? Убить удавалось не всегда, но погибали они с честью, стремясь как можно дороже продать свою жизнь.

В разговоре Алтея вспомнила еще один значимый момент.

— Когда нас захватили и сделали недолгий привал, — поведала она. — Воины потребовали, чтобы мы готовили им пищу и подносили вино. Мы им отказали. Наверняка бы нас избили, если бы их предводитель не запретил. Дочери Атланты никогда не будут ничем облегчать жизнь врагу, и эти руки никогда не станут руками кухонных рабынь! Они смеялись над нами и говорили, что скоро мы будем просить о кухонном статусе как о высшей милости!

Элика задумалась. Ее, как привилегированную пленницу, никто не пустит на походную кухню, да и она просто понятия не имеет о том, что подразумевает под собой приготовление пищи. Ей стало тошно от мысли, что девушки будут прислуживать этим варварам, но в информационном плане это сулило видимую выгоду, к тому же, наверняка в их распоряжении окажутся ножи или на крайний случай иные приборы.

— Послушайте меня, отважные дочери Атланты. То, что я сейчас скажу, может показаться вам ужасным, но борьба не всегда ведется белоснежными перстами. Иногда, поверьте воительнице, и нам приходится переступать через себя, создавая иные образы, умело манипулируя действительностью и на некоторые меры масла быть теми, кем мы не являемся. Наверняка вам известна легенда о Тирессе, которая, оберегая провинцию от орды некогда воинственный антиквов, проникла в шатер военачальников, приняв подобие жрицы чертогов сладострастия. Окончание легенды вы знаете. Поутру их нашли с зияющими ранами во лбу, но каждый из них перед смертью улыбался блаженной улыбкой. Не судят победителей, даже обманчиво, но покоровшихся врагам, если исходом была свобода провинций Атланты и жизнь каждого ее жителя. Что испытывала Тиресса в тот момент? Омерзение? Отчаяние? Нет. Лишь свою силу и огромную ответственность за свой народ. Почему я вам это говорю? Здесь, в повозке, закованные в цепи, мы слепы, как новорожденные самки пантер. Знаете ли вы численность отряда? Нет. Численность работорговцев? Это мне удалось выяснить в беседе. Их осталось двое из пяти. Трех я убила при нападении, но, не зная их изначального количества, эта информация могла бы быть не так полезна. Нам нужно выведать численность воинов. Я могла бы расспросить об этом проходящего стражника, но это вызовет подозрения. Как нам узнать, сколько их сопровождает нас? Только увидев своими глазами. Мы не можем это сделать в повозке, трудно это будет сделать и мне, когда их предводитель вызывает на разговор, так как он не позволяет гулять по лагерю. Но на вечерней трапезе соберутся они все! Кроме того, при каких обстоятельствах вам добровольно вручат ножи и другие кухонные приборы?

Правильно. Только если вы будете использовать их по прямому назначению. В приготовлении пищи.

— Но мы раз отказались, и больше они нас не зовут... — заметила Кальвия.

Элика предусмотрела и ответ на этот вопрос.

— Когда я вновь пойду к их полководцу, позовете охрану. Как бы не было неприятно, проявите мнимое уважение и послушание, и посетуйте на то, что в замкнутом пространстве от бездействия затекает тело, вас одолевают мрачные мысли, и что вы привыкли к физическому труду, поэтому просите, чтобы они дали вам ту работу, о которой говорили. Да и отказали им тогда лишь потому, что я была без сознания, и вы переживали за мою жизнь. Обязательно скажите, что вы даже не просите избавить вас от оков. Можете также добавить, что вам малопривно мое общество, причину придумайте сами. Наша с вами цель — выяснить их численность и вооружение. Что касается оружия, тут все зависит от их внимательности, излишне не рискуйте, не добудете нож в этот раз, добудетеИв следующий.

Девушки с трудом уняли лихорадочный блеск в глазах. Оставалось только ждать. Спустя меру масла все тот же воин, избегая взгляда принцессы, принес им еду и питье, молча смел черепки от миски и сказал, что предводитель желает видеть воительницу в своем походном шатре.

— Наконец-то, а то я уже устала от их болтовни, — капризно сказала Элика, ни к кому конкретно не обращаясь, дабы поддержать игру. Девушки убедительно сыграли презрительные ухмылки. Воин просто намотал цепь на свой кулак, увлекая пленницу за собой. Ступив на твердую землю, девушка огляделась. Два наемника — работорговца в длинном тряпье и несуразных шапках, невзирая на жару, сидя прямо на земле, перебирали золотые монеты. Она поежилась от их мерзкого вида. Темная кожа, неприятные раскосые глаза и гадкие ухмылки, которыми они встретили ее появление. Кассиопейские воины, принцесса насчитала троих, привязывали лошадей к стволам высоких деревьев. Местность была незнакомой, так далеко Элике бывать еще неприходилось. Она отметила, что обоз следует окольными путями, скрываясь в лесах, двигаясь по заброшенной пешей тропе. Поодаль разожгли костер, там стояла еще одна повозка, видимо, с оружием и провизией. Скорее всего, все войско находилось там. Хоть бы у девчонок хватило настойчивости уговорить их принять помощь!

ДомицийЛентул ожидал свою пленницу на пороге шатра. Воин с поклоном удалился, выпустив из рук цепь. Элика гордо встретила взгляд советника будущего правителя враждебной земли. Но в его светлых глазах светилось лишь дружелюбие, сожаление, и что-то еще. Принцесса недовольно отметила, что ее симпатия к этому человеку, возникшая еще при первой встрече, почти не убавилась, несмотря на обстоятельства.

— Как ты себя чувствуешь?

— О, в браслетах, достойных принцессы, почти как дома! Неужели это так необходимо?

— К сожалению... У меня четкий приказ на этот счет, — Домиций отодвинул полог шатра. — Я рассудил, что ты не будешь против того, чтобы ужинать вместе со мной и вести разговоры во времена привалов.

— Это уж точно, — вспомнив об отведенной роли, согласилась Элика. — От этой компании в фургоне у меня иссякают силы.

Кассиопеец помог пленнице устроиться среди шкур и подушек, наполнил кубок сладким вином и протянул ей.

— Отдыхай. Ни о чем не думай. Если у тебя есть какие-то просьбы или вопросы, ты

можешь смело со мной говорить.

Элика пригубила полюбившийся ей напиток. Она чувствовала, что все в порядке, но задать вопрос стоило.

— Мой брат Лэндал, что с ним? Он жив?

— Да, принцесса. Ему не причинили ни малейшего вреда, скорее всего он поднял всю армию Атланты на твои поиски. Мы не проливаем кровь без излишней необходимости. К тому же я знал, как сильно ты к нему привязана.

Девушка улыбнулась. Что ж, возможно, он сумеет отыскать ее следы! Скорее бы!

— Мы еще в землях Атланты?

— Пока да. Потому наши привалы не столь долгие. Но когда мы выберемся за границу империи, мы сможем позволить себе больше отдыха.

— И я бы хотела искупаться. Это возможно?

— К вечеру мы будем у лесного озера. Придется подождать.

Домиция отвлек один из воинов. Они о чем-то переговорили, после чего улыбка мужчины стала лукавой.

Твои подруги изъявили желание помочь в приготовлении ужина. Не вижу причин им в этом отказывать. Но не переживай, они под охраной, никто из моих людей не оскорбит их ни словом, ни делом.

Элика вовремя погасила улыбку и изобразила негодование.

— Рабам рабская участь!

— Видимо, атланки иногда встречаются покладистые, — хитро подытожил Домиций. — Только я не совсем понимаю. Вчера ты готова была убить меня, если я их не отпущу, а сегодня тебе все равно, даже если я позволю своим воинам овладеть ими. Почему такая перемена в характере?

— Я презираю предательниц своего народа! — гордо ответила Элика. — Ни одна из наших женщин никогда не была рабыней, но, оказывается, существуют рабыни в душе среди нас, которым даже без кандалов не живется! Конечно! Что есть крестьянская жизнь для таких как они? Работа! Да! Земля кормит, но ее надо возделывать, чтобы проросли плоды, охотиться, чтобы прокормить себя, и торговать, дабы иметь крышу над головой! Куда проще лежать в шкурах у ног погрязшего в разврате знатного вельможи, носить кандалы из золота и не гнуть спину в полях! Они сами выбрали свою участь. Только знаешь, я бы на твоём месте не стала отдавать их воинам. Одна девственна, и ее купят подороже. Ничтожные рабыни! Они позорят мою расу. Мою землю.

— Я полагал, вы дружны, — пожал плечами Кассий. — Но видимо, ошибался. Что ж, это все не так важно. Хочешь, я расскажу тебе о Кассиопее? Тебе придется провести там много времени. Садись поудобнее.

Домиций наполнил полупустой кубок принцессы и расслабленно откинулся на подушках.

— День в столице начинается рано. Первыми просыпаются многочисленные торговые рынки, где можно найти товары со всех сторон света. Для Кассиопеи не осталось неизведанных территорий, наши корабли ходят морем вдоль континентов, собирая все диковины дальних земель...

— А я знаю, чего на ваших рынках точно не найти, ты уж прости, что прервала, — весело сказала принцесса. Ее подсознание сейчас забивало жестокий шок предстоящего веселой иронией. — Женщин народа атлантов!

— В этом ты права, как ни в чем небывало продолжал Домиций. — Многие никогда не видели дочерей вашей империи, но слава об их необычной красоте и отваге идет даже дальше Кассиопеи. По роду занятий наш народ делится на касты воинов, торговцев и творцов, большинство принадлежит воинственной касте. Только наши женщины не воюют. Более того, ни одна из них даже не знает, как обращаться с оружием. Мужчина всегда на страже их покоя и безопасности, его женщина прежде всего услада его очей, хранительница очага и интересов супруга. Так у нас называют вольных спутников, но мне не нравится ваше определение, на мой взгляд, оно исключает любые обязательства.

— Обязательства? Каждый человек империи самодостаточен. Разве не высшая свобода в отношениях оставаться независимым и свободным в своих желаниях?

— Но ведь ты никогда не видела своего отца. Разве не больно тебе от одной только мысли, что он пожелал уйти, а не взять свою дочь, рожденную от любимой женщины, на руки, не научить ее делать первые шаги... Взять меч, в конце концов?

— Откуда ты... — начала Элика, но, поймав искренний взгляд Домиция, улыбнулась. — О, все понятно! Не все красавицы Атланты умеют держать язычок за зубами, но могу ли я их за это осуждать? А что касается моего отца, это воля Антала и хранителей времени. Ты не поймешь, я и сама, если честно, с трудом понимаю. Но разве не дал мне мой отец жизнь и высшую силу, приведя меня в мир под руку с единоутробным братом? Разве это не воля богов? Я видела лишь его образ, но люблю не меньше, чем мать, давшую мне силу и умение.

— Наши обычаи непонятны вашему народу, принцесса. Но ты поймешь, что такой уклад не так уж плох, когда мы прибудем к месту назначения. И я буду рядом, чтобы тебе не было тяжело принять новые правила. А пока, в ожидании ужина, хочу предложить тебе прогулку по лагерю. С твоего согласия, само собой.

Элика вздрогнула. Увидеть лагерь и получить нужную информацию! Слова согласия едва не слетели с ее губ, но тут она вспомнила полные жестокого превосходства взгляды воинов, их ухмылки победителей, нетерпимых к достоинству побежденного. Каждый из них не скрывал своего злорадства, наблюдая за гордой воительницей свободной империи, которая теперь волею судьбы была лишена оружия и носила цепи Кассиопеи. Словно судорога пробежала по плечам принцессы.

— Сними цепи, я обещаю что не сбегу, — попросила она. Впрочем, ответ ее не удивил.

— Ты же знаешь, что это невозможно, — Домиций явно сожалел о таком положении дел, хотя логики, признаться, в этом было мало. Кассиопейский варвар явно хотел заведомо ее унижить и сломать при помощи этих атрибутов неволи. Возможно, покорные женщины егостраны моментально тупели от оков и готовы были ползать в ногах, но на принцессе Атланты это грязное животное обломает себе все зубы.

— Тогда я, пожалуй, откажусь от увеселительной прогулки, — Элика отщипнула пару ягод сладкого винограда и откинулась на подушках, задумчиво глядя в сторону, тем самым демонстрируя, что говорить больше не о чем. От тряски повозки слегка болела поясница, но тут, на твердой земле, напряженные мышцы расслабились, и боль уходила.

Ужин прошел в таком же молчании, несмотря на попытки Домиция Лентула разговорить пленницу. Она с нетерпением ждала окончания трапезы и встречи с девушками, дабы выяснить, что именно им удалось разузнать. Но когда она вернулась в повозку, подруг по несчастью там не оказалось. Не появились они и к вечеру, когда отряд сделал очередной привал у озера. Элика на миг о них позабыла, воодушевленная возможностью искупаться в холодной воде.

Домиций сам зашел проводить ее к месту купания, и принес с собой платье из желтого шелка, вместе с корзиной купальных принадлежностей.

— Собираешься смотреть? — язвительно прошипела принцесса, когда он, отстегнув ее цепи, уселся на каменный выступ у берега.

— Нет другого выхода, — ответил кассиопеец, и холодная ярость залила сознание девушки. Что ж, этим тоже ее не сломить. Да и мужчину в нем она не видела. Скорее приятель... и приятный собеседник. Что ж, хуже от этого станет только ему.

— Смотри, — жестко сказала она, без стеснения скидывая с себя пыльный дорожный костюм из кожи. — В банях нам с детства прислуживают рабы мужского пола. Так что можешь доложить своему принцу, что он просчитался, желая меня этим унижить. Может, потрешь мне спину?

Поразительно, но ей удалось смутить гордого воина! Испытывая ни с чем не сравнимое удовольствие от своей победы и от ласковых объятий прохладной воды озера, Элика с наслаждением вымыла пыльные волосы и каждую клетку своего тела, словно смывая мимолетные прикосновения этих варваров, затем вытянулась на поверхности воды, перевернувшись на спину, и поплыла. Волна неуместной радости словно затопила ее, и девушка счастливо рассмеялась, забыв обо всем — о том, что она вдали от дома, в руках врагов, что на берегу ее снова ждут цепи, что она обнажена перед посторонним мужчиной, и что по завершению пути ее ждет незавидная участь... Да и ждет ли? Возможно, уже завтра они сбегут отсюда. Завтра!

Элика проигнорировала предупреждающие слова с берега об ограниченном времени. Домиций Лентул, сиди там и страдай молча! Если не нравится, посадил на лошадь и отправил обратно! Нет? Вот и не мешай наслаждаться купанием!

Прошло около меры масла, прежде чем принцесса вдоволь наплескалась в воде. Возвращаться в повозку к цепям не хотелось, и на берегу она, обнаженная, долго вытиралась отрезом ткани, едва сдерживая злорадный смех. На уверенного любимца женщин Домиция было жалко смотреть. Он из последних сил отводил взгляд от ее совершенного смуглого тела и что-то бессвязно отвечал на колкости в духе «вытереть ей спинку или помассировать ноги». Впрочем, вскоре ей надоело подначивать его, и Элика с неохотой натянула на себя желтое платье из приятно ласкающего шелка. Наверняка одеяние патрицианки из Кассиопеи, не уступающее по качеству пошива ее королевскому гардеробу.

— Ты замерз, славный воин? Где мои браслеты? — снова начала дурачиться принцесса. Домиций скосил глаза, и, только убедившись, что пленница одета, неспеша поднялся с камня, поднял с земли цепь с черными сферами оков. И тут тишину разорвал отчаянный женский крик. Все похолодело у Элики внутри.

— Это Кальвия! Что они с ней делают?!

Забыв про все вокруг, она сорвалась с места и бросилась на крик. Домиций что-то кричал вслед, но ей было все равно. Крик девушки раздался вновь, и Элика поняла, что кричат в криво сколоченном шатре на обочине лагеря. Она влетела туда стрелой, и от увиденного кровь застыла в ее жилах.

Кальвия в разорванном платье отчаянно извивалась, прижатая к земляному полу одним из наемников, который не щадя сил бил ее по лицу, но оторвать скрюченные пальцы девушки от своего лица так и не мог, поэтому шипел от боли и явно пытался ее оглушить. Второй почти прикрутил к опорному столбу Алтею, опутав ее веревками, так что сопротивляться та не могла, и с довольной ухмылкой шарил по ее груди своими грязными

лапами.

Все поплыло у Элики перед глазами. Крик воинственных амазонок сам по себе вырвался из ее груди, и, оказавшись возле насильника пятнадцатилетней невольницы, она с размаху ударила его кулаком в висок. Но оглушиться первого раза не удалось. Наемник, ослабив беззубый рот, оторвался от жертвы и ударил в ответ. Принцесса задохнулась от боли внизу живота. Второй прекратил щупать Алтею и, обнажив кривой клинок, пошел на девушку. И тогда Элика закричала. Громко, во всю силу своих легких.

— Домиций Лентул! Так ты, вшивый шакал, бережешь свою собственность?!

Но ждать, слава Анталу, не пришлось. Полководец Кассиопеи как раз в этот момент появился на пороге в окружении трех воинов. Дальше все произошло молниеносно. Наемников скрутили и повалили на пол, отобрав оружие. Один из воинов поднял с земли рыдающую девочку, едва не пережившую насилие, второй пришел в ярость, увидев привязанную к столбу Алтею, махом разрубил опутывающие веревки и, словно забывшись, крепко прижал к себе отбивающуюся девушку. Впрочем, задуматься о мотиве его поступка у Элики просто не было времени. Домиций упал на колени рядом, успокаивающе погладив все еще мокрые волосы принцессы. В его словах было сожаление вместе с негодованием, а еще беспокойство.

— Они ничего не успели сделать? Тебе больно?

— Вы не люди! — чуть не разрыдалась Элика, не отнимая руки от живота. Боль не отпускала. — Варвары! Животные! Да зажарьтесь вы все в чертогах Лакедона!

— Элика, посмотри на меня! — грубо тряхнул ее за плечи Домиций. — Все закончилось! Мы успели вовремя! Что мне для тебя сделать?

— Убей этих! Обоих! — выпалила принцесса, преодолевая боль, и поднялась во весь рост. — Я требую их смерти! И ты не можешь мне отказать! Ист Верто! Ты слышал меня?! Ист Верто! (обычай Кассиопеи. Оскорбленный мог потребовать у представителя власти возмездия оскорбившему его, и не удовлетворить просьбу не имели права. В редком случае — могли только заменить меру пресечения).

Домиций Лентул встал рядом. Казалось, время остановилось, и наступила гнетущая тишина. Притихли спасенные девушки, перестали сипеть от боли прижатые к земле сильными руками воинов работорговцы, как и сами воины, онемевшие от удивления при словах Элики. Принцесса окинула открывшуюся картину долгим взглядом. Сейчас была ее абсолютная власть. Ее право просить возмездия. И сыновья Кассиопеи, чтившие закон Ист Верто, помешать этому не могли ни в коей мере.

— Убейте их. Обоих.

Домиций Лентул кивнул, приложив руку к сердцу.

— Да будет так. Отрубите головы этим нечестивцам!

Элика расправила платье и гордо вышла из шатра в безмятежную летнюю ночь. Следом воины выволокли наемников, вырвалась из покровительственных объятий воина Алтея, и только Кальвия в безотчетном страхе крепче прижалась к груди защитившего ее немолодого мужчины с дерзкими глазами, которые загорелись необъяснимым теплом при отчаянном жесте чужеземки с оливковой кожей. Ужина хватило атланским крестьянкам, дабы обаять и расположить к себе жестоких и непримиримых воинов чужой страны. Наверняка девушки добыли сведения, которых бы с лихвой хватило на военный переворот, а не просто побег.

Казнь работорговцев заняла не больше минуты. Обнажив меч, Домиций Лентул двумя отмеренными движениями обезглавил бывших наемников. Элика не дрогнула, наблюдая за

ними с выражением глубокого удовлетворения. У Алтеи даже заблестели глаза. Когда все закончилось, принцесса поняла, что ее авторитет вырос до заоблачных высот, и никто больше не сможет поколебать его в глазах соотечественниц.

Воины поспешно уволокли с поляны тела казненных. Девушки окружили Элику.

— Гордая воительница, ты спасла наши жизни, мы отдаем их тебе!

Принцесса ласково погладила их почтено склоненные головы.

— Я же обещала, что все будет хорошо? Это не пустые слова. Полно, успокойтесь.

К ним приблизился Домиций Лентул. Элика меньше всего хотела сейчас с ним разговаривать. Отчасти от того, что он наверняка слышал ее беспочвенные оскорбления в свой адрес в шатре.

— Я устала, благородный полководец. Разреши нам уснуть.

— Конечно, — Он выглядел смущенным. — Может, по кубку вина?

— Не стоит. И спасибо тебе за твое справедливое решение. Мы удалимся, с твоего позволения.

— В таком случае, ты кое-что забыла.

Элика удивленно вскинула брови, но тут же поняла, что он имел в виду лишь одно. На миг ей стало больно от такого сильного контраста, но она быстро овладела собой. Другие дочери Атланты не должны видеть ее слабости.

— Ничего личного, только его приказ? — горько усмехнулась принцесса, протягивая руки. После недолгой свободы кожаные наручи обжигали холодом. Хотя, скорее всего, это была просто игра воображения.

Впрочем, сегодня полководец Кассиопеи проявил небольшое милосердие. Элику не приковали к столбу, как обычно, оставив вместе с девушками притянутой за цепь к рабскому кольцу.

Кальвия все еще мелко дрожала, а Алтея скрипела зубами от негодования. Элика окинула долгим взглядом обеих девушек.

— Что мы имеем в итоге? — она улыбалась. — Этих шакалов стало меньше ровно на две головы. За вами никто не наблюдал так рьяно, как эти работорговцы. Наша задача упрощается! Что еще вам удалось выяснить, пока вы готовили еду?

Невольницы растерянно посмотрели на нее. Они еще не отошли от шока, и беззаботное возвращение к разговору о побеге казалось им неуместным.

— Я не буду вас жалеть, — прояснила ситуацию принцесса. — Мы теряем время. Мы удаляемся все дальше от родных земель. К тому же вы еще очаровали двух воинов, которые теперь не спустят с вас глаз! О чем вы вообще думали? О том, что они устроят вам побег? Меня поражает ваша наивность! Я надеюсь, вы хоть получили сведения, которые бы помогли нам в нашем деле?

— Их десять человек, не считая предводителя, — покраснев, пролепетала юная Кальвия. — И у них много оружия. Они везут его в повозке с провизией. Солдаты не были жестоки с нами. Большую часть работы они делали за нас, и еще рассказывали нам о Кассиопее и о предстоящем празднике затмения солнца. В это время на центральной площади происходит большое гуляние, а...

— Ниже лопаток, вдоль позвоночника! — перебила восторг подруги Алтея, повернувшись к Элике спиной. — Когда этот мерзкий шакал разорвал на мне платье, я просила Антала лишь об одном — чтобы он его не нашел!

— Нож! — прошептала принцесса, развязав веревку под грудью девушки. Твердая

рукоять уверенно легла в ее руку. — Теперь мы спасены! Рассказывайте, что еще удалось узнать?

— Еще они дежурят по сменам, прерываясь на сон, — вспомнила Алтея. — Двое воинов спят в повозке с оружием. Нам туда не пробраться, она едет впереди, каждые две меры масла они сменяются. Основная часть отряда впереди, нашу повозку замыкают всего трое. Мне показалось, что они расслаблены, так как мы скованны. Им и в голову не придет, что мы попытаемся сбежать. Но как их нейтрализовать, если у нас только один клинок? Но на зов придет лишь один, а остальные насторожатся.

— И речи быть не может пытаться сбежать во время движения, — сказала Элика. — Сейчас мы просто разрежем кожаные наручи. Но не до конца, наша задача сделать так, чтобы они оставались на руках, но при этом мы должны усилием их разорвать в любой момент. Цепь прочна. Это будет нашим дополнительным оружием. Меня наверняка пригласит в свой шатер полководец, и его я беру на себя. Сейчас мы еще раз проработаем план, а пока воспользуемся ножом. Время снять оковы!

— Ты не понимаешь, мама! Я там был! И я не смог спасти ее! Понимаешь?! Не смог!

Горе принца Лэндала было сокрушительным. Это был почти убийственный удар и для Лаэртии Справедливой, но гордая матриарх силой недюжинных усилий сейчас держала себя в руках, оставаясь внешне невозмутимой.

— Встань! — повелительно велела она, положив ладонь на лоб сына. — Ты принц правящего рода! Где это видано, чтобы преемник священного Антала бился в истерике? — она приняла из рук советника Антония кубок с подогретым вином и насильно втиснула в сжатые в бессилии и злобе пальцы принца. — Пей! И займи подобающее тебе место, не смей лежать в моих ногах как ничтожный раб! Что сделано, то сделано. Мне нужна твоя ясная голова и разумные пропозиции по спасению моей дочери, а не слезы и сожаления! От них мало толку!

Лэндал залпом выпил обжигающий напиток. Он едва стоял на ногах от усталости и безысходности, но повелительный тон матери, королевы священной империи, непостижимым образом добавил ему сил и ясности разума. На негнущихся ногах, с окаменевшим от горя сердцем принц опустился в кресло рядом с тронном. Его плечи вздрагивали. Три меры масла было потеряно, пока они обыскали окрестности, но похитителей и его сестры словно след простыл. Тела двух убитых работорговцев уже остыли к тому времени, а раненый скончался в агонии на руках его воинов, как ни пытались они его привести в сознание и допросить. Дан был мертв, воин, отправленный в пролесок, тоже... На тропинке пролеска был след от колес повозки, но без следопыта, оставшегося в селении антиквов, понять истинный путь напавших было невозможно. Лэндал плохо понимал к тому времени, что именно делает, когда отправил оставшегося в живых телохранителя за Герриком, его людьми и следопытами — антиквами, распорядившись назначить преследование во всех направлениях. Он не думал о возможной опасности, о том, что тоже может стать жертвой нападавших, когда сам во весь опор погнал Ломающего Сталь во дворец. Хорошо хоть хватило ума не поставить в известность общину лесных Оцилл, пусть даже, возможно и обладающих информацией о чужаках... Это было дело государственной важности, и без матриарх не стоило принимать опрометчивых решений. Хотя за свой одиночный ночной вояж принц и получил по полной.

— Антоний, созывай совет пяти. Высшая мера тайнства. О пропаже моей дочери никто не должен знать! — Лаэртия Справедливая гордо выпрямилась, расправив полы золотого платья. Никакой паники. Только выверенные действия и ясный ум. От смятения ситуация не разрешится сама собой. Подойдя к высокому зеркалу, она расправила локон светлых волос и спокойно оценила свое отражение. Подданные не увидят свою королеву расстроенной либо растерянной. И никто не увидит, как истекает кровью ее сердце от любви к дочери. Никто и никогда! Она повернулась к сыну. Понемногу ее ледяное спокойствие передалось и принцу.

— Займи место Элики за столом заседаний. Мне ясно одно, это не случайное похищение. Работорговцы Дальнеземья скорее всего пешки для отвода глаз. Все было спланировано. Остается выяснить кому и зачем это нужно.

Тронный зал спустя четверть меры масла заполнился членами совета. Лаэртия обвела своих преданных приближенных внимательным взглядом.

— Этой ночью было совершено нападение на отряд возвращавшихся во дворец принца и

принцессы. Элика пропала. Есть все основания полагать, что она была похищена. Поисковые отряды немедленно будут направлены во все концы империи. Мы с вами сейчас должны сосредоточиться и выяснить ключевые фигуры недоброжелателей, которые могли совершить такое. Поскольку медлить нельзя, я прошу всех озвучить свои доводы, подозрения, даже бездоказательные, мы их рассмотрим детально. Мы должны знать, кто посмел так оскорбить великую империю!

— Повелительница, — главная военачальница встала, не дождавсь позволения, но в экстренных случаях в узком кругу, когда надо было принять молниеносные решения, такая вольность была вполне допустима. — Тракийцы не осмелились объявить нам войну. Они решили пойти подлым путем!

— Где сейчас Далан Тракийский? — осведомила Лаэртия. Все глаза устремились к Лэндалу. Ему было это известно.

— Красные Степи, королева. Они на пути к Окаменевшему морю. Гарее объявлена война. Зная изворотливость и коварство этого змея... Они могли воспользоваться видимостью предстоящего похода, дабы выглядеть невиновными перед империей...

— Ты полагаешь, что сейчас, по истечению двух зим, он решился утвердить свое право на Элику?

— Разве во время переговоров, пока они еще шли в мирном истоке, не был ли решающим аргументом отказа возраст моей сестры?

Члены совета зашумели. Матриарх сжала кулаки, оценив проницательность сына.

Ровно две зимы назад... О, она хорошо помнила воеводу дальних тракийских земель Далана Тракийского и его визит во дворец Атланты. Тогда он приехал в надежде заручиться ее поддержкой в войне против так и не покорившегося ему островного Энкариума. Матриарх отказала. Древнее соглашение связывало ее с жителями островной империи, и об этом мало кто знал. Возможно, не случайным был внезапно вспыхнувший тогда интерес короля-воина к юной принцессе Элике. Он попросил ее руки. Следуя трактату вежливости, Лаэртия решительно отказала ему, приведя в качестве одного из аргументов возраст принцессы. Именно это привело к исступленной ярости тракийца.

"Маленькая атланка все равно будет моей, мне не нужно твое разрешение! И когда я приду за ней, я вспомню твои слова. Принцесса чистой крови мне не ровня? Что ж, в моих руках она уже никогда не останется принцессой! Помяни мое слово, гордая императрица!" — угрозы варвара тогда сотрясали стены дворца, и матриарх стоило большого труда успокоить совет пяти, жаждущий разорвать дерзкого чужеземца на части, привязав за руки и ноги к резвым скакунам. Именно этим инцидентом и объяснялось повышенное внимание принца Атланты к тракийцам.

— Далан в четырех круговоротах солнца пути от нас, — быстро сосчитала Лаэртия.

— Госпожа, позволь мне! — Латима едва сдерживала свой горячий нрав. Казалось, одной этой хищной пантеры было достаточно, чтобы враги капитулировали с поля боя. Высокая брюнетка с забранными в хвост длинными волосами и выбритыми висками, подчеркивающими ее воинственность, еще не провалила ни единой военной кампании. Ее крутой компенсировался недюжинным умом и расчетливостью, по сути, это была незаменимая помощница правительницы. — Моя королева! Я заставлю нечестивого варвара съесть свое сердце на глазах у его войск!

— Позвольте, я выманю его хитростью и проведу переговоры, — предложила Тания. — Нам ведь будет интересна часть провинций Гарей? И в ходе дипломатической миссии мне

удастся выяснить гораздо больше.

— Нет! — Матриарх устремила взгляд на сына. — Лэндал, к нему поедешь ты. Характер миссии — дипломатический. Антоний, подобрать эскорт в поездку принца поручаю тебе. С тракийцами решили. Какие еще версии?

— Кассиопея! — Лэндал никак не мог взять себя в руки. — Он смотрел на Элику так, словно хотел ее уничтожить! Наверняка эти варвары потеряли голову.

— Женщины Атланты не зря являются самыми красивыми на земле, к тому же, ни одна из нас еще не попала в рабство и не уехала в чужие земли вслед за своим вольным спутником, — отозвалась королева. — Повышенный интерес чужеземцев никак нельзя рассматривать как главную улику. По мне, это беспочвенное обвинение. Через девять круговоротов первый корабль войдет в наш порт с грузом слез пустыни под предводительством самого принца Кассиопеи. С этого дня открывается беспощинная торговля шелком и зерном солнца в Атланте. Ты полагаешь, что кассиопейцы более десяти зим пытались заключить с нами соглашение на торговлю ради того, чтобы все перечеркнуть в последний момент, похитив наследную принцессу?

— Они варвары, мать! — забыв на миг о правилах почета, в ярости закричал принц. — Они ведут торговлю по всему Дальноземью, что им одна Атланта? Где уверенность, что вошли они в наш дом не как торговые партнеры, а как пираты под маской честных торговцев? Если ему хватило ума напасть на мою сестру во дворце, сразу после ваших переговоров, как можно утверждать...

— Что ты сказал? — Матриарх жестом остановила зашумевший совет и подалась вперед. — Принц напал на Элику, а я узнаю об этом только сейчас?! Сын, ты меня поражаешь! Что это за игры, или у вас уже свои тайны во дворце? Не рано ли вы с сестрой возомнили себя во главе империи? Я хочу знать, что произошло, и подробно! Вы как малые дети! Или произошедшее не стоит моего внимания?! Я слушаю!

Лэндал в отчаянии сжал кулаки, кляня себя за неосторожно произнесенные слова. Совет пяти неотрывно наблюдал за ним. Он и сам сомневался в вине кассиопейских гостей, стоило лишь вспомнить горячую просьбу Домиция Лентула держать инцидент в тайне. Взаимные извинения прозвучали почти сразу, а на пиру они даже пригубили с Кассием кубок вина в знак примирения. Лэндал не сказал об этом сестре лишь потому, что в тот вечер в формальном порядке попросил у гостей прощения за импульсивность принцессы во время поединка. Она не признавала своей вины в происшедшем, и слышать ее упреки за неуместную вежливость ему совсем не хотелось.

— Как мне известно, он увидел Элику во время занятий и предложил поединок. Моя сестра вышла победительницей.

— Принц Кассиопеи не пострадал?

— Нет, матриарх. Не считая царапины. Пострадала только его гордость.

Латима Беспощадная презрительно улыбнулась, но так, чтобы этого не заметила королева. Лаэртия на миг призадумалась.

— Стал бы оскорбленный воин, заинтересованный в соглашениях, прибегать к таким мерам? — вслух произнесла она. — На чужой земле, презрев чужие обычаи? Рано утверждать наверняка. Не стоит упускать из виду и само похищение моей дочери. К нему готовились заранее. И тщательно. Ясно одно, если это вызов, их корабли придут с ультиматумом и условиями сохранения ее жизни взамен на иные блага. Остается лишь ждать. Не стоит забывать, что это одна из версий... Первый легион отправится в Черные

земли работоторговцев. Латима, организуешь поход ты. Переверни все вверх дном, и горе им, если это они осмелились такое совершить! Это презренное племя будет стерто с лица земли.

— Если это тракийцы, я их тоже сравню их с землей, — тихо пообещал Лэндал.

— Кто бы это не совершил, он достоин смерти, — согласился Антоний. — Как версия, остается царство Горячих Озер. Их вера благословляет смешение с атланской кровью, разве не так? Если вспомнить конфликт времен правления вашей праматери, когда отряд ее воительниц был захвачен у границ Озерии. Насколько мне помнится, кровавый бой, который дали девушки на третий день, сильно подкосил их уверенность в своих силах и возможностью бросать вызов империи, но религия с тех пор не изменилась ни на йоту. В эту зиму ожидается приход в свет юного бога, рожденного царем горячих озер от красивой атланской богини, захваченной во время ее земного паломничества. Неизвестно, насколько сильны их религиозные предрассудки, моя королева, но стоит навести справки в империи на предмет их появления в наших землях...

— На это нет времени, Антоний. Вы отправитесь туда с принцем немедленно. Это сумасбродные фанатики, и, если вдуматься в их легенду, все сходится, ибо мои дети посланники бога. Тракийцы пока отходят на второй план. Сегодня ночью вы выступаете в царство Горячих Озер! Латима, готовь четвертый легион и проинструктируй Фабию. Надо также отправить гонцов в приграничные земли и дать команду отрядам быть наготове, если без боя не обойдется. Медлить нельзя. Кровосмешению Атланты с этими дикарями не бывать! Отправляйтесь и помните, ни одно слово не просочится далее тайного совета пяти!

Лэндал задержался в тронном зале. Матриарх устало опустилась в кресло, приложив руку ко лбу. Принц, упав ниц, горячо обнял колени королевы.

— Я спасу ее, мама. Клянусь Анталом, не жить тому, кто посмел выкрасть ее! Ты мне веришь?

Лаэртия словно очнулась. Подняла сына с колен, ласково провела рукой по его влажной от скупой слезы щеке и со смесью нежности и признательности поцеловала в лоб.

— Я знаю, сын мой. Ты вернешь будущую правительницу на ее трон, ибо Антлал с вами неотступно. И я век ему буду благодарна, за то, что вместе с Эликой он привел в этот мир и тебя...

— Вот так достаточно, — удовлетворенно кивнула Элика, оценив умелый надрез Алтеи на коже наручника. — Теперь мы сможем разорвать без усилий. Остается только ждать, когда я отниму у него оружие. Будьте очень внимательны. Бежать нужно в разные стороны, дабы сбить их с толку. Они не посмеют вас преследовать, пока я буду держать меч у горла предводителя.

— Ты убьешь его? — тихо прошептала Кальвия.

Элика сглотнула, перед тем как взглянуть в глаза обоим девушкам.

— Да. Боюсь, выбора нет.

— Но ведь он спас нас тогда... — юная атланка явно колебалась. Принцесса ощутила раздражение.

— Но, если бы вы не стали его пленницами, то и спасать бы вас не пришлось, верно? — довод подействовал. Алтея азартно улыбнулась.

— Тогда смерть нечестивым варварам! Убей его за наши страдания, великая воительница! Смерть кассиопейским захватчикам! — девушка вскинула нож. Элика готова была расцеловать ее за боевой дух. Все получится! Не сдержавшись, она жарко обняла новоприобретенную подругу. Она их не бросит, когда они выберутся отсюда! Алтее явно

придутся по вкусу военные палаты дворца, да и Кальвия наверняка не устоит перед привилегией обучиться владению оружием под началом лучших королевских воительниц. Даже если их не заинтересует военная подготовка, она найдет им место среди придворных, ибо преданные соратники всегда необходимы.

Девушки не сразу заметили ошеломленный и полный ужаса взгляд Кальвии, устремленный в угол повозки. Элика отпрянула от Алтеи и едва не расплакалась от разочарования.

Воин, покоренный недавно красотой Алтеи, отодвинул тканевую завесу, под которой скрывалась небольшая ниша, и внимательно наблюдал за ними. Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что он все слышал. Меч свободно висел на перевязи у пояса. При виде иного оружия, которое он сжимал в руках, Элику внезапно прошиб холодный пот. Таким кнутом в Атланте дрессировали строптивых рабов.

Алтея медленно попятилась назад, стремясь заслонить собой Кальвию. Элика зажмурилась, приготовившись к мучительной боли, впрочем, ее выдержки, несмотря на ужас, хватило, чтобы выставить скованные руки вперед, словно в жесте защиты, и проговорить ровным голосом:

— Не смей. Они ни в чем не виноваты. Бей лучше меня.

Воин не ответил. Лишь окинул долгим, каким-то печальным взглядом приглянувшуюся ему атланку, закрывшую своим телом юную подругу, и медленно направился к выходу из повозки, что-то прокричав остальным воинам. Движение прекратилось.

Элика без сил опустилась на дощатый пол. Ее трясло. То ли от страха перед неминуемой после всего экзекуцией, то ли от отчаяния вследствие рухнувших планов, неизвестно. Время словно остановилось. Она видела перед собой лишь швы отшлифованных досок, так плотно пригнанных друг к другу, слышала топот и голоса вокруг, в любой момент ожидая обжигающего удара кнута. Когда чья-то рука легла ей на плечо, девушка вырвалась, выплеснув в крике всю свою боль от неудавшегося побега и предстоящих карательных мер. Голос долетел до ее сознания, словно сквозь воду.

— Тише, успокойся, это я. Все хорошо. Дайте ей пить!

Холодная ключевая вода полилась прямо в горло, девушка закашлялась, все еще вырываясь из рук Домиция Лентула. На смену ужасу пришло странное оцепенение и опустошение.

— Натяните мой шатер, стоянка полмеры масла! — крикнул полководец воинам. Больше он не сказал ни слова, просто сидел рядом на полу, прижимая к себе притихшую под новым ударом судьбы принцессу и, казалось, не обращая внимания на плачущую Кальвию и с опаской наблюдающую за ним Алтею. Когда он осторожно поднял девушку на ноги, Элика покорно пошла к выходу из повозки, поддерживаемая только его сильными руками. Воины притихли, провожая их взглядами. В наспех собранном походном шатре Домиций помог ей устроиться на сваленных прямо на землю шкурах. Элика ощутила усталость.

— Ты и вправду убила бы меня? — тихо спросил он, когда дыхание Элики немного выровнялась. — Можешь не отвечать. Не хочу знать. Вот только что мне теперь с тобой делать?

Ей было все равно. Даже если он собственноручно отстегает ее плетью. Свобода была столь близка, но враг ловко обыграл ее. Каждое их слово было ему известно. Как они могли предаться такой беспечности? Пока они строили четкие и успешные планы побега, солдат их подслушивал. Скорее всего, с самого начала, а они ни на миг не заподозрили его

присутствия.

— Ты не сказала им, что ты принцесса? — Домиций сел рядом, протягивая кубок с полюбившимся ей вином. Элика устало мотнула головой.

— Зачем?

— Это очень хорошо.

Его удовлетворенный тон прогнал оцепенение, уступив место любопытству.

— Хорошо? Что ты хочешь этим сказать?

— Не все сразу. Не думал, что это скажу, но ты будешь великолепной правительницей.

Ты готова умереть за свой народ, я прав?

Смысл его слов не укладывался у Элики в голове. Слишком быстро все произошло. Похищение, появившаяся надежда, которую только что так жестоко отобрали. Еще и непонятный подтекст в словах похитителя...

— Убьешь меня на их глазах, дабы показать, как я люблю свой народ? — Элика горько рассмеялась. — А я согласна! Твой принц меня не получит.

— Успокойся, выпей вина, — Домиций сжал ее пальцы. — На самом деле я хочу поговорить о твоей покорности. И о том, что такие сюрпризы мне в дальнейшем не нужны. Путь не близкий, и сопряжен с опасностью, как ты понимаешь. Трудно будет отвлекаться еще и на твое сопротивление.

— А чего тебе не сиделось в Кассиопее? Сидел бы в своей казарме и не ныл о тяготах пути! Кто вас заставлял уезжать из Атланты с проблемой в моем лице? Покорность будешь требовать от рабов!

Он слушал. Элика осмелела. Допив вино, она небрежно швырнула кубок на пол.

— Я знаю, что ты хотел мне показать. Только я скорее умру под этим кнутом, чем позволю покорно привезти себя в руки твоему варвару!

— Да приди в себя... — почти с отчаянием сказал Домиций. — Я не враг и всего лишь хочу тебе помочь. Ты попадешь в беду, если поведешь себя с Кассием так, как сейчас со мной. Он не потерпит твоей дерзости, и если ты вызовешь его гнев, боюсь, даже я не смогу тебя спасти. Никто не станет тебе помогать. Я не заставляю тебя покориться. Хотя бы изобрази послушание. Только от тебя зависит, кем ты войдешь во дворец — царственной гостьей или строптивой рабыней. И поверь, быть его рабыней самая тяжелая участь. Не ищущай судьбу.

— Рабыней не стану. Ему придется убить меня. И знай, я сбегу при первой возможности, и перережу тебе глотку, если понадобится! Ни тебе, ни ему не добиться от меня покорности!

Домиций омыл водой из кувшина кубок, который принцесса так неосмотрительно бросила на землю, и вновь наполнил его вином. Молчание повисло в воздухе. Когда же он, наконец, заговорил, Элика едва поняла смысл услышанного.

— А если, принцесса, я дам тебе стимул стать покорной? Что скажешь?

Страшные картины одна за другой пролетели перед глазами Элики. Кнут. Оковы. Может, даже насилие... Его благие методы кончились. Предательская дрожь снова сковала принцессу. Они не оставят ей выбора. Либо она признает себя побежденной, сама, добровольно, либо ее просто сломают. Пусть. Она выдержит... Наверное... Страх сковал ее тело, и она в отчаянном жесте обхватила свои колени, словно стремясь сжаться и спрятаться от этого жестокого окружения...

Домиций заметил перемену в ее поведении. На миг ему стало смешно. Неужели она

решила, что он под пыткой превратит ее в покорное животное? Но чему удивляться, именно такими она их и видит. Жестокими и беспощадными варварами.

— Не бойся, — Он вновь сел подле нее. — Ты неправильно меня поняла. Тебе еще интересна участь твоих подруг?

— Не трогай их, прошу, — Элика сглотнула. — Я просто не прошу тебе, если ты отдашь их своим солдатам или накажешь за то, что придумала я. Это твое условие? Моя покорность взамен на то, что их не тронут?

— Вышей, — он поднес кубок к ее губам, позволив сделать несколько глотков. Поразительно, но от его близости словно веяло спокойствием и умиротворенностью. Как будто он был единственным человеком, от которого зависела ее безопасность и благополучие. Он снова сжал ее пальцы, словно вытягивая страх и безысходность одним своим прикосновением. Элика едва сдержала безотчетный порыв спрятаться на его груди и прогнать прочь все мрачные мысли.

— Девочка моя... — от ласкового тона у нее защипало в горле, и она судорожно вздохнула. — Я принял решение. Слово за тобой. Если ты поклянешься мне сейчас в своей покорности, в том, что не сделаешь попытки сбежать или напасть на меня или моих людей... В первую очередь, я тебе обещаю, что буду оберегать тебя в Кассиопее, насколько хватит моих сил и влияния, и не допущу, чтобы с тобой случилось плохое. А во-вторых...

Элика встретила его взгляд. Он тепло улыбнулся.

— А во-вторых, как только я заручусь твоим согласием, обе атланки обретут свободу и отправятся домой. Я дам им лошадей и провизию. Ты просто попросишь их о молчании. Тебе они в этом не откажут.

Принцесса ошеломленно охнула. Домиций кивнул, подтверждая, что это вовсе не игра воображения.

— Не ожидала от меня такого? Их свобода в твоих руках. Подумай. Не столь высокая цена за твое послушание, так ведь?

— Ты не обманешь? — дрожащим голосом прошептала Элика.

— Нет. Клянусь Эдером. Сама посуди, они были собственностью работоторговцев из черных земель. Но теперь оба наемника казнены. Зная, как ты к ним привязана, тебе не удалось меня обмануть, когда ты для отвода глаз говорила о них пренебрежительно, я не вижу смысла держать этих девочек подле себя. Ты хотела помочь им бежать даже не ради себя самой. Они часть твоего народа, королевой которого ты когда-то станешь, тебе невыносима была мысль, что будут страдать женщины твоей империи. Поверь, в других обстоятельствах я бы голову сложил к ногам столь великолепной королевы.

— Отпусти их, — Элика зажмурилась. Вот и все. Решение принято. Она выстоит. Не сердце ее больше не будет болеть за подруг по несчастью. За дочерей Атланты. За ее подданных. Даже если ей удастся сбежать, Алтея и Кальвия к тому моменту будут в безопасности. Если же нет, она соберет все силы, чтобы выжить в Кассиопее, выстоять против варвара с ледяными глазами, чего бы ей это не стоило, дабы вернуться обратно не побежденной.

— Я согласна, Домиций Лентул. Но прошу, сделай это прямо сейчас. До рассвета.

— Конечно, принцесса. Пойдем со мной. Очень хорошо, что ты не раскрыла им правду о себе. Если бы это случилось, я бы не смог их отпустить.

Они вышли в ночную тьму приграничного леса. Воины, гревшиеся у костра, как по команде вскочили, узрев своего командира. Элика сразу заметила обеих девушек. Кальвия

спала, Алтея же, словно оберегая младшую подругу, сидела рядом, обхватив колени. За ними пристально следил воин, плененный красотой старшей атланки

— Зарт, — почти торжественно заявил Домиций. — Сними с пленниц оковы. Край, седлай двух салантийских кобыл и положи в седельную сумку мяса и воды. Поторапливайтесь! — прикрикнул на растерявшихся воинов. Пока один неловко разрывал ослабленные ножом наручи на руках девушек, двое других засуетились возле щиплющих траву коней. Элика отрешенно наблюдала за происходящим, теребя в пальцах пояс золотистого платья. Только вздрогнула от тоски, когда цепи со звоном слетели с рук Алтеи, упав к ногам. Кальвия проснулась уже свободной. Слезы подступили к глазам принцессы, когда Домиций Лентул громко объявил обеим атланкам, что они свободны и могут возвращаться домой. Она видела все: радость на лицах своих подруг, разочарование в глазах двух воинов, проникшихся к ним симпатией, торжественную и довольную уверенность предводителя... Очнулась лишь на миг, когда свободные теперь девушки подошли к ней, обнимая и наперебой благодаря за великодушие.

— Как же ты, воительница?.. — грустно спросила Алтея. Элика сглотнула подступившие слезы и натянуто улыбнулась.

— Не беспокойтесь обо мне. Я жила сама по себе в империи. Никто и не вспомнит, искать тоже некому... Да и мне давно хотелось узреть роскошную Кассиопею. Воля Антала, встретимся снова.

Девушки обнялись, и вскоре, не скрывая своей радости, вскочили на предоставленных им лошадей. Элика отвернулась. Смотреть, как уезжают получившие свободу совсем недавно такие же бесправные невольницы, было выше ее сил. Вот и все. Что могла, она сделала. Теперь осталось лишь сдержать свое обещание и свыкнуться с обещанной кассиопейскому полководцу покорностью.

Его ладонь опустилась на ее плечо. Пожатие было теперь иным. Прикосновением собственника. Хотя, может, ей так просто показалось?

— Зарт, — скомандовал Лентул. — Принеси оковы со стальными браслетами.

Элика опустила глаза, когда он одним рывком сорвал разрезанные кожаные ремни и отбросил их в сторону, словно это могло помочь ей скрыться от глаз всех воинов поляны. Домиций легонько подтолкнул ее в сторону шатра, и Элика мысленно поблагодарила его за то, что он не стал заковывать ее в цепи на виду у всех. Она молча выпила предложений ей кубок, не поднимая глаз. Что-то неуловимо изменилось. Холодные стальные браслеты замкнулись на ее тонких запястьях одним поворотом ключа. Эти не снимешь и не разрежешь... Девушка молча выдержала ритуал по ограничению свободы. Острое ощущение одиночества подкосило ее. Они снова отправятся в путь, и в этой повозке она будет одна. Рассчитывать не на кого. Элика до боли закусил губу, думая лишь об одном — не расплакаться раньше, чем окажется наедине с собой. Кассиопейцы не увидят ее слез.

Она едва притронулась к скудному завтраку. Домиций сетовал на то, что они потеряли больше времени, чем предполагалось, и принцесса кивком головы выразила свое согласие. Он пытался разговорить ее, как ни в чем не бывало, но вскоре оставил эти попытки.

Элика смертельно устала. Когда она вновь оказалась в повозке, лишь мимоходом отметила, что в ней соорудили мягкое ложе из шкур и подушек. Свернувшись калачиком, под мерное потряхивание повозки она быстро забылась глубоким сном без сновидений. Спасительные слезы так и не пришли к ней в то утро. Над приграничными землями империи занимался серый рассвет, когда отряд кассиопейцев вошел на неподконтрольные Атланте

территории.

Элика проспала полный круговорот солнца. Сказалось нервное напряжение и бесконечная усталость. Рассвет нового дня застал их в барханах пустыни у небольшого оазиса, где под сенью пальм били ключи чистой холодной воды. Домиций Лентул самолично пришел осведомиться о ее самочувствии. Несмотря на ужас положения, оно было прекрасным, и принцесса очень удивилась, узнав, что проспала ровно сутки. На предложение освежиться в озере она ответила почти восторженным согласием. Полководец Кассиопеи снял с нее стальные оковы, но наблюдать за ней, плескавшейся в прозрачной воде источника, не стал. Элика не думала этим воспользоваться. Кругом была неизвестная пустыня, от Атланты они уже изрядно удалились, и помимо этого, данное обещание держало крепче цепей. После купания принцесса ощутила себя почти счастливой. Вновь сознание пощадило ее рассудок, спрятав мысли о незавидном будущем вглубь, и девушка наслаждалась окружающим пейзажем незнакомой местности. Даже тяжесть вновь сковавших ее руки цепей не могла умалить восхищения и умиротворения, которое вновь завладело каждой клеткой тела при теплой и дружелюбной улыбке не лишенного чести и достоинства врага.

Странно, но отношение к ней в лагере изменилось. Раньше презрительно вззирающие на гордую пленницу воины изменили свое поведение. Когда свежая после озера девушка в желтом шелковом одеянии, с гордо поднятой, несмотря на скованные руки и угнетенное положение головой оказалась среди них, двое искренне почтительно поклонились, оставив при себе шутки и комментарии. Воин, над которым она насмеялась в палатке, смущенно улыбнулся. Он жарил на вертеле тушку пустынного сайгака, и аппетитный аромат жареного мяса щекотал ноздри. Заметив взгляд Элики, он жестами изобразил пантомиму, стремясь показать, какой вкусный завтрак их ждет в ближайшем времени. Домиций Лентул по обычаю предложил ей разделить трапезу с ним в шатре. Оглянувшись, Элика решительно попросила занять место вместе с воинами у костра. Ей было сейчас все равно, что она скованна, а вокруг враги, хоть и относящиеся к ней не как к рабыне, а как, скорее, добровольно сдавшейся в плен королеве. После того, как принцесса потребовала права Ист Верто для своих соотечественниц, уважение к ней возросло на почти недостижимую высоту. Но Элика об этом не догадывалась. Ей вполне хватало их дружелюбия и уважения. К тому же, как бы сильно не восхищались ее отвагой кассиопейские воины, она не могла не понимать, что преданны они лишь своему полководцу и своей империи, и воспользоваться их благосклонностью в своих целях ей никак не удастся.

Принцесса заняла место рядом с Домицием и тепло улыбнулась хлопотавшим у костра воинам. Ей немедленно поднесли самый сочный кусок мяса. Все принялись за трапезу, иногда прерываясь на обсуждение способов охоты — на рассвете кто-то заметил стадо газелей, чье мясо высоко ценилось за свой изысканный вкус.

— Копья с наконечниками окаменелостей, — взял слово Зарт. Элика думала, что он ее недолюбливает из-за того, что она лишила его Алтеи, но воин, наоборот, говорил, обращаясь больше к ней, словно в подтверждение разумности своих слов. Казалось, что его появление в повозке с кнутом в руках всего лишь ей приснилось. А ведь она впервые в жизни испугалась тогда. Неисповедимы пути Антала.

— Вы охотитесь на столь тонкокожую дичь с помощью разрывных копий? — удивленно

уточнила Элика. — Но зачем?

— В силу точного поражения цели на расстоянии, благородная дева, — ответил воин. — Разве ваши охотники поступают иначе?

— Газели даже после смертельного удара бегут несколько миль, но при использовании разрывного наконечника теряют много крови, что впоследствии ухудшает вкусовые качества мяса. Оно становится жестким. Разве не разумнее использовать стальные стрелы?

— Но это не совсем удобно, когда ты верхом, — возразил Зарт. — Приходится делать остановку, чтобы прицелиться.

— Потому что вы используете обычные луки вместо арбалетов. А луки лишены точки опоры. Мне известно, что арбалеты применяются лишь в бою из укрытий, и они очень тяжеловесны. Но для ближнего боя даже верхом или же для охоты в Атланте используют легкие арбалеты. Вам не составит труда сделать их из луков самим. Куда удобней копий, которые невозможно в большом количестве возить с собой прикрепленными к луке седла. Тогда как стрел в колчане может находиться до трех десятков. И рана, нанесенная стрелой, не вызовет такой обширной кровопотери.

— Поистине, слава атланских воительниц несколько не преувеличена, а даже недооценена нами! — восхищенно заметил кто-то из воинов.

Трапеза прошла в приятной, почти дружеской атмосфере. Элика вернулась в повозку, немного расстроенная тем, что Домиций категорически запретил ей ехать верхом вместе с отрядом. Он справедливо остерегался, что еще прошло недостаточно времени, чтобы принцесса свыклась со своей вынужденной покорностью. А Элика теперь с нетерпением ждала участившихся привалов. Ей понравилось проводить время в разговорах с чужеземными воинами, и, вспоминая слова Лэндала об униженном положении женщин в Кассиопее, она все больше недоумевала, как такое может быть, если даже к ней, пленнице, далеко не высокородные вояки относились с почтением и уважением. В компании воителей, засыпавших ее вопросами об оружии и других нюансах военной подготовки, а иногда и о красоте и правах атланских женщин, она чувствовала себя столь гармонично, что забывала на время о ненавистных оковах, о внезапной неволе и о том, что совсем скоро окажется наедине с возненавидевшим ее врагом. Домиций, вскоре осознавший, что самые крепкие узы для принцессы напрямую связаны с общением, часто ехал в повозке вместе с ней, развлекая рассказами о Кассиопее и обсуждая поэзию их родных империй. Имя Кассия в разговоре практически не звучало, дабы не нарушить шаткое перемирие. Таким образом, у принцессы было мало времени, дабы предаваться мрачным думам и впадать в панику.

На четвертый солнечный круговорот путешествия Элика была почти своим человеком среди кассиопейских захватчиков. Ее появления ожидали с нетерпением, засыпали вопросами и сами рассказывали обо всем, что ее интересовало. Лучшие куски мяса, самые сочные фрукты и сладости теперь были у нее в избытке. Девушка быстро освоила игру в раковины, в которую играли все воины на желтые монеты, и всего за вечер часть их золота перекочевала к ней. Домиций не мешал их общению, но не ослаблял своего пристального внимания. Будь его пленница более искусственной, она могла бы свести с ума всех его солдат. Она могла бы одной улыбкой заставить их организовать ей побег. Она могла одним нежным сладкоголосым обещанием заставить их отречься от империи. Одним умело адресованным взглядом могла бы посеять в их рядах смуту. Могла бы. Но ее почти детская наивность вместе с величественной отвагой еще не была отравлена ядом женского коварства. Будущая правительница, которую с детства готовили к этой роли, шла путем чести и достоинства. И у

бесстрашного полководца иногда сжималось сердце, ибо самым подлым и бесчестным образом в этой ситуации пришлось поступить им. Прийти на земли Атланты с предложением мира и согласия, и под покровом ночи подло, скрытно выкрасть наследную принцессу, единственной виной которой была ее красота и волевой, хоть и вспыльчивый нрав. Его клятва уберечь эту девочку с кожей цвета топленого молока от невзгод, ожидающих во дворце Кассиопеи, была предельно искренней. Он надеялся, что принц не будет столь жесток к своей царственной пленнице, хотя бы уважая ее понятие чести и слова. К тому же, Кассий своими разговорами о мести мог обмануть кого угодно, даже себя, но только не своего молочного брата. Похищением принцессы двигало только желание. Желание, в котором гордый принц никогда бы не признался даже себе...

К вечеру пятого дня по просьбе Зарта был организован более продолжительный вечерний привал. Сегодня миновало двадцать семь зим от появления на свет чтимого в империи воина. Домиций Лентул лично пожаловал своему отряду три амфоры лучшего вина, а виновнику праздника кошель золотых монет. С помощью наспех переделанного в подобие арбалета лука была убита молодая газель, которую быстро освежевали и сейчас запекали на нескольких кострах. Несмотря на поздний час, воины не пожелали начинать пир без Элики, которую каждый из них к этому времени считал почти сестрой себе и боевой подругой. Никто даже не вспоминал о том, что она, по сути, пленница, обидевшая их принца. Впрочем, девушка и сама в их обществе забывала о своем положении, иногда ради потехи переплетая прочную цепь оков алыми цветами, словно это были царственные браслеты, а не атрибуты рабства.

Менее двух круговоротов солнца отдаляло отряд от прибытия в Кассиопею. Это были дружественные земли, и опасаться преследования не приходилось. Элика заняла почетное место у костра. Домиций не доглядел самую малость, и принцесса, поддавшись атмосфере праздника, успела до дна осушить кубок огненного нектара. Она не привыкла к столь крепким напиткам после легкого вина, и полководец всерьез забеспокоился о последствиях пира.

— До чего ты ладен, Зарт Стремительный! — беспечно хохотала девушка. Она успела всем солдатам придумать красноречивые титулы к именам. — Попади ты в гарем к моей Ксении, быть тебе самым любимым наложником!

У воинов на миг отвисли челюсти, и тут же посыпались расспросы, шутки и смелые предположения.

— А я, моя принцесса? — выпятил грудь самый юный из них. — Мне бы нашлось место подле сластолюбивой атланки?

— А ты больно молод, как ствол агавы, не воспламенишься! — хлопнула его по плечу Элика. — Ты бы лишь танцевал в набедренной повязке перед ее очами!

— Я бы не согласился! — гордо возразил воин.

— А она бы расписала тебя гладиусом в литеры империи! Как я недавно этого, вашего, напыщенного... Как его там...

— Ай да проказница! — Домиций обнял принцессу за плечи, уводя от щекотливой темы разговора. — Предлагаю поднять кубки за прекрасную воительницу, которая хранит ваш боевой дух и разгоняет вашу тоску в нашем долгом шествии!

Воины зашумели, налегая на вкусный ужин. Лентул остался рядом. Огненный нектар не в меру развязал принцессе язык. Неизвестно, как отнесутся воины к таким ее откровениям. Полководец вспомнил негодование принца, которое излилось долгим словесным потоком,

стоило им выехать за пределы дворца.

— Возомнившая себя выше богов империя! Они презрели все ценности, которые испокон веков чтят на нашей земле! Их женщины размахивают оружием и с детства считают себя живыми посланниками богов на этой развратной земле, вместо того чтобы хранить домашний очаг и уважать свои мужчин! Более того, они позволяют своим дочерям создавать гаремы и проводить свой досуг в войнах и жестоких забавах! Да они используют таких как мы с тобой лишь для продолжения рода, без почтения обязательств! Да место столь красивого народа не во дворцах Атланты, а на невольничьих рынках, да в шкурах у ног хозяина!

Напрасно Лентул уговаривал принца, с рождения связанного с ним узами молока и крови, отступить от своей затеи, приводя самые разные доводы, даже опасность войны, в которой им не выстоять. Кассий был неумолим.

— Никто и не узнает! И опосля не осмелится напасть на нас! После того, как эта гордая царственная сука будет лизать мне ноги и умолять о прикосновениях, кто ей позволит править? Их честь превыше всего! Они не посадят рабыню на престол! А мы выжмем у этой увядающей королевы все блага только за наше молчание о бесчестии ее дочери. Возможно, я пойду дальше. Если я сделаю ее своей женой, Атланта будет вынуждена считаться с Кассиопеей, если не захочет скандала!

Нелегко было Домицию смириться с тем, что эскорт воинов во всем поддержал принца, задействовал своих шпионов и наемников из земель работорговцев, прихватил гонца, сообщившего ему о предстоящем пути принца и принцессы в земли антиквов... Но осталось только смириться. Кассий отбыл в империю, предоставив им миссию по похищению принцессы. Это даже не составило труда, в стратегии таких пиратских действий они дали бы фору Атланте.

Он верил, что у него хватит сил и влияния помочь юной принцессе после ее прибытия в Кассиопею. Оставалось лишь надеяться на то, что ярость принца Кассия за это время поутихла, и он не превратит жизнь девушки в кошмар. Только бы Элика проявила благоразумие и не пошла в открытое противостояние. Никто еще не избежал наказания за дерзость. Домиций против воли вздрогнул, вспомнив, при каких обстоятельствах впервые встретил свою любимую женщину. Время залечило эту рану, Керра тоже с годами стерла из своей памяти этот ужас, во многом благодаря своей неумной жажде жизни и стойкости. Но одним богам известно, что бы с ней стало, не окажись он тогда рядом...

Элика ничего этого не знала, и благоразумно старалась не рисовать в своем воображении картины скорого будущего. Она звонко смеялась, осыпая похвалами Зарта как главного зачинщика веселья, и ловко обходила щекотливые вопросы от слегка захмелевших воинов. Близость Домиция вновь превращала ее в беспечную девчонку, забывающую подле него о своем плачевном положении. В тот вечер она бездумно пила вино наравне со всеми, и лишь когда стала засыпать посреди шумного веселья, покорно позволила отнести себя в повозку, где ее сразу сморил тяжелый хмельной сон. Ближе к рассвету они тронулись в путь, и к полудню круговорота въехали в земли Кассиопеи. Их путь подходил к концу. Завтра в это же время они прибудут в столицу империи. Да, там им обоим понадобится недюжинное самообладание. Домиций решил, во что бы то ни стало поговорить принцем наедине, чтобы тот проявил милосердие к плененной принцессе. Оставалось надеяться, что молочный брат и лучший друг ему в этом не откажет.

Элика все еще держалась показательно весело и беспечно, обыграв Зарта на его

вчерашний подарок в раковины. По местным меркам, ее состояния теперь хватило бы на покупку самой дорогой колесницы вместе с парой чистокровных скакунов. Воины, почувствовав приближение родного дома, оживились еще больше, их возбужденное состояние омрачала лишь предстоящая разлука с веселой атланской принцессой. Но девушка и тут удивила всех. Она словно одела непроницаемую маску, скрывшую ее истинные эмоции, и панибратски щелкала грозных воинов по плечам.

— Приедете, значит, ко мне в Атланту с одним из торговых рейсов, я такой пир закатаю, на ногах не устоите! А с тобой, Зарт Стремительный, поедем охотиться в горы. Ты только арбалет себе сооруди для охоты на зверей и не забудь прихватить! А ты, Крат Улыбчивый, не улыбайся столь сладко, мои воительницы устроят бой за право возлечь с тобой! Да, Грин Юный, а тебя я научу правильно держать меч! Да не кисни, я пошутила! Ха-ха-ха! Не пристало королеве учить кого-либо!

В довершение прощального вечера принцесса, несмотря на возражения, вернула каждому из обыгранных ею мужчин его золото.

— Все равно оно мне там ни к чему, — пояснила Домицию. На миг ее лицо замкнулось, словно заледенело, но уже в следующий момент она широко улыбалась воинам, как самым лучшим и преданным друзьям.

— Достоянная правительница будет не лишь Атланте, а и всему дальнему, — восхищенно предрек Зарт, с грустью глядя на смелую и отважную пленницу. Воины были лишь поверхностно осведомлены о конфликте между ней и их принцем, но беспощадность Кассия была им известна не понаслышке, и каждого из них бесило собственное бессилие. Но сама Элика своей показной веселостью словно прогоняла их тяжелые думы, не оставляя воинам места для переживаний за себя, их новообетенную сестру. Это был последний день, когда она наслаждалась своей беспечностью и всеобщим обожанием. Страх вернулся к ней с первыми лучами рассвета. Она наспех вымылась в озере в предгорьях столицы. Тут начинались селения, и дальше, как сказал Домиций Лентул, ей предстоит ехать в паланкине, скрытой от чужих глаз. Тут она попрощалась с каждым из воинов, полагая, что не увидит их больше, ведь спустя всего три меры масла они будут на месте назначения. Вряд ли ей разрешат обнять их на прощание в самом дворце.

Вскоре им навстречу выехал эскорт, и приехавшие с ним темнокожие рабы ловко воздвигли паланкин на свои плечи. Домиций освободил ее от оков, но лишь на время. Он весь путь соблюдал данный ему приказ везти ее связанной. Если цепи давали ей большую свободу движения во время путешествия, то веревка, которой он стянул впереди ее руки, еще сильнее подчеркнула ее зависимое положение.

И тут снова вернулся ужас. Поджав под себя ноги, Элика вновь ощутила крупную дрожь. Слезы застили ей глаза. Домиций почти насильно влил в ее губы успокаивающую настойку.

— Не бойся... Все будет хорошо. Поспи сейчас, скоро мы будем на месте. Помни, я с тобой. Только прояви покорность. Хотя бы первое время. Обещаешь мне?

Элика невпопад соглашалась со всем, что он говорил, слабо понимая смысл слов. Она закрыла глаза.

"Лэндал, где ты? — мысленно призвала она своего единоутробного брата. — Я знаю, ты слышишь меня, наш зов крови сильнее любых расстояний. Помоги мне, я не смогу тут долго продержаться сама! "

Сон сморил ее в этот раз так же быстро, как и во все предыдущие ночи. Еще одна удачная попытка сознания защитить рассудок своей обладательницы. Как жаль, что

сознание не смогло превратить ее руки в два золотых крыла и спасти от надвигающейся опасности...

Очнувшись от легкой полудремы, вызванной усталостью, в том числе и от неизвестности, Элика пошевелила затекшими руками. Ах да! Они связаны. На миг хладнокровие и рассудительность покинули ее, она в панике выдохнула, оглядываясь по сторонам. Паланкин плавно покачивался, занавески колыхались, подсвеченные ярким светом полуденного жаркого солнца.

— Как ты? — в голосе попутчика послышалось легкое беспокойство вместе с сочувствием — Мы уже почти на месте. Потерпи немного.

На месте. Значит, скоро она увидит его. Виновника всех ее несчастий. Того, кто отдал распоряжение похитить ее прямо из дворца и доставить сюда. Что же, его смелости и безрассудности можно только позавидовать. Что ему теперь от нее нужно? Не имеет значения. Следует просто выждать время и дать знать королеве, где же она все-таки находится, и тогда ее брат-близнец сотрет эту цивилизацию с лица земли. Подумав об этом, девушка немного успокоилась. Если бы ее хотели продать в рабство или изнасиловать, давно бы уже это сделали. Домиций за все время пути обращался с ней, как и положено статусу, никогда ни в чем ее не обидев, но оставался неприступнее каменной глыбы, когда речь заходила о ее свободе.

Принцесса сейчас сожалела, что уснула. Она потеряла столь много времени, которое наверняка можно было использовать, дабы вернуть свое самообладание и продумать стратегию разговора со своим главным похитителем. За семь круговоротов их пути она почему-то не удосужилась это сделать, видимо, все еще не веря до конца в свое положение...

Дворец Кассиопеи поражал своим великолепием — белым мрамором, пышной зеленью большого сада, золочеными верхушками крыш. И еще спокойной, почти умиротворяющей тишиной. Элика воспрянула духом. Вряд ли в таком прекрасном месте с ней случится что-нибудь ужасное.

Домиций помог ей спуститься на землю, не развязав рук. Ему пришлось поддержать девушку за плечи, он видел, что она измучена долгой поездкой, но держится достойно и почти уверенно. Так они прошли редчайшей красоты сад и оказались в просторном холле с высокими стенами черного и белого мрамора. Принцесса натянуто улыбнулась спутнику, пряча липкие ростки поднимающегося внутри страха — за все время пути он пытался всячески ее поддержать и успокоить, что ему, впрочем, почти удалось.

Уверенные шаги привлекли внимание девушки. Она не спеша обернулась, намереваясь сохранять царское достоинство до последнего, и...

Крик неподдельного ужаса замер у нее на губах. Сердце словно замерло на миг, и в следующий момент все поплыло перед глазами. Элика выдохнула, словно рыбка, выброшенная безжалостным прибоем на песок. Бежать! Исчезнуть! Но ноги словно приросли к прохладному мрамору пола. Не в силах даже пошевелиться, она не сводила глаз с мужчины, который уверенно приближался к ней. События последних трех недель вихрем пронесли в ее пошатнувшемся сознании.

Мечь. Вот зачем она здесь. Он ясно дал ей понять, что в случае их следующей встречи ей не избежать возмездия.

Мужчина остановился в двух шагах от сжавшейся девушки. Элика сглотнула и опустила глаза, чтобы не показать охватившего ее ужаса. При других обстоятельствах она наверняка

отметила его сильное тело воина с бугрившимися мышцами, его высокие скулы, волевой подбородок и чувственные губы. Сейчас же она видела только угрозу всему тому, чем она жила раньше.

— Приветствую тебя Домиций, друг мой, — принц Кассиопеи по-братски обнял ее сопровождающего. — Ты в очередной раз доказал мне свою преданность. Надеюсь, она не доставила много хлопот

— Ни малейших. Она вела себя очень достойно за все время пути.

Видимо, ответ не очень понравился хозяину дворца. Он повернулся к пленнице, и девушка ощутила на себе его пронизывающий взгляд, казалось, проникающий через одежду. Прожигающий лед беспощадного взгляда, преследовавший ее в кошмарном видении уже не раз...

— Что же, в таком случае обойдемся без рабского ошейника... Пока что.

Элика побледнела. Он подошел еще ближе. Его пальцы до боли сжали дрожащий подбородок девушки, и ей пришлось смотреть ему прямо в глаза. В его взгляде не было ничего хорошего.

— Ну, здравствуй, принцесса. Не ожидала, что мы увидимся так скоро? Теперь ты моя пленница, и я волен делать с тобой все что захочу. Не ожидала, что все случится столь быстро? Никто еще не избежал моей мести за свой необдуманнный поступок. Твои титулы и права остались в Атланте. Жизнь избалованной наследницы для тебя теперь кончена.

— Что тебе нужно? — ее голос задрожал. — Выкуп? Матриарх Лаэртия известна своей обоснованной щедростью. Только пошли гонца поскорее, я не намереваюсь долго терпеть твоё общество!

Кассий расхохотался, не сводя с нее холодных стальных глаз.

— Выкуп? А зачем? Моя империя процветает. И твоей матери не хватит золота, чтобы стереть из моей памяти твою дикую выходку. Ну, ничего, мы проведем вместе много времени. Ты полностью искупишь свою вину, не сомневайся.

Ее затрясло от ужаса. Она едва сдержала подступившие к горлу слезы. Плакать? Нет, она не доставит ему такого удовольствия.

— Только прикоснись ко мне, и я тебя убью! — с каждым словом ее силы таяли, она поспешно опустила глаза, чтобы он не увидел в них ее страдания. Но крик только позабавил мужчину. словно стремясь окончательно утвердить силу, он провел ладонью по ее щеке, опустился к шее и легко сжал ее грудь. Элика застонала от унижения и отчаяния, но руки были по-прежнему связаны, силы таяли, и сделать ничего она не могла.

— Домиций, а наша воительница истосковалась в дороге. Вели привести ее в порядок. Я хочу насладиться ею сегодня же ночью. Готовься, принцесса. Сегодня я уничтожу твоё высокомерие, — с этими словами он резко развернулся и направился вглубь дворца.

Девушка пошатнулась, окружающие зал сводчатые колонны словно поплыли перед ее глазами, и она бы наверняка упала, если бы советник принца не поддержал ее.

— Пойдем, принцесса.

— Я не хочу!!! Не отдавай меня ему. Прошу тебя! Нет! — Элика потеряла над собой контроль. Силы окончательно оставили ее, и она забилась в его руках. Мужчина был поражен такой реакцией. За все время долгого пути, он восхищался хладнокровием, выдержкой и поистине королевской гордостью Элики, казалось, ничто и никогда не сможет выбить эту сильную девушку из колеи.

— Прошу тебя, успокойся, — ласково прошептал он. — Кассий — не злой человек...

Просто будь покорной. Пойдем... — он осторожно увлек ее в одну из арок и помог опуститься на обтянутую бархатом скамью. Элику трясло. Краем глаза она заметила фигуру женщины в голубом, которая, бросив быстрый взгляд, исчезла в лабиринте арок. Что-то важное, казалось, было в появлении этой фигуры, но охваченная бесконтрольным ужасом девушка быстро забыла об увиденном.

Домиций достал кинжал и осторожно разрезал стягивающие ее запястья веревки. На миг глаза принцессы сверкнули, она потянулась за кинжалом, но он поспешно спрятал его обратно за пояс.

— Прошу тебя, дай мне нож... — она дрожала, слезы медленно стекали по ее щекам. — Я не смогу. Не дай ему сломать меня, я не стану на колени!

— Он мой друг, и я не позволю тебе его убить, — мягко перебил ее Домиций Лентул. — Я знаю, как это тяжело принять, но прошу, подчинись, и ничего плохого с тобой не случится.

— Я не смогу убить человека, — еле слышно прошептала она. — Даже его... Но если он заставит меня сломаться, пусть моя кровь брызнет ему в лицо! Я все равно не смогу с этим жить! — она не допускала мысли о самоубийстве, но это, возможно, была шаткая надежда завладеть ножом... Шаткая до невозможности, но отчаяние почти лишило Элику разума.

Домиций привстал на колени и сжал в ладонях ее мокрое от слез личико, стараясь не замечать глубину отчаяния пленницы. Это было сложно. Желание защитить ее и не допустить повторения истории Керры боролось в нем с чувством долга и преданности своему принцу.

— Элика, верь мне. Разве я за все время чем-то обидел тебя? — она вздрогнула и встретила его взгляд. Он был прав. Снова его близость уняла нахлынувшую панику, но что-то окончательно надорвалось в душе принцессы. Странная опустошенность и апатия захлестнула ее. На сей раз сознание переусердствовало с защитой от шока.

После этого она позволила увести себя в купальню, где ее окружили три красивые рабыни. Элика находилась, словно в тумане, никак не реагируя на происходящее. Девушки бережно вымыли ее, расчесали длинные черные волосы, сделали легкий массаж, нанесли на тело специальную пасту для удаления волос. Она не понимала, что с ней происходит, и ее даже не насторожили эмоциональные разговоры девушек:

— Это правда, принцесса атлантов?

— Да, у нее такая красивая оливковая кожа...

— Она красива как луна в зените пустыни...

— Но что он с ней сделает? Бедняжка...

— Хозяин не посмеет ее так же как посмел нас... Она королевской крови...

— Но то, как он смотрел на нее... Боюсь, как бы ей не досталось больше!

— О чем ты? — Пересохшими губами поинтересовалась Элика. Юная девушка выронила щетку для волос и вскрикнула, испуганно глядя на принцессу. Наверное, никто не ожидал, что порученная их заботе невольница так быстро отойдет от потрясения. К счастью, их смущение длилось недолго.

— Прости, госпожа, — отозвалась другая, видимо, старшая из них. — Гайя никогда не видела атланской женщины... К тому же, принцессы...

— Что этот зверь должен со мной сделать?! О чем вы говорили?! — Элика задыхалась. Внезапно перед ее глазами вновь возник силуэт статной женщины в голубом одеянии. Надежда мигом прогнала панику. Элика обвела взглядом трех рабынь. — Я желаю вести

разговор с вольной спутницей вашего господина!

Девушки ошеломленно уставились на нее.

— Ах да... С супругой. Женой. Матерью наследников. Я не знаю, как в этом варварском месте называют таких женщин. И поскорее!

Рабыни переглянулись. Гайя несмело сжала плечо принцессы и заговорила срывающимся голосом.

— Но это, должно быть, ошибка, госпожа. Наш Хозяин не состоит в супружеском союзе.

— Ты врешь мне? — Элика не хотела так быстро отпустить надежду.

— Нет, госпожа, нет... В данный момент нет здесь женщины, с которой принца связывал бы какой-либо союз... Ни супружеский, ни другой...

Элика, по-видимому, уснула и проснулась только к вечеру в большой просторной комнате. За окном было темно. Рядом лежало изумительно красивое платье нежно-голубого цвета с глубоким вырезом. Больше одежды не было, и, осознав, что она полностью обнажена, девушка поспешила одеться, и как раз вовремя — в комнату зашла одна из рабынь, которая была в купальне. Она помогла привести в порядок растрепавшиеся после сна волосы Элики, нанесла ей на шею капельку духов с резким ароматом и поспешила удалиться. Спустя несколько минут появился Домиций. Он старался не замечать ужаса и отчаяния, плескавшегося в зеленых глазах девушки. Принцесса гордо встала и направилась к двери, но он удержал ее.

— Подожди, я должен кое-что сделать. Протяни мне свои руки.

— Зачем? — она с недоумением уставилась на алую ленту в его ладони.

— Я должен тебя связать. Это его приказ.

Унижение вновь захлестнуло Элику с новой силой, но она не пошевелилась, позволяя ему это сделать. Принц четко указывал ей на ее место. Бесправна. Зависима. Связана. Полностью в его власти, без права на гордость и сопротивление.

— Помоги мне сбежать, — хрипло выдохнула она. — Я будущая королева. Ты осознаешь, что я могу тебе дать?! Назови цену, молю тебя.

— Забудь об этом, Элика. Здесь тебе никто не будет в этом помогать. Я прошу тебя: будь сегодня покорной. Сделай все, что он захочет, и все будет хорошо. Пойми, сейчас я ничем тебе не помогу. Лишь от тебя зависит сегодня, как сложится твоя жизнь в дальнейшем. Сдайся. Другого выхода нет.

Принцесса едва не закричала от сжавшего, словно в тиски, отчаяния. Но королевская кровь не позволила ей опуститься до униженной мольбы. Вскинув голову, она гордо последовала за советником принца.

Они прошли по длинному коридору и остановились у дверей его покоев. Элика храбро шагнула внутрь и на миг опешила от открывшейся ее взгляду роскоши. Она не ожидала, что Кассиопея также знает толк в роскоши, как и ее родная империя. Очнулась только тогда, когда дверь хлопнулась за ее спиной.

Кассий неторопливо поднялся с мягкого дивана ей навстречу. Он был обнажен по пояс, отсветы пламени играли на его смуглой коже. Чуть ниже ключицы, над правой грудью, еще была заметна высеченная Эликой литера А. Его глаза, казалось, улыбались, но от этого взгляда ужас вновь сковал девушку. Он медленно приближался. Когда расстояние между ними сократилось до двух шагов, Элика, не отдавая себе отчета в том, что делает, метнулась к двери. Но прежде чем она попыталась ее открыть, что было невозможно в силу связанных ладоней, он оказался рядом и с такой же издевательской торжествующей улыбкой опустил

щеколду. Элика отвернулась, видеть его ухмылку было невозможно. Он стоял совсем близко. Медленно, словно намеренно мучая жертву, он взял прядь ее волос и поднес к губам. Элика задрожала.

— Ты так же красива, как тогда, когда я увидел тебя впервые. — его горячая ладонь прикоснулась к ее плечу. — Ты дрожишь. Ты боишься?

— Я тебя не боюсь! — от напряжения она закричала, чем сразу выдала себя. Принц остался доволен. Он не спеша погладил обнаженную кожу ее рук, пальцы потянули за ленту, и хотя руки не были связаны сильно, Элика инстинктивно потеряла запястья.

— Ты боишься, — властно повторил он. — Но я не изверг. Хотя ты заслужила, чтобы с тобой обращались со всей возможной жестокостью. Я не забываю оскорблений, и ты не избежишь возмездия. Но для начала, я хочу, чтобы ты поделилась со мной ужином. Считай это милостью за такое примерное поведение в пути. — Он кивнул в сторону небольшого столика у обитой мягкой тканью низкой скамьи. Девушка на негнущихся ногах последовала за ним. Она не чувствовала голода. Кассий наполнил кубок ярко-рубиновым вином и протянул ей. От ужаса Элика осушила его парой глотков, не заметив вкуса.

— Так не пойдет! — в его спокойном голосе зазвенел металл. — Ты должна осознавать в полной мере все, что я с тобой сегодня сделаю. Открой рот! — его властный голос заставил ее подчиниться, она покорно сняла ягоды губами с кисти винограда. — Молодец. Ты начинаешь понимать, кто твой господин. Скажи это.

Девушка стиснула зубы и замолчала. Он недобро улыбнулся.

— Рано или поздно ты сломаешься. Начнем прямо сейчас. Встань.

Элика не пошевелилась. В следующий момент он резко дернул ее за руку, заставляя подняться. Она застонала от боли. Только принц словно не заметил этого. Его губы изогнулись в тонкую линию. У девушки возникло странное, неприятное ощущение, что он прочитал ее мысли, раскрыв сознание.

— А сейчас разденься. И не заставляй меня повторять дважды.

Нет... Он не собирался пытаться ее тело. Его оружие было куда опаснее! Элика зажмурилась, понимая, что не сможет вынести такого унижения.

— Да, я обидела тебя... — ее голос дрожал. Она с трудом сдерживала слезы. — Прости. Я просто защищала свою честь, ты на моем месте поступил бы так же. Отпусти меня, и я обо всем забуду, клянусь. Что ты хочешь взамен? Торговые пути? Военную поддержку? Я сделаю это для тебя. Я любимая дочь царицы Атлантов, у меня достаточно власти. Что захочешь... Только не так...

Она ненавидела себя за униженные, просящие нотки в голосе. А еще за понимание того, что мольбы не спасут... Кассий словно пил ее безысходность.

— Сними платье. Я жду.

При звуке этого безжалостного голоса она пошатнулась, словно от удара. Умолять? Плакать? Но что это даст? Элика медленно подняла руку к плечу, нащупала завязки платья у шеи. Еще одно движение, а под платьем на ней больше ничего нет... Почему она, будущая правительница великой матриархальной державы, потеряла всю свою волю и отвагу?...

— Я не могу! — ее рука безвольно упала вдоль тела, и она отчаянно всхлипнула. Кассий не спеша встал и подошел к ней. Пленница сжалась в ожидании удара или другого унижения от его прикосновения к гладкой коже плеча. Она даже не осознала, что он гладил ее почти с нежностью, словно пытаясь успокоить.

— Да ты напряжена. Сядь. Позволь, я тебе помогу, — он нежно обнял ее дрожащие

плечи и помог опуститься на расшитые золотом подушки, а в следующий момент напомнил кубок и поднес к ее губам. В его зеленых глазах по-прежнему ничего нельзя было прочесть.

— Давай...еще глоточек... вот так, — ласково проговорил он.

Элика не могла сопротивляться, и это пугало ее. Она не хотела его участия. Лучше бы он взял ее силой прямо сейчас, но не мучил ее ожиданием неизбежного насилия! Ее длинные ресницы дрогнули. Спасаясь от его взгляда, она повернулась к столику, и в следующий момент сердце едва не выскочило из ее груди.

Нож! Тонкий острый нож лежал рядом с желтым фруктом, покрытым тонкими пластинками. Несколько кусочков лакомства были заботливо нарезаны. Элику бросило в жар.

— Что это?

— В Кассиопее его называют "плод страсти", — охотно пояснил принц. Пожалуй, следует дать своей пленнице кратковременную передышку. До рассвета очень много времени, и к утру она будет стоять перед ним на коленях. Он играл с ней на контрастах, заставляю утратить бдительность и сдаться на милость победителя. О том, что принцесса не намеревалась так быстро становиться рабыней, он даже не думал.

Девушка почти с искренним наслаждением проглотила кусочек сочной мякоти и медленно облизала пальцы. Она не догадывалась, какой огонь вспыхнул в теле сидящего рядом с ней мужчины от ее невинного жеста, и даже постаралась изобразить подобие улыбки.

— Очень вкусно! — она незаметно развернула нож в ладони и прижала к запястью. Затем, несмотря на дрожь в теле, поднялась и не спеша прошла по комнате, остановившись в трех метрах от принца.

— У тебя очень красивые покои, — Элика уложила нож в ладонь и спрятала руку за спину. Холодная сталь в ладони сделала ее смелой до безрассудности. Страх уходил, уступая место решимости.

— Ты успокоилась? Разденься, — все так же мягко приказал Кассий. Девушка вздрогнула. На миг страх вернулся снова, и легкая полуулыбка погасла на ее губах.

— Прощу, дай мне время. Я не готова так скоро.

— Нет. И я не хочу больше возвращаться к этому вопросу, — он медленно встал, его губы сжались в плотную линию. — Сними его сама. Или это сделаю я.

Нож легко скользнул в маленькую женскую ладошку. Оружие вернуло храбрость и азарт в душу принцессы. Негодование от уверенного тона чужака привело ее в ярость.

— Ну, так сделай, чего ждешь? — Элика дерзко вскинула голову. Последний раз она попыталась воззвать к его человечности и милосердию, но ее просьбы и слезы только сильнее возбудили этого варвара. — Или ты забыл, как это делается? Ах да. Ты боишься снова проиграть! Я ни минуты не пожалела о том, что сделала тогда! И знай... Даже сейчас воспоминания об этом греют мое сердце. Поверни колесо круговоротов солнца назад, я поступила бы так же!

Кассий едва понял, что же случилось. Немыслимо! Что на нее нашло?! Она что, не понимает, что ходит по краю пропасти? Что он в самый последний момент решил пощадить ее и поэтому не поступил так, как представлял себе все это время — сорвать с нее одежду, связать и взять прямо на шкуре тигра поперек постели. Насиловать ее до утра столько, сколько выдержит он сам? Заставить эту дерзкую суку валяться у него в ногах, сделать из нее бесправную рабыню, а потом посадить на цепь для дальнейших утех? Так бы и было, но что-

то дрогнуло в его каменном сердце в тот миг, когда он, случайно обернувшись в холле, увидел, с каким горьким отчаянием эта пойманная птичка билась в руках Домиция. На миг он увидел просто перепуганную девочку, чем-то похожую на его любимую сестру. Но теперь от этой иллюзии не осталось и следа. Не следовало ее жалеть. Надо было сделать ее отчаяние еще сильнее. Теперь она не избежит наказания. Очень зря гордая принцесса сейчас так поступила...

В два прыжка Кассий преодолел разделяющее их расстояние, но Элика с грацией дикой кошки увернулась от его нападения. Миг — и ее рука взлетела вверх, нож задел плечо мужчины, из неглубокой раны брызнула кровь. Он был взбешен. Как можно было допустить такую оплошность? Принцесса судорожно сглотнула при виде крови, и он, воспользовавшись этим, сбил ее с ног, но тут же получил сильный удар ногой в живот. Элика вскочила на ноги, но противостоять такому сильному противнику шансов не было. Он сразу схватил ее за волосы, другой рукой выкручивая запястье с ножом, прежде чем понял, что в результате битвы лезвие уперлось в хрупкую шею девушки. Слезы безысходности брызнули из ее красивых глаз.

— Сделай это, пожалуйста! Убей меня, давай! — обреченно прошептала гордая атланка.

Хмыкнув, Кассий выбил нож из ее дрожащих пальцев. Уже не соображая, что делает, он с размаху ударил пленницу по лицу. Она упала, крик боли и ужаса замер на ее губах — уже в следующую секунду прекрасное голубое платье затрещало по швам. Она кричала, осыпая принца градом ударов, в которых не было никакой силы, но он заломил ее запястья за голову и туго стянул ремнем. Одержимый яростью, Кассий уже себя не контролировал. Намотав роскошные волосы девушки на кулак, и не давая ей возможности встать на ноги, потащил за собой, не слыша ее отчаянных криков. Оказавшись растянутой на постели, Элика еще пыталась сопротивляться, но, заметив в его руках плеть, застыла от ужаса. Его взгляд был безумным.

Удар обжег подобно раскаленному металлу, задев грудь. Боль словно охватила каждую клеточку тела, и Элика захлебнулась от собственного крика. Снова удар — ее тело выгнулось дугой, ремень безжалостно впился в нежную кожу запястий, а вот третьего прикосновения плети она уже не почувствовала. Яркая вспышка света на миг ослепила ее, боль прошла, и сознание погрузилось в бездну мрака.

"Я умерла" — подумала Элика, и слабая улыбка на миг изогнула ее пухлые губы. Спасительная темнота. Тьма, в которой не было ледяного холода его глаз...

Когда она очнулась и попыталась подняться, боль захлестнула с новой силой. Элика сама от себя не ожидала, что будет так сильно кричать. Она горела, адская боль, словно растворяла остатки разума...

— Нет! Пожалуйста! Не бей меня больше! Я согласна, я покорюсь тебе, только прекрати это... умоляю! — ее плечи затряслись от рыданий, причиняя новую боль. Она даже не ощутила ласкового прикосновения чужих рук, она не различала ничего вокруг. И вновь приступ боли вырвал крик из ее горла, но тут же боль сменилась приятной прохладой. Чьи-то руки бережно гладили ее истерзанную грудь, и после этих прикосновений сразу становилось легче.

Кассий прекратил втирать заживляющий бальзам, смазывая вздувшиеся ссадины на ее нежной коже и, торопливо поднес к ее пересохшим губам кубок. Велел пить, но пленница даже не расслышала его приказа.

— Не сопротивляйся. Не плачь. Боль скоро уйдет, обещаю тебе.

Кошмар вернулся снова. Едва услышав его голос, она заплакала еще горестнее. Он нежно приобнял ее, легонько коснулся ее лба, заглянул в потемневшие от боли глаза и нервно сглотнул.

— Теперь ты будешь послушной? — на миг ему стало тошно от жестокости, с которой он был вынужден обращаться с девушкой, но желание добиться послушания от пленницы не оставляло его ни на миг.

— Только не делай... больше... так больно... — сквозь слезы прошептала она. — Мой... господин... — его поразила глубина отчаяния, проскользнувшая в ее словах. Стараясь ничем не выдать охватившей его нежности, он провел рукой по ее горячей щеке, шепча успокаивающие слова и словно пытаясь передать ей дополнительную силу своим прикосновением.

— Я не настаиваю, девочка. Не зови меня так. Еще не время. Скажи мое имя.

Принцесса затравленно затрясла головой и закрыла глаза. Через несколько минут настойка опия начала действовать, и она уснула. Кассий провел пальцами по ее груди, ощущая вспухшие отметины от плети. Потеряв контроль, он сек ее безжалостно, еще несколько дней ей предстоит страдать от боли. Захватив пальцами немного мятного бальзама, он смазал ссадины, стараясь не замечать ничего, кроме рубцов, но это удавалось ему с трудом — ее небольшая грудь была поистине совершенной формы, оливковая кожа отливала золотом в свете свечей, и Кассий едва удержался, чтобы не захватить сосок губами и не испробовать на вкус.

"Только варвар может желать ее в таком состоянии" — почти с раскаянием подумал он. Скоро он будет обладать ею, теперь она просто не сможет ему не покориться, из-за страха вновь испытать на себе плеть. Принц откинул волосы с ее лба. Девушка горела.

"Да у нее жар, — подумал Кассий — надо поскорее поставить ее на ноги. Она не заслужила такого жестокого обращения..."

Элика пошевелилась во сне.

— Я убью тебя! Слышишь? Никогда тебе не обладать мной... твоё время придет... — пробормотала она в бреду. Кассий остолбенел. Вспышка сострадания мелькнула и погасла в его глазах.

— Я сломаю твои крылья, девочка. Боль по сравнению с этим будет для тебя желанна. Скоро ты начнешь понимать... — и, повернувшись, чтобы вновь не поддаться жалости, вышел. После ее последних слов от сострадания не осталось и следа. Ярость вновь завладела им, разжигая чувство мести.

— Я слышал ее крики. Что ты с ней сделал? — Домиций Лентул преградил ему путь. — Ты так сильно ее ненавидишь? Ради нашей дружбы, пощади ее... У нее светлая душа. Не гаси ее огонь, она не вынесет.

— Я научу ее послушанию! — грубо ответил Кассий. — Я пытался быть великодушным. Но с ней надо по-иному!

— Касс, она ребенок!

— Этот "ребенок" только что пытался меня убить!

— О чем ты говоришь?! Убить тебя? Как ты можешь осуждать ее за попытки избежать бесчестия? Она старше Вирсавии всего на несколько зим!

— Не упоминай о моей сестре! — рявкнул принц. — А эта дерзкая сука заслужила такое наказание. Когда мы нанесли визит царице Атлантов и я не знал, что Элика принцесса, я вызвал ее на поединок. Я же не думал, они обучают своих девочек военному

искусству с детства. Когда она нарушила правила в поединке, у меня хватило великодушия об этом промолчать. Она же не остановилась и высекла свое имя острием меча на моей груди. Хорошо еще, что не глубоко. Теперь пусть сильно пожалеет об этом дне. Ее счастье, что я завтра отправляюсь морем в Атланту... Забавно, не правда ли? Королева примет меня как дорогого гостя, не зная, что я сотворил с ее дочерью! Возможно, я даже познаю старшую сестру, видел бы ты, как она на меня смотрела! Домиций, друг мой, ты останешься здесь. Присмотри за ней. Принцесса тебе доверяет? Я не стану спрашивать, почему, и что произошло в пути, ибо знаю, что ты к ней не прикоснулся. Это моя привилегия. Даже не стану выяснять, почему воины, ехавшие с тобой, смотрят на меня с осуждением. Ты стал ей близок. Тем лучше. Вбей в ее прекрасную головку одно простое правило: я теперь для нее царь, бог и господин.

— Ты жесток, — покачал головой Домиций. — Она всего лишь девочка. Ты же ломаешь ее, ты и сам это понимаешь. Неужели она заслужила участь рабыни? Я не узнаю тебя, брат!

— Ты жалеешь ее, я знаю. Но не смей попрекать меня! Такая горячая штучка наверняка умеет улаживать мужчин, я рассчитываю насладиться этим сполна, когда вернусь. И прошу, проследи, чтобы с ней ничего не случилось. Она наверняка захочет убить себя, а я не хочу лишиться такой красивой и высокородной рабыни! — с этими словами он ушел, не сказав другу ни слова на прощание.

Домиций так и остался стоять в полумраке алькова у покоев принца, не решаясь войти. Очнулся от тягостных дум лишь тогда, когда один из дворцовых воинов занял место у двери покоев. С ним пришла рабыня, которая опасливо юркнула в комнату, не поднимая глаз. Искусная врачевательница.

Он был бессилен. Не в силах помочь юной принцессе. Не в силах посмотреть ей в глаза после происшедшего. Он не заслужил ее доверия, ведь даже не попытался спасти, несмотря на клятвенные заверения... Да и было ли это возможным?..

Керра не спала. Ее темные глаза с тревогой впились в возлюбленного. Девушка была бледнее шелкового полотна, застилавшего постель. Сердце Домиция едва не разорвалось, когда он увидел ее взгляд. Керра железной рукой повелевала всеми рабынями дворца Кассиопеи, ее боялись и уважали. И лишь ему одному было известно, что творилось на душе у той, которая стала ему самым дорогим человеком.

— Он это сделал?.. Не пощадил ее?..

Домиций Лентул обнял Керру, успокаивающе поглаживая по спине. Слова были лишними сейчас. Девушка, поняв его состояние, увлекла возлюбленного на шелковые покрывала и крепко прижалась сильным телом, в стремлении прогнать его смятение. Но первый советник и близкий друг Кассия еще долго не мог уснуть. Его страшил тот момент, когда он снова увидит Элику и не сможет выдержать ее взгляда, понимая, что не сдержал своих обещаний...

Принц Атланты Лэндал резко сел на богато убранном ложе в гостевых покоях дворца правителя страны Горячих озер. Сон как сняло рукой. Обжигающая боль сжала тесным обручем грудную клетку, казалось, кожу прожигает раскаленный металл. Дыхание сбилось.

— Тебе плохо, господин? — наложница дворцового зала осторожно заглянула в его глаза. — Дыши глубоко... Я сейчас позову лекаря...

Принц отчаянно замотал головой.

— Элика... Ей больно...

Серый рассвет осветил лицо обеспокоенной девушки. Гетера не стала паниковать и звать на помощь. За свою жизнь ей приходилось сталкиваться с разными ситуациями, и ясный ум всегда помогал выстоять и по мере сил помочь в решении проблемы. Смочив отрез шелка в пиале с прохладной водой, наполненной талым льдом с предгорий, она уверенно накрыла грудь царственного гостя. Ее голос успокаивал, она ласково обняла Лэндала за плечи.

— Все хорошо. Сейчас станет легче.

Принц опустил голову на подушки и закрыл глаза. В путь. Не стоило оставаться здесь еще на одну ночь. Но опасность песчаной бури, поджидающей на пути к тракийскому стану, была весомым аргументом. Лэндал вспомнил, как практически ворвался во дворец царя Озерии, готовый сразу же схватиться за оружие. Его уверенность в том, что сестра находится именно здесь, едва не сыграла с ним злую шутку. Хвала Антонию, подобравшему для похода настоящих дипломатических гениев, которым хватило меры масла, дабы разобраться в ситуации. Царь Иксандер прервал свои текущие государственные дела, собрав совет министров, как здесь называли старейшин. Выслушав гостей Атланты, слово взял оракул и звездочет царства.

— Солнечный календарь Озерии сложен иначе, это завет богов поднебесья, — пояснил он. — Ваша эпоха исчисляется сотнями зим, что составляет цикл сотен круговоротов солнца. В то время, как наш век включает в себя шесть сотен ваших зим, составляя цикл шести эпох. Пророчество, таким образом, сбылось более двенадцати сотен зим тому назад, но в силу разницы времяисчисления, ваш расчет показал эту эпоху как ту, в которой сбудется древнее пророчество.

— Вы хотите сказать, что оно уже сбылось? — уточнил Лэндал.

— Именно, почтенный принц, — царь, казалось, был даже расстроен возникшим из-за разных времяисчислений недоразумением. — Наши летописи хранят сказ о моем давнем прародителе, пришедшем в этот мир вследствие любви могучего царя и изгнанной в то время из империи Атланты женщины с кожей цвета песка золотой пустыни. Вы можете ознакомиться с подробностями этой истории в моей библиотеке. Осмелюсь предположить, самой большой библиотеке, где веками собирались труды великих философов и мудрецов.

Лэндал не стал отказываться от столь неожиданного предложения. Слова царя, как и объяснения оракула, подтвердились. В летописи тех времен сохранились даже портреты, написанные углем. Легенда о взятой насильно атланке тоже нашла свое подтверждение. Победив изгнанницу клана воительниц в честном бою, правитель вошел в город, ведя ее на цепи, как трофей. Но поскольку пленница не могла считаться рабыней, царь вскоре заключил с ней брачный договор, и рожденный сын, посланник бога, обрел королевский

статус. Упоминалось в летописи и очень давнее столкновение озерийцев с отрядом атланских воительниц, правда, тут история умалчивала о нелицеприятном для страны Горячих Озер исходе.

Иксандер, царь Озерии, был настроен миролюбиво, предложил дать в сопровождение атлантам армию своих воинов. Хоть у Озерии и сложилось не столь давнее перемирие с тракийцами, правитель полагал, что от них можно было ожидать всего, чего угодно. Лэндал гордо отказался, не желая вмешивать не связанное договоренностями с империей государство в свои дела. Единственное, о чем он призадумался, так это о том, что в случае удачного завершения своей миссии и восхождения Элики на трон, попросит сестру рассмотреть возможность заключения военного договора с Озерией. Действующая матриарх сейчас наверняка откажет, ей вполне хватало соглашений о ненападении. Что ж, время покажет.

Принц промаялся в постели до рассвета, не сопротивляясь искусным ласкам высокочтимой гетеры, с которой давеча провел время в приятных и умных беседах. Она доставила ему удовольствие не только на ложе любви, и Лэндал оставил ей в дар голубую слезу пустыни совершенной формы. А на рассвете они покинули долину Горячих Озер. Их путь лежал через пустыню к кочевому военному стану Далана Тракийского.

Грудь все еще сжимало непонятной болью. Это могло значить лишь одно. С детских лет брат и сестра окрыли в себе необъяснимую способность чувствовать боль, переживание, восторг или обиды друг друга как свои собственные. Однажды во время упражнений с гладиусом необъяснимая боль в предплечье лишила юного принца способности шевелить рукой. Как оказалось, в то же самое время непоседливая Элика упала с лошади, вывихнув руку. Вывих принцессы быстро вправил дворцовый лекарь, но принц в этот момент едва не потерял сознание от болевой вспышки. А чего стоили детские капризы Элики, когда она ощущала боевой азарт принца, занимавшегося с наставником на арене, в то время, когда дворцовые учителя обучали ее точным наукам! Девочка раскидывала глиняные таблички с цифрами, со всех ног неслась к брату и требовала разделить с ней его восторг. Таких случаев было несметное множество. Его ранение на поле боя, когда Элика, почувствовав уже его боль, направила подкрепление на подмогу, попытка дерзкой рабыни отравить его, дабы избежать близости... Тогда наследная принцесса просто влетела в покои разъяренной фурией и заставила коварную северянку самой испить чашу до дна. Лэндал сжал зубы, представив на миг, какую боль должна была испытывать его сестра, если ему достался лишь слабый отголосок этой боли. Он чувствовал, что ее жизни ничто не угрожает, потому что такое чувство проявлялось в восприятии по-иному. Он боялся даже думать о том, что значила такая обжигающая боль. Одно он знал точно: тот, кто заставил Элику перенести такие страдания, жестоко заплатит за это. Если принцесса в грязных руках тракийца, что ж, он сделает все, чтобы сейчас увезти ее. Все равно, как. Солнечный металл, слезы пустыни, обещания военных соглашений... Пока их путешествие носит мирный характер. Но потом... Когда Элика будет в безопасности, он сотрет тракийское отродье с лица земли. Так же подло, не объявляя войны, побрезговав законами чести. Чего бы это ему не стоило.

****

Теперь я знаю вкус настоящей боли. Она не похожа на боль от ранения, ушиба, или удара. Даже совсем даже наоборот. То, что было раньше, это не было болью вовсе. Наверное, любую боль можно вытерпеть. Но лишь когда она одна. И нет от нее спасения, когда она идет рука об руку с болью душевной... От удара плети рассекается кожа, а от слов

рассекается сознание. Я никогда не буду прежней. Сделав это, он убил прежнюю меня. Свергнул с высоты, заставив униженно просить о милосердии... Он мог молчать и дать мне гораздо больше ударов плети, и я бы их выдержала. Он мог говорить те слова, от которых ломаются люди, но они бы не оставили ни следа на моей душе. Невзирая на страх и ужас положения, я бы стерпела. Могла ли я предположить, сколь сильным будет удар, тщательно собранный из слов и жалящих ударов плети, направленный жестокостью и жадной мести, которую мне никогда не понять?..

Элика сжала в ладонях смятые простыни. Жар спал, хвала той женщине, что всю ночь поила ее какими-то горькими отварами трав и смазывала ссадины прохладным бальзамом. Девушка старалась не смотреть на вспухшие шрамы, пересекшие крест-накрест ее грудь, понимая, что может просто разрыдаться на потеху своему мучителю. Ужас вновь накрыл ее липким покрывалом. Что с ней будет, когда он придет снова? Она ослаблена, боль затмевает разум при каждом движении, нет сил даже пошевелиться. Теперь она полностью в его власти, униженная, избитая, обессиленная. Он может делать с ней все что захочет, и как ему противостоять в таком состоянии?..

— Я не сдамся! Можешь меня убить, только так ты подчинишь меня себе! — прошептала принцесса. Слезы сжали ее горло. Она не заслужила такой мести! Поединок не был бесчестным. Стоила ли таких страданий поверхностная царапина на коже?..

Стоила. По сути, Элика поступила с ним равноценно. Только, пожалуй, боль ранения... Да и как можно назвать это ранением... была незначительна перед унижением на глазах толпы... Но ведь у принца был выбор. А она лишена даже этого.

Осознание шокирующего, ужасающего положения, в котором она оказалась, обрушилось внезапно, сдавив в тиски неотвратимости и безысходности. Горькие слезы прорвали плотину оцепенения, на этот раз сознание не пришло ей на помощь, оставшись в стороне. Ласковые лучи полуденного солнца словно дразнили своей свободой, проникая сквозь ажурное металлическое плетение, высвечивая обстановку покоев мучителя, а вместе с тем и ужас прошедшей ночи. Боль в истерзанной груди усилилась, потому что рыдания просто согнули тело пополам. Это был крик загнанной раненой львицы, но сил сдержать его не было. Тьма словно подступала со всех сторон, убивая остатки воли и сопротивления. Элика ощущала себя побежденной, проигравшей, сломленной, осознавая все яснее неизбежность и неотвратимость происшедшего. Прибежавшая на крик рабыня, просидевшая с ней ночь, попыталась напоить рыдающую пленницу успокаивающим настоем, но Элика забилась в ее руках, перевернув кубок. Струйки горячего напитка попали на свежие раны, вызвав новый приступ неконтрольных рыданий. Образ холодных, несмотря на ярость, глаз новоприобретенного господина возник в глубине предавшего сознания.

"Рано или поздно ты сломаешься. Начнем прямо сейчас. Встань!"

Девушка с неизвестно откуда взявшейся силой оттолкнула от себя что-то успокаивающе шептавшую женщину. Боль словно выплеснулась наружу в отчаянном крике.

— Почему ты не дал мне умереть?! Я не хочу так жить, слышишь, не буду!!!

Поверженная отчаянием, она едва ощутила, как сильные руки обхватили ее сзади, удерживая на месте. Теплая ладонь властно, но вместе с тем успокаивающе легла на затылок, удерживая. Вновь кубок ткнулся в ее сжатые губы, Элика закашлялась, когда слегка остывшая жидкость полилась в горло, и сделала несколько судорожных глотков. Знакомый голос пробил баррикады ее оцепенения.

— Тише. Я рядом. Не плачь.

Но на этот раз близость Домиция не смогла успокоить ее отчаянных рыданий. Тогда он просто прижал к себе потерянную, сломленную девочку, стремясь не задеть раны на груди. Элике было все равно, что она раздета, и что кто-то сейчас видит отметины, определившие ее капитуляцию. Все напряжение пережитых дней за время пути, встреча с возненавидевшим ее врагом, унижение вместе с обещанием дальнейшего кошмара сейчас вырвалось на волю, но это было единственным возможным средством для сохранения рассудка.

Она успокоилась лишь к вечеру. Слез просто не осталось в опустошенной душе. Домиций не отошел от нее ни на шаг, опасаясь новой истерики. Элика отрешенно сносила манипуляции врачевательницы, которая смазывала воспаленные отметины обезболивающей мазью, уверяя, что следов на коже не останется уже в скором времени. Принцессе было все равно. Забота о ее гладкой коже значила лишь одно. Ничто не должно оскорбить искусственный взгляд хозяина, когда он пожелает овладеть своей собственностью на ложе из шкур.

Вчера она впервые столкнулась с высказанным в беспрекословной форме желанием мужчины. Невзирая на отсутствие опыта в подобных отношениях, Элика понимала, какой именно будет его месть. Она знала, что происходит между женщиной и женщиной за закрытыми занавесами покоев, Ксения любила делиться с ней этими подробностями без прикрас. Но какое удовольствие, про которое рассказывала сестра, может быть в том, что хотел с ней сделать Кассий Кассиопейский?! В стремлении подчинить ее себе он выбрал беспроектное оружие. Элика вспомнила наказанную братом рабыню и ощутила что-то сродни зависти. Лэндал не взял ее силой, не воспользовался правом хозяина, дабы принудить к ложу любви. Ни одной невольнице не уготовил он той участи, которая была уготована ей, высокородной принцессе, рожденной для правления, а не для рабства. Не было у брата еще одалиски, не познавшей в его объятиях удовольствия. Элика сжала зубы. Ее удел насилие. Она увидела это в его глазах, ласка его слов не могла ввести в заблуждение.

Домиций тщетно пытался уговорить пленницу съесть что-либо. Элика поддалась на его уговоры лишь после того, как он рассказал ей об истинном положении дел в королевстве.

— Пять круговоротов солнца его не будет во дворце. Ты в безопасности. Но тебе нужны силы...

В этот день Элика не сказала ему ни слова. Лишь следующим утром обида, так сильно подогреваемая тяжестью унижительного положения, взяла верх.

— Если бы ты только знал... — с упреком прошептала ему в лицо принцесса. — Если бы ты только знал!

Домиция словно захлестнуло от боли и невозможности исправить положение. Элика все еще была ослаблена. Боль не прошла, не смотря на заживляющие компрессы, и натянуть на себя платье она не смогла. Зябко, несмотря на удушную жару, куталась в накидку, скрепленную узлом у горла. Это одеяние позволяло не растравливать свежие раны, нанесенные плетью.

— Твоя боль, моя боль, — глухо произнес советник принца, глядя куда-то в сторону. Девушка уже не раз слышала подобное кассиопейское изречение, обозначающее сочувствие и сопереживание или же просто поддержку. Но сейчас оно показалось ей неуместным.

— Ты ничего не знаешь о боли. Готова поспорить, ты и малой толики ее не испытал. Или тебе знакома боль, когда ужас просто сжимает тебя со всех сторон, но бежать некуда? Когда тебя лишили возможности сражения в честном поединке, но не убили, а оставили в живых во власти врага? Тебе не понять. Хочешь знать, почему он со мной это сделал?

— Ты пыталась его убить.

— Я попытаюсь снова! Он не будет обладать мной! И ты с ним заодно! — принцесса закрыла лицо руками. Ей казалось, что вчера она выплакала все слезы, но предательский спазм вновь сдавил горло. Память, словно мучитель, подкидывала ей отрезки прошедших событий в самый неподходящий момент.

«Значит, обойдемся без рабского ошейника... Пока что».

— И что он дальше сделает со мной? — дрожащим голосом изрекла Элика, инстинктивно прикрыв шею руками. — Ты же видишь, что мне пришлось вынести... Кому была нужна моя покорность? Разве спасла бы она меня от насилия?! Нет... Зачем ты убеждал меня в обратном?.. Я должна была догадаться... Ты ни разу не снял с меня цепей, даже заручившись моим словом. Не мешал мне общаться со своими воинами, которые поддерживали меня, как могли, наверняка зная, что произойдет вскоре! Лучше бы рассказал мне правду. Тогда я была бы готова к этому!

— Я обещал оберегать тебя, — устало ответил Домиций. Принцесса не могла знать, что ее обвинения в непонимании и бесчувственности новообретенного друга были несправедливы. — Еще не сейчас, но вскоре ты поймешь. Обезопасить тебя для меня вопрос чести. Вскоре я расскажу тебе.

Утром следующего дня Элика ощутила, что силы к ней вернулись. Но это даже не удивляло. Вчера верная врачевательница провела какой-то хитроумный обряд, обращаясь к своим богам и насильно заставляя выпить еще более мерзких на вкус настоев. После этих варварских методов с принцессы сошло семь потов, унося с собой слабость и головокружение, а вместе с ними, как ни странно, отчаянные мысли и душевную боль. Раны на груди уже не полыхали болью при каждом движении, осталось лишь неприятное ощущение стянутости и ноющей пульсации. Когда прибежавшие на зов рабыни искупали Элику в ванной, стараясь не мочить раны, она уже дремала. Сознание, давшее давеча слабину, вновь вернулось боевым союзником, заключив сделку с рассудком.

Утром целительница снова смазала ее раны заживляющим бальзамом и перетянула смоченными в лечебном отваре отрезами ткани.

— Мужчины такие животные... — сочувственно изрекла, по-матерински погладив волосы принцессы. — Но ты не беспокойся ни о чем, девочка. Следов не останется, только постарайся не расчесать рану руками. Терпи.

Элика, испытывая неловкость за свою недавнюю бесконтрольную истерику, поблагодарила добрую женщину, сжав ее руку на прощание. Поразительный контраст с трудом укладывался в голове. Большинство кассиопейцев были столь же бескорыстно добры к ней в последнее время, сколь жесток был их принц при первой встрече. Но, похоже, к его жестокости тут привыкли. Две юные рабыни в крепких стальных ошейниках, приставленные к ней этим утром, в страхе отводили глаза, стараясь не замечать перебинтованной груди своей новой госпожи. Лишь иногда шептались между собой, чем несказанно раздражали Элику.

Принцесса замерла у большого зеркала. Довольно долго у нее не было возможности наблюдать свое отражение. Сейчас она с трудом узнавала себя. Черты лица словно обострились, и только покрасневшие от страданий глаза, казалось, стали больше и выразительнее. Губы пересохли и потрескались, так сильно она их искусала во время своего припадка. Девушка устремила недовольный взгляд на шептавшихся рабынь.

— Принеси мне смягчающего бальзама! — холодно велела, ни к кому конкретно не

обращаясь. Перепуганную Гайю как ветром сдуло. Ее подруга сжалась, в то же время поглядывая на принцессу с каким-то скрытым вызовом. Явно сравнивала их положение, возомнив, что благородная пленница с исполосованной грудью может в силу своего нового положения стоять с ней на одной социальной ступени. Элика перехватила ее взгляд, выразительно кивнув на предплечье блондинки, где, четкое и отчетливое, горело клеймо в виде пятиконечной фигуры. Больше слов не потребовалось. Рабыня понуро опустила голову, признавая власть своей новой госпожи, еще не зная, чего ожидать от явной аристократки по происхождению, которую боль наверняка еще более ожесточила

Запыхавшаяся Гайя протянула ей небольшую склянку с белой мазью, опустив глаза в пол. Затем незаметно села подле подруги. Элика смазала пересохшие губы, задумчиво провела пальцами по выступавшим ключицам. Раньше такого не было. Стресс последних дней не мог пройти бесследно. Что ж! Ее это даже радовало. Как жаль, что нельзя полностью скрыть свою привлекательность... Может, тогда бы этот варвар потерял свой плотский интерес и больше б ее не тронул! Девушка сглотнула. Перспектива разделить с ним ложе пугала ее куда больше, чем избиение плетью. Она знала, что кроме насилия ее ничего другого не ждет. Она для него ничем не выше каждой из этих забитых покорных рабынь. Может, даже хуже. Хватило меры масла наедине с ним, чтобы это осознать.

Девушки вновь зашептались, поглядывая на Элику. Принцесса подавила желание запустить в них склянкой с бальзамом. Наверное, они не подвергались порке плетью, раз позволяют себе такое! Девушка пригладила и без того тщательно расчесанные вьющиеся волосы. Внезапно рабыни притихли, испуганно вскочив на ноги. Элика недовольно перевела на них взгляд.

Причиной их внезапной тревоги оказалась стройная брюнетка в белоснежном платье, незаметно возникшая в дверном проеме. Очень длинные волосы, перехваченные у лба подобием металлического ободка, даже при высоком росте их обладательницы достигали поясицы. У девушки была большая грудь и широкие бедра, из-за чего талия казалась очень тонкой. Белоснежная кожа выдавала в гостье уроженку севера, но больше всего Элику поразили ее глаза — темные, с ироничным прищуром, словно прожигают все на своем пути. На ней не было рабского ошейника, вместо него шею обвивал ряд длинных тонких цепочек, унизанных голубыми и прозрачными слезами пустыни. Такие же браслеты красовались на тонких запястьях.

Элика вспомнила, где видела ее раньше. В свой первый день в Кассиопее, в дворцовом холле. Тогда она приняла эту нарядно одетую красавицу за вольную спутницу своего похитителя.

Надежда вновь вспыхнула в груди принцессы с новой силой. Что бы там не говорили рабыни, эта девушка была свободной и, без сомнения, занимала очень высокое положение. Наверняка в силу своей красоты она являлась любовницей принца, возможно, близкой родственницей. Что там Домиций говорил про его сестру? Хотя нет, та была младше Элики, а незнакомка выглядела зим на пять постарше принцессы. Возможно, это шанс. Вряд ли свободная кассиопейка одобрит повышенный интерес своего любовника к ней, значит, можно заручиться ее поддержкой и уговорить помочь в побеге. Элика воспрянула духом. Между тем незнакомка подошла поближе к замершим рабыням.

— Стало быть, тебя гложет любопытство? — спокойным мелодичным голосом произнесла она, обратившись к дерзкой блондинке. — Разве, Терида, ты выполнила всю работу на сегодня, дабы предаваться праздным разговорам?

— Нет, госпожа, — залепетала рабыня, обхватив себя руками. — Просто мне велели помочь принцессе, если ей что-то понадобится, и я...

— Твоя помощь, смею полагать, должна состоять в пересудах по поводу твоей новой хозяйки? — Брюнетка сделала жест в сторону Элики. — Если не ошибаюсь, тебя сдает интерес по поводу в столь резкой форме проявленного интереса твоего господина к своей гостье? Тебя занимают ее раны, вместо стирки и починки одежды? Отвечай!

— Госпожа, прости... Но мы не говорили об этом, тебе показалось... Гайя не даст соврать...

— Ты хочешь сказать, что я лишилась рассудка, и слышу в твоих речах то, чего нет? — тон голоса стал тише, но принцесса явно различила в нем скрытую угрозу. — Тебе интересно, больно ли жалит плеть? Отвечай, недостойная рабыня!

Терида опустила голову. Брюнетка не позволила ей этого, потянув за прядь светлых волос.

— Не вижу повода не удовлетворить твое любопытство. Пойдешь к начальнику

дворцовой стражи и скажешь, что пришла испытать поцелуи плети на своей коже. Десяти тебе хватит, дабы распробовать на вкус. И если я узнаю, что в течение меры масла ты этого не сделала, либо самовольно занизила количество ударов, я их увеличу в три раза! Ты все поняла?

— Но, госпожа, — горячо возразила рабыня. — Ты, наверное, не знаешь... Но меня нельзя избивать плетью! Нельзя!

— Да? — девушку явно позабавил протест стропливой рабыни. — Позволь же мне узнать, чем ты заслужила такую привилегию? Чем ничтожная раба выше девы королевской крови, которую не миновала сия участь? Не тем ли, что ее губы на протяжении всей летней декады каждую ночь ласкали член нашего господина?

— Он вернется и будет возмущен тем, что я избита! Госпожа, он тебе этого не простит!

— О, Терида, — притворно обманчиво проворковала брюнетка. — Прости же мне мою неосведомленность! Это же многое меняет! Тогда двадцать поцелуев плети будут тебе более достойной наградой! Может, в своем великодушии ты даже решишь больше мне не дерзить! Скройся с моих глаз и прими наказание прямо сейчас, иначе, клянусь своими богами, я заставлю начальника стражи хлестать тебя до тех пор, пока мои глаза не устанут на это взирать!

— Госпожа, смилуйся! — блондинка, поняв, что перешла допустимые границы, упала на колени, пытаясь ухватить подол белого платья девушки. — Я не выдержу! Прости!

— Пошла! Презренная рабыня, — темноволосая красавица повернулась к Гайе. — А ты немедленно на кухню и вели накрыть в саду легкий завтрак, да поживее! Там от тебя будет больше толку!

Младшая рабыня, радуясь, что ей удалось избежать наказания, поддержала плачущую подругу и поспешно вывела ее из покоев. Брюнетка повернулась к Элике, внимательно наблюдавшей за развернувшимся действием. Принцесса увидела в ее глазах немое восхищение, сочувствие... И, пожалуй, все. Ни злорадства, ни ревности, ни злости. Невозмутимая гостья приложила руку к груди у края золотых цепочек и легонько поклонилась.

— Принцесса Атланты, приветствую тебя в Кассиопее. Меня зовут Керра, я здесь по негласной просьбе полководца и первого советника принца Домиция Лентула.

— А я Элика, — принцесса улыбнулась ей как будущей союзнице. Начало знакомства настроило ее на позитивную волну. — Благодарю тебя, что избавила меня от общества этих сплетниц. В родной Атланте они бы не избежали и большего количества плетей!

— В отсутствие принца Кассия они теряют рассудок от мнимого ощущения свободы. Но, как видишь, долго это обычно не длится. Я сегодня пришло к тебе Амину, она очень внимательна и покладиста. Я уже велела подготовить ей гостевые покои, которые отвели для тебя. Домиций сказал, что ты не захочешь долго оставаться в комнате, где тебя... Где с тобой... — Керра смутилась и быстро сменила тему. — Я пришла просить тебя составить мне компанию в прогулке по саду, где мы сможем позавтракать. Сегодня нет такой удушающей жары.

— Но разве мне можно выходить из дворца? — удивилась Элика. Керра усмехнулась.

— Конечно. Ты же не рабыня.

— Без цепи? — принцесса не хотела получить еще один неожиданный удар непосредственно перед прогулкой. Свежи еще были в памяти воспоминания о словах Домиция про особый приказ везти ее связанной.

— Отсюда все равно не сбежать, — Керра помогла ей накинуть на плечи накидку для защиты от солнца. — В цепях нет нужды.

— Ты вольная спутница принца? — прямо спросила Элика, намереваясь в саду приступить к переговорам. — Вы близки?

— Что? О, нет... Ты подумала... Эдер всемогущий, ты решила, что он и я... Нет, хвала богам. Я женщина Домиция Лентула! — Керра с интересом взгляделась в Элику. — Но твой интерес... Я же вижу, что этого не может быть, Кассий не мог зацепить твоего сердца, подвергнув тебя столь жестокому испытанию! Разве ты не испытываешь к нему ненависти?

— Настанет час, и я его убью, — сжала губы принцесса. — Мой интерес? Мое сердце? После того, что он со мной сделал?

Керра улыбнулась с явным удовлетворением.

— Приятно, что я не ошиблась в тебе.

Задуматься о смысле ее слов у принцессы не было времени, хотя она мало что из сказанного поняла. Новая знакомая взяла ее под руку, и они вместе вышли в роскошный сад. Конечно, он во многом уступал дворцовому саду Атланты по своему уровню великолепия. Не было привычных фонтанов, видимо, кассиопейцам просто не была доступна технология их создания, как и коротко стриженных лужаек. Здесь деревья скрывали посыпанные галькой тропинки для прогулок, создавая густую тень. Цветов было очень мало, больше причудливых кустарников, окруженных гранитными валунами. Лишь в большом водоеме плавали яркие цветы с остроконечными лепестками, впитывая в себя лучи утреннего солнца.

— Если ты не устала, можем обойти весь сад, — Керра топнула ногой в золотистом сандалиии, прогоняя с дороги маленькую саламандру.

Элика попыталась ухватить ящерицу, но та оказалась чересчур проворной.

— У меня на родине появление саламандры считается важным предзнаменованием, посланием бога Антала, — пояснила она своей подруге. — Если взять ее в ладони, это предвещает успех в грядущем событии.

— А если этого не сделать? — спросила Керра.

— Никогда такого не было еще... Наверное, это к поражению. К крушению надежд.

— Их здесь много. Встретим еще не одну. Расскажи мне про свою страну? Правда, что ваши женщины ни разу не попали в рабство, что они правят, отрицая мужской авторитет?

— Это так, Керра. Но, боюсь, теперь эта традиция в корне нарушена. Ведь я здесь...

На какой-то миг Элика забыла о своих невзгодах, увлекшись рассказом о своей империи, о нравах и обычаях. Новая подруга не могла скрыть изумления. Если рассказ о гареме Лэндала ее не особо удивил, то она просто опешила, узнав, сколько мужчин содержит у себя Ксения. В ее глазах появился непонятный хищный блеск.

— О... Это, должно быть, бесподобно.

Элика пожала плечами. Керра удивленно вскинула черные брови, намереваясь о чем-то спросить, но в последний момент передумала. Они вышли на небольшую тенистую поляну, где на отполированной глыбе гранита уже лежал отрез белого полотна, на котором стояли чаши с фруктами и неизвестными блюдами. Принцесса ощутила голод. Силы к ней возвращались, и она намеревалась восполнить их. Отсутствие принца добавило ей уверенности. Не хотелось думать, что же он сделает с ней, когда вернется.

Элика присела возле стола, поморщившись от боли в груди при резком движении. Попыталась прикрыть руками, но вспомнила предупреждения целительницы. Рука Керры, наполнявшая кубок вином из амфоры, дрогнула.

— Этот зверь умеет причинять боль. Не все ее выдерживают.

Элика потрясенно вскинула голову. Приветливая улыбка Керры погасла, глаза яростно сверкнули.

— Я знаю это как никто. И бить он может по-разному. В совершенстве, дабы не испортить кожу.

Принцесса отложила спелый плод апельсина. Сердце ускорило ритм, отдаваясь болью в истерзанном теле. Керра сочувственно посмотрела на нее.

— Я ведь не возлюбленной Домиция попала в этот дворец. Мне тогда исполнилось двадцать зим, и я уже семь декад состояла в брачном союзе. Критания миролюбивая провинция, затерянная в горах, но кассиопейцы нашли туда путь. Они напали в полночь. Кассий возглавлял этот легион. Я не знаю, какая необходимость в этом была... Мирные жители, не имеющие несметных богатств и никогда не вступающие не в никакие конфликты... Домиций потом объяснил, что это просто была игра крови их повелителя. Он тогда возвращался во дворец после завоевания очередной империи во главе с ныне погибшим отцом, который, собственно, отпустил сына и сам остался устанавливать свои порядки... Моего супруга убили на моих глазах. Я не хочу описывать, что делали со мной и другими девушками воины Кассия, прежде чем доставить нас на корабль, держащий курс на Кассиопею.

У Элики перехватило дыхание от страха и осязаемого ощущения надвигающейся беды. Почти успокоенная недавними разговорами с Керрой, девушка вновь ощутила ужас. Но прервать подругу так и не смогла. Той просто необходимо было выговориться, и принцесса это почувствовала.

— В первую нашу ночь в море был пир и хмельные возлияния. Нас заперли в трюме, а перед этим связали и лишили одежды. Сна не было, потому что мои соотечественницы, многие из которых до этого страшного дня так и не познали мужчину, плакали навзрыд, и успокоить их не удавалось. Принц пришел ночью. Он едва стоял на ногах от большого количества огненного нектара. Выволок меня за волосы на палубу и попытался овладеть мной. Но у него ничего не вышло, еще бы, столько пить. Тогда я, несмотря на свое положение, рассмеялась ему в лицо. Это была хоть малая, но победа. Так я тогда думала. Два круговорота солнца после этого он ко мне не прикоснулся. А по приезду меня и еще одну девочку из нашей провинции доставили во дворец. Остальных отправили на рынок рабов. Я тогда не задумывалась, что, возможно, им повезло больше...

Элика, не вставая с колен, подползла ближе к Керре, почувствовав, что так сможет оказать ей большую поддержку. Северянка продолжала свой рассказ, словно глядя в пустоту.

— В первый день к нам отнесли хорошо. Искупали, одели, накормили, даже вызвали лекаря, так как вторую девочку солдаты покалечили во время насилия. Тогда я впервые обратила внимание на Домиция. Во время набега он держался в стороне, явно осуждая действия воинов. В Кассиопее же он проявил ко мне внимание, и у меня даже возникла робкая мысль, что я в безопасности под его защитой. Я не знала тогда, сколь сильна жажда мести Кассия Кассиопейского. Все еще надеялась на благоприятный исход, даже когда он велел привести меня в свои покои. Знаешь, я ему так и не подчинилась, но воспоминания о том, что он со мной тогда сделал, до сих пор не утихают. Страшной была не боль от его плети, я даже не помню, как он меня избивал... Поливая водой, когда я теряла сознание и начиная снова... Страшнее всего было, после того, как он несметное количество раз взял меня, на исходе ночи, когда, несмотря на боль по всему телу и вывихнутые руки я дотянулась

до звезд... Понимаешь меня?..

— Нет, — сглотнула Элика. При словах Керры об истязании плетью грудь снова запыхала огнем. Какие звезды?.. О чем она? Наверное, просто подошла к порогу чертогов смерти после таких мучений. Неужели страшно? Это скорее было бы избавлением...

— Мой ныне почивший Арк никогда не возносил меня столь высоко, как это тогда удалось ему... И я не смогла скрыть того, что произошло. Впоследствии сумела, но тогда это произошло впервые...

— Я не понимаю тебя, — честно призналась Элика. Керра изумленно посмотрела на принцессу.

— Не понимаешь, поскольку осуждаешь?..

— Нет... За что осуждать? — Элика дрожащей рукой наполнила кубок, протянув подруге. Она была напугана. Очень хотелось узнать, о чем же пыталась растолковать ей красивая северянка, но страх диктовал иные условия. Девушка осторожно сменила тему.

— А как ты стала женщиной Домиция Лентула? Он благороден и добр. Ты счастлива с ним теперь?

Керра отставила кубок и повернулась к подруге.

— Кассий решил заклеить меня, как свою рабыню. Этого я допустить не могла. Искала смерти... Домиций вытащил меня из петли.

— И ты стала принадлежать ему?

— Не сразу. Принц овладел мной еще несколько раз, словно утверждая свою власть... Потом я узнала, что советник выбрал очень благоприятное время, дабы на коленях молить своего господина принести меня ему в дар. В те дни во дворец пожаловала благородная кассиопейка Алтаира, на тот момент она была вольной любовницей принца. Ее род настолько влиятелен и могуществен, что даже позволил дочери заседать в совете столицы. Она славилась своей добротой. Возможно, Кассий отказал бы своему советнику, если бы не ее присутствие и личная просьба. Он просто не смог оставить при себе меня как рабыню, не оскорбив благородную любовницу. Да ниспошлют боги благородной женщине здоровья и бодрого духа! Кроме того, другую привезенную во дворец девушку леди Алтаира забрала с собой. Зиму спустя соотечественница получила вольную. Я не знаю, что бы было со мной, если бы не ее вмешательство.

— Любовница? — кубок замер у губ Элики. — Они по-прежнему близки? Она сюда приезжает?

Керра сочувственно посмотрела на подругу.

— Увы, больше нет, их союз распался. Домиций говорил, что они с принцем очень разные люди. Леди Алтаира не смогла закрывать глаза на его жестокие выходки. Мне жаль. Будь она рядом, Кассий бы не осмелился так поступить с тобой... Иное дело Домиций Лентул, его благородство дар богов, не иначе. Он не взял меня силой. Более того, спустя декаду я сама пришла к нему... И не было ни дня, чтобы я об этом пожалела. Он дал мне свободу практически сразу после того, как я разделила с ним ложе. Но я не вернулась домой. Я не представляю себя вдали от него...

— Ты любишь его, Керра?

— Люблю... — выдохнула девушка. — Он просто не оставил мне выбора. Знаешь, принц был бы в ярости, узнав, что я с тобой говорила. Пусть это останется между нами.

— Конечно, обещаю тебе, — Элика обняла за плечи подругу. Как хорошо, что удалось заручиться поддержкой влиятельной северянки. О ее словах девушка предпочла не думать.

Теперь к приезду этого варвара она будет готова. Боль, так боль. Она ее стерпит. Принц просто слабак, если думает так подчинить ее себе.

— Ты знаешь, что он практически не снимает латы, скрывая твою метку? — хитро улыбнулась между тем Керра. — Знала бы ваша матриарх Справедливая, когда снова примет его во дворце, что на его коже отметины вашей империи! Как он будет вести переговоры дальше?

— Переговоры? — удивилась Элика.

— Да, принц сейчас в Атланте. Лично сопровождает партию слез пустыни и торговый флот из трех кораблей.

Принцесса ощутила пустоту.

— Ненавижу, — процедила сквозь зубы. Боль в груди запылала с новой силой.

К утру пятого солнечного круговорота жестокое потрясение медленно, но верно начинало сходиться на нет. Раны от плети, пересекавшие нежную грудь, уже почти зажили, не причиняя больше боли, лишь напоминали о себе неприятной натянутостью кожи. Личная целительница принца, свободная женщина с лесных долин, принятая вначале Эликой за рабыню, исправно втирала заживляющие мази. Рассечение кожи было поверхностным, и под воздействием снадобий очень быстро исчезало, оставляя лишь незначительные красные полосы с присохшей корочкой крови. Через декаду, по уверению врачевательницы, от них не останется и следа.

Элика часто совершала прогулки по дворцовому саду в компании Керры или Домиция, но, страшась скорого приезда хозяина дворца, больше не замечала окружающей красоты, пения птиц и ласкового солнца. Ее зеленые глаза словно потеряли яркость цвета, а улыбка больше не касалась пухлых губ. Домиций, глядя на терзания принцессы, теперь сожалел, что привез ее сюда. Повторение истории Керры надломило его дух. И если Керра была им спасена, то для Элики он не мог ничего сделать, и это ранило гораздо глубже.

Солнце стояло в зените, когда принц Кассиопей вернулся в свой дворец. Домиций встретил его в порту, обняв молочного брата в знак приветствия. Кассий был в прекрасном расположении духа. Матриарх приняла его с почестями, оказав содействие в поиске рынка сбыта зерен солнца. Ни старшей принцессы, ни единокровного брата Элики на тот момент не было во дворце, не встретил он там и свидетелей своего недавнего унижения. Об исчезновении наследной принцессы никто не говорил, и заранее заготовленная соболезнующая и возмущенная речь так и не была произнесена. Лаэртия Справедливая предлагала остаться погостить во дворце Атланты, не пренебрегая едва уловимыми методами искусного соблазнения, но Кассий рвался обратно в свой дворец, занимаемый возвышенными думами об укрощении своей царственной пленницы. В обратный путь они отбыли в ночь прибытия, сославшись на беспорядки в кассиопейских землях. Уже на причале, понимаясь на свою шхуну, принц почувствовал что-то сродни раскаянию, вспоминая величественную королеву, так умело скрывавшую свою боль от потери дочери. Но это кратковременное ощущение быстро отступило, когда корабль, ориентируясь по карте звездного неба, на всех парусах устремился в Кассиопею.

В зале дворца уже был накрыт пиршественный стол, организованный умело управляющей Керрой. Северянка держалась подчеркнуто вежливо, поклонилась повелителю, почему-то пряча глаза, произнесла красивое ритуальное приветствие, но попросила принца позволить ей остаться в своих покоях ввиду недомогания по поводу бессонной ночи. Кассий жестом руки удовлетворил ее просьбу, не утруждая себя размышлениями о поведении

возлюбленной своего советника.

Утолив первый голод, принц направил разговор на интересующую его больше всего сейчас стезю.

— Как себя чувствует моя невольница?

Домиция этот вопрос застал врасплох. Наспех прожевав дольку плода страсти, он встретил вопрошающий взгляд Кассия.

— Она очень расстроена. Я ее не узнаю. Та девочка, которая вела со мной беседы во время пути и восторженно радовалась каждому новому круговороту солнца, невзирая на цепи и неволю, словно исчезла.

— Она не пыталась лишиться себя жизни?

— Нет. Ее вера это запрещает.

— Хорошо, — довольно заметил Кассий. — Я соскучился по этой дерзкой принцессе. В тот раз мне так и не удалось вкусить сладости ее тела. Распорядись, чтобы ее подготовили к ночи в моих покоях. Ее раны уже затянулись?

Домиций не сдержался.

— Почти. Если ты о тех, что на коже...

Принц проигнорировал скрытый упрек и попытку воззвать к милосердию. Сейчас им двигала даже не месть, лишь пожирающая жажда обладания. Никто уже несколько зим не пробуждал в нем такого плотского желания. К чертогам тьмы войны и честные поединки. Ни одна женщина еще не одержала победы в сражении с ним как с мужчиной. Мужчиной, чья страсть ненасытна и разрушительна. Принцесса убедится в ее неотвратимости очень скоро.

— С первой звездой Акрата в ночном небе я буду ее ждать. Приведи ее сам. Рядом с тобой она будет вести себя благоразумнее. Алая лента. Пусть не забывает о своем положении.

Для Элики приезд ее мучителя не остался незамеченным. После утренней прогулки по саду принцесса упросила Керру принести ей из дворцовой библиотеки летописи по истории Кассиопеи, и сейчас предавалась чтению, дабы заглушить свою панику. Шум во дворе привлек ее внимание. Девушка подбежала к окну, забранному декоративной решеткой, напугав приставленную к ней милую служанку с красивым именем Амина. Сердце пропустило два гулких удара, когда она заметила статную фигуру принца в окружении свиты. Домиций шел рядом, ведя с ним беседу. Амина сжалась, но тут же взяла себя в руки.

— Наш повелитель вернулся!

Принцесса делано пожалала плечами и вновь опустилась на ковер, ухватив пергамент с описанием побоища в дальнеземной пустыне. Литеры расплывались перед глазами, смысл написанного перестал быть понятным, а предательские отметины на груди вновь заняли тупой болью. Меру масла она просидела так, прогоняя пугающие видения своего скорого столкновения с жестоким принцем, не в состоянии разобрать больше ни слова из летописи. А вскоре явились две еще незнакомые Элике рабыни, сказав, что повелитель велел проводить принцессу в купальню. Амина кивнула и засуетилась, собирая в корзину отрезки шелка и флаконы ароматических масел, заявив, что тоже будет находиться рядом.

В купальне был выточен огромный бассейн, питаемый теплыми подземными источниками. Элика еще ни разу сюда не спускалась, ограничиваясь ванной в покоях, дабы не распарить поврежденную кожу. Под надзором Амины девушки осторожно, чтобы не причинить боли, вымыли принцессу, удалив с тела почти всю растительность, смазали

маслом, помассировав затекшие от бездействия мышцы. Красивое платье цвета восходящей зари уже ожидало свою хозяйку в ее покоях. Принцесса по-женски залюбовалась прекрасным тонким шелком. Слава Анталу, что в намерения принца не входило унижение ее достоинства рабскими одежаниями.

К приходу Домиция она морально подготовилась. Безропотно позволила связать свои руки алой шелковой лентой. Распутать этот узел не составило бы труда, это был некий ритуал, но Элика не предприняла такой попытки. Неизвестно, что остановило ее — страх вновь испытать на себе плеть или же понимание бесплодности такого протеста. Она не проронила ни слова, позволив отвести себя в царские покои.

Принца там не было. В тайне радуясь короткой передышке, девушка осмотрелась. Факелы горели в высоких напольных светильниках, сглаживая острые линии обстановки. У Элики пересохло горло при виде широкого ложа, застеленного шелком и шкурами, с резными столбиками у изголовья. Она поспешно отвела взгляд и опустилась на подушки. Тревога нарастала с каждой секундой. Неизвестность ожидания томила. Что сегодня? Снова плеть? Будет истязать ее, как Керру когда-то? Пусть. Она выживет. Даже если он ее сломает, обязана выдержать. Чтобы в будущем отомстить.

Элика не смогла поднять голову, когда услышала его шаги. Смотрела в сторону, опираясь на связанные руки, ощущая, что ужас вместе с опустошением словно наполняет ее какой-то неизвестной энергией, что пугало еще больше.

Сильная рука негрубо сжала подбородок девушки. Против воли их глаза встретились. Вздвогнув, Элика безошибочно прочла в них то, что напугало ее больше перспективы избиения.

— Как ты себя чувствуешь?

Голос прозвучал сухо. Ни удивления, ни сострадания. Элика сглотнула, вновь опустив глаза в пол.

— Спасибо. Хорошо.

Хорошо. Настолько хорошо, насколько может чувствовать себя горная пантера с перерезанными сухожилиями под занесенным для смертельного удара топором охотника.

— Встань, — спокойно велел Кассий.

Словно в полусне, Элика медленно, опираясь на руки, поднялась, не понимая, как так быстро стальная воля мужчины взяла верх. Она ощутила пристальный взгляд, взгляд Хозяина, и слезы сжали ее горло.

Между тем принц легким движением потянул за край алой ленты, опоясывающей ее тонкие запястья. Но ощущение свободы так и не пришло. Его взгляд словно прожигал кожу сквозь тонкий шелк платья. Девушка задрожала, когда его рука отбросила прядь волос с ее лба, поглаживающим движением спустившись ниже. Теплые пальцы очертили изгиб губ, пытаясь раздвинуть их плотно сжатые створки. Элика сжала зубы, но Кассий пока не настаивал на этом. Его рука переместилась на шею, обведя полукруг.

— Эта шея никогда не знала ошейника рабыни, — спокойно отметил принц. Но, несмотря на спокойствие, в его голосе не было ни капли ласки или мягкости.

Предательская дрожь вновь охватила принцессу. Он был так близко! Элика зажмурилась, услышав новый приказ.

— Дай мне свои губы.

Она в слабом протесте отшатнулась, но сильная рука удержала ее затылок. Прикосновение чужих губ словно опалило пламенем страха, девушка приоткрыла рот, жадно

глотая воздух. Чужой язык проник сквозь створки плотно сжатых губ. Элика не успела прийти в себя от нового, непривычного ощущения такой абсолютной близости, но прикосновение рук мужчины к ее груди вызвало сокрушающую волну паники. Забившись в крепко держащих руках, принцесса отчаянно рванулась в сторону, не удержавшись от крика. Хватка принца усилилась, и от его слов повеяло холодом. Та же ледяная сталь была теперь и в его взгляде.

— Прекрати кричать и не зли меня! — встряхнув девушку, процедил Кассий. — Я могу быть очень жестоким! Тебе это известно, или ты еще не осознала своего положения?

Его руки грубо рванули платье. Треск рвущегося шелка оглушил. Рука, удерживающая ее голову, сжалась, потянув за волосы вниз. Принцесса онемела от резкой перемены, бросив на принца затравленный взгляд. Один миг этого поединка взглядов словно окатил приливной волной. Кассий сглотнул, ослабив хватку.

— Тише. Не бойся, девочка, я не сделаю тебе плохо, — его губы вновь накрыли ее губы, ласково и властно одновременно, но нежность уже не смогла остановить накатившую панику. Элика всхлипнула, вдруг ясно осознав, что же будет дальше. От этой яростной атаки вся ее смелость словно испарилась.

"Я должна упасть ему в ноги, — лихорадочно подумала она, — Пусть я потом не прошу себе этого, пусть он увидит меня на коленях, но я этого просто не вынесу. Я должна умолять его не делать этого со мной... Пусть увидит меня растоптанную, мне нужно всего лишь выиграть время..." Колени уже предательски подогнулись, Элика вскинула на принца взгляд, полный униженной мольбы и невысказанной просьбы... И вдруг ясно осознала, что это унижение ровным счетом ничего не изменит. Всего, чего она этим добьется — лишь нежности, ничего не значащих слов утешения... И больше ничего. Она не хотела! За что он приготовил ей такую участь? Неужели избиения плетью было недостаточно? Боль от того, что ей придется сегодня разделить постель с жестоким врагом, жгла сокрушающим пламенем изнутри.

Платье беспрепятственно упало к ее ногам. Сильные ладони с неожиданной нежностью накрыли ее грудь, пальцы описали спирали. Непривычная дрожь пробежала по позвоночнику Элики от этих прикосновений, но боль унижения от осознания собственной наготы и подчиненного положения почти мгновенно уничтожила робкий росток так и не набравшего обороты возбуждения.

Его пальцы, оставив в покое грудь, обхватили ее талию, с легкостью приподняли в воздух. Принцесса не успела опомниться. Мужчина опустил ее на постель и навис сверху, обрезая пути к отступлению. Его губы, несмотря на нежность, словно опалили кожу, руки, казалось, оставили горящие отметины, хотя прикосновения не были грубыми. Его язык ласкал ее упругую грудь, осторожно касаясь заживающих ссадин, но ужас вместе с отчаянием не позволил рассудку и телу расслабиться.

На миг Кассий отстранился от своей желанной добычи, что-то схватил у изголовья столбиков кровати, и в следующий момент Элика ощутила, как крепкая веревка стянула ее запястье. Он собирался овладеть ею связанной! Лишить шанса на сопротивление, словно животное! Этого оказалось достаточно, чтобы страх, унижение и отчаяние выплеснулись наружу в совершенно не подходящей для этого форме. Не понимая, как это могло произойти, гордая принцесса прижалась к его груди, увернувшись от требовательных рук, пытавшихся удержать ее на месте.

— Прошу тебя, нет... — она всхлипнула. — Не связывай меня... Я сделаю все, что ты

скажешь... Умоляю.

Собственный голос показался ей неестественным. Пустым и обреченным. Слезы брызнули из глаз, потекли по щекам, смочив уже почти затянувшуюся рану в виде А-литеры на груди мужчины. Его мышцы напряглись. Пару мгновений Кассий оставался недвижим, затем с каким-то усталым вздохом сжал пальцами ее подбородок, заставляя взглянуть в глаза. Элика отшатнулась, кусая губы и пряча слезы.

— Могу ли я тебе верить? — Элика промолчала. Принц с сожалением размотал узел на запястье пленницы. — Ложись на спину и будь готова принять своего господина.

Принцесса подчинилась, всхлипнув, когда ощутила на себе вес его тела. Мужчина быстро избавился от кожаных брюк. Его губы вновь проложили дорожку от губ к шее, но Элика даже не заметила череды поцелуев. Ласки стали все более смелыми, прерывистое дыхание обжигало кожу. Девушка мысленно возвала к богине Атланты Криспиде, умоляя дать ей силы и поскорее закончить этот ужас. Но когда восставший член мужчины коснулся врат ее женского естества, Элика потеряла над собой контроль.

— Остановись! Нет! Не надо! — слезы хлынули сплошным потоком, сжатые в кулаки ладони обрушили на насильника град ударов, в которых не было никакой силы. Она опомнилась, лишь когда поняла, что ее руки сжаты его пальцами словно в стальные тиски. В потемневших от желания глазах мужчины читалась ярость.

— Только что ты заставила меня пожалеть о своем великодушии, — с этими словами он вошел в нее полностью, одним резким ударом.

Из горла девушки вырвался нечеловеческий крик. Боль отобрала способность двигаться, ей показалось, что он разорвал ее пополам своим яростным проникновением. С каждым толчком разламывающая боль все усиливалась, Элика даже не осознавала, что не кричит лишь потому, что он закрыл ее рот грубым поцелуем. Обхватив стройные бедра пленницы, он притянул ее еще ближе, усиливая пытку, пронзая до упора.

На какой-то миг он вынырнул из водоворота разрушающего вожделения, с удивлением взгляделся в ее искаженное нечеловеческим страданием лицо. Она уже не кричала, лишь тихо плакала под его яростной атакой, словно в бреду умоляя остановиться. На миг принцу стало не по себе от собственной жесткости.

"Остановись, прекрати ее наказывать, ты же ее убиваешь..." — пронеслась в голове быстрая мысль, но страсть тут же растерзала ее на мелкие осколки, вновь одержав верх над разумом. Забыв обо всем, он ускорил движения, зарывав от острого удовольствия, перед тем как излиться в безропотное тело сломленной пленницы мощным оргазмом.

...Ощувив слабое запоздалое раскаяние за свою несдержанность, Кассий попытался обнять плачущую девушку, но Элика, закричав, забилась в угол, натянув на себя шелковое покрывало. Потрясение от пережитого изнасилования оказалось настолько сильным, что она сразу впала в забытие, перестав воспринимать окружающую действительность.

Под утро ей все же удалось уснуть. Ей снился дом, уверенная сталь боевого меча в ладонях, присутствие брата рядом. Безопасность. Проснувшись за полмеры масла до рассвета, девушка счастливо улыбнулась, все еще полагая, что она в Атланте, но тут боль от резкого движения скрутила низ живота, и Элика испуганно вскочила на постели.

Он лежал рядом, опираясь на согнутый локоть, и наблюдал за ней. Ужас реальности прогнал остатки сна, и Элика сжалась, обхватив себя руками.

— Я не могу оставить без внимания тот факт, что ты не получила удовольствия. Полагаю, стоит это исправить, — спокойно сказал Кассий.

Девушка натянула одеяло, пытаясь уйти от его объятий. Факелы еще слабо полыхали в предрассветной мгле, и ощущение наготы только подчеркнуло ее уязвимость. Собрав последние силы, Элика обернулась шелковым покрывалом и вскочила на ноги. Но резкий приступ слабости и головокружения заставил сесть обратно.

— Снова?! — сдавленно прошептала она. Она ожидала нападения и беспощадных прикосновений рук, которые вновь растянут ее на постели, но ответом ей была неестественная тишина. Девушка обернулась.

Кассий потрясенно смотрел на нее. Его руки разглаживали белый шелк, на котором даже во тьме четко выделялось алое пятно крови.

— Это был твой первый раз?! — хрипло выдохнул он в неподдельном изумлении.

Элика устало опустилась на шкуры. То, что он с ней сделал... Наверное, даже самый изощренный ум не мог ей придумать наказания более жестокого. Вместе с телом он взял всю ее сущность, разломав на части, которые вряд ли соединятся между собой когда-либо.

— Почему? — требовательный вопрос безжалостно перебил попытки выстроить вокруг себя мнимую стену защиты. — Почему ты не сказала мне об этом?

В его голосе послышалась растерянность и волнение. Элика сглотнула.

— Это бы что-то изменило? Ты бы меня не тронул?

Кассий ощутил ее отчаяние и невысказанную надежду. Менять что-либо было поздно, и он решил быть честным хотя бы сам с собой.

— Нет. Просто я был бы нежным с тобой. И смог сделать так, что ты бы не ощутила боли.

"Еще один удар" — устало подумала девушка. Принц выпрямился во весь рост. Элика бездумно опустила взгляд ниже и охнула от испуга, смешанного с изумлением. Выругавшись, Кассий поспешно натянул брюки, проклиная себя за излишнюю самонадеянность. Даже после того, как все случилось, вид возбужденного мужчины все равно потряс гордую девчонку.

Смочив отрез ткани в прохладной воде, он решительно повернулся к Элике, которая, не сводя с него ошеломленного взгляда, натянула шелковое покрывало почти до подбородка. Принц требовательно вырвал его из ее рук и отбросил в сторону. Оставив бесплодные попытки прикрыться, девушка закрыла глаза рукой, словно это могло сделать ее невидимой, только в слабом протесте застонала, ощутив прикосновение влажной ткани к бедрам. Кассий осторожно смыл с ее тела следы крови и своего семени.

От легких прикосновений боль понемногу утихала. Элика оказалась не готова к любому проявлению заботы, не смотря на то, что это случилось не впервые. Она была готова к

повторению жестокости, но внезапное участие ненавистного врага нанесло неожиданный удар в спину. С этим справиться оказалось невозможно. Шок от пережитого просто пробил ее баррикады рассудка очищающими рыданиями.

Она вновь капитулировала. Окончательно. Бесповоротно. Ее разум отказывался воспринимать воедино две разные сущности своего врага.

Кассий был рядом. Он нежно притянул к себе рыдающую невольницу, согревая теплом своего тела. Элика даже не стала вырываться. Мужчина ласково гладил ее спутанные темные волосы. Элика едва разобрала его успокаивающие слова, от которых слезы только усилились.

— Тише, хорошая моя. Я с тобой. Ты в безопасности. Обещаю тебе.

В какой-то миг он поймал ее взгляд. Один короткий миг, и тут всю его сущность пронзило непонятным разрядом, прямым ударом чужой боли. Неизвестно, как такое могло произойти. Пытаясь скорее прогнать это пугающее ощущение, Кассий сильнее сжал в объятиях плачущую девушку. Успокаивать кого-либо, кроме своей сестры в далеком детстве, ему не приходилось. Благородные леди никогда не показывали слез, как, впрочем, и других жизненно важных для сексуального единения эмоций, а на слезы рабынь он давно перестал обращать внимание. Он не вполне осознавал, что говорил сейчас.

— Ну, перестань... Все уже позади... Это бы все равно случилось с тобой рано или поздно, — тело Элики сотрясилось под его руками. Слова, казалось, лишь углубляли истерику. — Поплачь. Станет легче. Я разрешаю тебе.

Сейчас Кассий презирал себя за учиненную жестокость. Месть лишила его разума. Только сейчас он начал понимать, что в его руках оказалась вовсе не дерзкая, избалованная королевская дочь, а, по сути, маленькая девочка в глубине души.

— Я хочу к себе... — тихо прошептала Элика, когда истерика понемногу отступила. Непонятно, что она имела в виду. Обратно в родную Атланту или же назад в отведенные ей гостевые покои. Противоречивые желания сейчас разрывали ее на части.

Выждав еще немного времени, Кассий осторожно обернул ее шелковым покрывалом, словно придавая этим жестом чувство мнимой безопасности. Девушка резко вскочила с постели, но тут внезапный приступ слабости согнул ее колени, и она вновь упала в предусмотрительно раскрытые объятия своего мучителя. Принц легко подхватил ее на руки, с внезапно дрогнувшим сердцем отметив, как доверчиво прижалась к нему сломленная насилием пленница, ища поддержку там, где ее по всем законам не могло быть вовсе.

Дворцовые воины на страже его покоев даже не изменились в лице при виде принца с полуобнаженной девушкой на руках, хотя, по их мнению, было чему удивляться. Дремавшая в углу комнаты служанка Амина при их появлении неловко вскочила на ноги, растирая кулачками сонные глаза. Спросонья ей не удалось скрыть изумления, и она уставилась на своего господина с полуоткрытым ртом.

— Вон! — спокойно приказал Кассий, опуская Элику на постель и укрывая теплым шерстяным одеялом.

Первые лучи утреннего солнца озарили комнату в нежный персиковый свет, усиленный цветными оконными стеклами. Начинался новый день. Элика сжалась на постели, обхватив себя руками. Слез больше не было. Страх вновь охватил ее, но страх иного рода. Она боялась остаться наедине с собой, прекрасно понимая, как сильно будет разрывать ее сердце ненависть к самой себе после свершившегося.

Кассий осторожно поцеловал ее в лоб. У Элики даже не было сил ему в этом помешать. Зачем? Зачем эта непонятная нежность?! Разве не этот мужчина совсем недавно разрывал ее

тело на части в бесконтрольном насилии?

— Я должен был догадаться... — с неприкрытым сожалением в голосе произнес он. — Прости меня. Я дам тебе три круговорота солнца, чтобы ты пришла в себя. Клянусь, за это время я к тебе не прикоснусь.

Три круговорота?.. Элика сглотнула. Неужели через три дня все повторится, и он проделает с ней это снова?.. Снова эта боль?! Дрожь охватила тело принцессы. Она не вынесет! Пусть к физической боли ей не привыкать, но с моральным насилием она столкнулась впервые. Три круговорота, такая малость... Сломает. И у нее не хватит больше сил ему противостоять...

Принц успокаивающе сжал ее руку и направился к двери. Словно огненная молния пронзила сознание девушки. Элика не понимала, откуда пришло это дикое, неуместное желание, ее пугала уязвимость внезапно обнажившегося сознания, которое само по себе, отключив разум, заставило ее говорить эти слова, которые не должны были слететь с ее языка... Но это случилось.

— Кассий... — хрипло позвала его она. — Не уходи... Прошу...

Обернувшись на полпути, мужчина обратил на нее взор, полный неподдельного изумления. На миг ему показалось, что отчаянная просьба принцессы есть нечто иное, как игра его расшатанного воображения. Он неуверенно сделал пару шагов навстречу принцессе, все еще не веря услышанному.

— Ты хочешь, чтобы я остался?.. После всего, что сделал ночью с тобой?

— Останься... Иначе я просто сойду с ума. Прошу тебя... — Элика сама не осознавала, сколь сильно сейчас нуждалась в поддержке... И утешении, пусть даже оно исходило от обидчика. Когда Кассий, приблизившись, взял ее за руку, она отчаянно сжала ее в ответ, опасаясь отказа в просьбе.

— Но ты будешь помнить, пока я здесь... Ты не сможешь забыть... — мягко напомнил он.

Принцесса поспешно замотала головой. Возможно, вскоре она об этом пожалеет... Может, уже сегодня... Может, через время... Но сейчас ничто не имело значения. Ощущение крепкой каменной ограды подле своего врага убивало напрочь все плохие мысли и воспоминания. Что-то похожее было рядом с Домицием, но совсем по-иному, ведь его она привыкла считать другом, несмотря на обстоятельства их встречи и дальнейшего знакомства. Не будь она столь разбита и сломлена этой ночью, наверняка бы разум велел ей выцарапать своему мучителю глаза или, несмотря на боль, разбить на его голове вон ту большую вазу с неизвестными ей красными цветами. Но разум словно спал, отказавшись помогать, и сознание захватило власть, рассудив все по-своему.

— Кассий, я постараюсь. Только прошу, избавь меня от этих страданий!

Увидев уже знакомый, отчаянный огонь в глазах своей пленницы, принц успокаивающе сжал ее в объятиях. Ростки какого-то нового, неизвестного прежде чувства понемногу прорастали в его душе. Она его девочка. Этой ночью он сделал ее своей. И он укроет ее от любой боли... Кроме той, которую причинит сам. Сам... Это он понимал очень отчетливо. Но еще не сейчас. Сейчас он сделает все ради нее и этой отчаянной просьбы.

— Ты никогда не наблюдала рассвет в Лазурийской пустыне, что находится в четверти круговорота пути от Кассиопеи, — Кассий притянул к себе Элику. Понемногу ее плечи расслабились под его сильными руками.

— Это необъяснимо, начало нового дня не раз заставляло меня в других пустынных

местах, но я никогда не видел ничего подобного. Представь солнечный металл не желтого, а красного оттенка. Ночь пустыни темна и глубока. Звезды словно касаются твоих плеч, а темнота поглощает полностью, и, в момент Великого Падения Звезд, которое, кстати, начнется уже спустя четверть зимы, кажется, что они летят в тебя подобно стрелам, и появляется острое желание уклониться от их падения. А потом дальний горизонт почти мгновенно охватывает красным пламенем. Впервые это даже может напугать, ощущение стены огня, которое движется тебе навстречу, медленно, но неотвратимо. За твоей спиной все еще непроглядная ночь и звезды касаются головы, словно хотят уберечь тебя от этого огня... А перед глазами — яркий свет зарождающегося круговорота. Языки его пламени словно крадутся по песку, неспешно, уверенно, зная, что от них все равно не скрыться. И лишь когда они достигают твоих ног, и ты чувствуешь не жар, а ласковое тепло утреннего солнца, ты про себя лишь восхищаешься силой своего воображения. А за спиной все еще непроглядная тьма, и она словно разрезает небо, деля его на до и после... Если Фебус набирает полную силу, его часть уходит во тьму и остается яркой, а та, что освещена солнцем, практически незаметна. Необъяснимо, но это поднимает боевой дух на неизведанную высоту. Чаще всего я был там именно как воин, в тот момент возник конфликт с кочевыми племенами... Я никогда не верил во всевластие дипломатических отношений, но мой преданный друг Домиций Лентул всегда находит пути к мирным договорам, это в его крови с юности, а ведь мы росли вместе... Тогда нам удалось достичь соглашения во многом благодаря ему. Кочевые племена признали нашу власть. Я изучал историю Атланты, и мне известно, что твоя бабушка, великая императрица Атлантида, в свое время именно силой своего разума и склонностью к мирным переговорам положила край непримиримой вражде племен, более того, почти одновременно все они приняли власть империи и присягнули ей на верность. Но я отвлекся...

Кочевники в данный момент оставили пустыню. На месте их стана, единственный в горячих песках, стоит оазис с подземным источником и рощей пальм. Это священное место. В Начале Времен верховный бог Эдер спустился на землю, где тогда сплошь царил бескрайняя пустыня, окруженная водами океана. Именно он создал здесь бьющий из-под земли живительный источник и окружил его тенистой сенью пальм, дабы дать себе отдых от бескрайних трудов создания мира и поразмышлять о дальнейшем его совершенствовании.

В ту же ночь, когда спустилась непроглядная тьма, и лишь Фебус освещал бескрайние пески, на землю спустились три прекрасные воительницы черного царства бога Лаки. Юные девы, посвятившие себя служению Хаосу и тьме, носили за спиной черные крылья, и могли передвигаться лишь под покровом ночи, ибо свет солнца лишал их способности летать. Узрев под сенью деревьев источник кристально чистой воды, эти девы не устояли перед соблазном искупаться в нем. Здесь и застал их Эдер. Служительницы тьмы не узнали в нем бога Света, а, поскольку соблазн и сладострастие были для них вовсе не пороками, а доблестью, они щедро одарили бога своими ласками. Иначе дело обстояло с Эдером: он знал, кто эти три юные прелестницы, и желание подчинить дев своей воле стало для него целью. Каждую из них в ту ночь он несметное количество раз вознес до звезд, и лишь на рассвете удовлетворенные и опустошенные красавицы уснули подле него. Они спали столь крепко, что наступивший рассвет сжег их черные крылья на заре восходящего солнечного круговорота. Не имея возможности вернуться в свое царство Хаоса без черных крыльев, три девы стали добычей Эдера. В страхе они призывали Лаки, умоляя о спасении, но бог Тьмы не смог спуститься на землю при свете дня. Вернее, он попытался это сделать в следующую

ночь, но Эдер окрасил лучи рассвета в огненный пламя, закрыв Лаки путь на землю. Лишь после этого вознесся в царство света, прихватив трех бывших воительниц тьмы с собой в качестве добычи. Уже там он всерьез задумался о коварстве Лаки, создавшего такую красоту в разрушительных целях. Несметное количество времени понадобилось Эдеру, дабы сломить гордых дев и подчинить их своей воле. После этого три красивые женщины положили начало человеческому роду на Земле, первыми детьми, рожденными от бога. Так повелось и поныне. Женщины в душе носят знак черных воительниц, но мужчины, подобно богу Света, всегда добиваются их смирения и покорности, дабы не дать черному началу воскреснуть и выпустить черные крылья... И не дремлет бог Лаки, отравляя их души и помыслами мыслями о свободе и равном праве наедине с мужчинами...

Элика прикусила язык. Ей было хорошо в объятиях принца, так увлеченно рассказывающего об истории своей земли, и слабые возмущения с приведением в противовес своих родных легенд неминуемо нарушило бы это шаткое перемирие. Если рассмотреть религиозные эпосы Кассиопеи с точки зрения Атланты, то и всем атланкам следовало бы покоряться Лакедону, а не Анталу. Девушка лишь устало склонила голову на плечо принца. Нервное напряжение прошедшей ночи требовало спасительного сна, но состояние странной безопасности и спокойствия вместе с интересом к рассказу Кассия заставляло из последних сил бороться с сонливостью.

— Чужаки не смеют делать привалы в этом месте. Говорят, Эдер ревностно оберегает свои владения, и в случае нарушения этого закона моментально спустит на землю небесный огонь. Но, признаться, в это мало кто сейчас верит. Скорее, суть этой легенды кроется именно в красном огне закатов и восходов Лазурийской пустыни. Чужеземцы даже остерегаются пересекать ее, да и получить такое право и без того дано не каждому. Это поистине священное место. Сколь много не ходил я морем и земной твердью в другие земли, ничего подобного встречать не приходилось. Хотя каждое зарождение нового солнечного круговорота прекрасно само по себе, тот, кто узрел рассветное пламя, забыть его уже не сможет. Я очень хочу, чтобы ты это увидела сама, в такую красоту сложно не влюбиться. Сейчас еще преждевременно об этом говорить, но обещаю тебе, когда-нибудь я покажу тебе зарождение солнца в пустыне. Это мое обещание. И знай, что бы ни произошло с нами в дальнейшем, я его не нарушу. Мне очень хотелось бы, чтобы ты мне верила...

Элика ничего не ответила. Любое неосторожное слово сейчас бы просто-напросто разорвало бы их особую, непонятную, идущую наперекор всем обстоятельствам связь. Кассий замолчал, рассеянно поглаживая темные волосы девочки, которую теперь очень отчетливо ощутил СВОЕЙ. Элика расслабилась и доверчиво прижималась к его груди. Тонкая нить доверия еще была очень шаткой и хрупкой, и разрывать ее не хотелось. Принц мог бы снова овладеть пленницей, не встретив сопротивления, конечно, при условии абсолютной нежности, и лишь мысль о том, какую боль она неминуемо испытает снова даже при очень бережном отношении, заставила его отказаться от своих помыслов. Дабы задавить в себе внезапно вспыхнувшее желание совсем несвойственного ему нежного соития, он продолжил свой рассказ. Воспоминания помогли совладать с собой, и его голос очень быстро выровнялся, не успев испугать принцессу проявившейся в нем хрипотцой.

— За океаном есть земля Белого Безмолвия. Тебе наверняка приходилось бывать высоко в горах?

Элика отрицательно мотнула головой. Принц продолжил.

— Там царство абсолютного холода. Если плыть из Кассиопеи, на десятый круговорот

солнца приходит леденящий ветер. Воды океана теряют свою лазурную прозрачность, их цвет достигает порой самого темного оттенка мраморной глыбы. Волны поднимаются до небывалых размеров, иногда заливая палубы флотилии, тотчас застывая твердым льдом на остовах кораблей. Раз мне удалось увидеть большие глыбы льда далеко в океане. В ночи кажется, что внутри этих ледяных скал полыхает зеленый огонь и манит к себе, но это лишь обман зрения. Однажды корабль флота моего ныне почившего в чертогах Эдера отца, поддавшись зову зеленого сияния, раскололся надвое. Много лучших воинов Кассиопеи погибли в убивающих холодом водах этого океана... Но так стала известна тайна этих ледяных глыб. Они безжизненны, но свет звезд и свет необъяснимого явления в виде сияющего отреза тонкого шелка в ночном небе преломляется в гранях этого плывущего острова, словно в кристалле слезы пустыни...

Берега земель Белого Безмолвия негостеприимны, волны кружат корабли словно щепки, грозя выбросить на скалистое побережье, где ждет неминуемая смерть. Спасение лишь в длинных заливах, окруженных горами, где не столь сильно бушует стихия.

Говорят, в начале времен эту землю так же ласково грело солнце, но Лаки облюбывал ее для вершения Хаоса и Тьмы, заточив в оковы льда и холода. Круговорот солнца там длится ровно зиму. Ползимы — вечная тьма, вторую же половину — серый неприветливый свет долгого дня. Местные обитатели носят шкуры убитых животных и живут охотой и рыбным промыслом. У них белоснежная кожа и очень светлые глаза. Немногим из них удалось пересечь океан и прибыть в наши земли; некоторые ушли в дальние края, куда еще не ступала нога человека, в поиске лучшей судьбы. Одному Эдеру ведомо, что же они там нашли, потому, как никто оттуда еще не возвращался...

Сон постепенно окутал Элику своими ласковыми покрывалами. Она еще рассеянно слушала рассказ принца об иных, неведомых ей цивилизациях, многие из которых так и не смирились с нашествиями на их земли захватчиков, остальные же терпели поражение от войска Кассиопеи, сдавая свои города иногда с боем, иногда без...

Здесь, во дворце, никто не знал секрета приготовления бодрящего напитка из зерен горького кофейного кустарника, который придавал очень много сил и позволял до двух круговоротов солнца держаться в седле без перерыва на сон, и Элика впервые пожалела об его отсутствии. Не хотелось прерывать эти мгновения, принесшие ощущение безопасности и позволившие забыть о своем шатком положении рабыни в руках жестокого воина. Принцесса каким-то неведомым ранее женским чутьем понимала, что стоит ей закрыть глаза, и стертая грань между ней и мужчиной, так заботливо сжимающим ее в своих сильных и ласковых объятиях, вновь поднимется до заоблачной высоты. Что неожиданная нежность принца завтра вновь исчезнет, испепеленная жаждой его мести и обладания, что эти сильные руки будут снова сжимать ее до боли в случае непослушания, и что он сам наверняка выплеснет свою злость за свою сегодняшнюю мягкость кровавыми узорами на ее коже. А она сама, проснувшись, не сможет простить себе свою совсем не насильственную покорность в его руках, свой интерес к его рассказам и игры своего подсознания, которое, пусть на недолгое время, но позволило ей ощутить себя снова почти счастливой...

****

Лэндал резко вскочил со скамьи, стоило ему услышать приближающиеся к военному шатру уверенные шаги, и решительно сжал рукоять меча у пояса. Несмотря на сильную усталость, силы его словно удесятились в стане негласного врага, где, казалось, с каждого угла скалила в подлой улыбке зубы опасность.

Политические интриги матери с тракийцами ему давно были не по душе. "Врага надобно держать подле себя, — любила повторять на этот счет матриарх. — В поле своего взора и как можно тщательнее. Это слова твоего отца."

И он следовал ее позиции как мог, зная почти каждый шаг Далана Тракийского благодаря лучшим шпионам империи. Они давно донесли принцу, что к похищению Элики этот воин, скорее всего, непричастен, но Лэндал отказывался верить до тех пор, пока не убедится в этом сам.

Далан Тракийский решительно вошел в шатер. В его темных глазах плясали искры беззлобной иронии. Мужчина перевел взгляд на руку Лэндала, сжавшую рукоять меча, и вдруг, закинув голову, гортанно расхохотался.

— Лэндал Непобедимый, принц Атланты, мое почтение. Но ты полегче. Даже я не переступаю этот порог с оружием в руках, дабы отдать дань почтения Воинствующему Варию.

Юный принц на миг замер, затем поклонился великому воину, соблюдая приветственные традиции Атланты. Ему хотелось вцепиться в глотку этому напыщенному вояке, выбить из него признание в причастности к похищению сестры, но с каждой зимой принц все больше и больше контролировал свою эмоциональность, благодаря дипломатическому учению советника Антония.

— Далан Непобедимый, рад приветствовать. Да ниспошлют тебе боги сладость побед и да спасут от горечи поражений! Я держу путь из Озерии дабы вести с тобой беседу межгосударственного значения с глазу на глаз.

— Конечно. Будь моим гостем. Как обстоят дела в царственной Атланте? Как здоровье прекрасной царицы Лаэртии? Я надеялся, увидев тебя здесь, что ты принес мне благую весть и матриарх Справедливая приняла решение об оказании мне военной поддержки, но, увы... Будь принято такое решение, я был бы приглашен во дворец. Известна привычка вашей правительницы приглашать лишь тех, кого она осчастливила своей благосклонностью в подписании соглашений.

— Империя процветает, как и здравие моей матери, — поколебавшись, Лэндал отстегнул от пояса меч и положил на пол шатра. Его нервировала покровительственная улыбка зрелого воина, который в силу возраста годился ему в отцы.

— Я рад за нее. Она прирожденная королева, — тракиец замолчал, ожидая, пока появившаяся в шатре служанка расставит столовые приборы. Следом двое воинов принесли блюдо с жареным мясом, тонкие хлебные лепешки и амфоры вина. Лишь когда они остались одни, Далан вопросительно посмотрел на гостя. Лэндал не стал ходить вокруг да около.

— Двенадцать круговоротов солнца тому в империи случилась беда. Моя сестра Элика пропала. Ее похитили, и мы не знаем, кому и зачем это было нужно. Во время нападения были убиты трое работорговцев из черных земель, но дальше следы теряются. Известно лишь, что ее нет в Черных Землях, как и на рабовладельческих рынках... Даже на тайных, ибо, как известно, я всегда одним из первых узнаю о новых редких рабынях через доверенных мне людей.

Тракиец пригубил вино, все так же иронично поглядывая на молодого принца.

— Стало быть, ты сразу записал меня в возможные похитители, — он улыбался. — Лэндал, я же знаю, сколь детально ты осведомлен о каждом моем шаге. Твои шпионы так забавно в мелочах выдают себя, что мне даже любопытно за ними наблюдать. Я им даже не препятствую, пока это никак не мешает моим планам. Вот только не могу понять, с какой

целью ты здесь. Разве что только твои люди в стремлении выслужиться перед тобой и матриарх стали на путь лжи, приписав мне в заслуги похищение твоей сестры.

— Весь дворец помнит твои угрозы в ее адрес, — сжав кулаки, процедил Лэндал.

Далан все еще веселился.

— О, мои угрозы слышали все империи и княжества в свое время. Но великий воин, запомни, никогда не оглашает своих планов. Да, импульсивность у тракийского народа в крови, с этим трудно поспорить. Но подумай сам, нужна ли мне война с Атлантой? Иначе говоря, смогу ли я ее выиграть? Ты же сам все понимаешь. Наверняка твои люди рассказали тебе об истинном положении вещей. Только я не могу понять, почему они умолчали о самом основном.

— Далан Непобедимый, я понимаю, что это забавно слышать со стороны никогда не терявшего близкого человека, — выдохнул принц. — И я не предъявлять обвинение пришел к тебе сегодня. Ты прав, мне известно, что нет моей сестры здесь. Нет и в твоём дворце. И в глубине души я верю, что ты не прячешь ее в других своих имениях.

— Чего же ты хочешь?

— Сам не понимаю... — Лэндал растерянно посмотрел на великого воина. Он боялся признаться сам себе, что, помимо ненависти, испытывал к нему уважение и где-то даже граничащее с завистью восхищение.

Далан, видимо, и сам подустал от насмешек над принцем. При всей своей мании величия он все же питал симпатию к Лаэртии Справедливой, как к прекрасной правительнице и славной воительнице. То, как тонко вела она с ним войну перстами в белых шелках (игра слов, дословный аналог "революции в белых перчатках"), даже не вызывало раздражения, скорее, восхищало. Да и возможность заручиться поддержкой Атланты входила в его приоритеты, и, хотя пока не была в полной мере реализована, Далан не оставлял своих надежд не на миг, продумывая дальнейший курс на союзническое соглашение.

Элику он видел всего раз во дворце. Малолетняя девчонка, которая обещала вырасти красавицей, практически не запомнилась ему. Позже он без сожаления разжаловал своего военного советника, который тогда умело отравил его разум идеями о брачном союзе, как о единственном способе сближения с империей Атланты. О, тогда он полностью испытал гнев великой правительницы на собственной шкуре, не зиму и не две после этого понадобилось для того, чтобы Лаэртия приняла его извинения и дары. Шаткий мир восстановился снова, но Далан знал, что королева наблюдает за каждым его шагом. Знал, но благосклонно терпел в ожидании скорого соглашения с самой величественной империей на земле, бледным подобием которой могла считаться, пожалуй, лишь варварская Кассиопея.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я не знаю, какие доказательства стоит тебе предоставить, принц, — пожал плечами воин. — Перетрясти все шатры до песчинки? Разобрать по плите мой дворец и иные имения, дабы убедиться, что я ее не укрываю там? Я могу пойти тебе в этом навстречу, но, полагаю, тебе и без этого все известно, ваши посланники работают исправно. Ты прибыл ко мне издалека. Я знаю, сколь мало времени в пути ты уделял сну, стоит только заглянуть в твои уставшие глаза. И всему причиной мое неосторожное высказывание в не столь далеком прошлом в адрес твоей сестры. Ты наверняка хорошо помнишь сей неприятный инцидент. Возможно даже, преподобная матриарх полагает, что я не оставил своих намерений вступить в брачный союз с ее младшей дочерью. Мой интерес, стало быть, должен состоять

лишь в этом? Что ж. Я дам тебе повод убедиться в том, что у меня нет таких намерений. На исходе четвертой декады во дворец Атланты пришла бы моя петиция о моих дальнейших намерениях...

Лэндал непонимающе уставился на воина. Далан изменился. Казалось, морщины и шрамы на лице великого воина моментально разгладились, улыбка утратила саркастический изгиб, а в глаза словно потеплели от какой-то непонятной... Нежности, что ли.

Принц был окончательно сбит с толку. Тракиец, поднявшись на ноги, отодвинул порог шатра, поспешно бросил одному из стоящих в карауле солдат:

— Пригласи в мой шатер леди Электру. Да поскорее!

Лэндал нервно отпил вина, оглядываясь по сторонам. Далан Тракийский вернулся к трапезному столу.

— Принц, я настаиваю на том, чтобы ты не стеснялся вести со мной разговор даже в присутствии... Я вас сейчас познакомлю. В начале сей зимы мы взяли с боем столицу Ласирии. Победенный правитель преподнес мне в дар кассиопейскую пленницу благородной крови, что, впрочем, не спасло его от гибели тогда. Впервые увидев Электру, я ощутил в себе... То, что никогда прежде испытывать не приходилось. Смятение чувств и слабость. То, что, как впоследствии, оказалось, называется любовью... Вся моя сущность оказалась бессильна справиться с этим ощущением. Я знал точно лишь одно, что оставить ее рабыней не смогу. Мне тогда показалось это святотатством. Дабы взять свои чувства под контроль, я решил вернуть Электру в Кассиопею, к ее влиятельной семье. Мне тогда казалось, что они мне будут несказанно благодарны за возвращение дочери. Но когда гонец принес мне их ответ... Лэндал, я знаю, что вы привыкли считать варварами тракийский народ. Но мы никогда не бросали беде своих соотечественников и всегда спешили им на выручку. Мой почивший отец в свое время вел политику выкупа тракийских рабов для возвращения им свободы, чем заслужил неподкупную любовь своего народа. Но Кассиопея... Семья Электры отказалась от нее. Обесчещенной чужаками кассиопейке не место в их обществе. Я был поражен. Я знаю, что вы заключили с Кассиопеей торговые соглашения. Ради политики приходится закрывать глаза на многое. Но меня поразило их отношение к своим женщинам как к низшей расе. Ведь не по своей вине благородная девушка была захвачена ласирийцами, и, сколь бы не была ужасна ее судьба, она осталась жива... Но для таких благородных кассиопейцев была бы предпочтительна ее смерть. Они просто вычеркнули дочь из своей жизни.

Я прервал осаду последнего бастиона Ласирии, дабы в своем царстве провести обряд и пожаловать ей титул благородной леди. Самое малое, что я для нее сделал. По завершению сей зимы она станет моей вольной спутницей. Заметь, никакие блага со стороны Кассиопеи мне это не сулит. Ты понимаешь, какие партии я бы мог рассмотреть, дабы усилить свои позиции. Но мой путь, это путь меча и топора, а не политических брачных союзов.

Полог шатра приоткрылся, пропуская внутрь стройную женщину с волосами цвета закатного пламени. Лэндал поспешно отставил кубок и привстал, дабы поприветствовать вошедшую. Трудно было не признать в ней аристократку по рождению благодаря какому-то скрытому величию и царственной осанке. Принц слегка растерялся, поддавшись очарованию рыжеволосой чужеземки, и мысленно возблагодарил себя за то, что не отказывал в свое время Элике в присутствии на уроках поэзии, большинство которой принадлежало стилосам кассиопейских поэтов.

— Океаны, скрывая желание, волнами дар свой несут побережью. Ибо узреть им

пришлось поступь девы, душой благородной и ликом прекрасной...

Проблеск удивления вспыхнул и погас в глазах гостьи, а лицо озарила приветственная и доброжелательная улыбка. Впрочем, молодая женщина держалась несколько скованно, и лишь когда Далан Тракийский, поспешно вскочив, поцеловал ее, немного расслабилась и поклонилась принцу, прижав ладонь к плечу в приветственном жесте.

— Леди Электра, принц Лэндал из Атланты. Моя, в скором времени, вольная спутница в любви и всевластии.

— Принц великой Атланты, — восхищенно заметила Электра. Далан усадил гостью за стол, несмотря на ее слабый протест. Лэндал понял, что свободные нравы тракийцев для рожденной кассиопейки пока непривычны. Он знал, что их женщинам запрещено участвовать в разговорах мужчин, да и есть за одним столом тоже дозволено не всегда и не всем. А о проявлении нежных чувств за пределами спальных покоев не могло быть и речи.

— Ответил ли я тебе на все твои вопросы, принц Лэндал? — добродушно осведомился Далан.

Принц кивнул, испытав смущение. Достаточно было увидеть, как эти двое смотрят друг на друга, чтобы понять, насколько искренним был с ним тракиец. Лэндал ощутил усталость, опустошение и растерянность. Он так надеялся найти здесь свою сестру и уехать с ней! Что теперь оставалось делать и где ее искать? Вот эти вопросы как раз остались без ответа.

— Разреши мне говорить? — робко спросила Электра, тронув великого воина за плечо. Тот покачал головой.

— Пульс моего сердца, ты же знаешь, что ты вольна в своих поступках и тебе не нужно мое позволение для участия в разговоре. Ты часть меня, и твоими словами говорит и моя воля.

— Мне известно, что Кассиопея заключила с вами союз... — избегая смотреть на принца, произнесла женщина. — Это кажется невероятным, ибо всевластие правящих женщин оскорбительно для... Бывшей моей империи, увя.

Лэндал усмехнулся.

— Но я не вижу в этом ничего странного. Именно благодаря правящей женской династии Атланта достигла столь могущественного рассвета. Мы испокон веков преклоняемся перед женской мудростью и здравомыслием, а оскорбиться этим могут лишь глупцы. Вдвойне странным было нападение принца Кассия на мою сестру, если учесть наши законы о неприкосновенности.

— Элика не пострадала? — удивленно заметил Далан.

Лэндал вспомнил поединок во дворце и бездумно ответил:

— О нет. Пострадал скорее правитель Кассиопеи.

— Он хоть в состоянии будет после своего неблагоразумного проступка дать жизнь наследникам? — расхохотался Далан. — Слава о военном умении принцессы летит даже дальше атланских земель. Несладко ему, видать, пришлось! Они скрестили мечи? Смеею предположить, что принц даже не надеялся получить отпор... За что и поплатился. Уважаю будущую королеву. Несмотря на все дипломатические нюансы, она поступила правильно. Гостям империи следовало бы ознакомиться с ее этикетом и традициями... Как и мне тогда.

— На мечях? — пораженно воскликнула Электра, подавшись вперед. — Но... Но это самое большое оскорбление для мужчины Кассиопеи. Заветы Эдера велят вершить месть обидчику по священному праву Ист Верто! Договор был разорван после этого?

— Нет, мы не стали придавать большую значимость происшедшему, благородная

леди, — ответил Лэндал. — На пиру мы скрестили кубки в знак прощения и примирения. Несколько круговоротов солнца тому принц вновь посетил Атланту во главе торгового флота. Как видишь, нам удалось достигнуть взаимопонимания.

— Боюсь, этого было недостаточно, — Электра обеспокоенно посмотрела на принца. — Пасть от руки женщины... Без воздаяния мести можно за такое навлечь на себя гнев Эдера и милость Лаки, что хуже смерти. Наши законы очень суровы. И я несказанно удивлена тем, что принц не потребовал по праву Ист Верто для себя дополнительных привилегий.

— Теперь ты леди Тракии, — гордо провозгласил Далан. — Здесь нет места вашим суровым законам, ясность моего сознания.

Лэндал расслабился, наслаждаясь обществом опытного воина и его будущей правительницы. Усталость сказалась на его способности здраво рассуждать, и он вскоре забыл об изречениях Электры из Кассиопеи. Лишь какая-то мысль все ускользала от его сознания, мысль о чем-то важном, но о чем, он сейчас и сам не понимал.

На ночь ему предоставили большой и комфортный шатер. Впервые за долгую дорогу принц смог восполнить недостаток сна. С одной стороны, он испытывал облегчение от того, что доблестный воитель, которого уважала даже матриарх, не был причастен к похищению его сестры, а с другой... Он даже не представлял, что же ему делать дальше и где искать Элику. Оставалась призрачная надежда на то, что его сестра окажется в Черных Землях и Латима Беспощадная сотрет в порошок нечестивую расу работоторговцев.

На прощание Далан Тракийский вручил ему свиток пергамента.

— Что это? — удивился принц.

— Это смиренная просьба посетить дворец Лаэртии Справедливой, дабы заручиться ее благословением и пригласить в качестве царственной гостьи на церемонию объединения вольных спутников на исходе сей зимы. И мне хотелось бы знать. Что ты собираешься делать дальше?

— Искать... — поник головой принц. — Искать везде. Снова и снова. Назначить воздаяние тому, кто может пролить свет на завесу сей тайны.

— Я помогу тебе в этом, — подумав, сказал тракиец. — Сегодня на закате я разошлю своих людей в чужеземные территории. Горе тому, кто посягнул на жизнь и честь королевской дочери. И знай, в случае нахождения виновников сего бесчинства, я предоставлю свою армию в ваше распоряжение. Эти земли падут и канут в веках, ибо нет прощения такому поступку.

Не скрывая эмоций, принц дружески обнял великого воина. Что ж, по крайней мере, его путешествие не было напрасным. Удалось достигнуть взаимопонимания с Даланом Тракийским. Хоть какая-то отрада для матриарх, до тех пор, пока не вернется Элика.

Элика резко села на постели.

В этот раз ей приснился кошмарный сон. Образ кассиопейского бога тьмы Лаки пытался вырвать ее из длинных рук бога света, но огненный рассвет словно опалил пламенем, ознаменовав этим победу мнимого светлого бога, лик Лаки приобрел черты Лэндала, кричавшего от отчаяния в огненном пламени начала круговорота солнца.

Амина протянула принцессе кубок с ключевой водой и что-то успокаивающе зашептала. Элика потеряла глаза, оглядывая комнату. В безопасности. Ей так редко снились кошмарные сны, последние были еще в далеком детстве. Она осознала сразу, едва открыв глаза, что находится совсем не дома, а в варварской Кассиопее, в покоях, которые ей отвели как гостье, почему-то решив как-то завуалировать ее истинный статус. В покоях, куда вчера этот варвар Кассий перенес ее на руках, после того как...

Кровь ударила ей в лицо. Элика притянула колени к груди, словно пытаясь скрыться от острого чувства стыда и обреченности. Сломали. Вывернули наизнанку, добрались до самого сердца. Закусив губы, дабы не выдать своих чувств неосторожным стоном, принцесса усилием воли заставила себя посмотреть в глаза служанке, поборов боязнь увидеть в них любопытство или жалость.

— Я долго спала?..

Амина тепло улыбнулась и покачала головой, затем, подняв что-то с софы у оконной ниши, гордо продемонстрировала принцессе. Очередное платье. Нежный шелк темного бирюзового оттенка. Фасон был незнаком Элике, лишь при помощи служанки она догадалась, что ткань так плотно удерживается на груди за счет покроя, что даже не нуждается в рукавах.

— Это традиционное платье благородных леди Кассиопей, — пояснила Амина. — Самый тонкий шелк... Ты счастливица, госпожа, ведь тебя одаривают такими утонченными и дорогими нарядами!

"После того, что произошло вчера, я вдруг стала леди? — двусмысленность ситуации корбила, вызывая дикое желание то ли вцепиться в плечико принцу, то ли разбить на его голове что-нибудь потяжелее. — С учетом того, что он имеет привычку рвать на мне эти платья, скоро их не останется совсем..."

— Все это было у меня в избытке в моем дворце, — немного резковато осадил восторг Амины Элика. Воспоминания о прошедшей ночи сейчас усилили каждое ощущение, каждую эмоцию, и принцесса вновь ощутила себя раскрытой, побежденной неизвестным ей до этого дня оружием. Вновь боль внизу живота стала осязаемой, ощутимой, как и боль в душе, на коже, казалось, пылали огнем его недавние прикосновения. Девушка остро ощутила себя оскверненной, испачканной этими следами, отметинами собственника.

— Амина, собери все что нужно для купальни. Этого права меня, надеюсь, еще не лишили?

— Нет, госпожа. Амине стоит позвать еще служанок или же...

— Не стоит. Я хочу просто вымыться, массажей с растираниями не нужно.

Верная кассиопейка обрадовано закивала головой и принялась резво собирать принадлежности для омовения. Элика, приняв из ее рук легкое одеяние из хлопка — платье подождет ее чистого тела! — нетвердой походкой подошла к зеркалу, стараясь не морщиться

от глухой боли между ног, вспыхивающей при каждом движении. Ей не хотелось просить Амину об обезболивающих снадобьях. Пусть даже служанке известно, что произошло ночью, а наверняка так и есть, признаваться в своей боли и свершившемся насилии было в сто раз больнее. Жгучее чувство стыда окрасило щеки в густой румянец.

Элика удивленно провела рукой по лицу, ощутив жар смущения. Это чувство было для нее совершенно новым. Сколько раз она видела обращенные на нее взгляды мужчин, в глазах которых читалось такое же неприкрытое вожделение! В купальнях родной Атланты мужчины прислуживали аристократам в банях, массируя сильные тела воительниц, и, будь на то желание благородной атланки, услаждали разными способами на горячих камнях терм. Это была одна из любимых забав ненасытной принцессы Ксении. Наблюдая за тем, как кричит от удовольствия ее сестра, Элика испытывала разве что легкое любопытство и неудержимое веселье. Почти каждый день ее ждали упражнения с мечом, арбалетом и копьем, наставления Латимы Беспощадной и рассказы о далеких предках от Тании Мудрой, на фоне которых плотские желания Ксении и умоляющие взгляды мужчин казались жалкими и недостойными внимания. Но от того, что всегда, стоило Элике узреть, как старшая сестра предается любви, как закатываются ее небесно-голубые глаза от неподконтрольных чувств, как изгибается стройное гибкое тело от уносящего в чертоги Антала вожделения, материи неизвестной и неподконтрольной разуму, она ясно понимала, что кричит Ксения совсем не от боли и стыда, сейчас стало вдвойне тяжелее. Душа словно рвалась на части. Не вожделение и не полет пришлось познать юной принцессе от первого своего женского пробуждения, а лишь боль, ломку личности, всепоглощающий стыд и отрешенность. Да и могло бы быть иначе?.. Стоило ли ожидать от насилия такого наслаждения?.. Рабыне не дано испытать полета, свойственного свободной женщине!

И тут Элика прикусила язык. Каждое новое умозаключение приносило все более усиливающуюся моральную травму. Она вспомнила Лэндала. Сколько было у него их, купленных на привилегированном рынке юных рабынь, половина которых не знала иного прикосновения мужчины, кроме как пальцев жадных работорговцев, под взором царственных покупателей снимающих с их полных жизни красивых тел шелковые покровы?.. Совсем юной девочкой она часто испытывала к ним жалость, когда видела, как едва скрывающих слезы девственных невольниц вели в покои брата, словно на заклятие. С молоком матриарх впитавшая в себя наследие предков, прославляющих величие женщины, принцесса часто успокаивала новых одалисок, говоря с ними почти как с равными себе и поддерживая их сломленный тяжелой участью дух. Но на утро, после ночи в покоях принца, слезы, казалось, навеки покидали этих девочек. Пряча счастливый блеск покрасневших от давешних слез и бессонной ночи глаз, все они готовы были петь оды обожания Лэндалу, вознесшему их в чертоги Антала вместо ожидаемого насилия и избиения.

Она, Элика, принцесса Атланты, в глазах Кассия, принца Кассиопеи, было гораздо ниже самой последней рабыни. Он ясно указал ей ее место. Делить с ним ложе зачастую связанной, бессильной, отдавать свое тело лишь для его извращенного удовлетворения, не рассчитывая на проявление милости и участия. Она помнила его слова. Три круговорота солнца дабы не оскорблять его слух криками боли от незажившей раны. Через жалкие три круговорота она вновь будет стоять в его покоях обнаженная... Связанная... Сломленная, открытая его взору. Его насилию. Его злу.

Запоздалая нежность и ощущение утренней близости не имели никакого значения. Он ни капли не смягчился! Он все еще хотел ей мстить, мстить самым жестоким способом, бить

прямо в болевую точку, обнаруженную им в их первую встречу с глазу на глаз.

— Госпожа? Тебе плохо?! — Амина обеспокоенно сжимала ее плечи, заглядывая в глаза.

Элика очнулась, недоуменно глядя на служанку.

Плохо. Моя душа истекает кровью, моя гордость растерзана, разбита на мелкие осколки, и все чем я жила прежде, больше не имеет никакого значения. Мое сердце вчера ночью безжалостно вырвали прямо из груди и продолжают удерживать в ладонях, то сжимая, то отпуская, целуя и снова сжимая в стремлении уничтожить, а оно больше не понимает, что же ему делать дальше — биться ради проявления этой издевательской мнимой нежности, дающей надежду, биться вопреки постепенному удушению или же просто разорваться в сильной ладони в момент следующего проявления ярости и злости и положить конец этим качелям, ломающим его волю и сбивающим бег крови. Оно не ведает, зачем его оставили сейчас в покое, если вскоре эта ужасная пытка начнется снова и сломает все баррикады сопротивления...

"Притворись... Просто изобрази покорность", — сказал ей однажды Домиций Лентул. Но что дала ей эта самая покорность?! Только боль. Иное дело противостояние и борьба, на которую теперь просто не осталось сил...

— Ами, все хорошо, — принцесса прижала ладони к полыхающим щекам и улыбнулась. — Идем в купальню, потому что, признаться, я умираю с голоду.

Амина улыбнулась, и, подняв корзину с банными принадлежностями, направилась к двери. Элика вздрогнула, услышав слабый вскрик, и, вскочив, подбежала посмотреть, что же произошло.

Белокурая рабыня Терида поспешно опустила глаза, растирая ушибленный лоб. От Элики не укрылся оттенок зависти и презрения во взгляде, украдкой брошенном на нее. Амина коршуном кинулась на защиту своей госпожи, расставив в сторону руки.

— Что ты тут забыла? — сурово накинулась она на рабыню. — Разве твое наказание закончилось? Насколько мне известно, твое место в саду, на прополке кустов!

— О, это ненадолго! — дерзко вскинула голову Терида. — Я искала нашего повелителя. Мое наказание свершилось без его ведома.

— Твое место в постели господина больше тебе не принадлежит! — гордо ответила Амина. — И с каких это пор ты решила действовать в обход госпожи Керры?

Элика осадил разозлившуюся служанку и внимательно посмотрела на белокурую невольницу. Девочка сейчас завидовала ей и мучилась от того, что вчера ее место на ложе любви заняла принцесса. Если б эта рабыня только знала, с каким удовольствием Элика уступила бы ей это право, будь на то ее воля!

— Пойдем, оставь ее, — тихо велела она Амине, переступая порог. Горло сжало от ощущения острой несправедливости. Стала бы эта рабыня так рваться в объятия Кассия, подвергни он ее избиению или же унижению насильем? Наверняка нет. Так ли тяжела и непомерна была тяжесть исполняемой ей работы, дабы согласиться на такие страдания в обмен на более легкий труд? Нет. Это могло значить лишь одно. Не боль и не унижение познала эта девочка, которой наверняка исполнилось не намного больше зим, чем Элике, в объятиях принца. Даже рабыня познала в этом удовольствии... И Керра в свое время. Теперь Элика поняла, что значили слова новообретенной подруги о своем вознесении к звездам, невзирая даже на насилие и предшествующее ему избиение плетью.

Эти две девушки по-своему были счастливы... Как бы дерзко и безапелляционно это не

звучало. Принцесса, объятая тяжелыми думами, даже не заметила, как дошла до купальни, очнувшись лишь, когда заботливые руки тактичной Амины помогли ей избавиться от тканой туники. Теплая вода бассейна ласково обняла юное тело Элики, и девушка блаженно закрыла глаза, наслаждаясь этим ощущением. Вода всегда обладала для нее прекрасным свойством смывать плохие мысли и усталость, и Элика, выбросив из головы события жестокой ночи, расправила руки, словно черные крылья воительницы бога Лаки, и поплыла. Тело постепенно вбирало в себя, как казалось, волшебную силу воды, вытесняя сломленный пережитыми невзгодами дух, и девушка помимо воли рассмеялась, обдав веером прозрачных брызг недоумевающую Амину.

— Прыгай ко мне! — она рыбкой погрузилась в воду и вынырнула у мраморного борта бассейна, присев на выточенную из глыбы большой мраморной чаши ступеньку. Служанка растерянно покачала головой, чем еще больше позабавила Элику.

— Прыгай, или я стащу тебя в воду, — лукаво пообещала принцесса, плеснув в девушку водой. Амина, подумав, махнула рукой, беспечно сбросила груботканую тунику и осторожно спустилась по выщербленным ступеням в ласковую воду бассейна.

Элика окончательно забыла о своих неприятностях. Да и приглашение Амины к своим забавам не было случайным. Кассиопейка не носила ошейника, вольным слугам было дозволено покидать пределы дворца, что открывало для принцессы пока еще не окончательно осязаемые перспективы. Стоило прежде всего приблизить ее к себе, поскольку заговорить о возможности побега с Керрой Элика пока остерегалась. Она беззаботно плескалась в воде, осыпая служанку кучей брызг, и смех обеих девушек заполнил сводчатый потолок купальни.

— Ложись, я разотру твою кожу, — меру масла спустя предложила Амина.

Элика ловко взбежала по ступеням бассейна и, спружинив руками, с разбегу улеглась на подогретый лежак. Плавание вновь вернуло тонус ее ноющим от вынужденного безделья мышцам, вода внезапно утихомирила ноющую боль внизу живота, вместе с тем вселив в душу невероятную уверенность и веру в собственные силы. Да, то, что пришлось пережить ей ночью, было больно, жестоко, незаслуженно. Но, с другой стороны, очень хорошо, что все произошло именно так, а не иначе! Получить удовольствие в объятиях врага?! Дать ему в руки еще такое оружие?! Ну, уж нет! Возлюбленная Домиция Лентула и поныне ненавидит себя за эту проявленную слабость. Не нужны Элике его нежность и участие! Рано или поздно она выберется отсюда, и уж тогда наверняка достигнет звездных высот по собственной воле и лишь с тем, кого выберет сама! Она не сдастся! Этот жестокий принц хотел войны, и он ее получит!

Посвежевшая и отдохнувшая, вдохновленная собственными оптимистичными мыслями, Элика вбежала в свои покои и едва не сбила с ног расхаживающую по комнате Керру. Северянка удивленно вскинула темные брови.

— Приветствую, Элика. Я пришла пригласить тебя на полуденную трапезу. Домиций и принц Кассий рано утром покинули дворец, и сейчас никто нам не мешает проводить это время вместе.

Принцесса окинула подругу взглядом. Керра выглядела, как всегда, потрясающе. На ней отлично сидело длинное зеленое платье в пол без рукавов, полностью открывающее красивые плечи. Подруга хитро усмехнулась:

— Я выбрала для тебя похожее. Надеюсь, ты не будешь против?

— Так это ты! — у Элики словно камень с души упал при одной мысли, что платье для

нее выбрано не принцем, который так любил их эффектно разрывать. Нетерпеливо кивнув Амине, принцесса позволила облачить себя в роскошное одеяние аристократок Кассиопеи, изумительный шедевр цвета морской лазури. Керра с удовлетворением наблюдала за этим процессом, и, когда Элика была одета, увела ее в дворцовый сад.

Солнце изрядно припекало, и северянка укутала свои плечи шалью из шелка под цвет платья, дабы не спалить кожу. Элика почти с любопытством оглянулась вокруг.

— Ты сказала, никто нам не помешает... Принц позволил мне свободно передвигаться по дворцу?

Керра с каким-то злорадным удовольствием кивнула.

— Я у него не спрашивала! Они в столь ранний час уехали из дворца вместе с Домицием, что у меня и не было возможности об этом осведомиться. Конечно, он очень хорошо вышколил своих сторожевых псов, и, хоть ты их не видишь, они не позволят нам подойти к стенам сада. Даже мне пришлось приложить все силы, дабы убедить их обоих, и принца, и Дома, что ты будешь все это время под моим беспрестанным наблюдением. Конечно, Кассий хотел посадить тебя на цепь, я уже не знаю, как мой возлюбленный отговорил его от этой затеи!

Улыбка сбежала с лица Элики. Последние слова Керры обожгли, словно пощечина. Принцесса едва не упала, споткнувшись на гранитных сходах. Керра, заметив перемену в ее настроении, успокаивающе сжала руку.

— Забудь. Если ты не вызовешь его недовольства, сейчас, когда он уехал, ничего не будет. Ведь не вызовешь, правда? Я поручилась за тебя. Обещаешь?

— А есть вероятность сбежать отсюда в его отсутствие? — Элика полуобняла Керру и заговорила чуть тише, заметив пристальный интерес воина у колонны. — Помоги мне. Ты же знаешь, кто я. Я могу дать тебе все, что пожелаешь. Поверь, это не пустые слова. Расскажи мне, есть ли шанс покинуть этот дворец? И когда следующий торговый рейс в Атланту?

— Я ожидала, что ты спросишь, — Керра предупредительно сжала руку Элики.

Двое воинов, поравнявшись с ними, почтительно поклонились, один обратился к Керре, смущенно отводя взгляд от царственно наряженной принцессы.

— Тут и у стен есть уши, — когда воин ушел, Керра быстро увлекла Элику к поляне, на которой был накрыт стол. Оглянувшись, с сожалением покачала головой.

— Невозможно. Думаешь, никто не пытался? — северянка наполнила кубки фруктовым соком. — И дело даже не в высоте стен дворца. И не в том, что его периметр снаружи охраняют псы-убийцы. Невозможно бежать из самой Кассиопеи. За пределами дворца женщины, по сути, лишены любых прав, если их не сопровождает мужчина. Что это значит? Ты можешь стать законной добычей первого, кто тебя увидит. Ты не сделаешь и двух шагов... Сразу окажешься либо на рабовладельческом рынке, либо взаперти, но не во дворце, а, возможно, в жалкой хибаре портового работника. Твоя красивая кожа, как приговор. Скорее всего, принцу сообщат о тебе моментально... Но я не знаю, что предпочтительнее для тебя в случае побега, если тебя поймут... Возвращение к нему или же клеймо рабыни! Не играй с этим. Поверь, это невозможно без поддержки мужчины, но тут никто из них не станет тебе помогать. Даже Домиций, своей симпатией к тебе, считай, что заранее расписался в причастности.

Элика не хотела отпускать надежду.

— А если передать в Атланту весть? С тем же торговым кораблем?

— Для этого стоит договориться с теми, кто поплывет на нем... Сама понимаешь, что из этого ничего не выйдет. Во дворце никто не станет даже слушать тебя, а к остальным морякам тебе не подобраться, так как они жители города, куда тебе никогда не выбраться.

— Все равно, я попытаюсь! — принцесса была непреклонна. Сидеть здесь и молча терпеть насилие она не станет.

Керра отставила кувшин с фруктовым соком и уверенно распечатала амфору с вином. Чуть ироничная улыбка тронула ее тонкие губы.

— Я сегодня впервые увидела.

— Что увидела? — не поняла Элика.

— Ты улыбалась. Когда вбежала в свои покои. Он же не был жесток с тобой ночью, я права?

— Разочарую тебя, — Элика не хотела касаться этой темы. — Он сделал все, что хотел. Если ты о том, что на сей раз я не получила плетей, наверное, только потому, что он лишил меня способности сопротивляться.

— Ели ты не хочешь говорить... — Керра успокаивающе погладила ее по плечу. — Я не настаиваю. Может, тебе так проще, справиться с этим самой. Мне было от этого плохо, но поговорить ней с кем я не могла...

— А ты была когда-нибудь в Лазурийской пустыне? — сменила тему Элика. Слишком поспешно, потому что...

Потому что на этот раз воспоминания о прошедшей ночи вместо ужаса, слез и страха дальнейшего принесли нечто неизведанное. Принцесса бездумно осушила кубок вина, стараясь вытеснить это странное, будоражащее ощущение. Сердцебиение ускорилося, заливая щеки легким румянцем, вызвав невиданный доселе эмоциональный подъем. В чем-то эти ощущения были знакомы. Так происходило, когда юная принцесса неслась во весь опор на Захватчице ветра, поражала учебные мишени при стрельбе из лука или метании копья или же сталкивалась лицом к лицу с осязаемой опасностью, из которой, как она знала наперед, был благоприятный выход. Но сейчас эта игра крови не поддавалась никаким логическим законам. Элика по-прежнему была в опасности в руках своего врага, от которого ничего хорошего ожидать не приходилось. Эта ситуация не предполагала выхода, она, скорее, затягивала в чертоги тьмы все сильнее, и чувство спокойствия и безопасности, посетившее ее вчера, в объятиях разоткровенничавшегося похитителя и насильника, пугало и вызывало бурный протест. Так не должно было быть! Если принц рассчитывал сломать ее своей человечностью, у него это почти получилось...

Керра между тем протянула принцессе небольшой стеклянный флакончик с янтарно-желтой жидкостью.

— Возьми. Тебе пригодится, я полагаю, ты не захочешь носить его детей. Это смесь особых трав. Просто добавь в питье, но незаметно. Я была удивлена, когда узнала, что он не заставил тебя это выпить перед ночью. Обычно его распоряжения касались всех рабынь дворца. Это еще раз подчеркивает его особое расположение к тебе...

Элика поспешно спрятала флакон в декольте облегающего грудь платья. Сам Антал послал ей подругу в лице Керры, ведь она сама даже не додумалась бы до таких мер предосторожности. Понести от варвара ей, принцессе великой Атланты?! Что может быть хуже! Наследная принцесса империи будет рождена от выбранного сердцем вольного спутника и никак иначе! Девушка ощутила запоздалое раскаяние в своей беспечности относительно взаимоотношений с противоположным полом. И матриарх, и Ксения пытались

ненавязчиво разбудить в ней этот интерес... А она, Элика, не находила иного применения мужчинам кроме долгих бесед и дискуссий о науках. Даже Лэндала так не занимали войны и набеги, насколько плотские удовольствия в своем обширном гареме. Каждому свое, любила говорить матриарх. На фоне развратной Ксении стремление принцессы к военной тактике и стратегии вместо сексуальных наслаждений больше поощрялось королевой, чем вызывало беспокойство.

— Ты спросила про Лазурийскую пустыню, — вырвала ее из раздумий Керра. — Я ни разу там не была. Слышала, что это священное место, и с ним связана очень почитаемая в Кассиопее легенда. О, она во многом объясняет эти варварские нравы! Если сам бог этой земли сверг роль женщины лишь до незавидной участи игрушки для мужчины и матери детей, мне вполне понятна их страсть к разрушению и порабощению свободных земель. Говорят, ступить на священные пески этой пустыни имеет право лишь нога воина, поэтому нам путь туда, по сути, закрыт.

Элика в изумлении поперхнулась ягодой винограда.

"Сейчас еще преждевременно об этом говорить, но обещаю тебе, когда-нибудь я покажу тебе зарождение солнца в пустыне. Это мое обещание. И знай, что бы ни произошло с нами в дальнейшем, я его не нарушу. Мне очень хотелось бы, чтобы ты мне верила..."

Только войны?.. Неужели отношение принца к ней, несмотря на боль и унижение, оказалось настолько непредвзятым?! Элика не стала говорить Керре об утреннем обещании принца.

После трапезы девушки еще меру масла гуляли по саду, ведя непринужденную беседу и умело огибая в разговоре щекотливые темы. А когда вернулись во дворец, оказалось, что принц с советником уже вернулись. С охоты, как стало известно. Сопровождавшие их воины весело переговаривались между собой. Прислушавшись, Элика поняла, что столь бурное обсуждение было вызвано применением одним из них облегченного варианта арбалета, что позволило без особых трудностей пристрелить трех молодых самок горной газели. Сердце Элики пропустило несколько болезненных ударов. Она узнала воина. Зарт! Возможно, это ее единственный шанс! Однако тот даже не заметил гордой принцессы, а может, просто не узнал ее в наряде аристократки и с высоко уложенными волосами. Керра наклонилась ближе, чтобы их не расслышали окружившие воины, и быстро прошептала:

— Не думай. Ты подставишь его под удар, а он самый доверенный человек Домиция. Но идем! Нам стоит поприветствовать принца и первого советника и поздравить с успешным завершением охоты.

— Я не пойду! — вспыхнула Элика.

— Принцесса, это будет не корректно. С учетом того, что к тебе здесь особое отношение, тебя не принизили до уровня рабыни, следует также проявить почтение. Незачем его легионерам знать о ваших истинных отношениях, согласна? Забудь про свою ненависть хоть на миг. Покажи, что ты все еще истинная принцесса Атланты и невзирая ни на что, не будешь воевать против авторитета повелителя... По крайней мере, покажи это всем подданным.

Элика прикусила губу. Она сейчас корила себя за бурно вспыхнувший протест. В первую очередь, неприятно было осознавать, что ее ожидания оказались обманутыми, ведь она полагала, что три круговорота солнца, отведенные ей принцем, будут заключаться в его отсутствии. Но ведь, обещая ее не трогать это время, он не имел в виду, что им не придется видаться! Во-вторых, злило то, как быстро поняла ее намерения Керра относительно

попытки заручиться помощью Зарта в побеге. Без Домиция Лентула тут наверняка не обошлось! Ну, а в-третьих... Элика вновь ощутила предательское сердцебиение и непонятное, скорее приятное волнение от перспективы вновь увидеть принца так скоро. Если бы только можно было избежать столь стремительной встречи! Но Керра была права, права в одном — недостойно принцессы, играющей почти на равных с принцем в глазах всего дворца, прятаться в кусты. Девушка гордо вскинула голову.

— Ты права. Большого вреда от этого не будет.

— Что ты с ним сделала ночью, что он рванул гасить свой запал в горы? — усмехнулась Керра.

Элика повела плечами. Она не всегда понимала тонкий юмор своей новой подруги. Наверняка внезапный отъезд Кассия был вызван его недовольством прошедшей ночью. Хорошо, что он после этого уехал на охоту, а не остался во дворце и не наказал ее за неудовлетворительное соитие!

— Я сделала все, что он хотел. Выбор не велик, тебе и самой это известно. Наверное, все было настолько ужасно, что он не захотел меня видеть.

— И тебя это радует? — усмехнулась Керра.

— Несказанно. Даже не представляешь, насколько, — искренне призналась Элика. Северянка с улыбкой покачала головой.

— Эх, Элика, вовсе не недовольство тобой погнало его вдаль от твоих покоев унять свою жажду крови охотой на горных ланей. Чем же ты вызвала столь сильное смятение чувств в душе нашего господина?

— Я не понимаю тебя.

— Вскоре ты поймешь... Совсем еще дитя, — Керра сжала руку принцессы. — Смотри, по правилам этикета достаточно лишь поздравить принца с удачной охотой. Вести беседу или же присутствовать на пиру необязательно, при желании ты сможешь практически сразу удалиться к себе.

— Очень хорошо.

У резных дверей, ведущих в главный зал, принцессу вновь охватило волнение, на сей раз граничащее с паникой. Голова закружилась от резкой нехватки воздуха, и она пошатнулась. Керра, без слов понимая, что творится в душе подруги, успокаивающе сжала ее плечи.

— Он не станет насиловать тебя прямо в зале! Что с тобой опять случилось? Держись достойно, я же знаю, что ты умеешь улыбаться! Ты хочешь, чтобы его подданные по твоим испуганным глазам догадались, что он тебя почти сломал?

— Это не так! — почти закричала Элика. — Я не сломаюсь! Я убью его скорее, чем он сломает меня! Что бы он не делал с моим телом, до моей души ему не добраться!

Керра, не сдержавшись, рассмеялась, зажимая рот рукой. Элика сперва непонимающе уставилась на подругу, но миг спустя осознала, что эта дружелюбная провокация преследовала собой вполне определенную цель.

— Так ты специально!!!

Она не поняла сразу, что в ее глазах появился озорной блеск, а пухлые губы изогнула искренняя улыбка. Мудрая Керра, пожалуй, понимала принцессу даже лучше, чем она сама. Гордо расправив плечи, Элика уверенно вошла вместе с подругой в предупредительно открытую дворцовыми стражами дверь.

Принц Кассий гордо восседал на грубоватом троне из черного дерева и солнечного металла посреди большой комнаты, Домиций Лентул находился рядом — в данный момент

они беспечно скрестили кубки, прославляя бога удачной охоты Хареса... Воины из свиты принца заполнили зал, они еще не отошли от азарта увлекательной погони за дичью, поэтому шумно переговаривались между собой и хохотали, вспоминая особенно благоприятные моменты.

На двух нарядных женщин поначалу никто даже не обратил внимания. Керра с обожанием уставилась на своего возлюбленного, а Элика с не меньшим восторгом разглядывала увешенных оружием воинов. Как и следовало полагать, сами владельцы мечей и луков интересовали ее в самую последнюю очередь. У одного из них у бедра висел изогнутый полудугой меч, оружие, не знакомое Элике прежде, некоторые держали в руках тростниковые трубки для метания дротиков — об этой военной хитрости ей приходилось слышать на уроках полководицы Атланты. А изогнутые металлические звезды, которые совсем юный солдат осторожно оттирал от пятен крови, наверняка были прекрасным метательным оружием. Словно замороженная, Элика сделала шаг вперед, разглядывая вооружение и едва сдерживая порыв потрогать смертельные творения из крепкого металла. Воины расступались, некоторые просто оторопело глазели на незнакомую экзотическую красавицу с нежно-золотистой кожей, другие инстинктивно прикрыли руками мечи и арбалеты, и лишь самые выдержанные почтительно кланялись. Элика практически не замечала их реакции и повисшего в зале оторопелого молчания. Непостижимым образом близость оружия, аура воинственности и духа победы вместе с азартом словно наполнила все существо принцессы небывалым душевным подъемом, как будто вливая силы в ее надломленное сознание, прогоняя слабость и страх. Странное ощущение сопричастности к победе и единения с этим миром охватило каждую клеточку тела, и, когда, подняв глаза, Элика увидела почти рядом принца Кассия, сердце даже не дрогнуло от его испытывающего взгляда.

Иного взгляда. В его глазах больше не было непроницаемого холода вод океана у земель Белого Безмолвия, вод, рушащих флотилии и заживо погребаяющих в ледяной морской пучине отчаянных путников, посмевших бросить вызов стихии. Серый лед словно растаял под алым пламенем рассвета Лазурийской пустыни, теплые воды океана были спокойны и прозрачны, с жадным любопытством лаская песчаные побережья жарких стран, с осторожностью и настойчивостью одновременно. Улыбка изогнула чувственные губы Элики, улыбка, прежде незнакомая ей, расправляющая плечи и заливающая душевные раны каким-то волнительным умиротворением. Ладонь уверенно накрыла сердце, голова величественно, едва уловимо склонилась в почтительном поклоне, не уронив ни капли гордости и достоинства при этом приветственном жесте, а слова излились уверенной волной величественного океана, придав голосу искренне чувственную твердость.

— Сети ловца не минуют добычи, и смелость его непокорна; так хищник, не зная покоя и сна, в свой чертог вновь вернется с добычей. Эдер его правит путь, придавая неведомой силы первым всегда оставаться в его подконтрольных и преданных землях!..

Ропот пробежал по толпе воинов, выпустил из объятий ошеломленную Керру приятно удивленный Домиций Лентул, глухо ударил мрамор плиты выпавший из пальцев Кассия кубок, и только Элика улыбнулась еще шире, встретив его взгляд без робости и униженной покорности. Словно не скрывались под тугим шелком платья шрамы от жестоко жалящей плети, словно не было тянущей боли внизу живота и полной слез бессонной ночи, словно не бесправной и униженной пленницей вошла она впервые в этот дворец, а самой собой, принцессой самой великой империи и будущей королевой, четко поставившей себе пока еще

смутно угадывающую цель мирового господства... И не страх и робость вызвал взгляд сильного противника, принца Кассиопеи, ибо не было сейчас неясной грани хозяина и рабыни, стерлась, исчезла в атмосфере величия она на какой-то долгий замерший миг... Лишь приятная эйфория, пробежавшая по позвоночнику и сладко отозвавшаяся в каждой клеточке тела, показавшаяся столь естественной и разумной в этот момент...

Словно смеялись после крепких дружеских объятий священный Антал и чуждый атланской религии бог тьмы Лаки, совместными усилиями подарившие милой им обоим женщине черные крылья, которые теперь правили ее путь. Пусть ненадолго, но, казалось, оба божества твердо и непреклонно велели ей бороться, пусть на миг, но вспомнить о своей роли, о стальном характере, невзирая на кусающего губы от бессилия оставшегося в одиночестве Эдера.

Так же величественно и гордо, не спрашивая позволения, принцесса Атланты плавно развернулась и направилась к выходу из зала, чувствуя легкое движение ветра от рукоплескания Непобедимой Криспиды, чувствуя спиной прожигающий взгляд Кассия, замершего у своего трона в неподдельном изумлении, столь сильном, что остановить дерзкую пленницу даже словом не было у него сейчас никакой возможности...

Принц Кассий сдержал свое слово.

Три обещанных круговорота солнца покой Элики не был нарушен. После их встречи в тронном зале, по сути, еще более запутавшей и без того усложненные отношения, соткавшей атмосферу напряженной неопределенности, оставшиеся два томительных круговорота они не видели друг друга.

Принцесса недолго ощущала себя победительницей в их бессловесном поединке. Может, отчасти потому, что проигравших на самом деле не было. Как и победителей. К рассвету следующего дня покровительство богов ослабло, вновь поселив в душе девушки страх и смятение. Это был бунт. Дерзость. Обмануться ее красивым приветствием могли все — воины, Керра, Домиций Лентул, но только не принц. Стоила ли эта иллюзия победы неминуемого разрушения тонкого мостика, воздвигнутого между ней и принцем на исходе первой ночи?

Время словно замерло, сдавливая грудь непонятым предчувствием. Наедине с собой у Элики было достаточно времени, дабы разобраться в последних событиях и представить их дальнейшее развитие. Ласка принца, душевные разговоры и даже потеплевший взгляд не смогли усыпить ее бдительности. Он был врагом. Палачом, вершившим свою месть. Ее тело еще помнило причиненную им боль, которой, как он ясно дал понять, что конца не предвидится. Глупо было рассчитывать на душевную беседу и успокаивающие слова, стоит лишь им вновь остаться наедине. Уверенность Элики в своих силах таяла, отмеряя быстротечными мерами масла последние отведенные круговороты солнца до новых страданий. Она не покидала своей комнаты, несмотря на настойчивость Керры. "Повелитель позволил тебе прогуляться по саду!" — восторженно восклицала северянка, чем несказанно раздражала принцессу. Позволил?! Да ей плевать на его позволение! Лучше бы позволил отправиться в Атланту со следующим кораблем. Элика все же не хотела обижать подругу своим отказом, но и показывать свои страхи тоже, и лишь смиренно выпрашивала свитки пергамента с кассиопейской поэзией и историей, дабы не текли так утомительно меры масла и не досаждали тягостные думы о недалеком будущем.

Кассий и сам не находил себе места в эти дни. Он не мог пояснить самому себе, что именно произошло после их последней встречи в тронном зале. Меньше всего ожидал он увидеть ее, после того, как просто сбежал, не находя оправдания своему поступку и пытаясь задушить в себе жажду нового обладания, неминуемо связанную с насилием и подчинением, ибо не умел он по-иному. С младых лет царский сын воспитывался в строгой атмосфере, свойственной будущим воинам, что здорово укрепило его дух и твердость характера. Вкус власти и вседозволенности как искупление за отвагу и смертельный риск стал его неизменным спутником. В первый свой военный поход он отправился в пятнадцатую зиму под знаменами армии своего отца, почившего ныне царя Актия. Царица Астарта, любящая своего сына больше чем себя саму, была страшно опечалена таким поворотом событий, но возразить не посмела.

Первое столкновение с вражеской армией Ласирии закончилось полным ее разгромом и отступлением. Истомившийся в дворцовых казармах под надзором жестких наставников принц Кассиопеи впервые оказался на поле, где велась война и вершилась история. Словно благодать Эдера сошла на подростка в этот момент. Пока Актий уверенно рубил мечом

отчаянных захватчиков, переоценивших свои силы, на первом фланге, принц, оценив обстановку, зашел с одним из легионов в тыл врага, открыв стрельбу из боевых арбалетов. Лассирийская армия корчилась в агонии, не понимая, кто же из полководцев царя Актия осмелился на сей безумный маневр.

Догонять отступающие остатки войска Лассирии они не стали. Было понятно сразу, что больше попыток нападения с их стороны не будет. В ту ночь вино лилось рекой, шумные пиршества всегда знаменовали победы кассиопейской армии. Актин, крайне довольный боевым запалом и ясным разумом наследника, с тех пор брал его с собой во все военные походы. Еще один экзамен на зрелость Кассий блестяще сдал в ту же ночь, когда полководец передового легиона прискакал в лагерь, волоча на аркане двух солдат-дезертиров.

Словно пелена закрыла глаза юного Кассия, от негодования, возмущения и ярости одновременно. Если Актин переживал, что рука принца дрогнет при вершении справедливого суда над предателями, с которыми он во дворце бок о бок постигал военное искусство и звал своими друзьями по крови, то дальнейшие события поразили даже его.

Одним выверенным взмахом королевского меча из твердой карлитовой стали Кассий лишил головы первого предателя, второго же, не дрогнув, велел забить камнями, пропустив через строй войска. "В Кассиопее не место трусам, побоявшимся взглянуть в глаза смерти. Я, принц Кассий, сын царя Актия, утверждаю этим действием, что так будет с каждым!" — подняв на вытянутых руках богато инкрустированный боевой меч, подросток обвел взглядом притихших в изумлении легионеров. Впервые его пытливые глаза цвета полуденного летнего неба изменили свой оттенок, застыв сталью далеких холодных ледников земель Белого Безмолвия.

Если раньше верховные полководцы Кассиопеи втайне предвзято посмеивались, полагая, что на отваге царского сына Эдер особо не корпел при вершении его судьбы от рождения, отважный поступок принца развеял эти предрассудки в один момент.

Юный сын рода Лентулов, душа компании и не по годам умный стратег, шестнадцатилетний Домиций, обученный лучшими учителями наравне с принцем, впервые увидел заносчивого царского сына с иной стороны. Родители отдали его в арьергард будущих дворцовых легионеров в возрасте семи зим. Мать с рождения видела в сыне будущего стратега, но не войн, а мирных переговоров и регулирования военных конфликтов. На обязательной военной подготовке настоял его отец, Кратий Лентул, невзирая на причитания супруги — ее голос не имел в принятии решения главой рода никакого значения.

Впервые оказавшись во дворце, Домиций не избежал жестоких насмешек царского сына и его неизменного окружения, состоящего из других отпрысков аристократических семей. Кассий показался ему избалованным мальчишкой, привыкшим получать по щелчку пальцев все, что пожелает. Сыну рода Лентулов не оставалось ничего другого, кроме как скрыть внутри себя свое истинное отношение и стойко сносить придирки и подшучивания Кассия и его юной свиты. Дар будущего стратега дипломатических отношений уже расцветал в юном сознании мальчика, и стойкость характера со временем сделала его неуязвимым от ядовитых стрел остроумия принца. Военное искусство понравилось Домицию, корни отца, прославленного воина, передались сыну в полной мере. Обособленно, не принимая участия в подчас неоправданно жестоких забавах Кассия, он постигал науку владения мечом и луком, изучал историю дальних земель, которые впоследствии они завоевали вместе, дипломатическое искусство и прочие дисциплины, которые давались ему даже с большей легкостью, чем наследному принцу. Военного похода и боя с лассирийскими безумцами он

ожидал с не меньшим воодушевлением, чем царский сын. Он еще не знал, что именно в этом сражении Кассий откроется ему с другой, неизвестной до того стороны, и эта внезапная метаморфоза проложит начало их крепкой и нерушимой дружбе.

И тогда, с восторгом и уважением взирая на поднявшего к безмолвным небесам меч принца, Домиций, не отдавая себе отчета в своих действиях, приложил руку к сердцу и с искренностью, только усиленной запалом недавнего успешного боя, провозгласил:

— Да пошлет Светлый Эдер здоровья и великих свершений храброму Кассию Кассиопейскому, сыну великого царя Актия!

Толпа подхватила приветствие, сотрясая мечами в безудержном восторге, а принц, отыскав взглядом первого, кто провозгласил его величие, изумленно сдвинул брови, и впервые проявившаяся сталь в его взгляде на миг смягчилась. Меньше всего он ожидал этого от спокойного и непробиваемого никакими подлыми провокациями Домиция такого жеста. Детская ревность и стремление показать превосходство перед своим молочным братом, словно сгорела в огне его внезапного возмужания.

О том, что Амейда из рода Лентулов при рождении вскормила его, царского сына, своим молоком, он знал давно. Ни отец, ни мать не стали скрывать от Кассия этого обстоятельства — в день появления на свет принца царь Актий получил серьезное ранение в противостоянии с кочевниками побережья, и у царицы от переживаний за здоровье и жизнь супруга закончилось молоко. Леди Амейда, которую связывали теплые дружеские отношения с царицей, еще кормила грудью маленького Домиция, и материнского молока у нее было в избытке. Царица приняла помощь своей доброй подруги, и, таким образом, мальчики стали молочными братьями. Правда, Домиций об этом даже не догадывался, скромная Амейда об этом умолчала. Иначе дело обстояло с Кассием: он знал. С самого детства. Но признание матери вместе с просьбой проявить к сыну рода Лентулов особое расположение вызвало в нем свойственный младому возрасту дерзкий протест. Мотивы своих поступков принц понял поздно, до того же сам боялся признаваться себе в своих страхах. Он боялся. Боялся, что тихий и безобидный Домиций украдет у него любовь матери, боялся, что отпрыск кассиопейских патрициев станет кичиться своим особым положением при дворе и держать себя с принцем как ровня. Таким образом, добрый жест Амейды во многом обеспечил сыну тяжелое детство, но Домиций достойно выдержал презрение царского сына, и сердце его при этом не ожесточилось, миновав отравы презрения к своему обидчику, во многом благодаря пылливому разуму и не свойственной многим детям рассудительности.

В ту же ночь, после казни дезертиров, осознавший свою сущность Кассий сам заговорил с ним. Без объяснения причин покинув пир и свою компанию друзей, показавшихся сейчас просто неискренними прихвостнями, принц не без труда разыскал Домиция Лентула, зная, что тот предпочитает шумным сборищам созерцание звездного неба и глубокие раздумья. Будущий советник принца стоял на выступающем утесе, созерцая спокойную в ночи гладь океана. Кассий жестом остановил его попытки соблности церемонное приветствие. Он сам не знал, откуда взялись слова, хлынувшие потоком сквозь податливость доверия и симпатии к тому, кого он раньше презирал. Сын рода Лентулов умел слушать. Вернее, он умел слышать. В этом было его отличие от тех, кто гордо именовал себя другом принца, корчил делано заинтересованные глаза, думая о чем-то своем. Кассий к такому привык и не представлял, что может быть иначе. Они проговорили до утра. Принц признался Домицию в том, что они являются молочными братьями, твердым, вовсе не заискивающим тоном,

избегая оправданий, пояснил, почему был так жесток с ним в детстве. С этого времени они стали едины. Два таких, по сути, разных человека, лед и пламя с одной стороны, и осторожный, ласкающий свет огненного солнца и теплый летний дождь, с другой.

Кассий не пропустил ни одного набега, ни одного военного похода под знаменами своего отца, и всегда рядом был новообретенный преданный друг, стратег и боевой соратник — ведь на поле боя уравновешенный и спокойный Домиций мало в чем уступал стремительному, сильному и беспощадному Кассию.

Однажды, возвращаясь из Лассирийских окраин, они встретили на пути легион царицы непобедимой Атланты Лаэртии Справедливой во главе с их бессменной предводительницей. Привыкший смотреть на всех женщин помимо, разве что, матери как на усладу и тень мужчины, принц был крайне изумлен и даже раздосадован, когда заметил, с каким пиететом царь Актий говорил об этой воинственной амазонке.

С самых молодых зим на уроках сплетения прошлого с настоящим (история) Кассий недоумевал, слушая рассказ стареющего мудреца об этой расе прекрасных непобедимых дев, которые сражались как мужчины и правили, отрицая права мужей на трон и всевластие. Это просто не укладывалось в его голове! Место столь красивых дев с кожей цвета корицы и молока должно было быть у ног мужчины, а не на поле брани! Женщина должна хранить семейный очаг и трепетать перед своим супругом, законным повелителем, а не брать в бою города. Но особо его возмутил тот факт, что атланки прежде не подвергались кровосмешению, и на рабских рынках невозможно встретить представительницу самой великой империи в мире.

— Это ненадолго! — воскликнул тогда принц, которому не так давно исполнилось тринадцать зим, под раболепный хохот своей свиты, присутствующей также на уроке. — Когда я взойду на трон, каждый получит себе в услужение по темнокожей горячей штучке из этой возмнившей невесты что Атланты!

Весть о выходе сына дошла до Актия, и царь даже отчитал его в тот же день. Принц недоумевал. И тогда, и сейчас, и особенно, когда смог лично лицезреть встречу Лаэртии Справедливой и Актия. Он слышал, что королева прекраснее Фебуса в зените песков пустыни, и что один из самых красивых стихосложений Кассиопеи восхвалял ее поистине великолепную внешность, но реальность оказалась куда более сокрушительной, чем ожидания. В тот день он впервые увидел прекрасную атланку воочию.

Она восседала на вороном скакуне, величественная и спокойная, словно гладь океана, в доспехах из кожи, не скрывающих ее великолепного тела. Слух о том, что амазонки режут свои груди, дабы сподручнее было удерживать арбалеты, оказался всего лишь глупым слухом. Пышный, даже после недавнего рождения сына и второй дочери, бюст едва прикрывали стальные спиральные доспехи. Ее белоснежные волосы развивались на ветру, а ясные, необыкновенные глаза цвета океана словно смотрели сквозь армию кассиопейцев.

Актий, по мнению Кассия, лишился рассудка! Он говорил с этой величественной воительницей, как с равной себе, даже с неким подобострастием, словно напрочь забыл о том, что Атланта вражеская империя, и, хоть войны никому не объявляла, всегда представляла скрытую угрозу для менее сильной Кассиопеи. Царь справлялся о ее подвигах, поведал о своих и сдержано улыбнулся, прекрасная Лаэртия смеялась, обжигая чарующей глубиной синих глаз, а Кассий ощутил неведомое прежде чувство. Ярость, чувство несправедливости, чувство протеста, а вовсе не поклонения перед этой несравненной королевой. Он подъехал ближе, и тут взгляд матриарх Атланты устремился на него. Она

улыбнулась и беззастенчиво оглядела принца с головы до ног. Такой свойственный атланкам осмотр мужчины вновь вызвал в его душе бурю негодования. Но в то же время, вместе с тем... Принц впервые ощутил на себе всю мощь женских чар. Сердце запрыгало в юной груди, разгоняя кровь по телу, и Кассий, покраснев до корней волос, быстро ретировался с места переговоров, словно отравленный стрелой сладкого безумия от взгляда необыкновенной женщины, которую, как и подобных ей, в дальнейшем ходе истории будут именовать роковыми. После этой встречи он три круговорота метался словно в лихорадке, испытывая лишь при одной мысли о королеве бешеное, неумное юношеское желание близости. Это так истомило его, что по приезду вся его зачарованность прекрасной матриарх вылилась в невиданную ярость и жестокость.

Юные дворцовые рабыни, которых не так давно принц, шутя, подначивал и дергал за плетенные в косы волосы, стали жертвой его проснувшегося так некстати пламени вожделения. Он брал их по многу раз за ночь, словно мстя Лаэртии за силу ее взгляда, так, что на утро зачастую им требовалась помощь целителя. Наказания рабынь за самую мелкую повинность становились все более жестокими, пока не вмешалась мать, царица Астарта. Только когда принц несколько умерил свой пыл, но отношения к женщинам как к презренным рабыням, усладе плоти и взора, не изменил.

На шестнадцатую зиму принц въехал в свой новый дворец Кассиопею, названный в честь империи, хотя находился в половине круговорота пути от столицы. После смерти отца принц он намеревался, как только взойдет на трон, сделать столицу здесь, на месте своего будущего правления. Верный Домиций Лентул отправился с ним.

Немало военных набегов и походов совершили они вместе, рука об руку, два столь разных, но таких близких друг другу. О роли атланской царицы в своей жизни, о вызванной ее взором буре эмоций принц давно позабыл, не вспомнил даже сейчас, когда в его власти оказалась атланская красавица, дочь этой гордой матриарх-воительницы.

Принц предпочел не анализировать свои поступки и не признаваться самому себе, что именно жажда обладания и вожделение погнало его на охоту тем утром. Впрочем, впервые это не помогло.

****

Элика уверенно шагнула на теплый кафель купальни. Криспида милосердная, почему так быстротечен и неумолим бег Кроноса, когда ты совсем этого не хочешь?! Три круговорота прошли как один миг. А ведь в то утро отведенное для покоя время казалось вечным! Сегодня утром принцесса даже ощутила легкую надежду, что о ней позабыли. После приветствия ею Кассия в тронном зале, ставшем днем ее потаенного триумфа, круговорот с половиной она была предоставлена самой себе. Читала летописи, с удовольствием сыграла в мяч, популярную во дворце игру, с Керрой, болтала с Аминой, шокируя кассиопейку рассказами о свободных нравах Атланты и забавляясь ее растерянным выражением лица. И появление в разгар этого веселья Домиция Лентула стало очередным шоком, но уже для самой Элики. Сперва, она смело предположила, что советник принца пришел всего лишь справиться о ее самочувствии, но, заглянув в его глаза, поняла все.

Снова. Принц не смягчился. Мало того, ее приветствие в его глазах наверняка выглядело самой настоящей дерзостью, за которую ей предстоит ответить ночью. Тело помнило боль от его прикосновений и вторжения, а душа все еще не залечила моральные раны. Элика достойно кивнула в ответ, изобразив вежливую полуулыбку, но, стоило Лентулу исчезнуть за дверью, без сил упала на постель. Амина осторожно приблизилась, но Элика вытолкала ее

взашей из комнаты. Слез не было. Зато вернулись все ощущения разом.

Страх. Неприятие. Отчаяние. Отчуждение. Обреченность. Жестокое изнасилование не прошло для нее даром. Принцесса уже не помнила раскаявшейся нежности мужчины. Только лед его взгляда, сталь его голоса, отдающего приказы, и беспощадность его вождения. Она отказывалась верить, что это все произойдет с ней снова сегодня ночью, но время неумолимо ускорило свой бег, играя против нее, словно торопясь поскорее отдать ее на растерзание этому зверю. Вновь сделать открытой для его власти, его насилия, его зла. Элика забилась в угол постели, словно напуганный поступью охотника зайчонок, пытаясь унять крупную дрожь ужаса и нежелания грядущего. Ощущение эйфории от его взгляда, поразившее ее в тронном зале, стерлось из памяти сокрушительной волной страха. Девушка прилагала горячие усилия, дабы не упасть в ноги своему мучителю и не признать в нем кого только он захочет, лишь бы оставил ее в покое.

Обреченность рвала на части ее истерзанную душу, но в этот раз безысходность наотрез отказывалась проливаться очищающими слезами. Элика с трудом овладела собой и почти влетела в купальню, из последних сил выкручивая свой страх и превращая его в ярость. Она не сдалась! Атланская принцесса не станет покорно дрожать в руках варвара, заявившего на нее свои права! Она будет кусаться в ответ, словно дикая пантера с Атлионских Предгорий, если не зубами, то словами. Дипломатия может иногда разить наповал. Пора применить эти знания в деле!

Что он с ней сделает? Все самое страшное уже свершилось. Избиение плетью, изнасилование... Что еще? Разве может быть что-то страшнее? Нет! Настала пора найти его болевые точки и ударить по ним со всей настойчивой беспощадностью, насколько хватит сил. Хватит ли? Элика прикрикнула на служанку, разминающую ей кожу, хотя та была ни в чем не виновата. Натянутые как струна нервы принцессы были на пределе, но ярость и злость была сейчас лучшим союзником, чем страх с привкусом унижения и обреченности. Во многом ей в этом помогало присутствие Амины и двух рабынь, ибо показать свою слабость прислуге она, истинная принцесса, просто не имела права.

Платье на сей раз оказалось цвета крови. На миг все поплыло перед глазами Элики, ей с трудом удалось устоять на ногах. Ассоциация с каплями девственной крови, три круговорота солнца тому впервые окрасившей ее бедра, была столь яркой, что паника вновь сковала принцессу своими грубыми цепями. Принц Кассий все прекрасно понимал, выбирая ей этот наряд. Даже вырез одеяния, доходящий почти до ее женского естества, не мог так сбить спесь и напомнить об истинном положении дел, как цвет застывшей крови. Она рабыня. Пусть он не одел на нее ошейник и оковы, сути дела это не меняет.

Ни один мускул не дрогнул на лице принцессы в глазах Амины, уверенной рукой облачившей свою госпожу в одеяние развратной патрицианки. Ей приходилось лишь мечтать о шелках таких оттенков и фасонов, и девушка недоуменно оглядывалась по сторонам, уверяя себя, что почти физически осязаемое ощущение чужого отчаяния и ужаса ей только привиделось. Когда ее руки потянулись к роскошным темным волосам принцессы, Элика жестом остановила служанку. Сегодня ее парикмахерское искусство не понадобится. Что в нем толку, если ее снова будут распинать на ложе из шкур, наматывать эти волосы на кулак, и приближать, таким образом, лицо к себе для жадных поцелуев?..

Домиций Лентул был точен как клепсида, измеряющая время. Элика молча поднялась ему навстречу. Ничего не изменилось. Все та же алая лента в его руках. Как будто мало было одного платья! Шелковые объятия ленты опоясали ее запястья, этот ритуал завораживал и

расстраивал одновременно. Элика не сдержала вздох.

— Зачем это нужно? Разве я ему сопротивляюсь?

Домиций спрятал улыбку, так похожую на улыбку Керры, и покачал головой:

— В твоих силах отменить это. Если ты с ним поговоришь.

— Вряд ли это поможет.

— Но ведь ты и не пыталась?

Принцесса пошевелила руками. Проклятый алый шелк вновь вернул острое ощущение незащитности и зависимости, от которого все внутри сжималось. В таком состоянии ей трудно будет защищаться. Что же делать?!

Все тот же маршрут до покоев принца Элика преодолела с несвойственной ситуации поспешностью. Ничего. Это надо просто пережить. Теперь она готова к боли и насилию. Просто закрыть глаза и выдержать эту ночь. После этого он наверняка оставит ее в покое на пару круговоротов солнца.

Кассий уже находился в покоях. Огонь восхищения тронул лед его глаз, стоило Элике замереть в дверях. Принцесса ничего этого не заметила. Она избегала его взгляда, дабы не растерять свою решимость и не утратить бдительность, только ощущала, как жадно раздевает он ее взглядом, от которого, казалось, кровь закипает в сосудах, а сердце предательски отбивает сумасшедший ритм.

Его шаги... Он совсем близко. Девушка собрала все силы, чтобы не вздрогнуть от его прикосновения, когда сильные мужские пальцы властно потянули края алой ленты, освобождая руки. Ее решимость не подвела ее даже тогда, когда теплая ладонь воина осторожным ласкающим движением провела по ее щеке, вынуждая все же посмотреть ему в глаза.

— Твоя красота лишает меня сил, — хрипло прошептал Кассий, наклонившись для поцелуя. Принцесса замерла, не вправе прервать эту насильную ласку, пока еще не пробудившую в ней абсолютно никаких новых ощущений кроме недоумения. Легкое сожаление мелькнуло в холодных глазах Кассия, но комментировать это он не стал. Просто осторожно приобнял ее плечи, словно ожидая сопротивления, и кивнул на небольшой столик, накрытый в центре покоев.

— Мне сказали, что ты сегодня отказалась от еды. Чего ты этим добиваешься?

Элика горько усмехнулась. Что ж, очень хорошо, что он не понял, что ее спонтанная голодовка была вызвана страхом и волнением. Принц, видимо, полагал, что таким образом она воюет с ним, взывая к жалости.

— Разве плохо? У меня ведь даже не будет сил, чтобы тебе сопротивляться, я думала, ты этого и хочешь.

— Глупая девчонка, — Кассий надавил на ее плечи, принуждая сесть. — Еще раз такое повторится, я приду сам и буду кормить тебя насильно. Можешь относиться к этому как угодно, но только не как к бесчеловечности. Надеюсь, ты меня поняла, и дважды повторять не придется? — ухватив подбородок девушки, мужчина почти грубо ткнул в ее плотно сжатые губы дольку апельсина. — Открой рот!

Элика увернулась. От такого отношения, словно она была непослушным ребенком, ее сознание вновь подняло знамена нарождающегося бунта.

— Иначе что? Схватишь свою плеть? Прекрасный способ заставить меня есть!

— Если ты до этого доведешь, я это сделаю, — в его голосе прорезались металлические нотки. — А теперь открой рот и съешь. Мало удовольствия на ложе любви от полуживой из-

за голода одалиски.

Угроза избиения подействовала. Элика поспешно вонзила зубки в сочную мякоть цитруса, стараясь не замечать его последних слов. Принцу плевать даже на ее хорошее самочувствие, до тех пор, пока оно не помешает ему наслаждаться ее телом. Что ж, ей не нужна его человечность. Эта нежность и дружеское участие были совсем по иному поводу. На фоне жестокости от доброты ломаются даже самые стойкие. Как хорошо, что она вовремя раскусила его тактический ход!

— Откуда ты так хорошо знаешь нашу поэзию? = нейтрально осведомился принц.

Элика не поддавалась на эту уловку усыпить ее бдительность и вызвать на откровенный разговор, в ходе которого ее бастионы защиты непременно ослабнут.

— Возможно, это самое достойное, что у вас осталось.

— Ты хочешь сказать, что в зале была неискренна?

— Почему? — Элика усмехнулась. — Я уверена, что твоя слава воина и охотника оправдана и даже несколько недооценена слабостью поэтического изложения. Стоит ли отрицать очевидное?

Кассий усмехнулся, оценив тонкий ход своей пленницы. Девочка потрясающе держалась, и жажда мести впервые за все время утихла, оставив место лишь плотскому желанию обладания.

— Выпьешь вина? — не дождавшись ответа, он протянул ей кубок.

Элика только сейчас заметила, что полностью съела апельсин. Да, принц умеет добиваться своего. Она сделала глоток, поборов искушение выпить вино залпом и усыпить все свои страхи в хмельном забытьи. Это будет ее капитуляцией. Больше она не покажет принцу свой страх. Уверенность в своих силах понемногу крепла, но, как оказалось, лишь до той поры, пока его сильные руки одним властным движением не спустили с плеч красный шелк платья, потянув его вниз. Элика слабо вскрикнула и прикрыла грудь руками.

— Сегодня я не буду настаивать, но в следующий раз при моем появлении ты будешь снимать его сама. Тебе пора это принять и смириться. Ты услышала меня?

Элика не ответила. Чувство унижения на миг почти лишило ее сил. Она просто убрала руки, пока Кассий стаскивал с нее это платье, с горечью осознавая, что действительность никогда не покорится ее правилам, пока рядом есть он. Безжалостный варвар, рушащий ее защиту одним словом или жестом, выпивающий ее страх и боль как самый благородный и вкусный напиток. И, как показало время, для этого ему не нужна была даже плеть...

Смелые ласки принца обжигали ее кожу. Пальцы, без грубости ласкающие обнаженную грудь принцессы, сменил его язык и горячие губы. Пальцы уверенным жестом Хозяина спустились ниже, настойчиво раздвигая ее колени. Элика застонала и свела их еще сильнее.

Принц успокаивающе погладил ее напряженные мышцы.

— Девочка, хватит. Второй раз тебе не будет больно.

Она не понимала, что он ей говорил в этот момент. Больно, нет, какая разница? Он растаптывал ее волю. С такой легкостью и непреклонностью. Элика даже не осознала, что мужчина все же раздвинул ее колени, и едва не закричала от пронзительного, необъяснимого ощущения чужих пальцев внутри себя. Приятный озноб пробежал по ее телу, сразу исчезая под застывающим льдом испуга и обреченности. Глядя на высокий свод потолка, Элика тихо проговорила:

— Это твое право. Противостоять тебе я не могу, потому, как у меня просто не хватит сил. Просить я тоже не стану, так как ты не пойдешь мне навстречу. Не во всем... И если ты

готов проявить хоть каплю почтения, я попрошу о самом малом. Сделай это поскорее!

Вот и все. Принцесса устало откинулась на шкуры, уже даже не замечая беззащитности, вызванной ее наготой. Скоро все закончится. Последнюю просьбу обычно не игнорируют.

Руки Кассия прекратили свои движения. Долго. Мучительно долгая тишина повисла в покоех, прерываемая лишь треском огня. Затем теплая ткань накрыла ее озябшее от нервного напряжения тело. Кассий отстранился.

— Спи. Я передумал.

Элика не сразу осознала сказанного. Сумасшедшее напряжение на миг отключило способность адекватно воспринимать действительность. Понимание пришло постепенно, вместе с гулким звуком его удаляющихся шагов. Девушка ошеломленно поднялась на локтях.

— Как?..

Кассий осушил кубок вина и с каким-то мрачным сожалением встретил растерянный взгляд принцессы.

— Я не буду тебя насиловать. Ты еще не пришла в себя. Могла бы сказать, что тебе нужно немного больше времени. Думала, я бы не услышал тебя?

— Не услышал бы, — Элика зажмурилась.

Принц покачал головой.

— Засыпай. Я сегодня тебя не трону. Ничего не бойся.

Дверь за ним закрылась, оставив потрясенную Элику обнаженной в его постели, усилив и без того обостренное ощущение неопределенности и растерянности...

Элика проснулась с первыми лучами солнца. Как хорошо, что жестокие события последних дней вовсе не лишили ее сна, а наоборот, так легко вверили объятиям Морфея. Ей нравились первые минуты пробуждения, когда воспоминания еще не просыпались и не приносили вместе с собой горечь поражения. В это время Элика особо тонко чувствовала и мягкий свет утреннего солнца, и пение проснувшихся птиц, негу шелкового одеяла и бег крови в молодом, красивом теле, еще не осознавая, что забитая грубостью и насилием чувственность уверенно требовала выхода, дабы расцвести подобно цветку с первыми солнечными лучами.

Девушка не осознавала, что улыбается своим мыслям. Она уже научилась ценить эти мгновения безмятежности, прекрасно понимая, что больше в течение дня такой возможности не будет. Почти с сожалением она стряхнула с себя последние отголоски сонливости и приподнялась на локтях. Тонкий шелк простыни плавно скользнул вниз, но Элика, не заметив этого, сладко потянулась, сцепив ладони в замок над головой. А открыв глаза, на миг застыла от изумления, сообразив, что проснулась в чужих покоях. В чужой власти. На чужой земле. Кассиопея!

Но самым досадным было даже не понимание. Принц Кассий находился в своих покоях. Логично, где же ему еще быть, но Элика ожидала его присутствия меньше всего.

— Ты проснулась, — сдвинув брови, констатировал мужчина.

Элика запоздало прикрыла грудь руками, покраснев от смущения. И тут же прокляла себя за этот инстинктивный жест, выдающий ее слабость и зависимость с головой. Принц с ироничной усмешкой смотрел на нее, беззастенчиво, дерзко, взглядом повелителя, победившего слабого противника на поле боя. Подобный взгляд Элика почти всегда наблюдала у собственной матери. Этот властный смелый осмотр вместе с чарующим цветом глаз Лаэртии заставлял мужчин терять дар речи и смешно жестикулировать в попытке скрыть нервное оцепенение. Тогда ей это казалось донельзя веселым. А сейчас она сама испытывала на себе давящую тяжесть такого взгляда.

— Что тебе снилось? Мне показалось, что ты улыбалась. Не думал, что умеешь.

Элика натянула шелковое покрывало до подбородка и осмотрелась в поиске платья. Далеко. Кассий внимательно смотрел на нее. Девушке не оставалось ничего другого, кроме как завернуться в шелк постельного белья наподобие тоги. Он просчитался, если решил увидеть ее голой! Девушка уверенно ступила на холодные плиты пола, придерживая покрывало у груди. С платьем все было не так просто. Элика присела на корточки и поспешно натянула его через голову, наклонившись к полу и скрыв обнаженные части тела своими длинными волосами. Насмешливая улыбка Кассия неотступно сопровождала все ее хитроумные действия, но принцесса, наконец, одернув платье, ощутила нечто сродни чувству победы от того, что не позволила ему лицезреть себя абсолютно голой при ярком солнечном свете нового дня.

— Позавтракаешь со мной, — это не было вопросом. Просто холодное утверждение. Хозяин отдает распоряжения.

Элика сдержала торжественную усмешку, уловив в его голосе оттенок недовольства ее изобретательностью. Она уверенно подошла к большой хрустальной чаше с прозрачной родниковой водой, зачерпнула ее ладонями и плеснула себе в лицо, смывая остатки сна.

Мокрыми пальцами пригладила слегка растрепавшиеся волосы, нарочито медленно, и лишь после этого позволила себе почти равнодушное пожатие плеч.

— Да, благодарю. Я умираю с голоду.

Элика села рядом, с удивлением отметив, что предательская дрожь сейчас оставила ее, и страх перед принцем больше не ощущался. На столе стояли вазы с уже полюбившимися ей фруктами, жареная дичь и нарезанный брусочками сыр. В хрустальной прозрачной амфоре было вино глубокого черного цвета. Кассий наполнил им оба кубка. Странно, успела подумать Элика, неужели они пьют хмельной сок с утра?

Принц пригубил первым. В тот же миг его лицо забавно скривилось от неодобрения.

— Как вы у себя в империи пьете эту гадость? Не понимаю.

Элика поспешно схватила свой кубок. Неужели этот тонкий непередаваемый аромат ей просто привиделся? Она сделала глоток... Это же эликсир из темных зерен кофе!!! Тот самый, которого ей так недоставало здесь!

— Я решил по мере возможности не лишать тебя привычных вещей. Тогда, на пиру в честь нашего соглашения, ты отдавала этому напитку особое предпочтение. Хотя я и не понимаю, как можно получать удовольствие от такой горечи.

Радость затопила Элику приятной волной. Настолько сильной, что она поздно спохватилась. Недоуменно оглядела свои руки, уже лежащие на сильных плечах Кассия в несостоявшемся благодарном объятии. Ощутила его горячее дыхание в опасной близости от своих губ. Ускорившийся пульс под своими пальцами. Заглянула в чужие, непривычные ей глаза, сейчас наполовину повторившие цвет глаз ее матери. Никакого льда, ничего... Ладони словно опалило огнем.

— Спасибо тебе... — девушка отдернула руки и с поспешностью отодвинулась в сторону, схватившись за кубок, словно за спасительный трос. Привычный глоток черного эликсира немного успокоил ее, хотя, по логике, должен был ускорить бег крови еще больше. Ее пугала недавняя импульсивность. Мысль о том, что ей придется прикасаться к принцу, всегда пугала ее, и вот сейчас все вышло спонтанно, инстинктивно, и, самое странное, благодаря ее собственному желанию!

Она не видела реакции Кассия, потому как избегала смотреть в его глаза, без аппетита отщипывая кусочки мяса. И едва не подскочила от его голоса.

— Так вышло, что сегодня у меня нет государственных дел, требующих неотложного вмешательства. И в связи с этим меня разбирает любопытство. Правду ли говорят об атланских амазонках, что они могут даже спать верхом на лошади?

— При желании можно спать и на потолке, — дерзко ответила Элика, пряча свое смущение своей недавней выходкой. — Но то, что они могут в бою поразить противника стрелой, не слезая с коней, истинная правда. Вам такому еще учиться и учиться!

— Ну, арбалет или копье я тебе не дам, сама понимаешь, — усмехнулся Кассий. — Но против конной прогулки до скалистого побережья ты наверняка не станешь возражать, я прав?

Непонятно, что удержало сейчас Элику от очередного и теоретически успешного броска ему на шею. И куда делась вся бдительность, и почему исподтишка хотя бы не кричала о том, что вслед за такой невиданной щедростью неминуемо должна последовать расплата? Принцесса сейчас не задавалась этим вопросом. Но как хотелось хоть на миг поверить, что ее мучения наконец-то закончились, и свирепый зверь, сидящий в душе принца, наконец-то насытился!

У нее получилось совладать с собой, и даже надеть маску мнимого равнодушия.

— Было бы неплохо. Только мое платье плохо подходит для езды верхом.

— Я уже распорядился. Все, что нужно, найдешь в своих покоях, — Кассий поднялся и перевернул масляную клепсидру на металлической треноге. — Через меру масла я заберу тебя, будь готова.

Элика осторожно прикоснулась отрезом ткани к губам и тоже встала. Воин дворцовой стражи с невозмутимым выражением лица проводил ее к покоям, вверив заботливым рукам верной Амины.

Комплект для конной прогулки Элике понравился. Не мог не понравиться, потому, как такие костюмы ей приходилось носить в Атланте на первых этапах своего обучения. Да и откуда им было взяться в Кассиопее, истинным нарядам гордых воительниц, если кассиопейцы категорически запрещали своим женщинам не то что скакать на лошадях, а вообще выходить из домов без сопровождения мужчин и по возможности в крытых повозках. Наверняка Кассий прихватил эту одежду из Атланты вместе с эликсиром кофейных зерен. Хуже всего было то, что Элика не знала, как именно стоит относиться к этой неожиданной милости. Возможно, насторожиться и быть начеку, либо же подключить женскую интуицию и притвориться на миг покоренной таким вниманием мужчины. Но она об этом сейчас не думала. Королевская дочь, привыкшая получать всегда желаемое по щелчку пальцев, сейчас отнеслась к этому проявлению милости как к данности, сатисфакции за свои перенесенные страдания.

Амину восхитила тонкая кожа атланского одеяния, металлические заклепки, пряжки и то, как красиво выглядела в этом ее госпожа. Кассиопейкам прежде даже видеть такого не приходилось, уже не говоря о том, чтобы носить! Любую женщину их империи за подобную выходку наверняка бы подвергли наказанию плетьюми, только к принцессе, по-видимому, это совсем не относилось.

Оценив свое отражение в большом зеркале, Элика потребовала также собрать волосы на затылке в высокую прическу. Но Амине это не удалось. Ее парикмахерское мастерство было ориентировано лишь на женственные укладки, призванные показать красоту, а вовсе не удобство.

Клепсидра почти опустела, когда принц без предупреждения вошел в покои принцессы.

— Ты готова? Следуй за мной, — он бегло оглядел ее провокационный наряд из кожи, и в тот же миг его лицо замкнулось, словно заледенело. Элика зябко поежилась, почувствовав внезапный барьер отчуждения, пояснения которому не было. Но факт оставался фактом: Кассий вновь стал тем, кем был на самом деле — тираном, варваром, презирающим свободу женщин и их право на гордость и достоинство.

Принцесса в недоумении проследовала за ним, пытаясь на ходу собрать распущенные волосы в узел, но вскоре оставила эти бесплодные попытки. Ее обеспокоила реакция принца. Элика готова была поспорить, что вошел в покои он совершенно в ином настроении. Что же его так ожесточило? То, что она не уложилась вовремя? Но ведь ждать его не заставила, что же тогда? На эти вопросы она не находила ответа. Оставалось только верить, что конная прогулка вновь разобьет барьер отчужденности между ними. Тем более что ее вины в этом нет. Не мог же он всерьез рассчитывать на то, что она отдастся ему и признает свое поражение в обмен на поток черного эликсира и иллюзорное право править лошадью в костюме воительницы? Хотя кто знает. От этих варваров всего чего угодно можно ожидать!

Кассий был в бешенстве. В ярости, которую он уже научился умело скрывать от чужих

глаз.

Рана на его груди, напоминание о первой встрече с этой дерзкой девчонкой внезапно опалила огнем, стоило ему увидеть атланскую принцессу в ее истинном образе. Нечто похожее было на ней в тот жаркий полдень в Атланте, когда эти нежные руки, созданные лишь для одного — предоставления горячих ласк своему повелителю, — нанесли ему эту рану. Она зажила. На коже. Не в душе.

Больших усилий ему стоило сейчас взять себя в руки. Но он мастерски подавил яростный порыв вытолкать служанку из комнаты и разорвать прямо на своей пленнице этот недостойный наряд, после чего овладеть ею прямо на мраморной плите пола. Не сейчас. У него для этого будет достаточно времени. Не стоит, пожалуй, отменять обещанный выезд. Пусть насладится такими редкими моментами его великодушия, ведь больше у нее таких возможностей не будет!

Кассий был настроен решительно. Он и так был благороден до невозможности этой ночью. Прошло довольно много времени, а принцесса так и не осознала его власти и своего подчиненного положения. Придется это исправить!

Элика не догадывалась о его мрачных мыслях, обещающих ей новые испытания и страдания. Она очень быстро выбросила из головы размышления о причинах его не вполне адекватного поведения. Кожа приятно холодила ее тело, придавая уверенность после откровенно развратных платьев, в которые так любили наряжать женщин в этой варварской стране. Выезд за пределы дворца дал бы необходимую информацию о местоположении, и, кто знает, может ей удастся разработать план побега! Настроение девушки было приподнятым.

Вороной скакун, которого подготовили для принцессы в дворцовой конюшне, был грозным только на вид. Элика смело подошла к нему и погладила по холке, глядя прямо в глаза. Миг этого бессловесного поединка, и конь покорился своему будущему седоку, признав ее силу как абсолют

Кассий внимательно наблюдал за этой сценой. Элика, на доли секунды утратив бдительность, тепло улыбнулась своему пленителю, натягивая поводья. Возымела ли ее искренняя улыбка успех, она так и не поняла, поскольку принц поспешно отвернулся и, надавив на стремя, ловко оседлал своего скакуна. Когда он поравнялся с принцессой, то выглядел совершенно невозмутимым, лишь в глазах по-прежнему стыла бездна Белого Безмолвия.

— Его зовут Каррес. Строптивное животное. Удивлен, что тебе так быстро удалось его приручить.

Элика погладила коня по холке, успокаивающе зашептав заговор атланских воительниц.

— Каррес? Это имя что-то значит?

— Да ничего особенного.

— Плохо. В Атланте мы даем своим лошадям имена, говорящие сами за себя. Моя лошадь носила имя Захватчица Ветра. Та, что понесет меня в бой, названа Мечом Криспиды.

— Атланта далеко! — холодно процедил принц. — Готова ехать?

— Конечно, — Элика лишь усмехнулась. Его перепады настроения пока что слегка забавляли ее, но, боясь лишиться тирана, в чьей власти находилась, хладнокровия, девушка притворилась, будто ничего не заметила.

С ними вместе в путь отправились двое воинов, еще не знакомых Элике. Они ехали на почтительном расстоянии, вооруженные копьями, и зорко вглядывались вдаль, готовые

распознать и нейтрализовать любую угрозу, которая могла бы нарушить покой повелителя и его, как они полагали после инцидента в зале, добровольной царственной гостии.

Элика наслаждалась поездкой. За пределами дворца лежала пальмовая роща, которая закончилась очень быстро, открыв взору поросшие травой равнины и дельту реки вдалеке, кажется, она звалась Керимой. Спустя половину меры масла девушка ощутила на коже соленое дыхание океана, а вскоре заметила на горизонте шпиль скалистого побережья. К песчаному пляжу вела затерянная в скалах тропинка, по которой они спустились к воде. Воины заняли оборонные позиции на скалах по обе стороны бухты, передав принцу корзину с провизией и сотканную из тростника циновку.

Спешившись, Элика спрыгнула на белоснежный песок. Ее взор был устремлен на величественную гладь океана, на дрожащий горизонт, за которым лежала ее родная Атланта. Она проигнорировала первые призывы Кассия, замороженно созерцая морской пейзаж, лишь после чувства щемящей тоски по родному дому обреченно опустила на край циновки.

— Красиво здесь, — задумчиво изрек принц. — Даже мысли текут иначе. Медленнее. Ты со мной согласна?

— Не совсем, — Элика закусил губу. — У нас с тобой разные мысли.

Принц наполнил кубок янтарным вином. Девушка приняла его, ощутив легкое пожатие его пальцев при соприкосновении их рук.

— Я бы хотела поблагодарить тебя.

— За эту поездку? — Кассий не сводил с нее пытливого взгляда.

Элика отрицательно мотнула головой, на миг утратив способность внятного изложения мыслей.

— За что? За то, что ночью оставил тебя одну?

Его взгляд беззастенчиво шарил по телу девушки. Кожаный корсет подчеркивал ее грудь, Кассий сглотнул, с неохотой отпустив желание срезать его острием клинка прямо на ее теле. Прямо как она, тогда, в саду дворца Атланты...

Воспоминания нахлынули внезапно, не совсем уместно, но целенаправленно, прогоняя сексуальное желание на задворки сознания. Нечто похожее было на ней в тот день, когда...

Элика не заметила изменение настроения принца. Она протянула руку, ухватывая апельсин. Кассий словно загипнотизированный следил за ее рукой. Точно так она сжимала гладиус, которым, не дрогнув, нанесла ему рану... И ее глаза! Куда исчезла забитая робость и страх перед ним, страх перед сильнейшим? Дерзкая девчонка улыбалась! Наглая улыбка от ощущения вседозволенности, вызванная его милостью, вновь разбудила его внутреннего зверя. Но он усилием воли сдержал себя. Недопустимо показывать свою слабость кому бы то ни было. Ни ей, ни воинам его стражи, занявшим на скалах наблюдательные посты.

Элика встретила его взгляд. Она не ожидала ледяной стали в его глазах, и от неожиданности выронила апельсин.

— Не стоит благодарности, принцесса, — Кассий улыбнулся. Издевательской улыбкой победителя, обещающей растоптать достоинство побежденной.

Элика невольно втянула голову в плечи, ощутив повисшую в воздухе угрозу, смысла которой не понимала. Она же не дала для этого ни малейшего повода! Хотя, если принять во внимание все его сегодняшние перепады настроения, пора бы перестать удивляться... Но на сей раз интуиция просто кричала об опасности.

— Вчера выдался тяжелый день. Известно ли тебе, что мое восхождение к правящим вершинам состоится спустя три декады? Думаю, известно. Но только глупцы полагают, что я

остаюсь в стороне от государственных дел! Очень много подлых послов ищут подходы к моей матери, пытаюсь выторговать для себя лучшие, но невыгодные Кассиопее условия. Если бы не мой контроль, империя сгорела бы от недобросовестности чужеземцев! Я не стану утомлять тебя подробностями вчерашнего инцидента, да и речь вовсе не об этом. Почему, ты думаешь, я не тронул тебя вчера? Я поясню. Сама, как оказалось, ты не догадываешься в силу отсутствия опыта. Я устал. А излишняя утомляемость убивает мужское желание. Я сказал, что не собираюсь тебя насилловать? Мне бы этого не хотелось, но и ждать, пока ты придешь по доброй воле, я не намерен. Больше ни дня.

Мне плевать, что ты меня не хочешь. Ты будешь раздвигать свои сильные красивые ноги по первому моему требованию, и лучше добровольно. Выбор за тобой. Как ты уже догадалась, сегодня не произошло ничего, что отняло бы мои силы. Лучше начни морально готовиться к этому заранее. Скажу откровенно, меня раздражает твое поведение. Твои капризы должны были остаться в Атланте. Здесь я терпеть их не намерен! Этой ночью я займусь их устранением. Если ты решила, что достаточно слез, чтобы я оставил тебя в покое — плачь, они меня еще больше заводят! Но на спокойный сон, когда ты в моих руках, больше можешь не рассчитывать!

Элика слушала. Молча, глядя на волны океана, ласкающие песчаное побережье. От этого созерцания слова деспота и тирана казались ничего не значащими, пустыми, неуместными здесь, в этой тихой, затаенной скалистой бухте, где словно царила безмятежность, прогоняя все тягостные думы. Наверное, именно поэтому она не закричала слова протеста, не бросилась ему в лицо, пытаясь выцарапать глаза, эти две беспощадные, лишённые человечности льдинки. Тихий шепот волн и умиротворяющие крики чаек смягчили нанесенный ей удар и вызванную им душевную боль. Принцесса медленно повернула голову. Пусть. Этот лед все равно не сможет заморозить ее сердца в омуте белого безмолвия.

— Нет, история не врет, приписывая вам столь неблагоприятные эпитеты. Ты... Ты варвар!

Стоило, наверное, говорить об этом ему почаще. Лед в глазах принца вспыхнул зеленым холодным пламенем бешенства. Элика сама не понимала, что нанесла ему очередное оскорбление. Но если бы поняла, то испытала бы совсем не раскаяние, а, скорее, ощущение победы, как тогда, в тронном зале.

Она зашипела от боли, когда рука Кассия в железные тиски сжала ее запястье, выкручивая таким образом, что Элика медленно, инстинктивно пытаясь унять боль, прогнулась спиной, оказавшись в опасной близости от его лица.

— Варвар? Вот кем вы привыкли считать таких как мы в своем высокомерном женском королевстве?! Вы всех готовы сравнивать с нечестивцами, ни чтящих никого и ничего, только потому, что у нас процветает культ патриархата? Если бы мы уподобились нашим древним предкам, я расскажу, что бы я сделал с тобой. Да я бы взял тебя силой в первую меру масла от нашего знакомства на виду у своих легионеров, ибо для истинных варваров женщина значит не больше чем вещь. Я бы отдал тебя своим солдатам сразу после того, как снял преграду твоей невинности, и наслаждался б твоими криками и тем, как бы сразу несколько голодных до женской ласки воинов насилуют тебя одновременно. С разных сторон! О, можешь не смотреть на меня с недоверием, такое тоже бывает! И будь я тем, кем ты меня назвала, ты бы удостоверилась в этом на своем собственном примере! Да, и ты думаешь, это все? Думаешь, после этого я бы перерезал тебе горло? Не-е-ет!

После этого я бы оставил тебя в живых. Не из-за милосердия. Таких, как ты, не убивают по двум причинам. Первая, ты и сама, наверное, знаешь, насколько красива. Даже после когорты солдат ты бы еще была в состоянии вызывать в мужчинах огонь плоти. А вот вторая причина гораздо любопытнее. Растоптать гордую наследницу амазонок, еще и царской крови — это ли не самая большая услада для презирающих женщин варваров? И заметь, у варваров отсутствует любая культура. То, что ты королевской крови, только бы еще больше их ожесточило. И попади ты в руки их предводителя, было бы еще страшнее. Ты думаешь, что в твоём положении самое ужасное, что могло бы быть — это оказаться рабыней обычного воина, шгопать его одежду, колоть дрова и готовить еду? Девочка моя, да это бы была самая желанная для тебя участь по сравнению с тем, что ждало бы тебя в чертогах повелителя варваров. Если у обычного солдата ты бы, вероятнее всего, была одна, то во дворце ты была бы на глазах у всех. Не спрашивай только, откуда у варвара дворец, мы просто предположим. В первый же день на тебя бы надели цепи и рабский ошейник. В первый же день тебя бы заклеямили как рабыню, может, даже нашли бы клеймо в виде короны, дабы унижить еще сильнее. Тебе бы не позволили отдыхать в гостевых покоях, умащивать свое тело дорогими маслами и отварами и кутать в утонченные шелка, к которым ты так привыкла. Да тебя бы заставили надеть рваную дерюгу не первой чистоты, которая расцарапала бы твою нежную кожу в первый же день, и отправили бы вращать жернова на мельнице или отскребать от грязи каменные плиты двора. На виду у всех, которым бы не преминули сообщить, какое высокое положение ты занимала до этого.

И не только бы твой хозяин владел твоим телом каждую ночь, избивая за отсутствие рвения, и не слушал бы твоих пояснений о том, что ты валишься с ног после трудового дня, в течение которого, помимо всей той работы, что тебя бы заставили делать, тебе бы пришлось взять на себя обязанности обленившихся слуг, и ты бы это сделала, опасаясь новых побоев. А после того, как хозяин насытился бы тобой, тебя бы продолжили насиловать в бараке его воины и свободные слуги, потому что ты всего лишь рабыня! И так было бы всегда, что варварам стоит подобрать объедки своего господина?

Ты думаешь, зачем я тебе это говорю? Вот, что ждало бы тебя, оправдай бы я гордое звание варвара, которым ты меня так легко наградила. Запомни это.

Больше Элика не проронила ни слова в ответ на его гневную отповедь. От шока возможной перспективы подобного ужаса слова словно застряли в горле. Кажется, она хрипло прошептала не вполне уместные слова извинения, постепенно осознавая, что на фоне сказанного избиение и насилие уже не казались ей ужасом в последней инстанции. Она все так же машинально отправляла в рот ягодки винограда, не ощущая вкуса, погружаясь в несвойственную себе прострацию, как всегда происходило в критических ситуациях. Кассий тоже молчал. Заговорил лишь тогда, когда решил сворачивать трапезу у моря, с сожалением осознавая, что романтической прогулки не получилось. Принцесса просто не оценила всего, что он сделал для нее.

Но бесконтрольной ярости больше не было в его душе. Осталась лишь глухая боль, нанесенная словесным оскорблением, и больше терпеть такое он был не намерен. Следовало преподать этой испорченной девчонке урок. Он займется этим сегодняшней ночью.

Кассий не хотел использовать плеть при укрощении дерзкой пленницы. Нет, он поступит по-иному. Его доброта не была оценена этой девочкой. Что ж, пора показать ей себя с иной стороны. После этого она покорится его воле. Не сможет не покориться. К полуночи, самое позднее, к утру, принцесса добровольно признает его власть. Позднее она

поймет, что это лучший выход для нее. Как и для Кассия, которого самого ломала изнутри собственная жестокость, от которой он устал, но которой следовал, как религии, в стремлении укротить свою пленницу.

За всю дорогу, ведущую к дворцу Кассиопеи, никто из них не проронил ни слова. Элика отчаянно кусала губы, пытаясь не перешагнуть грань надвигающегося безумия от внезапной подмены сознания, вызванного словами деспота. Она даже не сопротивлялась его сильным рукам, которые сняли ее с лошади, словно опасаясь, что она кинется бежать. Рука собственника тяжело опустилась на ее обнаженное плечо, слегка толкнув. В холле дворца Кассий перестал сдерживаться.

— Амина! — заорал он. — Сюда!

Служанка Элики прибежала почти сразу, зная, как сильно хозяин не любит ждать.

Принц запустил пальцы в волосы Элики и, сжав так, что та охнула от боли, практически швырнул в объятия кассиопейки.

— Подготовь ее!

Принцесса едва не споткнулась на скользком мраморе, Амина предостерегающе удержала ее за плечи. Вместе они смотрели, как принц, развернувшись, почти выбежал из холла, словно опасаясь совершить непоправимое. Но вот непоправимое в хорошем смысле или же в плохом, никто из них знать не мог...

Керра еще раз встряхнула подругу, сжав ее плечи своими тонкими руками. Бесполезно. Едва не зарывчав от раздражения, она кивнула забившейся в угол служанке, напуганной куда сильнее Элики.

— Амина, надави ей на плечи! Ну!

Мерзкая на вкус жидкость полилась прямо в горло, и Элика, закашлявшись, отбросила руки служанки, встретив обеспокоенный взгляд Керры.

— Во имя Антала! Что ты творишь?!..

— С возвращением! — съязвила северянка, отставляя кубок. — Пришла в себя? Больше крушить вазы не будешь?

Элика растерянно огляделась, не вполне понимая, о чем шла речь. Мраморный пол покоев был усыпан осколками, красные цветы, словно пятна крови, алели по всей комнате, раздавленные ее же ногами.

— Ну и дела... — проследив за ее взглядом, выдохнула Керра. — Что ты опять натворила?! Что он тебе сказал?

— Госпожа, принц был в ярости, — робко подала голос Амина. — Я давно его таким не видела. Он велел мне приготовить леги к ночи в его покоях, а после этого выбежал так стремительно, словно за ним гнались чернокрылые воительницы Лаки с мечами.

— Хоть бы догнали... — тихо прошептала Керра, так, что расслышала только Элика.

Принцесса пропустила ее появление в своих покоях, так как была, мягко говоря, в неадекватном состоянии. Злость и погром — достойная замена слезам, ничего не скажешь! Всему виной было решительное заявление принца о том, что ее слезы его чуть ли не возбуждают. Несмотря на так и рвущиеся из груди рыдания от обрисованных перспектив, Элика закрыла их на замок в глубине сознания, твердо уверив себя в том, что не доставит ему такого удовольствия. Она не хотела думать о том, что он сделает с ней сегодня ночью. Как оказалось, избиение плетью и изнасилование в его глазах были лишь поверхностными методами. Да и что говорить, очень ранили его слова о различии кассиопейцев с варварами. На фоне детального описания ее возможной судьбы прошлые мучения немного меркли по шкале зверств, но, вопреки этому, тяжесть на душе усилилась. Ведь она, атланская принцесса, не выдержала и десятой части того, что с ней бы сделали в менее цивилизованной стране. Рыдала, как сопливая девчонка, а после плети еще и умоляла его прекратить... После несчастных трех ударов, по сути!

— Так ты мне расскажешь, что произошло? — Керра заглянула в ее глаза. — Это из-за вашей конной прогулки? Ты вспомнила то время, когда была свободна словно ветер? И наверняка завела с ним этот разговор? Но ведь понятно было сразу, что он тебя не отпустит! Или ты слепая, не видишь, что он просто зациклен на тебе? Заметь, после твоего появления он даже не брал себе на ложе никого из прежде обласканных им рабынь. Ты еще слишком молода, чтобы понимать, что значат три круговорота солнца без соития для мужчины его темперамента! Раньше это было просто невымыслимо, до того как тебя сюда доставили...

— Мне не нужна его... Как ты сказала... Зацикленность! — Элика испытывала стыд за свою недавнюю истерику и от волнения путала слова. — Если бы не его интерес, меня бы здесь не было! И чем это ты меня опоила?

— Это просто успокаивающий бальзам, чтобы ты пришла в себя, — Керра перевела

взгляд на Амину. — Пойди на кухню и принеси нам сока цитрусовых плодов!

Когда служанка исчезла, северянка требовательно тронула подругу за плечо.

— Рассказывай. Чем ты его так прогневила?

Элика растерянно развела руками. Она и сама не понимала.

— Керра, я не знаю. Он с самого утра как одержимый. Сперва разрешил мне просто спать в своей постели и даже не прикоснулся... Потом напоил темным эликсиром, который привез с собой из Атланты... Потом велел собираться на конную прогулку, а вот после этого его как подменили. Он то улыбался, то готов был меня испепелить, судя по взгляду. Я так и не поняла, почему.

— Действительно, маловразумительно, — Керра не отставала. — А дальше? О чем вы говорили?

— Все было нормально, потом он вдруг решил мне напомнить, кто я здесь и что я должна его слушаться... Сказал, что его милость закончилась... Вел себя как варвар, о чем я ему, собственно, и сказала...

— Стой! — северянка потрясенно покачала головой. — Ты назвала его варваром?

— Да. И я считаю, это был довольно мягкий эпитет!

— Зря ты ему это сказала, — Керра сочувственно посмотрела на принцессу. — Представляю, как он взбесился после твоих слов! Это одно из самых серьезных оскорблений... О чем ты думала?

— Да я смотрю, тут что ни жест, что ни слово, все оскорбление! Как еще эта ранимая и вечно обиженная Кассиопея умудряется процветать и вести цивилизованную во многом политику, если ее народ одним только ругательным словом можно свести с ума? — раздраженно отозвалась Элика.

— Речь не о Кассиопее в целом, принцесса, — Керра вздохнула. — Что касается остальных кассиопейцев, их бы твои слова не задели... По крайней мере, большинство из них. Ты читала наши летописи, смею полагать, ты хорошо изучила историю этого народа?

Элика в последнее время отдавала предпочтение поэзии, история народа ее похитителя не вызывала сильной заинтересованности. Но вспомнить что-либо провокационное, что могло так взбесить Кассия, ей не удалось.

— Ах да... Ты ознакомилась лишь с более поздними летописями... — догадалась Керра. — Так тогда я тебе расскажу. Многие практически позабыли, что давным-давно, до прихода к всевластию династии Кассиопеанов, здесь была выжженная постоянными войнами земля, где обитали поистине варварские племена, сметающие всех и все на своем пути. Я не стану тебе рассказывать всех подробностей того, что они тогда творили! Может, позже, потому что сегодня тебе понадобится вся твоя выдержка и хладнокровие. Так вот. Эти бесстрашные и жестокие варвары населяли эту землю и захватывали все близлежащие территории. Несметное количество мирных жителей погибло в этой неравной борьбе за территорию, но выстоять в этом бою у них изначально не было шансов.

История умалчивает о том, откуда появился первый представитель рода Кассиопеанов, разбивший варварские орды в пух и прах. Летописи приписывают ему появление с небес на огненной колеснице, но это, скорее всего, не более чем красивая кассиопейская легенда. С его появлением мир и процветание воцарились на этой земле. Больше никто не вспоминал о бывших зверствах и горестях, и Кассиопея начала свое возрождение.

Ты прочитаешь об этом сама, позже. Дело в другом. В глазах иных империй Кассиопея, особенно в свете ее завоеваний и военной мощи, за глаза именуется варварской, в память о

недостойных предках, населявших ее ранее. Казалось, это империи только на руку? Но нет. Царь Актий, а также все его предшественники всегда стремились доказать обратное. Царственный род шел путем компромиссов и договоренностей, но это мало помогло, ибо в глазах побежденных царств они все же оставались захватчиками. Незаслуженная и ничем не оправданная слава об их якобы варварских методах летела впереди легионов, не минуя никого. Наверняка даже величественная Атланта считала так!

Элика кивнула. Ей было известно, что Лаэртия долго раздумывала перед заключением торговых соглашений с Кассиопеей, недооценивая их уровень развития и считая все теми же варварами. Точно так о них отзывался и Лэндал. В случае с Атлантой это легко объяснялось кардинальным различием социальных строев и неприятием чужого государственного уклада, а в случае с иными империями, по-видимому, самим фактом военного поражения.

— После смерти Актия легионы Кассия взяли отдельно стоящее за грядой скалистого побережья королевство Гарбет. Взяли без труда, но не потому, что численность противника была столь ничтожна. Правитель сего королевства позорно бежал, стоило воинам Кассиопей поразить его войска на первой линии обороны. Бежал, бросив на милость захватчика свой народ и свою родную дочь.

Домиций утверждал, что намерения Кассия не были ни в коей мере жестокими по отношению к сдавшемуся народу. Город сдали без дальнейшего боя, и их намерения сводились к переговорам и назначению своего наместника в Гарберте. Но наследная принцесса, наслышанная о неправдивых зверствах Кассиопей, не выдержала падения страны и предательства отца. Она выбросилась из окна дворца, расположенного на утесе, дабы не познать бесчестия.

Одним богам известно, как сложилась бы ее судьба, не соверши она самоубийства. Я думаю, что принц проявил бы великодушие, признай она его победу и присягни на верность. Но этого не случилось.

Народ Гарбета был крайне расстроен и поражен гибелью своей принцессы. И тогда впервые в лицо принцу прозвучало это слово. Варвар. Убийца. Только Домиций заметил, как сильно этот инцидент расстроил Кассия. После этого принц постоянно задавался вопросом, что же он сделал не так, гибель девушки, которая была немногим старше его сестры, надломила его. Он так и не понял, как могли его назвать варваром в стране, где правитель провозгласил законными браки с девочками, едва достигшими десяти зим, и ввел ритуальные казни на арене путем брошенного жребия, лишь ради потехи толпы. Наверное, после того самого случая он во всем доверяет решениям своего советника, дабы не услышать в свой адрес подобного обвинения. Теперь ты понимаешь, как он воспринял твое оскорбление? Конечно, ты не могла знать об этом, но, боюсь, ты ожесточила его против себя еще сильнее. Я даже не знаю, что тебе посоветовать, дабы выстоять этой ночью. Мои советы ты слушать вряд ли станешь.

Элика даже не нашла, что ответить. Просто смотрела в стену, обдумывая слова Керры. А может, просто боялась себе признаться в том, что ощутила раскаяние. Не в правилах атланских воительниц убивать упавших противников, не давая им возможности защититься. Может, аналогия была не совсем уместной, но осадок сожаления на миг вытеснил страх предстоящей встречи.

— Я не знала... Даже не имела этого ввиду...

— Ты сожалеешь? — приподняла брови Керра. — Совершенно напрасно. С тобой он ведет себя ничем не лучше дикаря. Как и со мной в свое время...

— Но разве не подло всаживать нож в спину? — принцесса мотнула головой. — Мне трудно осуждать его за эти слова. И я бы подумала, что ему плевать на чужие жизни, если бы находилась там. Мне проще так считать...

— Если хочешь, чтобы он не зверствовал этой ночью, не придумывай оправданий своим словам. Я считаю, что он получил по заслугам. Знаю, что мой совет покажется тебе недостойным... Но ведь я и воспитана по-иному. Не в правящей королевской семье, не в роскоши, и даже не в среде правления женщин... Может, поэтому мне проще тебе сказать... Просто прими как неизбежность то, что он тебе приготовил. Если станет совсем тяжело, думай о том, что я завтра приду к тебе, и мы переживем это вместе. Думай о своей родной Атланте и о том, как туда вскоре вернешься. Это надо просто пережить. Летняя ночь не столь длинна...

— Я выдержу. Самое страшное уже случилось, — Элика замолчала, когда в покои вошла Амина с кубками сока на подносе. Девушка замерла у двери, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Что случилось? — окликнула ее Керра.

Служанка опустила глаза.

— Купальня для госпожи готова... Остается мало времени...

— Тогда не смею тебе мешать, — когда северянка, отпив сок из серебряного кубка, поднялась, чтобы уйти, Элика едва не вцепилась в подол ее платья ослабевшими от волнения пальцами. Она не могла контролировать свой безотчетный страх. Все советовали ей покориться и сдаться на его милость, или, по крайней мере, изобразить это, но никто не мог избавить ее от таких глубоких переживаний.

Амина, улучив минутку, наклонилась поближе. Элика с трудом разобрала ее обнадеживающие слова.

— Госпожа, не надо так переживать... Он отходчивый. Просто твоя внутренняя сила будоражит ток его крови...

— Иду, — громко ответила Элика, и на прощание крепко обвила руками шею Керры.

Перед купальней, улучив момент, плеснула в сок необходимое количество настоя, предоставленного подругой. Ничего. Она выстоит. Ведь, если задуматься, сегодня ей удалось найти болевую точку в душе своего врага. Недостойные, на первый взгляд, методы, понятие чести было для нее свято, но ведь, если задуматься, разве не бил он ее в самые уязвимые места?! И все же трудно было пояснить, прежде всего самой себе, отчего она ощущала чувство вины за эти слова. Какое ей дело до переживаний вражеского принца и его моральных травм? Раз на то пошло, это война, и эмоциональность стоило отключать. И еще неизвестно, как он на самом деле хотел поступить с погибшей принцессой павшего королевства, и какая участь ждала бы ее. Учитывая то, как он привык поступать с женщинами даже благородного происхождения за малейший проступок в виде царапины...

И все же, Элика не могла об этом не думать. Как ни странно, подобные раздумья не позволили панике завладеть ее сознанием до самого прихода Домиция Лентула с неизменной красной лентой в руках. Он выглядел обеспокоенным. Наверняка Керра сразу же после ухода изложила ему ход событий.

— Не говори ничего, — Элика сразу пресекла его попытки воззвать к ее благоразумию вместе с советами проявить покорность или, как он любил акцентировать, притвориться готовой на все. — Я знаю, что я его обидела. Скажи ему, когда будет время, что я сожалею. Я не могла знать, это, во-первых... А во-вторых, я вовсе не тот смысл вкладывала в это слово.

Знаю, что это меня не оправдывает, но мне показались непомерными его требования.

Домиций привычным жестом сжал ее пальцы.

— Не бойся. Я скажу ему прямо сейчас. Он не посмеет тебя обидеть. Будь здесь, пока я не вернусь. — Советник поднялся с намерением уйти, но Элика, не отдавая себе отчета, удержала его ладонь в своей.

— Нет, Домиций Искренний. Ты не так понял меня. Я сожалею на самом деле. Ты решил, что я говорю это дабы облегчить свою участь сегодня ночью? Нет. Это бесчестно. Я бы никогда так не поступила. Поэтому просто прошу тебя... Утром. Скажи ему это утром. Когда все закончится.

Элика удивилась собственной смелости и решительности. Удивилась и заставила себя запомнить это ощущение, дабы воскресить его в памяти, когда станет совсем тяжело в руках своего укротителя. Благодаря участию Керры ужас больше не накрывал черным покрывалом, слезы, словно убедившись в своей бесполезности, затаились в глубине души. Принцесса не могла знать сейчас, что подсознательно ищет искупления за свою вину. Не хотела знать и анализировать, подсознательно понимая, что осознание своего отношения к произошедшему ломает ее куда надежнее плети и насилия.

Домиций был ошеломлен таким ответом пленницы. Ответом, достойным королевы. Даже растерялся, когда Элика покорно протянула ему скрещенные руки, безропотно принимая стягивающие витки ленты алого шелка. Девочка повзрослела. И, вопреки всем испытаниям, осталась искренней, благородной и доброжелательной. Оставалось надеяться, что Кассий разглядит это в ней прежде, чем своими необдуманными поступками ожесточит ее сердце, навсегда убивая все то хорошее, что в ней осталось.

Знакомый маршрут до покоев принца она преодолела с непривычным хладнокровием.

Он уже ждал ее, вальяжно развалившись на кушетке, и спокойно общипывал большую кисть винограда. При появлении Элики мужчина слишком поспешно поднялся навстречу. Его стальные глаза на миг потеплели от искреннего восхищения, но принцессе почему-то показалось, что виной тому было вовсе не ее платье оттенка розового жемчуга, а связанные ритуальной алой лентой запястья и опущенные в пол глаза.

Дерзость осталась за покоем спальни. Я выстою, сказала себе Элика, выдержу, чего бы мне это не стоило. Пока я ничего не в силах изменить, я сыграю в его игру, но потом...

Ее взгляд упал на столик, за которым ей приходилось делить с принцем трапезу. И принцесса тут же прокляла себя за излишнее внимание.

Черная кожа кнута четко выделялась на белом полотне скатерти. Так четко, что не заметить его было невозможно. Девушка судорожно вздохнула и отвернулась. Зачем?! Неужели он решил ей отказать даже в праве на стойкость?

Тело еще помнило боль обжигающих ударов, жар травмированной кожи и впервые после этого возникшее желание скорой смерти, лишь бы не повторить подобное. Сколько понадобится ударов, дабы горечь обиды стерлась из сознания жестокого принца? Колени девушки подогнулись, и она с трудом устояла на ногах. С чувством приближения к неминуемой точки невозврата следила она за рукой Кассия, ухватившего рукоять самого страшного из всех видов оружия в глазах принцессы. Выдержка Элики едва не изменила ей. С чувством глубокого опустошения наблюдала она за его приближением. Пусть. Она не будет умолять. Пусть забьет до полусмерти, но ее криков он не услышит!

— Посмотри на меня, — спокойно велел принц, остановившись в шаге от дрожащей пленницы.

Элика не посмела послушаться. В его глазах стыл тот же лед, но это было спокойствие обледенелой стихии, а вовсе не бушующая ярость. Ухватив левой ладонью кончик кнута, Кассий вытянул его в прямую линию.

— Увидела? Ты знаешь, для чего его используют. Таким кнутом секут строптивых рабынь. Достаточно нескольких ударов, дабы сбить с них спесь непослушания.

Элика молчала. Напряженное оцепенение не отпускало, ровно, как и взгляд мужчины, словно удерживающий в тисках ее глаза.

— Сегодня я не стану его использовать. Ты отдашься мне добровольно?

Дрожь в коленях сыграла свою предательскую роль. Элика просто сползла по стене на мраморный пол, инстинктивно отыскав точку опоры связанными руками. Она задышалась. Слова сорвались с ее губ сами, опалив своим пугающим смыслом, только подчеркнутым осязаемой угрозой.

— Я буду покорна твоей воле, мой господин, — произнесенное обещание словно сняло сжимающий спазм горла. Край серебряного кубка уткнулся в ее искусанные губы.

— Хорошо, девочка. Пей.

В кубке оказалась обычная вода. Но сейчас Элика была благодарна принцу за эту милость. Облегчение вместе с благодарностью за то, что он не стал угрожать ей избиением, сделала ее податливой и готовой поступиться своими принципами перед сильнейшим. Отрицать этого она уже не могла.

Сильные руки хозяина одним движением развязали ленту на ее запястьях. Девушка нервно растерла несуществующие следы.

— Встань, — прозвучал новый приказ.

Элика нерешительно перевела на принца взгляд и выпрямилась во весь рост. Кассий сжал губы.

— У тебя нет разрешения смотреть мне в глаза. Впредь ты будешь делать это только по приказу. Ты меня услышала?

— Да, мой господин, — Элика поспешно отвела глаза, ощутив, как напрягся при ее словах мужчина. То ли от удивления, то ли от недоверия... Его голос слегка дрожал, когда, спустя несколько продолжительных мгновений, он вновь обратился к своей невольнице.

— Сними платье. Только не торопись.

Подсознательно Элика ждала этого приказа. С первой встречи это требование заставляло ее пылать от смущения и едва сдерживать жгучие слезы унижения. Даже после того, как ей пришлось познать объятия мужчины, ощущение собственной наготы перед ним вызывало почти болезненный протест от стыда и ощущения собственного падения.

Элика не посмела возразить. Гоня прочь неуместные, готовые помешать ей эмоции, она решительным, почти отчаянным жестом потянула завязки платья, обернутые вокруг шеи. Принц, сам об этом не догадываясь, упростил ей эту задачу, запретив смотреть ему в глаза. С одной стороны, это было очередным унижительным ударом, приказ, который больше подходил для рабыни, но с другой, он сам себя лишал удовольствия видеть ее страдания, которые глаза выдавали сразу. Была это его оплошность либо наоборот, его милость, девушка не знала. Ужас перед плетью и чувство вины за свои слова сделали ее податливее восковой свечи в руках тирана и поработителя.

Платье розовой жемчужной лужицей стекло на холодный черный мрамор, неумолимо скользнув по гладкой, увлажненной маслом коже принцессы.словно в полусне, Элика переступила одеяние-предателя, свой последний бастион в сражении против принца.

Беззащитность отозвалась холодом в каждой клеточке тела, румянец стыда и унижения залил щеки, и девушка тряхнула головой, инстинктивно, безотчетно, позволяя волосам скрыть свидетельство своего поражения.

Голос принца, казалось, доносился издалека.

— Иди в центр комнаты и заложи руки за голову.

Как, оказывается, просто это сделать, когда сознание и гордость получили мысленный приказ замолчать, не подавая голоса из условных камер заточения! Элика сделала несколько плавных, так легко ей давшихся шагов. От заведения рук на затылок грудь приподнялась под жадным взглядом мужчины. Девушка закусила губы, когда он подошел к ней.

— Не бойся. У тебя кровь на губах. Не надо так.

Элика замерла. Теплом и участием повеяло в последних словах. Горло предательски сжалось. Ну, зачем он это делает?! Сначала демонстрация плети, потом неожиданная нежность — эти контрасты разбивали ее защиту, душевное оцепенение, угрожая уничтожить самообладание на начальном этапе.

Сильные мужские руки легким движением накрыли ее грудь. От этого ласкового касания странное ощущение, похожее на раскручивающуюся спираль внутри, на миг вырвалось вперед из заточенных в клетке глубин подсознания. Элика изумленно открыла глаза, пытаясь прислушаться к новым ощущениям в своем теле. Легкое головокружение не оставило иного выбора, кроме как вцепиться в плечи принца, дабы устоять на ногах. Она поймала его взгляд, запоздало понимая, что не смогла скрыть изумления.

Лед. Обжигающий холод белого безмолвия. Торжествующая ненависть тирана, несмотря на нежные прикосновения. Бескомпромиссная власть хозяина, не знающая пощады и прощения. Элика задохнулась от ощущения непонятной внезапной потери, вспомнив о своем положении и осознавая, что нарушила запрет смотреть в его глаза.

Едва поднявшая голову страсть пала ниц, застывая под сковывающим ледяным покрывалом, дабы заснуть снова на неопределенное, но долгое время. Даже ладони теперь обожгли холодом, прогнав сладость своего первого прикосновения. Покорность как средство защиты вновь перешла в апатию, дающую странную неуязвимость от всех его действий.

Больше она не видела его глаз, не чувствовала изменений настроения, почти не воспринимая ласкающие поглаживания груди, не вздрогнув, когда руки опустились ниже, поглаживая расслабленные мышцы ее плоского живота, подбираясь к сосредоточению ее женского начала. Поначалу ласково, словно стараясь не напугать, потом настойчивее, словно требуя нового отклика на свои действия. Ничего. Тело словно заключило союз с восставшим сознанием, выбравшим единственно возможную тактику защиты — отстраненность.

Кассий не сдержал предательского вздоха разочарования. Он был почти уверен, что яркие искры вожделения в ее зеленых изумленных глазах ему не привиделись. Ощущение радости и восторга от осознания того, что ему почти удалось пробить ограду страха, неприятия и зажатости своей пленницы было искренним, лишенным восторга победителя и злорадства мучителя. Принц с внезапным чувством бесконтрольной нежности осознал, что именно это хотел видеть с самого начала. Отклик, полет к звездам вопреки своему отчаянному, доведенному до грани состоянию. Принцесса почти была к этому готова, но что-то заставляло ее убивать в себе эти ощущения, сметать с пути некстати всплывающим осознанием своего подчиненного положения, болезненными воспоминаниями о первых встречах наедине и терзаний от своей вынужденной покорности. Ей ни капли не удалось его

обмануть. Она не подчинилась и не сломалась. Страх заставлял ее играть по негласно писанным правилам, притворяясь той, кем она не есть. Принцу почти не хватало ее яростного сопротивления, в котором было куда больше жизни и страсти, чем в затравленной попытке соответствия его ожиданиям.

Его пальцы беспрепятственно, не встретив отпора, проникли внутрь складок ее плоти. Ничего. Он не ощутил ни капли нектара возбуждения. Элика вздрогнула от боли и неприятия, но возразить не посмела. Кассий вынул оставшиеся сухими пальцы, погладил искушенные от плохо скрываемых страданий губы девушки.

— Оближи, — его голос прозвучал сухо, вопреки всем намерениям быть великодушнее, дабы пробить стену ее отчуждения.

Элика едва поняла смысл приказа, но все же неуверенно приоткрыла рот, ощутив на языке свой собственный соленый привкус. Не думая ни о чем, сжала губами оба пальца, смочив слюной, слегка втянув внутрь в инстинктивной попытке найти в этом успокоение. Подсознание, видимо, сейчас возвало к далеким временам ее младенчества, но задумываться об этом не было ни сил, ни времени.

Кассий раздраженно выдохнул от этой апатичной, почти оскорбительной для него мнимой покорности. Жестокие слова сорвались с его губ прежде, чем он успел задуматься об их значении.

— Хорошая девочка. Пора бы занять твой ротик чем-то более интересным.

Увлажненные пальцы теперь беспрепятственно проникли внутрь пленницы, глубже, отыскивая сосредоточение женского удовольствия. Элика никак не отреагировала ни на его вторжение, ни на его пока непонятные ей слова. Тело не отторгло эту дерзкую ласку, но и не получало от нее ни малейшего удовлетворения, лишив себя права даже на любопытство. Во многом благодаря этому она смогла устоять на ногах, глядя в сторону, думая лишь об одном — о том, что время утекает, хоть медленно, и неотвратно, и вскоре все это прекратится. Кассий не оставлял своих бесплодных попыток разбудить чувственность принцессы. Впервые в этом возникла необходимость, и если раньше ему это без труда удавалось, сейчас он просто не понимал, что нужно делать. Все его попытки разбились о лед отчуждения надломленной пленницы, удерживаемой против воли. Наверняка она его ненавидела столь сильно, что предпочитала страдать и испытывать боль, заранее презрительно отбрасывая возможность расслабиться и улететь к звездам, забыв о неравности сущностей и о том, что было раньше.

Кассий сдался. Сразу, как только ощутил пустоту от бесплодности своих попыток. Возможно, не гори в его душе обида от ее слов, он бы пошел путем участия и милосердия в приручении стропливой пленницы. А возможно, все дело было в том, что он просто не умел по-иному. Во власти своих ошибочных заблуждений он не пытался понять внутреннее состояние девушки, опасаясь, что его ласка и хорошее отношение ни принесут ничего, кроме завышенного высокомерия.

Разочарованно выдохнув, он прекратил ласкать Элику и отстранился. Девушка вздрогнула, ощутив его взгляд и очередной перепад настроения, но поднять глаза не посмела.

Кассий положил ладони на ее напрягшиеся от ожидания неизбежности плечи и ощутимо надавил, пригибая к полу. Элика покорно преклонила колени, ощутив пронизывающий холод мрамора на обнаженной коже ног. На миг ее сознание восстало, но страх боли и ярости принца не позволил тотчас вскочить на ноги, избегая общепринятой во

всем мире позы покорности. Ее искусанные, казавшиеся еще более пухлыми губы дрогнули в слабой попытке умоляющего протеста.

— Нет... Пожалуйста...

Кассий был неумолим.

— Да. И ты сама понимаешь, что рано или поздно пришлось бы. Я бы не хотел причинять тебе боль, дабы ты это сделала.

Его руки удерживали ее плечи, предотвращая рывок. Он явственно ощущал ее дрожь, понимая, что она вызвана вовсе не холодом. Почти болезненное, сметающее все на своем пути желание охватило его тело вместе с сознанием, испытавшим невиданное ранее торжество от лицезрения коленопреклоненной дерзкой пленницы, сломать которую стало с недавних пор почти смыслом его бытия. Сердце словно рухнуло вниз, и руки, оторвавшись от женских плеч, неровными движениями распустили шнуровку брюк, выпуская на свободу в момент отвердевший член. Элика испуганно отшатнулась в сторону, но он не позволил ей этого, намотав длинные волосы девушки на свою руку и придвинув ближе.

— Открой рот.

— Нет! — Элика дернулась и закрыла лицо руками

— Руки за спину, открой рот, — Кассий дернул ее волосы. — Не испытывай мое терпение. Я не хочу нарушать своих обещаний, но ты меня вынуждаешь.

Принцесса потрясенно замерла, осознав значение его слов. Ее плечи вздрогнули от подкрадывающихся рыданий.

— Хозяин, нет... Не надо плети. Я буду послушной.

Она с трудом взяла себя в руки, дабы не отшатнуться и не сомкнуть зубы, когда влажная от смазки головка мужского члена коснулась ее пересохших губ. Пальцы Кассия настойчиво нажали на ее подбородок, принуждая открыть рот. Словно замороженная, Элика подалась вперед, обхватив его губами. Поспешно спрятала язык, задев нежную кожу, лишь слегка вздрогнула от его чувственного стога удовольствия, на миг испугавшись, что сделала что-то не так.

Ладонь мужчины сильнее надавила на ее затылок, член проник глубже, коснувшись горла. Элика дернулась от перехватившего дыхания, но Кассий не убрал руку, толкнувшись глубже. Его голос дрожал от достигшей предела страсти.

— Держать! Где твой язык?!

Элика перестала соображать, во многом благодаря сознанию, которое неумолимо раздавило бы ее, дай возможность адекватно осмысливать происходящее. Едва сдерживая себя, дабы не отпрянуть и не навлечь на себя ярость возбужденного мужчины, осторожно обвела языком пульсирующую головку, отметив, что вкус не вызвал отторжения, а просто показался ей немного необычным. Пальцы принца сжали ее волосы, но девушка не заметила боли, интуитивно расслабив горло, дабы выдержать ожесточившиеся толчки. Сухие, лишённые эмоций слезы от болезненных спазмов горла выступили на ее глазах.

Внезапно принц резко отпустил ее волосы, оттолкнув от себя. Элика упала на пол, жадно глотая воздух.

— Положи сюда руки! — нога принца притопнула в сантиметре от ее лица. В голосе звенел пусть раскаленный, но металл, и, несмотря на свое почти шоковое состояние, девушка вновь встала на онемевшие от непривычной позы колени, покорно скрестив запястья на холодном мраморе пола.

Алая лента вновь стянула ее кисти, а руки мужчины, отведя их ей за голову, снова

распластали на прохладном полу. Жар накрывшего тела снял дискомфорт от холода мраморных плит, горячие губы запечатали ее рот, приоткрывшийся в умоляющем порыве, колено грубо развело ее ноги в стороны.

Готовая к неизбежной боли Элика прокусила многострадальную нижнюю губу, даже не осознав, что напряженное орудие Кассия проникло в нее легко, беспрепятственно, словно смазанное маслом, не доставляя никаких болевых ощущений. Его горячие губы поспешно сняли слезы с дрожащих ресниц, язык подхватил струйку крови, брызнувшую из прокусанной раны. Яростные толчки глубоко внутри создали непривычное ощущение наполненности, не причиняя боль, но и не неся никаких новых ощущений. Алый шелк впился в напряженные связанные запястья, опалив душевной болью осознания.

Рабыня. Пленница. Просто вещь, инструмент для удовлетворения низких мужских потребностей. Как говорила провидица... На коленях в чертогах Лакедона, и тьма подобралась ближе, и нет спасения.

Мокрые от слез зеленые глаза широко раскрылись, упершись в высокий свод потолка царских покоев, по которому металась призрачные тени от горевшего огня.

Скоро. Скоро все кончится. Он не оставил ей выбора, но она выживет. Выдержит все пусть даже путем свое капитуляции, ради одного. Ради мести. Мести, которая, она знала, будет сокрушительной, в тысячи раз превосходящей то, через что заставил ее пройти безжалостный принц Кассий из Кассиопеи...

Кораллово — розовый диск солнца появился в сиренево-сумеречном предрассветном мареве — ласковая прелюдия жаркого летнего дня. В этот предрассветный час удушающая, привычная жителям Кассиопеи, но все же ненавистная жара еще не ощущалась, широкие пальмовые листья повлажнели от росы, создавая ни с чем не сравнимую блаженную прохладу. Кассий потянулся, разминая затекшие ото сна мышцы. С лоджии его покоев рассвет был виден как на ладони.

Поистине, это лучшее время солнечного круговорота. Еще все спит. Птицы. Горные хищники. Цветы в саду. Да, именно. Цветы...

Поежившись от утренней прохлады, принц вернулся в комнату.

Элика спала, повернувшись на бок, свободно свесив руку и слегка приоткрыв во сне припухшие искусанные губы. Шелк покрывала сполз на пол, почти полностью приоткрыв ее хрупкую обнаженную фигурку. Темные волосы в беспорядке разметались по постели, в том хаотичном беспорядке, в котором он сам их оставил на исходе ночи, устав наматывать на свои руки в бесплодной попытке добиться чувственного отзыва от их обладательницы. Ее протест, так замысловато выраженный в мнимой покорности, сперва вывел его из себя, а позже словно передался через прикосновение, гася ярость и агрессию, сковывая невозмутимой пассивностью, убивающей желание. Впрочем, не до такой степени, чтобы отступить от своих замыслов и сделать его зависимым от воли случая. Он взял ее еще трижды, больше стремясь успокоить свое восставшее эго, каждый раз, втайне надеясь, что приведет ее к вершинам удовольствия. Ничего. Девушка избегала смотреть ему в глаза, безропотно подчиняясь каждому вторжению и не сдерживая вздоха облегчения, когда все заканчивалось.

Кассий задумчиво смотрел на спящую принцессу, опираясь на сомкнутые в замок руки.

Не так давно вспыхнувшее в его душе пламя мести больше не пылало в полную силу. Тлеющие угли нанесенной обиды гасли вместе с затягивающимся рубцом на груди, обещая не оставить и следа от метки дерзкой дочери Атлантиды. В глубине души он почти сожалел о том, как легко далось похищение принцессы. Если бы у них не вышло с первого раза привезти ее в Кассиопею, если бы это заняло гораздо больше времени!

Впрочем, слишком много было "если". Вполне возможно, что его великодушие напрямую было связано именно с удовлетворенной жадой обладания. Кто знает, возможно, выдержанное чувство мести привело бы к более сокрушительным последствиям?

Ощущение тупика. Он сам не мог пояснить себе своего душевного состояния. Как бы ни разрывалась его душа от клубка собственных, сотканных противоречий, выхода он не видел. Эта неудовлетворенная жажда непонятно чего подняла его с постели в такую рань, мешая простому наслаждению обнимать спящую рядом девушку, прислушиваться к ее дыханию, ощущать тепло ее оливковой кожи. Именно это, как ему казалось, могло хоть на миг усыпить его внутренние терзания...

Элика не могла знать, как ранила его своими словами на побережье в тот момент. Конечно, она пыталась дать понять, что хотела вовсе не этого.

Кассий прикрыл глаза, понимая, что охота в этот раз не приведет к душевному равновесию. Это был просто тупик...

...Город был взят. Одноименная столица миниатюрного королевства Гарбер,

расположенного на скалистых утесах разрушенных древними природными катаклизмами. Отвесные бивни черных скал, в ночных сумерках создающих жуткое впечатление обиталища приспешников Лаки. Очень неуместным выглядел на этом фоне дворец правителя из розовых плит, абстрактная декорация, поражающая своей контрастностью с неприветливым побережьем.

Впрочем, мало кто имел возможность узреть этот пейзаж с океанской акватории.

Наверняка каждый, кто входил в этот город через защищенные вооруженными солдатами ворота, не видел такой жуткой картины, восхищаясь пальмовой аллеей, мощеной каменной дорожкой, ведущей к дворцу и свежестью соленого морского бриза.

Морской флот Кассиопеи к рассвету достиг побережья Гарбера. Часть первого легиона атаковала с суши, высадив ворота и истребив первый фланг вооруженной защиты.

Не было времени раздумывать, отчего же, как оказалось, их здесь ожидали. Утечка информации, вполне обычная вещь. Когда все три легиона Кассиопеи вошли в павший город, жители встретили их белым флагом. Исполосованный шрамами сидящий воин со знаками высокого положения на сверкающих латах смиренно преклонил колени перед принцем древней империи, словно тот оказал ему высокую честь, взяв именно его город. Подобное почтение и признание власти захватчиков проявили и остальные подручные царя. Кроме него самого, но вовсе не ввиду его непокорности, а ввиду его отсутствия во дворце.

Последнее обстоятельство поразило не столько Кассия и его воинов, сколько все население Гарбера. Не дай Эдер Всемогущий испытать когда-нибудь подобное состояние от предательства своего правителя, которому люди с любовью и уважением присягнули на верность и признали его диктат, легализовавший Закон Большого Жребия, подумал Кассий. Последнее обстоятельство не вызвало у этого безропотного социума даже ни капли отторжения, словно обязанность ежегодно выбирать путем брошенных камней десятерых "счастливчиков", насмерть истребляющих друг друга на большой арене, было обычным делом сродни сбору податей или призвания в ряды воинства.

О том, что в противовес этому варварскому закону царь Гарбера ввел новый закон, разрешающий брак с девочками, едва достигшими десяти зим, Кассий узнал уже позже. Первым его распоряжением на завоеванной, но не разрушенной земле была провозглашена обязательная отмена и Большого Жребия, и позорных браков, из-за которых не достигшие половой зрелости девочки нередко умирали, истекая кровью прямо на супружеском ложе.

Сейчас же он стоял рядом с верным своим советником Домицием Лентулом, принимая капитуляцию Гарбера, еще не зная, как эта легко давшаяся им победа вскоре повлияет на его жизнь. Принимал ритуальные ключи от взятого города, слушал заверения в покладистости и преданности и даже испытывал разочарование от самой легкой и малоинтересной победы в своей жизни.

Строго-настрога запретив воинам, разочарованным не меньше него, грабить дома и подвергать насилию женщин добровольно сдавшегося государства, Кассий велел проводить себя в тронный зал вместе с советником.

Царь Гарбера Антон сбежал за полтора круговорота солнца до прибытия флота Кассиопеи. Наверняка его предупредили об этом заранее. После болезни и последующей гибели своей королевы он не стал заключать повторного супружеского союза, невзирая на то, что в этом браке родилась одна дочь, подарить наследника слабая духом и телом супруга так и не смогла.

О царевне сразу даже и не вспомнили.

Войдя почти дружественными завоевателями в тронную залу дворца из розового камня, Кассий и Домиций ощутили лишь усталость и недовольство легкой победой. Но, с другой стороны, кровопролития удалось избежать, а это значило гораздо больше куража и кровавого угара, сопровождающего взятие иных городов, оказавших сопротивление.

Кассий беззаботно упал в тронное кресло, воткнув меч в расселину плит розового пола. Убранство дворца давило своей аляповатой роскошью, вызывая скорее дискомфорт, чем ощущение уюта. Домиций Лентул быстро измерил шагами залу, обнажив меч — ему послышался подозрительный шорох за плетеной ажурной ширмой у оконного проема.

Он разрушил это ненадежное укрытие одним точным ударом ноги.

Две девочки десяти зим от роду завизжали, в страхе прижавшись друг к другу. Полководец расхохотался.

— Что это вы тут делаете? Не самое удачное место для игры в кукол.

Мальшки прекратили визг и в изумлении, смешанном с наивным детским любопытством, уставились на грозного воина, ласково заговорившего с ними на понятном им языке. Наверняка их запугали до невозможности, описывая завоевателей и их методы в отношении завоеванных городов, не имеющих с истинным положением дел ничего общего.

Заинтересовавшись, Кассий подошел ближе. Поначалу он не смог удержать смех при виде их мордашек, но уже в следующий момент его пробрала дрожь отвращения, стоило лишь взглянуть детальнее.

Пышно начесанные волосы. Красные, подведенные кармином губы, большие из-за черной туши глаза, яркие брови и огонь неестественного искусственного румянца на детских щечках. Одежда девчушек тоже оставляла желать лучшего, — расшитые яркими драгоценными камнями бюстье, короткие, прозрачные юбочки, так смешно контрастирующие с худыми детскими телами, в которых не было даже намека на будущую женственность. Принц был ошеломлен. Даже рабынь, служивших ему источником для удовольствия, он никогда не унижал подобными развратными одеяниями и похабным раскрасом.

Омерзительная догадка пронзила мужчин почти одновременно. Едва справившись с изумлением, Кассий хрипло прошипел:

— Что это значит?! Где ваши семьи?

Девчонки затряслись еще сильнее. Домиций предупреждающе коснулся плеча принца, видимо, овладев собой гораздо быстрее.

— Идите домой. Обнимите родителей и скажите, что больше сюда не вернетесь. И найдите нормальную одежду!

— И кого-нибудь, кто бы принес нам бочонок вина! — гаркнул Кассий. — Только сами его тащить не вздумайте!

Девочки ринулись со всех ног, сверкая голыми пятками.

Кассий почувствовал, будто его ударили под дых. Все было понятно без слов.

— Презренный народ! — хрипло прошипел принц. — Их стоило стереть с лица земли за такое! Я положу этому конец!

— Успокойся, это их обычай, сложенные веками, они и не задумываются о неблагоприятности таких поступков, — отозвался Домиций. — Конечно, время разврата, в котором они погрязли, теперь закончено. Это не вызывает сомнений.

— Дикие нравы! Презренный правитель! Когда я его найду, его смерть не будет легкой. Он ответит перед Эдером за свои мерзкие деяния!

— Это случится. Каковы наши дальнейшие действия?

— Навести тут порядок! И я не хочу оставаться на этой проклятой земле более одного круговорота. Здесь останется Кризий с третьим легионом, он быстрее уничтожит этот развратный жизненный уклад. А Гард догонит этого мерзкого правителя, и я желаю, дабы он погиб под самыми жестокими пытками за свою трусость и развратные законы!

Негодование Кассия прервало появление слуг с бочонком вина и кубками. Велев разлить хмельной напиток, принц потребовал от них сперва продегустировать его на своих глазах. Жизнь научила его быть осторожнее во всем.

— Приготовить ужин, у вас мера масла! Иначе голову с плеч! Чего стали? Выполнять! — осушив кубок, принц обратился к Домицию. — Проинструктируй Кризия. Пусть пояснит новый порядок жителям Гарбера как можно скорее, нет сил это терпеть. А я пока осмотрю здесь все.

Ветвистые лабиринты коридоров все же не сбили его с толку. По пути он встретил еще двух маленьких девочек в развратных одеяниях шлюх, и велел немедленно отправляться к семьям.

— Но меня выпорют, — возразила одна из них. — Мать декаду тому назад продала меня царю Антону за семь голов скота. Я пыталась убежать, но она привела меня обратно...

— Как зовут твою мать, дитя? — едва скрывая ярость, ласково поинтересовался принц.

— Карина с песчаной отмели, великий воин, — смущенно пробормотала девочка. — А я Вария. Мама сказала, что я своим телом куплю процветание и завидный брак своему брату. Он возражал, но мать отдала меня втайне от него...

Кассий с трудом сдержался, чтобы лично не проводить малышку к ее дому и прямо там не бросить бессердечную суку, ее мать, легиону своих солдат. Ничего. Этим он займется позже.

Принц снял с пальца простой металлический перстень с острым шипом посередине.

— Возьми, маленькая Вария. Найдешь среди воинов легионера Кризия и покажешь ему это. Скажешь, что я велел проводить тебя домой и на месте разобраться с... Со всеми вопросами.

Девочка убежала, не в силах скрыть недоумения по поводу того, почему завоеватель, которым ее пугали во дворце, оказался без рогов и без хвоста и пришел без страшного Лаки, а главное, не разорвал ее на части, а отпустил домой с этого кошмарного места и подарил красивое колечко.

Кассий с трудом взял себя в руки. Но уже в следующем зале на верхнем этаже столкнулся с новым варварством, составляющим чуть ли не культ этого народа.

Седой старец в голубом хитоне, усыпанном звездами, восседал среди подушек, в экзальтационной прострации что-то быстро чиркая стилосом на гладких камнях черного мрамора. При появлении принца оракул (его звание легко можно было определить по магической атрибутике комнаты) вынырнул из транса, скорее всего, фальшивого, и так же фальшиво поприветствовал "храброго завоевателя".

— Чем ты занят? — без особого интереса осведомился принц, дабы отметить свое присутствие как запланированное, перед тем как продолжить исследование завоеванного дворца.

— Духи света предначертали почетную смерть этим людям, и я пишу их на камне, — хитро улыбнулся старик. От его улыбки Кассия непроизвольно пробрала дрожь.

— В чем их вина?

— Это Закон Большого Жребия, утвержденный царем, — охотно ответил оракул. — Это высшая благодать, умереть на боевой арене ради правителя Антона и потехи народа Гарбера.

Кассий не пожелал слушать дальше. Только поразился сам себе, что раньше его возмущала матриархальная Атланта, тогда как на фоне кровавой развращенности ничтожного королевства Гарбер женское доминирование казалось чуть ли не благом.

Увиденное и услышанное почти ошеломило его. В подавленном состоянии он забрел на половину дворца, судя по декорациям, абсолютно женскую. Золотая дверь не то чтобы привлекла его внимание, он, скорее, подсознательно пошел на блеск солнечного металла. Даже удивился, когда обнаружил на своем пути матрону преклонного возраста с безумным от ужаса взглядом.

— Нельзя! — истошно закричала она. Кассий тряхнул головой и широко улыбнулся. С раннего детства слово "нельзя" было способно разбудить в нем зверя. Ну, или, как сейчас, чувство протеста. Он не знал, что именно увидит за этой дверью, надеялся лишь, что ему не придется увидеть воочию издевательства над юными девочками. Дети... Принц решительно оттолкнул вопящую стражницу покоя и резко распахнул дверь.

Ничего. Пустота. Судя по роскоши, покои принадлежали благородной леди, наверняка дочери Антона, которую тот, конечно же, увез с собой... Что же тогда так ретиво защищала дама, замершая в растерянности за его спиной? Драгоценности? Что ему женские побрякушки, когда у него ключ от казны!

— Элигия! — заголосила матрона, придя в себя. — Дитяtko мое!!!

Кассий отстраненно наблюдал, как она поспешно заметалась по комнате, заглядывая во все углы и ширмы, в отчаянии заламывая руки, и словно напрочь позабыв о его присутствии. От шума последних мгновений, а может, и от голода, слегка кружилась голова. А может, всему виной были тяжелые духи голосащей женщины. Кассий быстро подошел к распахнутому окну, жадно глотая воздух.

Бесконечное синее море принесло легкий бриз, и принц почувствовал себя лучше. Эскадра его флота отсюда не была заметна. Вспомнив о непримечательном, даже отталкивающем пейзаже, простиравшимся внизу, Кассий по пояс высунулся из арочного оконного проема с целью поближе рассмотреть острые шпиль скал...

Девушка лежала внизу. Сперва он даже не понял этого, в ужасе уставившись на белую в кроваво-красных разводах ткань. Лишь с воплем незаметно подошедшей, судя по всему, наставницы осознал, что девушка внизу была мертва. Острый шпиль скалы проткнул ее грудную клетку. Шансов выжить не было никаких.

— Элигия!!! — отчаянно завопила женщина. — Принцесса!!!

Принцесса? Кассий отпрянул от окна в немом потрясении. Но как это возможно? Почему беглый правитель не забрал с собой дочь, спасая от врага, как спас себя?!

— Позови людей, — собственный голос сейчас показался ему чужим и далеким. — Нужно поднять ее оттуда, может, мы сможем еще помочь...

Он просто инстинктивно успокаивал вопящую наставницу погибшей царской дочери. Скинув плащ на пол, Кассий вскочил на подоконник, осторожно, цепляясь руками за выступы, спустился вниз. В этот момент он забыл о безопасности, о том, что сейчас представляет собой идеальную мишень для стрелка. Может, его судьба бы и решилась в этот момент, но Домиций с Кризием и воинами нашли его очень быстро, ориентируясь на крики гарберской матроны.

Принцесса Элигия погибла быстро. Ее большие глаза цвета моря в ясную погоду

безмятежно взирали в раскаленные от полуденной жары небеса. Она была красива, той чистой юной красотой, свойственной светлым душой людям. Слезы впервые в жизни сжали горло Кассия в стальные тиски, когда он осторожно опустил ее веки. Странное оцепенение завладело им, приковав к коварной тверди скалы. Реальность потеряла свой бег. Принц отстраненно наблюдал за спустившимися с карниза воинами и дворцовыми обитателями.

— Поднимите ее наверх! — как сквозь воду долетел до него приказ Домиция. — В чем дело?! Вы оглохли?!

Двое вельмож заслонили собой тело девушки. Поколебавшись, один заикающимся голосом изрек:

— Она была самоубийцей. Боги покарают нас за упокой ее тела подле величественных предков...

Кассий поднялся на ноги. В ушах шумело.

— Ты похоронишь свою принцессу по обычаю, отдав ей почет и другие привилегии свойственно ее положению! — взревел он, кинувшись на разряженного придворного и сжав его шею в тиски. — Это невинное дитя оказалось гораздо благороднее твоего проклятого, лживого и трусливого повелителя!

Мужчина оказался не робкого десятка. Встретив взгляд Кассия, он хрипло прошипел ему в лицо:

— Из-за тебя и твоей орды, шайка варваров, принцесса нашла свою смерть, дабы не познать надругательства от твоих грязных рук! Это ты виноват в ее смерти!

Кассий впервые потерял над собой контроль. Не отдавая себе отчета в своих действиях, принц разжал руки и, пнув его ногой в живот, сбросил со скалы. Выдержка изменила дерзкому вельможе, и его перепуганный отчаянный вопль еще долго звенел в ушах присутствующих.

До вечера он так и не притронулся к еде. Выгнал двух танцовщиц, присланных в его покои, дабы развеять тоску. Безмятежные глаза погибшей девушки не отпускали его сознания ни на миг. Ведь он точно не тронул бы ее, жертву трусости собственного отца. Город сдали добровольно, и самое страшное, что ее бы могло ждать, это брак с кем-то из его воинов высокого звания, и то только для ее же собственной защиты...

Бессонная ночь вымотала его окончательно. Допрос царского хранителя покоев позволил выудить нужную информацию о местонахождении царя. Ненависть Кассия к нему возросла еще больше. Он и только он предписал своей дочери столь трагическую судьбу.

Сам он не собирался задерживаться здесь больше ни на меру масла. Утром, после погребения принцессы, Кассий объявил о назначении Кризия своим наместником, а также о своем решении устранения варварских законов о Большом Жребии и легализованной педофилии, под массовое недовольство народа. В толпе поднялся ропот.

— Я отменяю закон Большого Жребия! Свет нации и достойные ее представители не будут убивать друг друга под рукоплескания толпы! Я предписываю уничтожить арену и воздвигнуть на ее месте зону отдыха среди тенистых деревьев и водоемов. Да будет так!

Каждого, кто посягнет на девочку младше шестнадцати зим, будет казнен на дворцовой площади. Я отменяю этот закон вашего бывшего царя!

Толпа притихла лишь на миг, взорвавшись воплями протеста и несогласия.

— Варвар! — камень плюхнулся у его ног. — Убийца!

Кассий с трудом овладел собой. Слова ударили его слишком ощутимо. Развернувшись, он направился к запряженной квадриге, дабы добраться к до кораблей флотилии по

побережью. Внезапно путь ему преградила пожилая женщина с растрепанными волосами и красными от слез глазами. В ней с трудом удалось узнать ту самую достопочтимую матрону, что вчера так яростно оберегала от его вторжения покои погибшей принцессы. Он вздрогнул от ее спокойных, но режущих сильнее меча слов.

— Я прощаю тебе твою варварскую сущность, великий воин, причинившую столько горя всем нам и смерть моей милой Элигии.

Кассий отшатнулся и с силой хлестнул лошадей, запряженных в квадригу, дабы унести прочь из этого города, взятие которого не принесло ему ничего, кроме душевных терзаний.

Спустя семь круговоротов он получил известие о жестокой смерти царя Антона. Его требования были учтены в полной мере, гибель беглого предателя не была легкой. Кассий велел привезти его голову в Гарбер и повесить на площади для наглядности. Но и это не утихомирило пылающий огонь в его душе.

Слово "варвар" преследовало его теперь постоянно, незаслуженное, злое, несправедливое звание, присвоенное народом, который своей жестокостью и жизненным укладом сам недалеко ушел от дикарей...

*****

Полуденное солнце припекало, но шелковый полог, натянутый в саду у водоема, защищал от его палящих лучей. Элика расслабленно потягивала фруктовый сок, и, то и дело, оглядываясь по сторонам, ожидала Керру.

Подруга задерживалась. Принцесса предполагала, что она прибежит как обычно, пытаясь пригладить растрепавшиеся волосы и пощипывая щеки, и без того румяные от прикосновения щетины Домиция Лентула. Будет прятать тот жизнелюбивый довольный блеск своих черных глаз и немного недоуменно слушать ее рассказ о прошедшей ночи. Наверняка, подобные вещи давно стерлись из ее памяти.

Элика проснулась всего две меры масла назад. Сказалось напряжение ночи и игры сознания, ставшего на защиту рассудка своей обладательницы. И она боялась признаться себе, что единственная душевная травма состояла даже не в насилии — она смутно помнила, как он брал ее, и даже не в принуждении к ласке, которой обучали только рабынь, и уж никак не благородных женщин Атланты. Страшным было то, что так предательски дрогнули ее колени, когда он силой заставил ее на них опуститься...

Принц отсутствовал. Снова охота, пояснила Амина. На этот раз почему-то без участия Домиция Лентула. Элике показалось, что все понимают значение этой охоты, кроме нее самой. Это осознание пришло к ней вместе с завистью к свободе и вседозволенности Кассия на фоне ее абсолютной неволи. Наверное, она даже простила бы ему эту ночь, если бы он соизволил взять ее с собой на охоту. Но кто же доверит арбалет бесправной пленнице? И где гарантия, что у Элики не дрогнет рука и не возникнет желания превратить в дичь его самого?

Принцесса, подняв небольшое опахало из резных костяных пластин и больших черных перьев, потрясла им на уровне своего лица. В Атланте она никогда не замечала жары, может, на это просто не оставалось времени. Бирюзовое платье любимого фасона Керры открывало плечи, спасая от удушливого зноя.

Девушка провела пальцами по искусанным губам. И тут же отдернула руку, испугавшись странного ощущения, от которого кровь еще сильнее побежала по венам, а сердце заколотилось, словно в преддверии опасности. И это чувство было скорее приятным, хоть и не понятным до конца.

Ощущение чужого взгляда укололо в спину. Элика резко повернулась, ожидая увидеть Керру, и сдвинула брови от удивления. В семи шагах от нее замерла белокурая рабыня Терида с амфорой на плече. Стояла и просто поедала глазами принцессу — с любопытством и несформировавшейся решительностью.

Элика кивнула, давая понять, что та может подойти. Девушка словно опомнилась и поспешно подбежала к импровизированному столику, украшенному фруктами. Поставила амфору и поклонилась, пряча глаза и нервно покусывая нижнюю губу.

— Госпожа, — ее пальцы дрожали. — Леди Керра велела принести вам черного бесхмельного вина, она скоро придет сюда.

Эликсир из зерен кофе! Элика воодушевленно кивнула на кубок, требуя налить себе. Рабыня повиновалась. Принцесса внимательно разглядывала ее, некстати вспомнив, как эта девушка рвалась в покои Кассия. Неужели можно так сильно желать объятия тирана? Белокурые волосы дворцовой рабыни плавно струились по спине, а глаза были подведены черней сажей. Терида явно подчеркивала свою привлекательность и некий статус фаворитки даже на черных работах, на которые ее периодически отправляла за дерзость Керра. Стальной ошейник плотно обхватывал ее тонкую шею, придавая всему облику трогательную уязвимость. Элика вспомнила Алию, укравшую сердце Лэндала, и отметила, что девушки неувовимо схожи между собой. Дело было не во внешности, скорее, в жестах и взгляде. Похоже, обе ни себя донельзя комфортно ощущали в своем рабстве.

Элика отвернулась, удовлетворившись беглым осмотром. Но рабыня не уходила. Просто стояла на коленях в траве, иногда бросая нерешительные взгляды на принцессу, при этом оглядываясь по сторонам. Она явно желала что-то сказать, но боялась быть услышанной.

Элика не выдержала.

— Чего тебе, Терида?

Рабыня заговорила не сразу. Но когда решилась, ее голос то и дело прерывался от волнения.

— Госпожа страдает в объятиях хозяина. Терида всего лишь хотела выразить свою поддержку.

Принцесса изумленно посмотрела на нее.

— Поддержку? Ты полагаешь, она мне нужна?

— Териде известно об этом как никому... Он обещал мне свободу, и я служила ему верой и правдой, позволяя многое. Хотя кому интересны желания недостойной рабыни?..

— Глядя, как ты стремишься вновь попасть в его покои, я сомневаюсь, что тебе вообще нужна свобода! — с неожиданной резкостью ответила Элика. — Или ты пришла поблагодарить меня за свою передышку? Я не понимаю.

— Принц пообещал дать мне свободу при достижении пятнадцати зим, — не поднимая глаз, ответила Терида. — И я сдалась ему без боя, ожидая этого момента. Мне даже иногда было с ним хорошо. Но потом... Вскоре я не смогла выдерживать его требования и боль, которую он мне причинял. Просто не смогла и сказала ему об этом... После этого его словно подменили. Он кричал, что свободу я получу лишь после его смерти...

— И все же, это не мешает тебе стремиться попасть в его постель снова! — съязвила Элика. — Что это, покорность судьбе или рабская сущность? Или ты хочешь, чтобы я упростила ему дать тебе свободу?

— Я всего лишь уповаю на то, что он смягчится и вспомнит о своем обещании, — всхлипнув, прошептала рабыня. — Но все бесполезно... Моя жизнь теряет смысл, я не знаю,

чего ожидать дальше. Я ведь родилась свободной... И этого забыть не в силах. Я много бы отдала за право вернуться в Грекию, ведь мои родители еще живы...

— Но чего ты хочешь от меня? — рабыня утомила Элику, и той захотелось поскорее закончить разговор.

— Его смерть принесет свободу нам обоим, — внезапно ровным голосом поведала девушка, протягивая руку. На ее ладони лежал прозрачный флакон с синеватой жидкостью. — Я вернусь в Грекию, а ты в Атланту. Домиций Лентул не станет удерживать нас в рабстве.

Кровь ударила Элике в лицо. словно замороженная, следила она за флаконом на ладони рабыни. Но все же здравый смысл быстро взял верх, и принцесса процедила сквозь сжатые зубы:

— Убирайся. Если ты думаешь, что я могу столь подло убить человека, ты не заслуживаешь и глотка свободы. Уходи пока я не доложила Кассию о твоих нечестивых планах!

— Принцесса! — выдохнула Теридида. — Прости! Но не обязательно его убивать. Маленькая доза сей микстуры не принесет ему вреда, но лишит мужской силы! Ты будешь освобождена от его притязаний! Он больше не сможет тебя тронуть!

Элика прекратила смаковать темный эликсир. Слова Теридиды внезапно вызвали в ней душевный подъем вместе со скрытой надеждой.

— Маленькая капля? Насколько маленькая? И откуда у тебя это?..

— Всего одна, госпожа. В питье. Действует быстро. Когда я попала в рабство, лассирийская рабыня, в прошлом целительница, рассказала мне рецепт этого зелья. В саду растут нужные травы, и я сделала ее сама. Сколько раз я пользовалась этим, когда господин был жесток со мной! И всегда срабатывало!

— Элика! — раздался вдалеке голос Керры. Принцесса поспешно схватила флакон и спрятала в корсаже платья. Цыкнула на Теридиду:

— Проболтаешься, воткну в глотку меч! Не шучу!

При приближении Керры рабыня низко поклонилась и поспешно убежала.

Подруги обнялись. Керра сжала лицо Элики в своих прохладных ладонях.

— Ну как ты?..

Вздыхнув, Элика залпом допила кофейный эликсир и приступила к неспешному рассказу...

В покоях было жарко, даже слишком, но Элика не ощущала летнего зноя, не прекращающегося даже ночью. Она дрожала. Холод словно сковал ее обнаженное тело стальным обручем.

Девушка старалась не встречаться взглядом со своим мучителем, расфокусировав зрение до такой степени, что его силуэт почти слился с обстановкой комнаты. От нервного озноба ее соски затвердели, а заведенные за голову руки подрагивали от мышечного напряжения. Она чувствовала, как его взгляд скользит по ее обнаженной коже, сначала прижигая, а потом охлаждая до минуса игрой эмоций.

Тщетно пыталась убедить саму себя, что ей все равно. Она боялась оставаться с ним наедине каждый раз, когда Домиций Лентул приводил ее к дверям этих покоев и незаметно исчезал, словно страшась ее упреков, которые ни разу не прозвучали. А эта алая лента, стягивающая руки... Она ломала ее волю. Каждый раз, раздражая своей бессмысленностью и подавляя своим превосходством. Наверное, стоило попросить принца больше не использовать ее, как и предложил Лентул, но Элика за все время своего нахождения здесь слишком часто его упрашивала, и все ее мольбы остались без ответа. Гордость, если даже не ее остатки, а может, предчувствие дальнейшего велели ей молчать по такому, по сути, просто незначительному аспекту, предполагая, что есть иные вещи, о которых ей скоро придется просить... А может даже умолять...

Кассий откинулся назад и прихлопнул ладонью по постели. Расфокусированный взгляд принцессы против воли стал осмысленным от этого резкого жеста. Элика переступила платье, даже не осознав, что сделала это с выверенной кошачьей грацией, так волнующей его кровь. Первобытные инстинкты на недостижимом уровне диктовали свои правила в отношениях между мужчиной и женщиной, и, не будь девушка так напугана и унижена своим положением, она бы это осознала.

Принц слегка вздрогнул от ее неосознанно чувственных движений. Даже в полумраке, наполненном бликами огня, было заметно, как расширились его зрачки от возбуждения. Расстояние в несколько метров, такое далекое и пугающее своей близостью одновременно.

Элика сцепила зубы и сделала пару уверенно-грациозных шагов, когда ее остановили спокойные слова принца.

— Стой.

Он практически никогда не повышал свой голос. Крики — удел слабых. Но от этого тихого спокойствия голоса, умноженного на сталь холодного взгляда, кровь застывала в ее жилах.

Элика скинула голову и встретила его взгляд. Мучительно долгий миг она пыталась понять, чего Кассий ее остановил, но в ледяных глазах невозможно было ничего прочесть.

Губы принца изогнула легкая улыбка.

— Ты помнишь, что я тебе говорил?

Много всего. Мало чего действительно хорошего и обнадеживающего. О его угрозах сломать ее и подчинить своей воле Элика старалась не думать, опасаясь, что заплачет к его удовольствию.

— Твои глаза, моя девочка. Куда они должны смотреть?

Принцесса дрогнула лишь на миг. Новая черта ее характера проявилась в полную силу,

еще необъяснимо, но скорее полезная в дальнейшем. Страх перешел в злость, подстегнутый чувством протеста. Девушка склонила голову набок и дерзко, сильнее прежнего, встретила его взгляд. Даже лед, медленно заливающий серые глаза противника, не испугал ее в этот момент. Это был поединок. Один так и не сумел пока победить, а другой ни за что не хотел проигрывать даже в мелочах.

Кассий ощутил мысленный поток чужой ненависти, презрения и высокомерия. Наверное, глупо было ожидать чего-то иного. Она боится, он это понимал, но уступать ему не собирается до последнего. Шквал в его душе вызывало именно это сочетание несочетаемого, испуганной покорности и хватки хищницы, дорого продающей свою жизнь. Даже жалко было ломать ее окончательно, дабы не утратить прелести такого противостояния. Не столь сильно горела в нем теперь жажда мести, ее напрочь вытеснила всепоглощающая страсть и жажда обладания, которую момент подчинения гордой девчонки только разукрасил в новые яркие цвета.

Иногда он ловил себя на пугающих мыслях о совершенно новых возможных отношениях. Что случилось с ним в тот момент, когда девушка после грубого насилия сжала его руку и попросила остаться рядом?.. Когда слова сами пришли из ниоткуда, выключив немногословность и активировав тщательно скрываемую эмоциональность, диктующую правила добродушия? Когда он впервые понял, что готов отдать многое за такой сильный момент эмоционального единения?..

Он испугался. Сперва своей слабости, затем того, что возможность такого отношения иллюзорна, а после последних событий навсегда потеряна. Вернуть теплоту мимолетного момента больше не представлялось возможным. Элика сопротивлялась ему даже через мнимое подчинение, а ненависть, полыхающая в ее зеленых глазах, ставила на этом большой крест.

Кассий просто не умел по-иному. До того ему даже задумываться об этом не приходилось. Галантные ухаживания уже были неуместны, и мужчина вслепую следовал провальной и жестокой тактике, понимая, что загоняет себя за грань невозврата человеческих взаимоотношений. Не иначе как Лаки правил его дорогу, не позволяя свернуть с намеченного пути. Но почему, откуда пришла столь сильная уверенность вместе в том, что он поступает правильно, лишь выпустив своего внутреннего хищника на свободу?.. Никогда еще интуиция его не подводила, а в этот раз она словно обострилась. О том, что это может быть всего лишь не знающая препятствий сила его эгоистического желания, он не думал, просто втайне удивлялся своему внутреннему голосу, который обрел невиданную ранее твердость. Не раз шестое чувство спасало его на поле боя и позволяло в деталях просчитать стратегию мирных переговоров для дальнейшей выгоды. Он не признался сам себе, что внутренний голос молчал, когда было принято решение отомстить коварной дочери Атланты, потому что голос подала Мечь. Убежденность в правильности своего пути говорила в нем и сейчас, возражая свойственной ему человечности и великодушию. Но в этих хитросплетениях психологии разобраться было сложно, да и страсть была не самым лучшим союзником для этого.

Скрытое торжество плескалось в зеленых глазах обнаженной принцессы, которая сейчас наверняка полагала, что выиграла этот поединок. Принц слегка сдвинул брови, но даже это ее не испугало.

— Подойди! — шокирующее — возбуждающее видение словно пронеслось перед его глазами, требуя немедленного воплощения.

Элика закусила губу и плавно двинулась навстречу, но он остановил ее протестующим движением руки.

— Не так.

Удивление девушки выдали ее широко распахнутые глаза. Кассий торжествующе улыбнулся.

— Я прощаю тебе взгляд. Но безнаказанной ты не останешься.

Игра эмоций на ее лице была ему наградой. Элика бросила быстрый взгляд на плеть, наглядным стимулом черневшей на столике с фруктами, к которым она так и не притронулась. Совсем быстрый, даже мимолетный, который поспешно отвела, осознав, что показала свою слабость во всех красках.

Кассий не собирался ее использовать. Положа руку на сердце — ни сегодня, ни в будущем. Слишком простой способ ломки, мысленно повторял он сам себе, не имея силы признаться в реальной причине — он больше не хотел причинять физическую боль принцессе. В нем боролись в непредсказуемой схватке желание защитить ее от всего, от боли в первую очередь, и желание подчинить ее своей воле, дабы ничто не помешало потом оберегать.

Но Элика не могла об этом знать. Принц скосил глаза на плеть, придавая взгляду многозначительность.

Дерзость покинула зеленые глаза принцессы, уступив место обреченному страху. Что ж. Этого было достаточно для его целей.

— На колени, — он даже не удивился, не встретив отпора. Более того, проявил милость, дав ей несколько мгновений осознать приказ и преодолеть внутренние барьеры. Едва сдерживая желание, он наблюдал, как грациозно подчинилась его словам Элика, спрятав глаза в пол. В таком униженном состоянии гордость была просто неуместна.

— А теперь иди сюда.

Осознав сказанное, девушка приоткрыла рот, собираясь возразить, но принц не дал ей возможности заговорить.

— На коленях. Ползи.

Элика замерла. Она все еще надеялась, что ее наказание заключалось лишь в унижительной позе, но, видимо, снова недооценила его ненависть.

— Я... Я не могу! — девушка затрясла головой. — Не буду! Лучше избеи!

— Это твой выбор, я понял верно? — вкрадчиво осведомился Кассий. Он со вздохом поднялся и, медленно подойдя к столику, взял в руки плеть. — Только ты же сама понимаешь, что сделаешь это после первого же удара. Так стоит ли терпеть боль, если все равно будет по-моему?

Элика отчаянно затрясла головой. Ее плечи дрожали от плохо сдерживаемых рыданий. Темные волосы рассыпались, почти скрыв эту дрожь, и Кассий ощутил ее скорее интуитивно. Непонятная слабость охватила его. Идущее вразрез с действиями желание поднять ее с колен и прижать к себе, пообещать, что все закончится, и боли больше не будет.

Ничего этого он не сделал. Рано, сказал внутренний голос с оттенком любопытства потустороннего наблюдателя. Принц замер в нерешительности, видя ее бездействие. Сможет ли он ее ударить, если она не подчинится? Вряд ли. Отойдя в сторону, принц уже спокойнее произнес:

— Я жду, девочка. Но мое терпение не безгранично.

Элика сжала зубы. В этот раз сознание не хотело щадить ее, заставляя пройти весь путь

по чертогу Лакедона до конца. Но боевой дух сегодня не покидал ее, несмотря на страх перед плетью. Не подчиниться она не могла, понимая, что не выдержит боль, и от этого будет только хуже — может, обезумев от боли, она сама будет упрашивать его заменить порку на право лежать в его ногах. Нет. Он не получит ее дрожащую от страха!

Принцесса быстро повзрослела в этой проклятой Кассиопее, и некоторые вещи были для нее очевидны. Принцем правила похоть. Даже больше, чем обида на ее выходку и чувство мести. Родная сестра Ксения тоже была одержима подобными чувствами, сколько она ее помнила. Те из рабов, кто интуитивно прочувствовал свою госпожу, со временем смогли разыграть целую партию, основываясь на ее слабостях и желаниях. Совсем недавно двое из таких умников покинули ее гарем, щедро вознагражденные золотом и вольной грамотой. Еще одного Ксения с легкой руки подарила своей верной стражнице и близкой подруге, запавшей на статного белокурого красавца во время их оргии втроем. Наверное, было хорошо, потому что подарок перешел из рук в руки уже без ошейника раба. Сестра любила посетовать на то, что излишне добра с ними, хотя Элика в некоторых моментах была не совсем согласна. Хотя, что она тогда понимала?

Сейчас осознание пришло вместе с опытом. Желанием, даже чужим, можно управлять. Раскалить посильнее, пусть этот жар и опалит первоначально, зато потом на месте костра можно строить свои пирамиды. Опыта в этом у нее было мало, но интуиция вела вперед, словно правя ее черные крылья.

Страх ушел, уступив место азартному злорадству. Элика расправила плечи, отбросив волосы, прикрывшие грудь, и без стеснения перехватила взгляд мужчины. Этого-то права у нее не отбирали, верно? Стараясь не замечать плети в его руках, девушка вытянула руку, коснувшись пола, и плавно подвинула колено. Врожденная грация позволила сделать это без труда. Однажды во время охоты она таким образом подобралась вплотную к самке равнинного карела, перерезав ей ножом сухожилия. Тактика пантеры, известная всем амазонкам чуть ли ни с рождения. Интересно, догадывался ли об этом принц?

Чувство униженности и страха полностью испарилось. Теперь это была игра. Первая робкая, но заслуживающая шанса на победу попытка победить противника, но не на поле боя, а в отношениях мужчины и женщины.

Принцесса замерла у его ног, ощутив вибрацию мраморных плит от дрожи мужского тела, охваченного желанием. Плеть отлетела в сторону и с глухим стуком отрикошетила от хрустальной колонны.

Элика покорно запрокинула голову, следуя его ладони, по привычке скрутившей ее волосы. Лед почти расплавился в серых глазах принца, растопленный силой желания. Вторая рука мужчины путалась в шнуровке брюк из кожи. Краткий испуг прошел быстро, девушка не могла показать свою слабость после своего же показательного выступления, и с трудом удержала свои глаза широко раскрытыми. Облизнула пересохшие губы, скорее неосознанно, запоздало понимая, что задела язычком головку напряженного члена. Приоткрыла рот, дабы не слышать унижительного приказа и расслабила мышцы горла.

Надо просто пережить. Легко не будет. Ласка рабыни, как называли это в Атланте, казалась унижительной и недостойной аристократки лишь на первый взгляд. Иногда сама Ксения не пренебрегала ею, утверждая, что этим можно управлять даже самыми непокорными мужчинами по своему усмотрению.

К ожесточенным толчкам, ощутимо бьющим в стенку горла, она на этот раз была готова. Выдохнув, провела языком по напряженному стержню, ощутив слабую пульсацию.

Стон Кассия вызвал в ее сознании почти неконтролируемый прилив мрачного удовлетворения и ощущения собственной власти.

Осмелев, Элика сжала губы, обхватив его еще сильнее. Горло получило передышку, а резкие движения мужчины стали более осторожными, не вызывая приступов удушья от нехватки воздуха. Его стоны показались в этот момент почти одой капитуляции. Девушка подключила язык, огибая каждую клеточку возбужденного члена, ощутив, как тот стал еще тверже и чуть ли не увеличился в размерах. Ладонь до боли сжала волосы, и Элика, отреагировав на это, слегка сжала зубки у основания мужского стержня. Совсем легко, больно не должно было быть.

Кассий словно обезумел. При первом прикосновении ее губ его внутренний мир как будто распался на мириады искр. Складывалось впечатление, что его непокорная пленница делала это с удовольствием, но ведь это не могло быть правдой! Разве не видел он сам ненависти в ее глазах, разве не из-за плети она подчинилась его требованиям? Но это было невероятно. Ее язык... Ведь он ее этому даже не учил! Возбуждение накрыло его мерцающей пеленой, а когда зубки девушки осторожно прижали самую чувствительную точку, и он осознал, что не может контролировать свой оргазм. Желание войти в нее, исследовать ее тесные глубины взяло верх.

Резко оторвав ее голову, Кассий огляделся в поиске алой ленты. Разрази меня Лаки, подумал он, не обнаружив ее поблизости. Не раздумывая, вытянул кожаный шнур из своих брюк и швырнул вновь испугавшуюся Элику на кровать, заведя за спину ее руки. Девушка попыталась перевернуться на живот, но он слегка прихлопнул ее по щеке, не позволяя этого.

— Оставайся так!

Грубые кожаные шнуры больно впились в запястья принцессы, стискивая гораздо сильнее и надежнее ленты. Она зашипела от боли, все еще не понимая, чем вызвана столь сильная перемена в его поведении. Наверное, она совершила ошибку. Если бы она знала заранее, непременно расспросила бы Керру! Последний совет подруги, расслабиться и постараться получить удовольствие при доставлении оральной ласки был очень ценен, и сегодня ей удалось. Разве не о чувстве торжества говорила северянка?

Элика закричала от резкого вторжения мужчины, но не от боли, скорее от обиды и недоумения. Слезы предательски оросили ее глаза, на миг лишив голоса. Кассий склонил голову, прикусив мочку ее уха.

— Ты вся мокрая. Я доволен. Ты всегда обязана желать своего хозяина!

Девушка сжалась, пытаясь вырваться от его грубых объятий и слов, разрывающих ей сердце. Так не должно было быть!

— Почему ты связываешь меня и насилуешь? — выкрикнула она, заскрипев зубами от неожиданно глубокого проникновения. — Я подчинилась тебе! Разве я сопротивляюсь?! Почему?!

Кассий едва расслышал ее. Он и сам не знал ответов на ее вопросы, так неуместно прозвучавшие. Желание помутило его разум, и, дабы не отвлекаться, он сказал первое, что пришло в голову:

— Потому что ты рабыня. В шелках, без ошейника, но здесь ты моя рабыня! Я всегда буду брать тебя связанной, чтобы ты об этом помнила!

Принцесса обреченно сникла, оставив попытки вырваться.

Кассий в тот же миг забыл о своих словах. Оргазм приближался, сжимая в тугую спираль, заставляя двигаться сильнее, мало заботясь о чужом комфорте. Элика почти

обмякла под его руками, он этого не желал замечать. Словно сквозь вату расслышал ее дрожащий голос.

— Что ты сказала?

— Н... ненавижу... — прошипела Элика.

Спираль резко развернулась, унося Кассия к звездам дальних галактик, тьма накрыла лавиной удовольствия, окутавшего пульсирующими толчками сладкой боли и ощущения абсолютной власти.

Чуть отдышавшись, он намотал волосы принцессы на свою руку, развернув к себе заплаканное лицо, и тихо выдохнул:

— Аналогично...

*****

Керра отсутствовала во дворце. Амина сказала, что она уехала вместе с господином Лентулом за тканями для своих новых платьев. Элика уже знала, что самый изысканный по выбору ткани и украшений рынок находится в трех мерах масла езды от дворца и даже мысленно поругала себя за столь долгий сон. Вполне вероятно, что у нее может и не быть больше времени поговорить с подружкой о такой резкой грубости Кассия.

Круговорот солнца тому, после выпаленных в лицо принцу слов о ненависти, она была настолько опустошена, что проспала до вечера. Может, и не проснулась бы, но в тронном зале шел пир, и громкие звуки прогнали ее сон. Керра присутствовала на этом празднике. Только Элика побоялась показываться там, ненависть принца не прошла для нее бесследно, и воображение рисовало жуткие картины его изворотливости.

Принцесса наивно надеялась, что пир будет длиться до самого утра и ее никто не тронет. Сонливость все еще ощущалась, поэтому, проиграв с Аминой в раковины до полуночи, она отправила служанку и вскоре уснула.

Впервые за все время ее нахождения здесь ночные кошмары оставили ее. Сон был приятным. Несколько раз ей приходилось видеть такие сновидения, после чего она просыпалась с чувством непонятого удовлетворения и восторга на смятых простынях. Сейчас тоже происходило нечто подобное. Словно ласковый морской бриз окутал ее своим невесомым дыханием, разгоняя кровь, наполняя невиданной силой, сосредоточение которой находилось между ее раскинутых ног. Заряд этого необъяснимого эмоционального подъема медленно распространился по всему телу, обострив все нервные рецепторы.

Однажды дворцовый астроном показал ей скопление звезд через увеличительный прибор. Нечто похожее на эту трехлучевую спираль сейчас вращалось внутри нее, заливая ощущением нереального счастья. Прикосновения ветра стали настойчивее, он словно набирал силу приближающегося урагана, но страха быть раздавленной этим цунами не было вовсе. Было лишь понимание, что эта стихия, прокрутив ее безвольное против силы тело, бережно вернет его на твердую землю с чувством чего-то новообретенного.

Элика застонала, с сожалением сбрасывая остатки сна, раздвинула ноги еще шире и подалась навстречу этому урагану. Ветер обрел форму, темный силуэт на фоне мрака комнаты. Не видя грани между сном и явью, Элика тихо застонала и закинула руки на плечи призраку своих снов.

— Надолго ли хватило твоей ненависти, моя девочка?.. — произнесло воплощение морского бриза голосом Кассия.

Элика с криком разомкнула объятия и отодвинулась в угол постели, опираясь на локти. Сон как рукой сняло. Вместо этого пришел ужас. Мысли толпились в ее прояснившемся

сознании, опережая одна другую.

Пир. Значит, он выпил. Чего ожидать от мужчины в таком состоянии? Но ведь с другой стороны, когда он пытался изнасиловать Керру под влиянием зелья Лакедона, ничего не вышло! Значит, она в безопасности?.. Или же на следующий день получит двойную норму страданий?..

То, что он ни капли не был пьян, девушка поняла не сразу. Страх и напряжение мало способствуют адекватному восприятию реальности.

— Ты так восхитительно улыбалась во сне, — Элика не могла понять, послышалась ей в его тоне издевка или же нет. — Что же тебе приснилось?

Собраться с бегущими мыслями было трудно. Девушка выдохнула.

— Мой арбалет. Я скучаю за ним. И мой меч. Он жаждет крови.

Принц закинул голову и захохотал.

— Я бы разломал твой арбалет на части, а меч расплавил в раскаленном жерле вулкана только за то, что они могут получить то, чего не дано мне.

Элика удивленно посмотрела на принца, но в темноте разглядеть выражение его глаз было трудно. Его слова были непонятны. Получить что? Ее кровь? Разве не отдала она ее ему в первый раз? Или этого мало?

— Не понимаю тебя.

— Твое оружие вызывает у тебя желание. Когда ты со мной, ты его убиваешь в себе. Почему?

Он еще имел наглость об этом спрашивать! Элика возмущенно выдохнула.

— По-твоему, нормальный человек может желать насилия и унижения? Или ты что-то для этого сделал? Чтобы я тебя желала?

— Ты можешь мне не верить, но я как раз делаю именно это, — цепкие пальцы легко, но в то же время крепко ухватили принцессу за щиколотку. — Может, хватит забиваться в угол? Или я не знаю, какой смелой ты можешь быть?

Элика не распознала провокацию в его словах и действиях. Опершись на локти, храбро подвинулась ближе, запретив себе думать о последствиях этого поступка. Не хватало еще, чтобы он видел ее страх!

— Я не знаю, что ты делаешь, но желать я тебя не стану даже тогда, когда чертоги Лакедона покроет снег!

— Я скажу тебе больше, гордая девчонка. Не пройдет и половины зимы, как ты сама попросишь обращаться с тобой именно так, а не иначе. Может, ты даже не пожелаешь возвращаться в свою империю, где тебе придется самой быть сильной без права на эмоции, и где тебе статус не позволит отдать ответственность в руки мужчины. Ты просто не обретешь уже душевного равновесия.

— Хороший способ оправдать свое зверство, ничего не скажешь! — Элика подавила желание стукнуть этого самоуверенного хозяина положения кулаком по голове. — Почему бы тебе не проверить правдивость своих слов прямо сейчас и не отпустить меня домой?

Кассий выслушал внимательно. В темноте его лица видно не было, откуда же Элика знала, что он улыбается?

— Ты все сказала?

— Все! Ничего нового не услышишь!

— Тогда ложись и раздвинь ноги, чтобы я смог взять тебя!

— Будь ты проклят! — опешила Элика, с трудом усидев на месте, чтобы не кинуться на

принца. Его моральные пощечины лишали ее защиты в самый неподходящий момент. — Убирайся на свою оргию, выпей вина, снеси кому-нибудь голову, в конце концов... Я спать хочу!

— Девочка моя, — в голосе принца послышалась вкрадчивая угроза. — Неужели я должен всегда таскать за собой плеть, чтобы ты, наконец, запомнила, как должна ко мне обращаться?

Элика вспыхнула и инстинктивно обхватила колени, гася подкрадывающуюся панику.

— Я... Я не забыла! Только я не рабыня! Что бы ты вчера ни говорил!

— Дай мне повод нацепить на тебя рабский ошейник, и я это сделаю!

Лед. Лавина белого безмолвия. Наверняка его глаза стали такими же. Элику затрясло. Сколько можно ее мучить? Зачем эта демонстрация нормальности, если все равно все сводится к одному и тому же?.. Девушка ощутила усталость. Ее силы почти растаяли, и бороться с ним становилось все труднее.

— Ненавижу... — повторила она вчерашние слова, откинувшись на постель и разведя ноги. Может, хоть после этого этот варвар оставит ее в покое! Ненависть просто разъедала ее изнутри. Если раньше она подсознательно снесла плеть и изнасилование в ответ на его душевную травму от метки своего меча, возможно, приняв это как наказание, сейчас, по ее мнению, они были в расчете. За что он продолжает так издеваться над ней?

— Ты становишься предсказуемой, — прошипел Кассий, с трудом вонзаясь в ее пересохшие глубины. — Я начинаю думать, а не брать ли в нашу постель лук и стрелы. От них ты возбуждаешься куда больше!

— Да сгни ты в...

Ощутимая пощечина оборвала ее проклятия. Слезы незаслуженной обиды сжали горло.

— Я твой господин! Скажи это!

— Нет!

— Десять ударов плетью! Продолжим торг?

— Двадцать! — разрыдалась Элика. — Двадцать пять! Чем скорее убьешь, тем и лучше! Мне жизнь не дорога!

— Все тридцать, глупая девчонка! — в сердцах выкрикнул Кассий, продолжая яростно двигаться в ней. — Будет пятьдесят, если еще раз заикнешься о смерти!

Ему бы остановиться... Не позволить ей уйти в столь мрачные мысли... Прогнать эту проклятую одержимость Лаки... Сладкая боль аукнулась в пятках, выстрелив стрелами удовольствия по всему телу. Судорога наслаждения сотрясла его тело, перед тем как он излился вовнутрь.

Элику трясло от истерических рыданий. Кассий попытался взять ее за руку, но она с криком кинулась на него, едва не достав ногтями его глаза.

— Исчезни!

— Я не оставлю тебя одну, — от прикосновения разряд чужой боли словно накрыл его, вызвав ряд невиданных ранее эмоций. Раскаяние и злость на себя были лишь немногими из этой гаммы чувств.

— Я тебя ненавижу! Уходи!!!

Он даже не расслышал ее последних слов. Догадка о том, что на самом деле мог означать такой коктейль эмоций, вызвала у него шок. А слова о ненависти — опустошающую, нереально сильную боль. Но разве могло сейчас быть иначе?..

Его шатало. Он едва нашел дверь в темноте. Душераздирающие рыдания Элики

преследовали его по пятам. Разрывая на части душу и заставляя вновь ненавидеть себя еще сильнее прежнего.

Принцесса успокоилась не сразу. Ее отчаяние достигло апогея. Спустя меру масла, с трудом взяв себя в руки, она встала с постели. Свечи не горели, но ориентироваться в темноте было на удивление легко. Элика отодвинула тяжелый бархатный полог, за которым хранились ее платья. Керра сделала так, чтобы она ни в чем не нуждалась, велев сшить шикарный гардероб. У северянки вкус был гораздо лучше, чем у принца, заставляющего облачаться в развратные одеяния наложницы.

Шали для плеч лежали в небольшой нише. Элика их практически не использовала — жара не прекращалась даже в вечернее время, а смуглая кожа была неподвластна солнечным ожогам. Здесь, закутанные в отрез голубого атласного шелка, хранились обе бутылочки — одна, в форме шарика, от нежелательного зачатия, предоставления Керрой, другая, похожая на колбу, которые использовали ученые в лаборатории ее матери — подарок Терида. Элика сжала в ладони теплое стекло и неожиданно для себя зашлась приступом истерического смеха. Наверное, дрожь по телу прошла бы у того, кто бы его услышал в этот момент.

Но девушка была в этой комнате абсолютно одна.

Кассий сегодня оставил выбор платья за ней с Аминой. Казалось бы, великодушие? Как бы не так. С той поры, как Элика, так и не задавив в себе смущение, но остерегаясь его гнева за непослушание, начала снимать его сама, едва переступив порог комнаты, претензии к одежде у принца отпали. Девушке даже казалось, что ранее он руководствовался даже не эстетикой одеяний наложницы, а банальным удобством, если придется его разрывать прямо на ней.

Платье аристократок Кассиопей, к которым ее приучила Керра, нравились принцессе гораздо больше, хоть в первое время и вызвали протест. Корсет, поддерживающий грудь, напоминал кожаные латы воительниц Атланты своим кроем, а длинная юбка из шелка прикрывала ноги, придавая этим неуловимое величие, словно воздвигая на некий пьедестал. По крайней мере, дворцовые воины все как один проявляли уважение, достойное королевы, хотя многие из них знали, в каком положении она тут находилась. О том, что сам Кассий предписал своим подданным обращаться с ней как с добровольно сдавшейся королевой, она даже не подумала.

После событий последних дней ее и без того слабое желание понять мотивы его поступков, войти в положение дабы осознать, что им двигало, исчезло окончательно. Элика больше не искала оправданий поступкам своего мучителя. Его подростковые переживания больше не стоили в ее глазах ломаной монеты солнечного металла. Если ты не можешь совладать со своими эмоциями, тебе не место в политике, с ненавистью решила она. А то, что патриархальная узколобость кассиопейцев не допускает даже мысли передать право на трон сестре, это только их личные проблемы. Никогда Кассиопее не достигнуть и доли величия и несокрушимости Атланты, пока их мужчины не посадят на трон правительницу вместо правителя, или, на крайний случай, научиться править как женщины, идя путем компромисса и мира, а не разрушая соседние города ради самого желания пустить в ход меч, пополнить гаремы красивыми чужеземными рабынями и после этого почивать на лаврах.

Атланта воевала, этого у нее не отнять, но лишь в случае недостижимости соглашения или прямой угрозы. Угрозы были лишены своего значения, но показать зарвавшимся странам истинное положение вещей после такого для Лаэртии Справедливой было делом чести. Даже Лэндал, живший духом боя, понимал политический курс империи и никогда не бросался в омут войны ради самой войны сломя голову.

Кассиопея же словно стремилась доказать всему миру свою значимость языком оружия, практически презрев мирные переговоры, иногда даже не видя в этом своей выгоды. Элика втайне надеялась, что однажды принц получит все-таки достойный отпор во время взятия очередного города. Пусть сойдет с ума от своего провала! Вот только рядом был Домиций, который всегда уравнивал его жестокость. Займи потомок рода Лентулов трон, у Атланты появился бы веский повод для беспокойства.

Элика ненавидела себя, в том числе. За свою беспечность вчерашней ночью, за то, что хоть на миг поверила в его человечность и в то, что он переживает о ее моральном состоянии. Даже разговоры о том, что он заботится о ее удовольствии, не имели значения. Он просто врал, дабы найти оправдание собственной жестокости. Или у нее не было перед глазами опыта собственного брата в таких делах?! Но, возможно, это было к лучшему. Сломай он ее таким ласковым отношением и преврати в подобие каждой из наложниц

Лэндала, было бы еще хуже!

Керра пришла только в вечернее время. Как не хотелось Элике остаться в покоях и не показываться никому на глаза, подруга все же чуть ли не силком вытянула ее в сад.

— Что ты вчера сказала нашему повелителю? — северянку разбирало любопытство. — Он явился в тронный зал как в воду опущенный. Даже не остался до утра. Сидел и о чем-то думал, глядя в одну точку. Девчонки даже боялись к нему приблизиться после того, как он сорвался на Териду.

— Ничего, — Элика закрыла глаза. — Териде следовало поймать его раньше. Может, тогда бы мне не пришлось терпеть все это!

— Снова был груб?

— Снова. Разве он может по-другому? — Девушка закусил губу, сдерживая слезы. — Почему он это делает? Сначала все было не так... Он даже шутил со мной... Сказал, что его расстраивает моя холодность, и что он готов дать мне оружие, чтобы я растаяла! А потом резко снова стал сам собой и угрожал избить плетью только за то, что я не назвала его хозяином. Я ничего не понимаю! Он меня даже не слышит! Ты знаешь, за что он мстит, но разве недостаточно того, что он сделал?

Керра покачала головой.

— Я думаю, двух раз было достаточно даже для куда более сильного проступка! Я вообще не могу понять ваших взаимоотношений. Может, ты мне чего-то недоговариваешь?

— Нет. Ты знаешь обо всем...

— Когда он ушел от тебя, ты наговорила ему дерзостей? Может, это его выбило из колеи? То, что он не знает чем держать тебя в повиновении?

— Все не так... — поколебавшись, Элика выпалила: — Ты знаешь, я пообещала себе, что при нем никогда больше не заплачу. И у меня это почти получалось, а вчера... После того как он меня ударил и сказал что высечет плетью, я просто не сдержалась...

— Животное... — Керра выплюнула ягоду винограда. — Наверняка, озверел еще больше, когда ты заплакала?

Принцесса задумалась всего на всего мгновение.

— Нет... Не хотел уходить не смотря на мои крики, сказал что не оставит одну в таком состоянии... Наверное, хотел видеть мою слабость в деталях! Но все-таки ушел. Боюсь даже думать, что было бы, если остался.

— Дела! — изумленно присвистнула Керра. — Эл, если это то, о чем я думаю... Хотя это только догадка, еще пару таких ситуаций и я точно пойму.

— Поймешь что? — Элика подалась вперед, заинтригованная выражением лица подруги. Глаза той сверкали таким блеском, словно она только что открыла вход в межвременную пространственную спираль, из которой, по словам матери, однажды пришел отец принцессы.

— Не хочу забегать вперед, но я обычно в таких вещах не ошибаюсь. Просто не до конца уверена. И даже не знаю, хорошо или плохо то, что, скорее всего, уже с ним случилось...

— Чего хорошего в помутнении разума?! — недоуменно произнесла Элика. — Он и так не в себе слегка, а если Лакедон призвал к себе его рассудок, ничего хорошего это не сулит ни мне, ни остальным!

— Боюсь, его рассудок призвала к себе великая Астерада, и если Лакедону можно сопротивляться, она-то своего уже не упустит! Особенно с таким крепким рассудком, как у принца! — Керра улыбнулась и обнадеживающе кивнула Элике. — Не бойся. Я тебе помогу

с этим справиться, когда буду знать точно.

— Астерада? Разве в Кассиопее поклоняются богине?

— О, нет! Тут женщин-богинь низвергли из небесного свода еще до начала времен, — Керра отчего-то повеселела и смотрела на принцессу иным взглядом. Оценивающим, что ли. Словно поведение принца могло означать его скорую смерть и их свободу от его тирании. — Эта богиня — богиня моего народа. Мне однажды предрекли скорую благодать от ее покровительства. Но больше не спрашивай меня, я заговорю лишь, когда получу подтверждение своим догадкам!

— Вскоре, помимо рассудка, боги отнимут у него еще кое-что, — бездумно выпалила Элика, захваченная воодушевлением подруги. Но Керра насторожилась. Улыбка сбежала с ее лица.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что я больше не стану терпеть его насилие! — отрезала Элика. — Хватит с меня. Мирные методы на него не действуют!

— Эл, остановись. Ты сделаешь только хуже! — Керра наклонилась вперед. — Скажи мне, что ты собираешься делать. Потом может быть поздно!

— Может, — принцесса рассмеялась.

Керра, испугавшись истерических ноток в ее хохоте, больно сжала запястье подруги.

— Я требую! Ты понимаешь, что может случиться?!

— К нам идут, — с трудом подавив болезненное веселье, сообщила Элика.

Воин дворцовой стражи замер на почтительном расстоянии от девушек и низко поклонился.

— За тобой... — Керра вздохнула. — Эл, прошу, не делай сейчас ничего из того, что задумала. Ты можешь совершить непоправимое! Просто прояви терпение!

— Не-а! Надоело! — Элика поцеловала воздух в области щек Керры и быстро вскочила на ноги. Воин смущенно отвел глаза при виде ее дерзкой улыбки.

— Вашему повелителю не с кем сыграть в раковины? — весело осведомилась принцесса, обогнав сопровождающего. — Или он велел меня пригласить для иных игр?

Мужчина что-то неразборчиво проговорил в ответ. Элика потеряла к нему интерес. В холле небрежно махнула рукой:

— Спасибо, я помню дорогу!

В купальне ее все же одолели некоторые сомнения. Но Элика со злостью задавила их в глубине души. Много понимала эта Керра! Она уже давно забыла о том, что с ней сотворил этот палач всего пару раз долгих семь зим тому назад. Ее же терпение на исходе. Больше покорно сносить его зверства она не станет.

Когда Элика вернулась в свои покои в сопровождении Амины, уже наступила ночь. Предвкушение победы лишило принцессу страха, наполняя душу будоражащим кровью азартом. Служанка расчесала ее длинные волосы, слегка смазав их распыленным аромамаслом.

— Белый шелк с лифом без жемчуга, — распорядилась Элика в выборе платья. То, что надо. Корсет позволял спрятать даже клинок благодаря уплотненной ткани в области груди. Легкая шнуровка распускалась несложными движениями руки, что тоже было на руку, долго раздеваться под пристальным взглядом Кассия было унижительно. Принцесса надеялась, что он не накинется на нее сломя голову после ее недавних слез, а хотя бы поиграет в галантное обращение.

— Принеси мне черного эликсира! — велела она Амине. — Не хочу уснуть на самом интересном моменте.

Кассиопейка не сдержала смешок и удалилась. Едва за ней закрылась дверь, Элика на цыпочках подскочила к ней и довольно улыбнулась, услышав удаляющиеся шаги. Надо было спешить, пока не явился Домиций со своей проклятой алой лентой.

Размотав шелк неиспользуемой шали, девушка осторожно разместила колбу с коварной жидкостью в ложбинке между грудей, надежно стянутых уплотненным шелком. Холодное стекло быстро нагрелось от температуры ее тела. Затем, выпив глоток микстуры от нежелательной беременности, как ни в чем не бывало, присела на кровать. Как раз вовремя — Амина решила поспешить, дабы не лишать полюбившуюся ей хозяйку любимого напитка, ели за ней явятся пораньше.

Принцесса с наслаждением выпила дар кофейных зерен, даже задумалась было о второй порции, когда явился Домиций.

— Приветствую тебя, — тепло поздоровалась Элика. — Как здоровье самого благородного воина Кассиопеи?

Если он и удивился, то виду не подал. Просто присел рядом и ответил теплой улыбкой.

— Поразительно, как тебя преображает хорошее расположение духа. Твои глаза даже меняют цвет. Иногда, в ветреную погоду, океан приобретает столь глубокий зеленый оттенок ближе к горизонту, и кажется, что невидимое глазу пламя словно подсвечивает его.

— Мне приходилось видеть нечто подобное. — Элика сжала кулаки, чтобы скрыть дрожь от азарта. — Пора? Не хочу тянуть время.

Ей пришлось немного отвести лопатки в стороны, дабы колба удержалась на своем месте при традиционной церемонии с алой лентой. Слава Анталу, Лентул ничего этого не заметил.

В покоях Кассия ничего не изменилось. Ни обстановка, ни, собственно, его присутствие. Элика едва не закричала от восторга, заметив на столике два кубка. Она не знала, что может произойти, заставь он ее раздеться прямо у порога.

Принц поднялся навстречу. Лед растаял в его глазах. Он выглядел слегка смущенным. Девушка бездумно списала это на белое платье, так выгодно подчеркивающее ее смуглую кожу. Она гордо вскинула подбородок, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Кассий приблизился очень быстро, и Элика вздрогнула, когда сильные руки обхватили ее тонкую талию, а губы запечатали рот в обжигающем поцелуе. Она была не готова к такому повороту, заранее готовясь к лавине холодного подчиняющего презрения, ломающего волю сильнее плети. Поцелуй не был агрессивным. Он был скорее чувственным, если бы Элика понимала истинное значение этого слова. Впервые эти настойчивые касания языка показались ей приятными, и она с любопытством ответила таким же действием. Игра с противником, заранее обреченным ее действиями на смерть или недомогание, была захватывающей.

По правде говоря, его смерти она не желала. Даже после всего пережитого. Она с молоком матери впитала ее правило всегда обходиться малой кровью там, где встает вопрос выбора между жизнью и смертью. Лишение гордого и самоуверенного кассиопейского мужчины его мужской силы было бы куда более эффективной мстью. Смерть принца была не выгодна еще с политической точки зрения. Лаэртия Справедливая использовала их для создания инновационного оружия, которое должно было своей мощью обеспечить Атланте абсолютную власть. Об этом мало кто знал, но Латима Беспощадная втайне от королевы

ввела Элику в курс дела. Даже царь Актий в свое время не спешил с утверждением торгового договора, видимо, подозревая скрытый потенциал пустынного минерала. Договориться удалось только с Кассием после смерти царя, и то потому, что, как шутила утонченная ученая Тания, варвары всерьез полагали, что империя под женским началом использует эти камни лишь в качестве ювелирных украшений. Что решит с этим договором осторожная и безвольная царица Кассиопеи в случае смерти сына, спрогнозировать было сложно. Как не желала свободы и мести принцесса Атланты, с вопросом о его смерти следовало повременить ради более серьезной цели.

Легкое, едва уловимое движение, и алая лента освободила запястья девушки. Принц не прервал поцелуя, лишь крепче прижал к себе. Элика разрешила себе расслабиться, чтобы не вызвать излишних подозрений. Пальцы мужчины ласкающим движением пробежались по ее затылку, на короткий миг вызвав приятную, едва заметную судорогу, пронзившую весь позвоночник принцессы.

— Эл... — прошептали его губы. — Я не хочу, чтобы ты больше плакала. Не хочу.

Поздно. Уже поздно. Ты должен был не хотеть этого раньше.

— Как скажешь, хозяин, — почти с сожалением ответила она. — Я не буду.

Кассий слегка вздрогнул, услышав обращение, которое раньше приходилось выбивать угрозой плети. Элика осторожно выскользнула из его объятий.

— Можно мне выпить? Умираю от жажды.

Кассий улыбнулся. Но его теплая улыбка уже не трогала ее заледеневшего от постоянной жестокости сердца. Принцесса знала, как легко вслед за этой мнимой нежностью приходит его беспощадность.

— Я распорядился приготовить твой любимый напиток. С медом и ломтиком цитруса он даже вкусный. Хотя я никак не могу привыкнуть.

Элика поспешно шагнула к столу, оставив мужчину за спиной.

— Ты просто не умеешь правильно его пить! — стараясь унять дрожь в голосе, произнесла она. — Ломтик лимона извращает вкус. Как и большое количество воды.

Он не сделал попытки приблизиться. Элика подняла хрустальную амфору и встряхнула.

— Она же еле теплая! Его прелесть в обжигающем привкусе, — она смело наполнила его кубок. — Еще немного хитрости... Никакого лимона.

Волосы скрыли ее плечи. Достать флакон оказалось очень легко.

Капля. Териди сказала, всего капля. Может, на первый раз хватит и половины?

— Сладким его тоже пьют. Но мне не очень нравится. Перебивает вкус.

Вот и все. Кассий направился к ней, и принцесса едва успела спрятать флакон обратно в лиф. О том, что вскоре его легко будет там обнаружить, она от волнения даже не сообразила.

— Хотел бы я научиться любить все, что с тобой связано, — прошептал Кассий, откидывая ее волосы с плеча. — Но иногда это так опасно!

Обойдя столик, он поднял кубок. Сердце Элики словно рухнуло вниз.

Пей! Пей, наконец, и дай мне покой от своего вожделения!

Кассий пригубил кофе и неожиданно сплюнул.

— Вот странно. Что же это скрипит на зубах? Ты песка туда насыпала?

— В смысле?

Принц отставил кубок и, проведя пальцем по его внутренней стороне, горько улыбнулся. На его пальце остался белый осадок, и Элика похолодела от его улыбки, все еще не осознавая ее значения.

— Так и должно быть, да? Почему ты молчишь? Этот мерзкий напиток должен выпадать в осадок?

Почему она промолчала?! Неизвестно. Странное оцепенение охватило ее тело, лишив дара речи.

Кассий спокойно поставил кубок на стол и вдруг, размахнувшись, резко отбросил его на пол. Белая шкура впитала коричневую жидкость моментально.

— Настой из корневища драцены вместе с окисью серебра и ядом пустынной змеи. Наверное, единственное оружие строптивых рабов. Выявить сложно, но при контакте с водой этот яд дает осадок в виде мелких кристалликов белого цвета. Только ты не была ни на одном из рабовладельческих рынков. Откуда это у тебя?

Элика даже не осознала сказанного. В два шага преодолев разделяющее их расстояние, принц, размахнувшись, так же резко как отбросил кубок, ударил ее по лицу.

Комната поплыла перед глазами, а пол ушел из-под ног. Следующая пощечина оглушила до звона в ушах, и девушка опомнилась лишь, больно ударившись коленями о плиты мрамора. Резкая боль в натянутых волосах вызвала у нее отчаянный крик, который тут же замер на губах, словно застыв абсолютным холодом.

— Кто тебя надоумил?! Шлюха Лентула?! Амина?! Кто?!

Чувство нереальности происходящего лишило принцессу дара речи. Кассий рванул лиф платья, без труда разрывая плотный шелк. Стеклянная колба выскользнула из своего укрытия и с глухим стуком скатилась на пол.

Принц поднял ее и рассмеялся. Элика зажмурилась от этого страшного смеха.

— Неет... Керра, конечно, дочь змеи еще та, но умом не тронулась, дабы поднять на меня руку и лишить себя такого выгодного положения при моем советнике... Амину я ни словом, ни делом не обидел... Выходит, я делил ложе с хладнокровной убийцей? Что ж, у меня всегда была склонность ходить по краю пропасти.

Элика молчала. Щеки пылали огнем. Наверняка останутся следы. Пусть. Может, теперь он положит конец ее мучениям.

— Дай мне ее выпить, и покончим с этим, — устало проговорила она.

Кассий зловеще улыбнулся. В его глазах появились нотки безумия, и девушка испытала леденящий, ни с чем несравнимый ужас.

— Не будет так просто, мерзкая тварь. Хотя ты не раз еще пожалеешь, что не выпила это, когда была такая возможность. Смерть для тебя была бы куда более милосердным исходом!

Дальнейшего она почти не помнила, лишь отмечая про себя, как болтается ее голова из стороны в сторону под градом ударов его ладоней, ощущая привкус крови на губах и боль кожи головы вследствие вырываемых от его хватки волос. Никогда еще она не испытывала такого. Но слез не было.

Как в полусне ощутила грубое прикосновение веревки к запястьям и лодыжкам. Попыталась закричать, но скомканный отрез шелка от разорванного платья мгновенно запечатал ее рот. Кассий рванул подол, обвязав кляп еще одной полосой ткани. Элика дернулась, пытаясь уйти от его рук, но чуть не задохнулась от резкого удара в грудную клетку. После этого силы оставили ее, и она просто упала на бок, ощутив пылающей щекой холодный мрамор пола.

Кассий грубо пнул ее ногой, проведя подошвой по лицу, затем, развернувшись, неспешным шагом вышел из покоев.

Воины дворцовой стражи невозмутимо несли караул. Они давно перестали удивляться звукам, доносившихся периодически из покоев их повелителя. Их это попросту не касалось.

— Мой советник во дворце?

Получив утвердительный ответ, Кассий направился к его покоям. Вошел без стука, чем несказанно удивил обоих. Керра подняла на него тревожный взгляд, перестав ласкать волосы Домиция, чья голова расслабленно покоилась на ее коленях. От этой идиллической картины принц едва не потерял над собой контроль. Желваки заходили на его лице, но он быстро убедил себя, что ироничный блеск в глазах северянки ему лишь привиделся.

— Доброй ночи, брат, — обратился он к Лентулу. — Я не хотел тебя тревожить, но меня снедает беспокойство.

Домиций встал и, подойдя, сжал плечо Кассия. Вопросительно взглянул в его похолодевшие глаза.

— Не далее как в ночь предыдущего солнечного круговорота я ждал донесения Ардия из копален слез пустыни. В прошлый раз они с трудом смогли унять беспорядки среди рабов, как ты помнишь. Я отдал должное внимание трудностям в дороге и другим обстоятельствам, но он так и не прибыл. Опасаюсь, что стряслась беда. Седьмой легион неподалеку, но смогли ли они поставить его в известность?

Домицию не надо было долго пояснять. Ни о том, что от него требовалось, ни того факта, что Кассий получил донесение Ардия, встретившись с ним в порту и отправив его обратно. И о том, что на рудниках был мир и покой. Это был просто повод отправить одержимого безопасностью принцессы защитника подальше из дворца, дабы он не усложнял своим вмешательством свершение правосудия. Правосудия... Кассия рассмешило это слово.

— Немедленно? — уточнил Лентул.

— Да. Понимаю, что должен сам, но возникли непредвиденные обстоятельства. Я последую на рассвете в Хараду. Мать едва не пообещала мою военную поддержку Песчаной конфедерации. Не бывать этому!

— Ты прав, она не имела никаких оснований так поступать, — Домиций свистнул, призывая стража. Тот появился незамедлительно.

— Поднимай эскорт и вели седлать лошадей. Мы отправляемся в алмазные копи. Сей же миг.

Кассий вздрогнул, наблюдая, каким нежным и долгим поцелуем его друг наградил на прощание свою любимую женщину, припавшую губами к его ладоням в напутствующем и поддерживающем традиционном жесте.

— Да благословит великий Эдер твой путь, отрада моего сердца, до того сладкого мгновения, когда я вновь смогу обнять твои колени! — Керра лишь бросила быстрый взгляд на принца, прежде чем отпустить Лентула. Кассий решил, что как только отряд советника покинет дворец, непременно потребует объяснений этому дерзкому взгляду.

Сборы заняли около половины меры масла. Принц не хотел думать том, что скажет своему другу и побратиму, когда его ложь выяснится. Это сейчас занимало его мысли меньше всего. Лишь когда ворота дворца закрылись за полководцем и его свитой, позволил себе снять маску невозмутимости и быстро зашагал обратно.

— Повелитель, — своим неизменным тоном, в котором ирония смешивалась с почтением наполовину с презрением, показывающим ее истинное отношение, произнесла Керра, когда он чуть ли не ногой выбил дверь в покои уехавшего полководца.

Кассий смерил ее устрашающим взглядом, который, впрочем, не произвел на северянку

ни малейшего впечатления. Пожалуй, это была одна из немногих женщин, которую ему в свое время так и не удалось сломать. Этот факт его не бесил лишь по той причине, что он понимал — всему виной не столько ее храбрость и внутренняя сила, сколько тогдашняя просьба Лентула отдать ее ему. Будь у принца больше времени и не воспламени женщина тогда кровь Домиция, она бы и сейчас влачила жалкое существование рабыни. Хотя, вполне возможно, он себя обманывал. Керра и тогда держалась достойно. Когда он впервые увидел ее оргазм в его объятиях, торжество победы было абсолютным. Но хитрая дочь змеи не позволила тогда принцу упиваться такой своей властью. Убедившись в провале тактики сокрытия своего удовольствия, оставшиеся немногие ночи избитая плетью и измученная насилием рабыня вела себя так, будто сама приходила на его ложе брать удовольствие. Тогда он почти рад был ее отдать Лентулу, хоть и не хотел себе в этом признаваться.

— Твои игры кончены, Керра, — прямо заявил Кассий. — К принцессе Атланты ты больше не подойдешь даже на расстояние мили. Ваша дружба сильно дорого мне обошлась. Это понятно?

Беспокойство лишь на миг мелькнуло в ее больших черных глазах. Молодая женщина встала, сделав пару шагов, и покорно кивнула.

— Мой принц, — ровно произнесла она. — Ты на пороге тьмы. Не делай шага, который погубит империю!

Кассий едва осмыслил эти слова. Поговаривали, что северянки умели предвидеть грядущее, многие рабыни дворца осторожно обсуждали сбывшиеся предсказания Керры и умоляли предсказать им хорошую жизнь. Принц посмеивался над этим, объясняя все предрассудками из-за ее черных глаз, издревле считавшимися колдовскими. Но в этот раз неприятный холодок сопричастности пробежал по его позвоночнику.

— Оставь свои шаманские штучки! Ты поняла меня?

— Я повинуюсь тебе, — ответила северянка. — Но мои миражи играют со мной именно в этот момент. В зените Фебуса они точны как никогда. Если ты совершишь непоправимую ошибку, Кассиопея заживо сгорит в адском пламени разозленного солнца! Ни льду, ни полноводной реке не остановить сердца, которое охватит пламя войны и разрушения!

— Ты начиталась легенд, — грубо оборвал ее Кассий. — Сказка о том, что воительница Лаки повергнет империю в Хаос и принесет ему абсолютно все души в своем щите, всего лишь домыслы рабынь, которым никогда не видать свободы! Я тебя предупредил! Домиций вернется не скоро, и, клянусь, я подвергну тебя публичной порке, если ты кому-то повторишь свои бредни!

Принц развернулся и покинул покои полководца. Керра потрянула головой. Собственное видение испугало ее.

— Астерада милосердная... — прошептала северянка. — Не дай пламени темной силы охватить твою заблудшую дочь... И не позволяй ему привести ее к этому... Гибель детей и матерей в адском пламени неизбежна, если ты не поможешь!!!

*****

Лаэртия Справедливая придирчиво изучала свое отражение в огромном зеркале, занимающем арочный проем королевских покоев. Сегодня оно так же не радовало ее, как все те тридцать солнечных круговоротов, пролетевших со дня исчезновения Элики. Королева потеряла счет времени. Счет своим надеждам, рушащимся день ото дня. Счет своим слезам, которых никто, кроме нее самой, не видел и никогда не увидит.

Ее прекрасные глаза, два голубых бездонных озера, покраснели от пролитых слез и

постоянной бессонницы. Чувственные пухлые губы словно поникли, обозначив в уголках предательские горестные морщинки. Даже водопад светлых волос, ее неизменная гордость, казалось, утратил свой блеск, да и не далее как утром ей пришлось поспешно вырвать парочку поседевших волосинок.

Никто, казалось, не замечал, как ускользает красота матриарх под гнетом свалившегося горя. Лаэртия все так же тщательно, как и раньше, пробегала семь миль до горного подножия Атлионии, следуя привычке, приобретенной в союзе с Дмитрием Иноземным, ее мышцы находились в прекрасной форме. Если бы пришлось прямо сейчас взяться за оружие, королева была бы готова к бою в полной мере. С регулярной периодичностью принимала ванну с молоком ослиц и соком горного винограда, втирала в свою все еще юную в результате правильного ухода кожу масла и крема, приготовленные в лаборатории, массировала волосы отрезами шелка для пущего блеска, и подданные даже не замечали очевидной для нее перемены.

Сегодняшняя ночь не стала исключением — сон не шел, тягостные думы одолевали, но решение требовалось все же принять незамедлительно. К утру, вернувшись во дворец после ободряющего бега, Лаэртия готова была огласить его. Не подданным, пока только сыну и старшей дочери.

Лэндал вернулся во дворец вчера ночью. Его поиски не принесли результата. Матриарх велела не прекращать их ни в коем случае, все еще надеясь на возвращение Элики. Разговор с сыном был перенесен на сегодняшнее утро. До того правительница выслушала Антония, мудреца от Антала, согласившегося с ней почти во всем.

Втроем они собрались в тронном зале для разговора. Лаэртия сверкала красотой и величественной уверенностью, и никто бы даже не подумал, что она снова плакала этой ночью от бессилия и боли.

— Я приняла решение, — обведя взглядом присутствующих, провозгласила королева. — Скрывать исчезновение Элики становится невозможным. Я сделаю заявление перед народом в ближайшее время. Мой трон займет Ксения. Это уже решено.

Антоний кивнул, впрочем, без энтузиазма, понимая, что сейчас это единственный выход из положения.

Лэндал был поражен.

— Мама! Но Элика жива! Мы отыщем ее рано или поздно! Ксена превратит Атланту в цитадель лени и разврата! Ты не можешь так поступить!

— Ты забываешься, мужчина! — ледяным тоном осадил его Лаэртия. — Кто тебе дал право так говорить о женщине нашего рода, твоей сестре? Общение с тракийским воином лишило тебя разума? Твоя мать уже стара для того, чтобы в новом брачном союзе выносить и воспитать новую будущую наследницу. Прерывать династическое правление и дать народу право выбора инокровной правительницы я не намерена. Как и сажать на трон мужа, будь он хоть трижды посланником Антала!

Принц сжал кулаки, понимая, что скрыть свое негодование у него не выйдет.

— Но ведь Элику готовили с самого детства... Ксения же смутно понимает, что ей делать с этой властью... Мама! Не принимай такого решения. Ты же полна сил и можешь править еще несметное количество зим. Править и не отвлекаться на наставления Ксены на истинный путь... Почему?!

— Сын мой, мы не можем допустить на трон женщину чужого рода. Сенат не должен даже задумываться о возможности возвести на трон избранную народом! И я не вправе

скрывать от Атланты истинное положение дел. Знаю, они все обожают Элику, но такова воля Антала и Криспиды. Отправляйся на юг и привези Ксению во дворец. Передашь ей мое повеление. Она должна до восхождения на трон распустить свой гарем, ибо настоящая королева не имеет права на такие слабости. Наследница престола должна прийти в свет рожденной от союза с благородным вольным спутником, а не от кровосмешения с рабами, как несчастная Мавия.

Лэндала трясло. Целая гамма чувств. В его глазах это было чуть ли не предательством по отношению к единоутробной сестре. Но спорить с матриарх он не мог. Оставалось только надеяться, что Элика найдется до того, как Ксения примет титул правительницы.

Лаэртия поднялась, давая понять, что разговор окончен, и гордо удалилась из зала совета. Принц устало откинулся в кресле.

"Я найду тебя, Эл. Найду и помогу снести с лица земли народ тех, кто посмел тебя обидеть. Клянусь памятью моего отца и божественной благодатью Антала!.."

Она не заметила, как ее сморил глубокий сон. Пусть в неудобной позе, пусть в застывших на глазах слезах отчаяния от раскрытия хитрости, пусть в терзаниях за собственное будущее и последствия своего поступка, но...

Сознание щадило ее. Снова. Отключив действительность и не позволив опуститься до унижительных крайностей. Неизвестно, до чего бы дошла Элика в состоянии перманентного этой ночи. Может, даже до броска в его ноги и слезливой мольбы пощадить, поясняя, что не имела ввиду ничего плохого? Или позволила б избить себя до полусмерти, а может, и до летального исхода...

Она выпустила зверя из клетки. Сомнений не было. Спасти ее могло только чудо, но она уже поняла, что в Кассиопее чудеса не на ее стороне. Ей надо немного, дабы принц подчинил и сломал ее дух и тело. Все та же плеть, укусы которой словно горели на ее груди, невзирая на то, что сошли все следы. Но наверняка плеть не самое страшное оружие в его арсенале...

Сон не был беспокойным. Беспокойным было пробуждение. Девушка все еще была связана самым изощренным и унижительным образом, а от кляпа из обрывка платья свело челюсти. Руки и ноги не слушались, она их попросту не ощущала. Мысль о том, что так долго в связанном состоянии находиться опасно, перекрыла иная. Опасно другое. Опасно остаться наедине с Кассием.

Элика закусила губы.

Сколько нужно ударов, чтобы свести ее с ума? На каком из них она станет молить о смерти или просить более мерзкой и унижительной участи? Останется ли ее тело таким же желанным и привлекательным после экзекуции? Если нет, то оставит ли принц ее в покое? Или же... Элика зажмурилась, вспомнив его рассуждения о том, что бы ее ожидало, окажись он тем, кем она его так беспечно назвала. Нет. Никто другой к ней не прикоснется. Она перегрызет ему плотку, и если не вышло с Кассием, с воинами, которые показались ей почти милыми, получится наверняка.

О психологической стороне наказания она даже не задумалась. Что может быть хуже физической боли и насилия? Если Кассий вел себя так жестоко даже без повода, даже, несмотря на ее покорность, что же ее ждет дальше?!

Потом она вспомнила, что во дворце у нее есть как минимум три человека, которым она может доверять. Амина не имела никакой власти, Керра, фактически, тоже, но вот Домиций Лентул... Разве он не клялся в своей поддержке? И он единственный имеет влияние на Кассия. Элика объяснит ему, что на самом деле хотела сделать. Даже без стеснения, пояснив, как болит ее горло и то, что ниже пояса, и как сильно она была опустошена, а принц не горел желанием дать ей передышку. О том, что от ее постоянных слез болят глаза и сердце, и она просто остерегалась за свое здоровье... Да, капли, это подло, но она же не хотела его убивать! Даже уменьшила дозу!!!

От таких умозаключений принцессе стало немного спокойнее. Один Домиций знал ее настоящие мысли. Ее раскаяние после оскорбления Кассия во время прогулки. И то, что даже в первый раз, когда она, обезумев от ужаса, умоляла его отдать ей кинжал, то делала это лишь для того, чтобы принц либо не тронул ее, либо убил сам. Но сама она не смогла бы поднять на него руку. Парадокс, который ей было трудно пояснить даже самой себе...

Она почти успокоилась, не смотря на онемевшие руки и болевшую челюсть, когда услышала его шаги за спиной. Эти шаги она всегда безошибочно определяла из тысячи, подсознательно изучив свой кошмар с разных сторон. Только чуть замерла, ожидая, когда же принц заговорит.

Но он не спешил. Затылок Элики даже не чувствовал его пристального взгляда, как бывало раньше. Когда статная фигура Кассия оказалась в поле ее зрения, слегка скосила взгляд.

Кассий игнорировал ее. Беспечно осматривался по сторонам, что-то разыскивая взглядом. Медленно текли минуты, уничтожая бастионы женского спокойствия своим обещанием неминуемой расправы. Доведенная за эти короткие мгновения неопределенности почти до безумия, Элика дернулась и глухо застонала, когда чужие руки сжали ее плечи, поднимая с пола. Прикосновения к бесчувственным запястьям она почти не ощутила, даже не сразу поняла, что руки теперь свободны.

Кассий обошел ее и одним движением кинжала разрезал путы, сковывающие ноги. С кляпом ему пришлось повозиться, скулы девушки свело, и они просто отказывались разжиматься. Элика застонала от боли в челюсти, когда, наконец, сомкнула губы. В горле пересохло, но внезапно сковавший ужас лишил ее дара речи.

Принц пристально взгляделся в ее лицо. От этого взгляда стало еще хуже. Так рассматривают бесчувственные предметы, решая, продлить их существование или же уничтожить. Затем, слегка прихлопнув по щеке, вернулся к столику и неспеша наполнил кубок.

— Пей.

Элика не посмела послушаться. Всего лишь вода... Она жадно опустошила кубок до самого дна, задохнувшись от судорожных глотков. Закашлялась, попыталась прикрыть рот ладонью, но руки ее не слушались, так и остались лежать безвольными на коленях.

Кассий выругался, не стесняясь своих слов, и резко потянув правую руку девушки, принялся лихорадочно растирать. Элика с удивлением отметила жар его ладоней, потому как лишенная привычного кровотока ее собственная рука была холодной как лед. Сперва она не ощущала ничего, кроме согревающего пламени, но уже в следующий момент слабо вскрикнула, потому как ощущение тысячи тонких игл, словно врезавшихся в кожу, было нестерпимым. Мужчина, отбросив ее ладонь так, словно только что тер руками пустынную змею, бесцеремонно ухватил левую руку, предав той же участи что и правую. Девушка зашипела от боли, когда иглы проткнули ее вторую ладонь.

— Заткнись, — почти ласково посоветовал Кассий. Едва коснулся ее безвольных лодыжек, но тут, передумав, недобро усмехнулся. — Хватит. Привыкай стоять на коленях. Теперь это твое место!

Все гораздо хуже... Элика ощутила острую необходимость что-то сказать.

— Послушай! Я не хотела! Это совсем не то, что ты...

Боль в скуле вспыхнула с новой силой, наполнив ротовую полость мерзким соленым привкусом. Руки все еще были непослушны, не позволяя касанием унять боль от пощечины.

— Я разрешал тебе говорить, тварь?

Девушка сжалась. Его голос был спокойным, как никогда. Даже ласковым. И тихим. Вся внутренняя сила и жестокость этого человека была в этом величественном тоне. Боялась ли она раньше? Нет. По сравнению с этим моментом то был даже не страх. Так, беспокойство.

— Есть хочешь? — как ни в чем ни бывало осведомился Кассий. — Советую подумать.

Морить тебя голодом я не стану, ты сама лишишься аппетита очень скоро.

Он отошел к столику. Элика открыла рот, чтобы вновь, забыв о запрете, попытаться заговорить, и резко вздрогнула. Долька апельсина, задев ее щеку, упала на пол.

— Какая ты жалкая, — Кассий тихо засмеялся. — На кораблях мореплавателей рабынь иначе не кормят. Что поймала своим ртом, то твое. Нет, придется поднимать с досок палубы. При этом замечу, что руки использовать нет возможности, только губы. Выглядит очень забавно.

Элика едва увернулась от очередного броска, похолодев от такой перспективы. Да она лучше умрет с голода, чем... Чем...

— Твое счастье, тварь, что мне такие игры никогда не приносили удовольствия. — ухватив кисть винограда, принц приблизился к девушке, недобро усмехнувшись при виде того, как сильно она побледнела. — Я дам тебе возможность последний раз поесть по-человечески. Не советую этим пренебрегать. Если сейчас откажешься, впоследствии будешь есть из миски на моих глазах как недостойная шавка. И, пожалуй, я приглашу своих солдат полюбоваться на тебя при этом.

...Что есть страх? Что есть ужас? Ничего. Ничего из того, что было раньше, этим не являлось. Мрак. Удушающая пелена, словно кинжалом разрезавшая всю жизнь на "до" и "после". Убивающая своей неотвратимостью, превращающая в безропотное и покорное создание, в котором еще что-то забавы ради оставили от человека.

Почему не было слез? Почему подсознание отказалось защитить рассудок?

Элика покорно снимала губами ягоды с виноградной кисти в руках своего мучителя, проглатывая целиком, не ощущая ни капли вкуса. Так же жадно глотала воду из кубка, заливающую ее горло, словно это были последние глотки заблудившегося в жаркой пустыне путника, обреченного на смерть.

Кассий отставил пустую тарелку и, намотав волосы девушки на свой кулак, резко дернул вверх, вынуждая встать.

— Стоишь? Пройдись.

Элика в покорном ступоре сделала пару шагов, слегка жмурясь от ощущения острых игл в ногах. Руки уже обрели чувствительность полностью, она понимала, что покалывание являлось лишь временным явлением.

— Достаточно, — мужчина, подойдя, сжал ее шею в стальную хватку и так же спокойно, словно неодушевленный предмет, швырнул на пол. Принцесса охнула от боли в моментально сбитых о мрамор коленях, только ее палач остался неумолим.

— Твоя прежняя жизнь в Кассиопее кончена, — донесся до ее сознания тихий спокойный голос. — Видит Эдер, я при всем своем желании видеть тебя рабыней проявил непростительное великодушие. Ты была просто подневольной гостьей в моем дворце, и мало кто знал, что я делаю с тобой за скрытыми дверями покоев. Никто и предугадать не мог твоего истинного положения. Но теперь будет по-иному.

Элика задрожала от его слов. Принц остановился в шаге от упавшей на колени пленницы. Девушка увидела пред собой его ноги, не успев ничего понять, когда мужчина, нагнувшись, стальной хваткой за шею приблизил ее губы к своим ступням.

— Целуй ноги своего хозяина, рабская сука!

Крик разорвал тишину покоя, и принцесса даже не поняла, что это был ее крик. Крик попавшей в силки пантеры, которую никто не собирался убивать. И именно в этом отказывал в своей милости.

Она дернулась из цепкого захвата безжалостных рук, рискуя свернуть шею, с трудом удержав уплывающий во тьму рассудок при себе.

Кассий почти с сожалением вздохнул. Его голос был все так же тих и безмятежен.

— В военную подготовку атланток, наверное, не входит искусство владения кнутом как оружием. Да и мало кто его в качестве такового и рассматривает. А зря. Достаточно одного удара, чтобы сломать хребет. Или спустить кожу со спины. Или одним захлестом перекрыть доступ кислорода.

Это происходило не с ней. Это невозможно. Это не тот Кассий, который держал ее за руку, вытирал слезы и обещал показать рассвет в Лазурийской пустыне. Это не тот человек, который раздобыл темный эликсир, дабы вызвать ее улыбку. И не тот, кто не желал оставлять ее наедине с болью и совсем еще недавно ласково просил больше не плакать.

— Но убивать тебя не входит в мои планы. А вот сделать из тебя рабыню — вполне. И ты прекрасно знаешь. Или ты после кнута будешь целовать мои ноги, истекая кровью и воя от боли, или добровольно, но решать придется прямо сейчас. И в случае правильного решения придется стараться как никогда, ибо я проявил милость, позволив тебе принять решение. Приступай. Не превращай это в экзекуцию.

Безумие. Оно не желало ее покидать ни на миг. Плясало свой танец свободы, рисуя в воображении страшные картины, так охотно описанные Кассием.

Наверное, так ломаются люди. Без треска и надрыва. Делая шаг в пропасть на границе между падением или муками чертогов Лакедона.

Элика покорно, не понимая своих действий, разомкнула губы, ощутив теплую кожу ног поработившего ее окончательно тирана. Хриплый голос Кассия едва достиг ее взорвавшегося и теперь тлеющего в агонии сознания.

— Старайся. Оближи каждый палец. Привыкай к своему новому положению!

И павшая под натиском настоящей жестокости гордая принцесса покорно обхватила большой палец губами, машинально посасывая, как делала это не раз с мужским достоинством принца, все еще спасаясь, закрываясь, словно щитом, чувством нереальности происходящего. Забыв о том, что находится на коленях у его ног, в разорванном платье, и делает то, что не каждой рабыне доводилось делать в своей жизни. Язык, не подчиняясь рассудку, медленно скользил по пальцам, словно находя в этом некое успокоение. Просто изнасилованное сознание заблокировало аспект унижения, превратив это действие в механический акт ничего не значащего поцелуя.

Кассий, видимо, ощутил, что его воспитательные методы хоть и заставили Элику упасть к его ногам, но не затронули тех душевных струн, которые он собирался жестоко оборвать, не позволив им больше никогда связаться воедино. Иным словами, принцесса просто абстрагировалась от такой участи, словно углубившись в свой мир, где существовала иная, иллюзорная реальность. Но это уж никак не входило в его планы!

Резко отдернув ногу, принц вновь ударил девушку по щеке. Ему было все равно. На то, что ей больно. На то, что ее слюна перемешалась с кровью от первой пощечины, слегка окрасив его пальцы в розовый цвет. Даже на то, что она вплотную приблизилась к вратам сумасшествия. Хотя... Нет, вот последнее обстоятельство его беспокоило и расстраивало. Следовало вернуть девочке рассудок. Иначе как эта сука осознает его наказание в полной мере?

— Ни на что не годишься, — вновь ее волосы оказались зажаты в стальной хватке его кулака. — Даже лизать мне пятки. Все поражаются, почему на рабских рынках нет

атланских сук? Красивую легенду вы себе придумали. Как же, независимы и непобедимы, кровь богов и бессмертных... А на деле все гораздо проще! Ваши самки бездарны и холодны в постели. Мало удовольствия от одной загорелой кожи, если внутри лед! Ну, ничего. Когда я закончу с тобой, ты переплюнешь самую жалкую из рабынь. Ты будешь сосать мой жезл и раздвигать свои красивые ноги похлеще портовой шлюхи! И будешь стараться, потому что я могу быть разочарован, и тогда ты узнаешь, как больно жалит кнут! А что будет с тобой, когда мне надоест ласкать кожу, усыпанную шрамами от твоей дерзости и неумелости вместе с нежеланием? Подумай на досуге.

Элика вздрогнула. Слова принца дошли до ее сознания не в полной мере, но кое-что она расслышала очень четко. КНУТ и ШРАМЫ. Сердце словно сжалось в тугой комок и рухнуло вниз, утащив с собой остатки достоинства.

Но она молчала. Сознание еще помнило приказ не открывать рот под угрозой избиения. Слова так и погибли на ее устах, оставшись невысказанными. Наверное, все это не имело больше значения. Принц нашел повод, за который уцепился, как за спасительный канат в своем стремлении сломать и подчинить ее. Наверняка просто не услышит, до той поры, пока не наиграется в свою власть.

Элика обхватила себя руками, защищаясь от надвигающейся тьмы.

Кассий резко отпустил ее волосы, кусая губы от разочарования. Почему после таких слов эта лживая, коварная несостоявшаяся убийца не упала ему в ноги с воплями о помиловании? Даже не хныкала, умоляя убить на месте, как делала это при их второй встрече?

Злость медленно охватывала его, не предвещая ничего хорошего ни для него, ни для нее.

— Рабская сука! — выдохнул Кассий, оттолкнув застывшую фигуру девушки. Нетвердым шагом поспешно направился к дверям покоев, распахнув их ударом ноги.

— Дарт! — крикнул, призывая воина дворцовой стражи. — Немедленно принеси мне все, что я просил.

Элика не подняла головы. Улыбка победителя заиграла на чувственных губах принца, сжавшихся сейчас в тонкую, злую линию. Девушка ощутила ее скорее кожей, и ростки панической тревоги ускорили свое прорастание, пока еще робко царапая саркофаг оберегающего рассудок сознания. Ничего. Она выдержит. Пусть забьет до потери пульса, но если она выстоит, ни кнут, ни плеть больше не смогут напугать ее до такого состояния. Что будет делать этот варвар, когда лишится своих обычных рычагов воздействия?

Кассий захлопнул дверь и вернулся к столику. Элика равнодушно отметила звон кубка и звук льющейся жидкости. А потом его шаги. Приближение хищника. Но не тигра, крадущегося за дичью или несущегося на жертву во весь опор. Скорее тарантула, опутывающего своей прочной сетью.

— Открой рот.

Элика приготовилась к глотку воды, но вместо этого с удивлением ощутила вкус вина. Лишь вздрогнула, когда почувствовала жжение разбитой изнутри скулы.

— Давай, — приободрил Кассий. — Так будет немного легче.

Легче?! Легче перед чем? Впервые за это ужасающее утро девушка подняла на него взгляд. Принц был сосредоточен, и лишь в ледяных айсбергах его глаз словно полыхало закрытое льдом пламя. Победитель наслаждался своим триумфом. Но от его торжества ничего не останется после того как она выдержит все его экзекуции и сможет смело смотреть своим страхам в лицо!

Стук в дверь, казалось, оглушил своей громкостью. Но сознание проигнорировало тревожный звонок, зацепившись за иллюзорную надежду. Уверенность в том, что Домиций Лентул не допустит происходящего, не отпускала ни на миг. Потому что лишь первый советник Кассиопеи знал ее настоящую. Он был ее другом, и лишь одному ему были известны ее истинные мотивы и переживания. И только он мог повлиять на Кассия, успокоить, если требовалось, или хотя бы отвести в сторону от самой проблемы, дав ценную возможность все переосмыслить.

Надежды не оправдались. Воин дворцовой стражи, невозмутимый Адифал (имя цепного пса, охраняющего огненные чертоги атланского бога тьмы) этой преисподней, застыл в дверях. Было видно невооруженным глазом, что эта картина потрясла даже его. Элика шарахнулась от его изумленного взгляда и закрыла лицо руками. Она знала по рассказам Керры, что у него была дочь ее возраста, при встрече во время прогулок всегда отвечала на его искренне почтительный поклон теплой улыбкой, потому как очень льстило его восхищение ею как сильной женщиной с несвойственной кассиопейкам внутренней силой. Не было ничего удивительного в том, как тот побледнел, увидев благородную гостью своего повелителя на коленях, в разорванном на груди платье и с отпечатком пятерни на щеке. Пораженно перевел взгляд на зажатые в руке цепи, затем снова на Элику. Но принцесса уже не видела его взгляда. Зато сам воин удостоился снежной лавины от взгляда своего правителя.

— Положи здесь и убирайся.

Зазвенела цепь, ломая своим многообещающим позвякиванием баррикады рассудка Элики. Ломая в щепки, медленно, закономерно, отозвавшись сковывающим холодом в пальцах. Шаги воина удалились, и принцесса нерешительно подняла голову, заранее зная, что увидит свой новый кошмар. Свой приговор.

— Подними голову, — невозмутимо приказал Кассий.

Девушка сжалась. Страшно подчиниться, еще страшнее показать свой страх и сопротивление. Закрыв глаза и покорно откинув голову назад, обнажая шею, Элика закусил губы, дабы не проронить ни слова, что бы он сейчас с ней не сделал.

Ее выдержки хватило ненадолго. Если к цепям за время своего путешествия в Кассиопею она привыкла, то при ледяном прикосновении металла к шее все ее заключенные в клетку сознания эмоции выбили двери. Дыхание перехватило, пальцы сами вцепились в ледящий металлический ободок, в тщетной попытке защитить горло от унижительной метки.

"Дай мне повод застегнуть на тебе рабский ошейник, и я это сделаю..."

— Не надо!!! — рассудок взорвался адским фейерверком, окончательно лишая контроля. — Кассий, нет! Что же ты делаешь?!

— Убери руки, — почти ласково посоветовал принц. — Не испытывай мое терпение.

Элика словно обезумела. Ее руки, готовые оттолкнуть от себя, расцарапать в кровь и бить, не переставая, непостижимым образом обхватили его колени, словно ища точку опоры и защиты в этой безумной душевной агонии. Она задыхалась. Только тепло чужого тела могло удержать ее сейчас на плаву в этой беспощадной жестокой реальности.

Но нет. Ее лишили даже этого. Безжалостные руки мужчины, к которому она так инстинктивно прижалась, признав в нем того, кто может уберечь ее от этого кошмара, бесцеремонно оторвали ее пальцы от своих коленей. Заботливым, а от того еще более ужасающим жестом убрали в сторону ее волосы, и шею вновь опалило смыкающимся

холодом.

Что она могла сделать, растоптанная, униженная, у его ног?.. Руки предательски упали вдоль тела, не реагируя на призыв взбесившегося рассудка оберегать свою свободу до последнего вздоха. Щелчок замкнувшегося на шее замка отрезал все порывы, мгновенно раскроив жизнь на «до» и «после». Лед металла словно проник в кровь, серебристой змейкой заполняя капилляры, вытесняя бег крови, сковывая эти алые реки своей непримиримой властью.

Кассий отступил на пару шагов, любясь проделанной работой. На его губах заиграла едва уловимая улыбка, так поразительно похожая на ту, которую художники в родной Атланте всегда рисовали на устах Лакедона. И под этим оскалом Элика словно сдалась, апатично отметив, как поникли ее плечи и рухнули стены внутренней силы, заживо погребая под своими обломками.

Рука принца уверенно ухватила кольцо рабского ошейника на шее новообращенной рабыни.

— Вот и все, девочка. Теперь ты мое животное на привязи. Моя вещь.

— Пощади... — обреченно выдохнула принцесса. — Не надо... Хочешь, избежь меня плетью, хочешь, насилуй снова... Я буду послушной... Но прошу, сними его. Я не рабыня! Я не буду так жить!

— Мне не нужно разрешение рабской сучки, — тихо ответил Кассий, несильно прихлопнув девушку по щеке. — Если я захочу, то исполосую тебя кнутом, не спрашивая твоего мнения. Если я захочу, изнасилую в любой позе и на любой поверхности. Захочу, заставлю тебя умолять о близости, и ты никуда не денешься. И поверь, так и будет. Ошейник зажигает даже самую неприступную суку! Потому что теперь у тебя просто нет выбора! — помедлив, он потянул за кольцо, неодобрительно цокнул языком. — Слишком близко. Я пристегну к нему цепь. И запомни, покончить с собой я тебе не позволю. Твоя жизнь больше тебе не принадлежит! Если узнаю, — а я узнаю о твоих попытках что-то с собой сделать! — Отдам на потеху своему легиону. Может, там твое желание исполнится, хотя, думаю, нет. И если я это сделаю, знай, больше к тебе не прикоснусь. Будешь ублажать моих воинов, пока окончательно не тронешься рассудком!

Элику словно раздавило гранитной глыбой от его последних слов.

Почему не приходят слезы?! Почему устрашающая апатия накатывает волнами, лишая воли и позволяя другому человеку превратить ее в бесправную вещь?..

— Дай мне правую руку.

Тихо. Спокойно. Даже покровительственно.

Элика бездумно протянула ладонь, лишь пожившись от очередного ледяного поцелуя стали. Металлический наручник беспрепятственно защелкнулся на незащитном тонком женском запястье, пригнув к полу своей тяжестью. Вторую она словно в полусне протянула сама, не дожидаясь приказа. Без интереса отметила, что ни наручник, ни цепь не были тяжелыми, их тяжесть была в моральном аспекте.

Глухо звякнула цепь, ударившись о мрамор пола. Элика без интереса, погружаясь еще сильнее в спасительный мир апатии, осмотрела браслеты блестящего металла. Крепкие. Словно она могла их разорвать! Длины цепи хватало для ограниченных действий, как и во время пути.

— Теперь ты рабыня, — довольно отметил Кассий. Пальцы, униженные длинными перстнями, уткнулись в ее дрожащие губы. — Целуй руки своего Хозяина.

Элика не шелохнулась. Принц, казалось, даже не удивился этому.

— Ты думаешь, это жестоко? — принц, отняв руку, пригладил растрепанные волосы коленопреклоненной девушки. Неожиданная ласка на миг тронула лед, сковавший ее разум. Не понимая, что происходит, Элика подалась навстречу теплой ладони на своих волосах, даже не осознавая, что такое нежное касание принадлежит врагу, создавшему для нее подобный кошмар. Так все живое тянется к первым солнечным лучам, прогретым остывшую за ночь землю, бездумно, инстинктивно, не понимая, что это самое солнце в зените сжигает дотла, испаряя воду и превращая земли в бесплодные пески пустыни. Эта жестокая ласка не была ни проявлением слабости разозленного мужчины, ни отголоском нежности, ни попыткой уберечь ее рассудок от безжалостной психологической ломки. В этом была куда более беспощадная демонстрация его абсолютной власти. Но ничего этого сломленная унижением и жестокостью принцесса сейчас не понимала. Доверчиво тянулась навстречу горячей ладони, кожей ощущая кровоток, впитывала ее силу, ошибочно поверив подсознанию, что другой человек из плоти и крови просто не может оказаться зверем и поступить столь жестоко с себе подобным.

— Это не жестоко, рабыня. Жестоко будет то, что тебя ждет, если на исходе цикла Фебуса ты не покоришься мне полностью. Как бы мне не хотелось уродовать твою кожу раскаленным железом, я выжгу клеймо на твоём плече. Лично. После этого ты никогда не вернешься к прежней жизни. Ошейник можно снять, и рано или поздно я прощу тебя и сделаю это. А вот от рабской метки ты не избавишься никогда. Путь в империю будет после этого для тебя невозможен. Поэтому помни, что я даю тебе шанс. Твоя свобода в твоих собственных руках.

Элика слегка повела плечами, не препятствуя нежным поглаживаниям, идущим вразрез с ломающими словами. Шок не позволял осмысливать трезво все происходящее. О чем он говорит? Свобода? Это хорошо. Метка и раскаленное железо... Нет, вот это плохо. Значит, допустить этого не надо.

Эмоции словно выгорели. Полностью. Бесповоротно. Не оставив ни малейшего следа в истерзанной душе. Когда пальцы принца вновь очертили ее губы, девушка равнодушно провела языком, задевая ладонь в безумно покорном поцелуе. Это же не больно? И обруч на шее не давит. И руки можно почти полностью развести в стороны, длина цепи позволяет...

Транс, отделяющий грань здравомыслия и помешательства, завладел ею полностью. Даже когда Кассий, прекратив гладить ее волосы, намотал их на свой кулак и заставил подняться на ноги, девушка покорно поднялась вслед за его рукой.

Мужчина сжал пальцами свободной руки ее подбородок, вынуждая посмотреть в глаза. Но он же, кажется, этого не любит? Элика покорно опустила ресницы. Будет так, как он хочет, а вот железа и метки на теле не надо. Больно и сомнительно красиво.

Что он хотел увидеть в этих потухших от жестокого страдания некогда дерзких и непокорных зеленых глазах?.. Страдание? Раскаяние? Полную покорность перед страхом намеренно обещанных им же ужасов ее нового положения?..

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Обнять. Прижать к себе и просто закрыть от окружающего мира и собственного безумия. Не видеть этот мертвый оттенок стали в омуты бушующего океана погасшего взгляда. Сорвать эти грубые цепи, заковав в свои исцеляющие поцелуи вместо бесчувственного металла... Я прощаю тебя. Я заслужил того что ты хотела со мной сделать. Какой бы не была твоя вина, я не имел права прикрываться своей обидой в желании

подчинить тебя и сделать своей... Возможно, я наказываю тебя не за твою дерзость. И не за метку на моей груди. Ее почти не видно уже. Ее контуры исчезли, вместе с яростью той первой встречи... Я обманываю сам себя. Тем, что больше жизни хочу удержать тебя рядом и не отпускать. Не понимая, что бы я делал, не дай ты мне этой ночью повода...

Пальцы обожгло огнем. Кассий в ярости отдернул руку, отпустив подбородок Элики. Что за...

Она отсутствует. Не здесь. Нашла отличный способ избежать его мести!

Рабская сука. Убийца в красивой оболочке. Ее место у его ног, именно в рабском ошейнике и в цепях, и никак иначе! Она не стояла и капли проявленной им милости. Отродье Лаки! Ничего. Он покажет ей ее истинное место. Ее настоящую роль. Дочь царицы зарвавшейся Атланты будет целовать его ноги. Достойный ответ! За все те унижения, что терпят мужчины на земле обитания этой презренной расы с сердцами черной ночи и телами, достойными богинь. Ни одна женщина не смела поднимать на него руку. Эта же попыталась уже третий раз!

Разум, прощай... Самоконтроль, счастливого плавания.

Руки Кассия яростно рванули платье, обнажая прелестное тело отстраненной вследствие шока рабыни, превращая шедевр дворцовых портных в грудку лохмотьев на мраморных плитах. Раскат грома поглотил протестующий стон девчонки. Дождь! Долгожданный дождь по истечении двадцати круговоротов солнца, Эдер услышал их молитвы. Это знак. Знак, что презренная тварь не заслуживает иной участи!

Сметя одним резким движением содержимое столика на пол, он привычно скрутил длинные волосы Элики в кулак, мало заботясь обо всем остальном, уложил грудью на гладкую деревянную поверхность.

— Раба! — прохрипел в ее губы, сжав грудь до отпечатка своих пальцев в ладони. — Бесправная тварь! Сейчас я тебе покажу, что испокон века делали с дерзкими суками вроде тебя!

Элика отрезвела от резкой боли, с изумлением отметив, как потемнело в покоях вследствие бушевавшей за окном стихии. Зашипела от резкого рывка за волосы, осознав возвращение своего кошмара.

— Прошу тебя! — глубина отчаяния в ее безысходном крике могла смягчить кого угодно. Но только не того, кто задался целью растоптать ее и уничтожить окончательно. Силы таяли, и девушка с ужасом осознала, что ни руки, ни ноги не желают двигаться, дабы дать отпор мучителю. Еще одно последствие шока...

Кассий оторвался лишь на какой-то миг, чтобы взять что-то в руки, и в следующий момент его смазанные маслом пальцы по-хозяйски проникли между половинками ее ягодиц. Все еще не понимая смысла этих действий, Элика отчаянно закусил губы, прокусив до крови, когда разламывающая боль от вторжения его пальцев в единственное оставшееся девственным отверстие накрыла с головой.

— Терпи! — яростно бросил Кассий. — Ты рабыня! Я имею право сношать свою суку как захочу и куда захочу!

Разве раньше была боль? Нет. Раньше не было никакой боли по сравнению с тем, что ей пришлось пережить теперь. Хотя и он вошел в нее с осторожностью, адская боль разбила ее ощущения на миллионы осколков. Добивая, уничтожая, унося сознание вместе с рассудком прочь.

За окном все так же бушевала стихия, швыряя потоки воды в стекла, озаряя

ослепительными вспышками молний и оглушая раскатами грома, смазывающими ее крики.

— В какой-то миг она сорвала голос. Понимая, что не может больше кричать, издавая горлом лишь слабые хрипы, впилась зубами в собственную кисть, мгновенно оставив кровавые отметины на коже. Даже не ощутила. Ибо это вовсе не было болью...

— Полностью моя... — донесся до нее такой же хриплый голос Кассия. — Ничтожная рабыня.

Элика сползла на пол, растоптанная, униженная, обезумевшая от боли. Кассий невозмутимо зашнуровал брюки и направился к двери. Элика машинально прикрылась обрывками платья.

— Дарт, — беспечно окликнул Кассий воина. — Распорядись подготовить купальню для меня. И пришли туда Териду. Я сегодня жажду заняться любовью, а не самоубийством!

Потоки воды били в окна, словно пытаясь достать сжавшуюся на полу девушку, дрожащую от боли. Но это было им не под силу, а может, и вовсе не трогало.

За окном по-прежнему бушевала стихия, стремясь напоить все живое живительной влагой для расцвета и новой беспечной жизни.

Хотя, наверное, стихии было все равно...

Стихии было все равно.

Долгожданный дождь самозабвенно поил влагой пересохшую землю этого чужого, жестокого мира, мало обращая внимания на человеческую жестокость и игры извращенного разума. Постепенно огненные всполохи молний, единственных, кто своими убийственными ударами пытались высказать свое возмущение разыгравшейся за окнами дворца трагедией, затихали вдали, вместе с охрипшим рокотом недовольного своим бессилием грома. Только дождь бездумно хлестал сухую твердь земли, без энтузиазма выполняя свою работу. И окружающая среда радовалась этой живительной экзекуции, после которой расцветала всеми возможными красками, омытая долгожданной влагой.

Элика отстраненно наблюдала, как потоки воды, подсвеченные робкими лучами пробившегося через гряду грозовых туч солнца, стекали по стеклам. Наверняка можно было увидеть радугу, сходни Криспиды, но вставать совершенно не хотелось. Хорошо, что этот изверг вылетел из покоев как раненый тигр, и дал ей возможность побыть наедине с собой.

Девушка оперлась на локти, поморщившись от непривычной боли. Глухо звякнула цепь. Но она словно этого не заметила. Сознание вновь ушло в защищенный блок, заключив негласный пакт о сотрудничестве с инстинктом самосохранения. Даже мысли о мести отошли на второй план, прикрывшись лозунгом "всему свое время". Ведь достаточно просто знать, что когда-то это произойдет. Знать, а не предполагать.

Как просто все складывалось в логичную картинку под личиной жестокого шока! Как убедительно успокаивало ее сознание! Как легко воспаленный рассудок находил плюсы даже в самых жестоких действиях!

Ошейник? Что ж. Она знает, чем заставить варварское отродье заплатить за него. Тем же! Насилие? Зато есть возможность жить дальше ради мести!

Элика едва не застонала от радости, услышав, что сегодня ее мучитель собирается провести ночь с Теридой. Значит, он оставит ее в покое! Только бы девочка хорошо постаралась удовлетворить его и удержать подальше от принцессы! Иллюзорная надежда на то, что ей не придется больше много страдать от его нездоровой страсти, пробила на миг баррикады апатии.

Из самых недр униженного и растоптанного сознания, преданного насилию во всех его проявлениях, постепенно поднимала голову МЕСТЬ. Она еще не понимала своей тактики военных действий, не видела конечного результата своего отмщения, собственно, она даже не пыталась приласкать свою создательницу и шепнуть ей, что все, скоро врагу будет еще хуже, и душа ее успокоится. Мечь всего лишь хладнокровно обдумывала план и прикидывала необходимый арсенал средств для достижения цели, понимая лишь одно — удар врагу будет в десятки, даже сотни раз сильнее того удара, который, собственно, и был обязан своей болью ее рождению...

Девушка пока даже не ощущала ритмичного шевеления своей мстительности. Ее взгляд бездумно устремился на окна дворца, за которыми была недостижимая для нее свобода.

Не хочу дышать. Не хочу ничего этого видеть. Ощущать тоже. Я хочу одного. Даже не его смерти. Всего лишь чтобы на этот раз он оставил меня в покое. Криспида милосердная, я прошу о малом... Вырви его присутствие из моей реальности, на крайний случай, лиши меня возможности это понимать... Насыти его гордость до самих краев, чтобы не было смысла

больше терзать меня за ту детскую обиду.

Или, если нет другого выбора, дай мне это просто принять... Если это мой путь, шагнуть за эту черту...

Легкое покрывало опустилось на ее истерзанное тело, и Элика неохотно оторвалась от созерцания подсвеченных солнцем дождевых капель.

Ну что это с Аминой? Чего она смотрит на нее таким взглядом, будто рухнул мир? Только не плачь. Ты грозы, наверное, испугалась? Так она уже прошла, что в ней страшного? Вот она, Элика, даже не заметила. Какая же ты глупышка. Ну не трогай мое лицо, все еще болит... Слегка совсем... Ну чего ты плачешь? Кто тебя обидел? Плакать нельзя. Вообще. Тут, в этом дворце. Потому что, поверь мне, слезы нравятся твоему хозяину. Покажешь раз, уже не сможешь остаться неприкосновенной...

— Госпожа! — перепуганная Амина трясла Элику за плечи, кусая губы. В ее глазах стояли слезы. — Не пугай меня! Прошу, не молчи! Скажи хоть что-нибудь!

Принцесса вздрогнула и встретила взгляд кассиопейки. Амина перевела взгляд на ее шею и вскрикнула, поднеся руку ко рту. Элика осмысленно, спасибо коротким прояснениям сознания, огляделась вокруг.

— Он... Он ушел?

Служанка поспешно закивала, обрадованная хоть какой-то реакцией в ответ на свои действия и слова. Преждевременно. Рассудок Элики вновь провалился в спасительные сумерки.

Она не понимала, что происходит вокруг. Лишь покорно позволила Амине поднять себя с пола, не замечая оупляющей боли, только раздраженно дернувшись от звона цепей, которые вызвали своим бречением мороз по коже. Так же безропотно дала ей возможность уложить себя на постель принца, не ощутив никакой разницы между твердыней мрамора и негой шелковых покрывал. Не смогла уловить никакого смысла в успокаивающих словах служанки, лишь устало прикрыла глаза, когда ладонь девушки сочувственно гладила ее волосы. На что-то это было похоже, но вот на что именно? Не вспоминать, ни понимать не хотелось.

Амина суетливо сновала по комнате, пару раз окликала охрану у дверей, требуя что-то принести. Но никого не пустила за порог, забирая все из рук воинов и захлопывая двери перед их носом.

Элика же словно отсутствовала. Лежала так, как Амина ее положила, не отреагировав даже тогда, когда служанка осторожно обмыла ее тело смоченным в воде отрезом ткани. Безвольно позволила перевернуть себя на живот. Боль не проникала в самоустранившееся сознание, а от того иллюзия обманчивой безопасности, усиленная апатией, все же как-то отзывалась на отдельные слова Амины.

— Тебе не следует здесь оставаться... Ты придешь в себя только в своих покоях...

— Я голая, — отвечала Элика, просто признавая этот факт. По сути, если бы ее провели в таком виде мимо охраны королевских покоев, она, возможно, и не заметила бы.

— Я принесла платье...

— Я не могу, видишь мои цепи?..

— Оно завязывается на шее, и его не обязательно одевать через голову...

Принцесса покорно позволяла одеть себя, расчесать свои спутанные волосы. Впрочем, не будь всего этого, она бы и не заметила.

Даже когда мужские руки подхватили ее и куда-то понесли, Элика апатично изучала

неброский узор свода потолка дворцовых коридоров, не понимая, кто нес ее на руках и куда. Нежная ласка шелковых покрывал, все такая же обманчиво-неравнодушная, только уже в другой постели... В ее собственной... Но ее собственная осталась в Атланте... Тут ей не принадлежит даже это...

Амина все еще рядом. Перепуганная, расстроенная, наверное, так похожая на нее саму, всего меру масла назад...

Ты говоришь, нужна целительница, зачем? Меня же не били кнутом, посмотри на мое тело, на нем ни царапины... Ты говоришь, успокаивающий настой и я проснусь обновленной... А я не хочу. Ни спать, ни просыпаться. Потому как не уверена, что это уберезет меня от его присутствия... Присутствия Лакедона, пришествием которого пугала в детстве мама, когда я отказалась обучаться грамоте и этикету... Как видишь, не спасло. Как бы хорошо я не освоила все науки...

Я то, что он хотел из меня сделать. Он хочет меня поломанную у своих ног. А у меня уже нет сил ему противостоять... Я играла в его игру по навязанным правилам... Была покорной, как меня и просили. Пыталась увидеть в нем что-то хорошее... Честно, даже хотела...

Все зря. Все мало. Ему не нужна была моя игра в поддавки. Ему изначально нужна была моя душа... А это единственное, что у меня оставалось. Единственный бастион, в который никто не мог проникнуть. Никто и никогда. А вот ему удалось. Отрезать все пути к отступлению, лишит любой защиты...

Никакая целительница не в силах вернуть мне душу, по которой он вдоволь потоптался. Даже если ей это удастся, то ненадолго. Мне уже не закрыть ее непробиваемыми стенами отчуждения или равнодушия, это долго... Каждый раз он будет сметать мою защиту и пить мою боль, пока не выпьет без остатка... И я даже не пойму, когда это случится...

Наверное, я сплю... Не думала, что получится. Сплю как убитая, и по-прежнему вижу сны, ярче, чем обычно... Только почему они словно прощаются со мной?..

"Отдай мне саламандру! Не смей резать ее своим ножом!"

— Но, Эл, она чуть не загрызла вторую...

— Да! Потому что она девочка, а мальчик хотел ее обидеть! Не смей трогать мою покровительницу! Потому что спустя двенадцать зим, когда я сяду на трон, ты, Лэндал-Забияка, лишишься своей головы!"...

"Дочь, вскоре эта империя, свет очей, отрада сердца, творение наших великих предков, станет полностью твоей. И ты будешь оберегать ее всем сердцем, сохраняя мир и покой, приумножая ее территории и богатства, как испокон веков делали женщины нашего рода..."

— Мамочка... Я не подведу. Ни тебя, ни свой народ! Клянусь!

— Я знаю, доченька. Знаю. Антал Всемогущий... До чего же ты похожа на него... Не своего отца... Как бы он гордился тобой!

— Мама, а кто его так красиво нарисовал, и что это за папирус, который блестит? А что на нем надето такое интересное, под цвет листьев в лесу? А что он держит в руке? На арбалет не похоже! На копье тоже!

— Тоже оружие, доченька. У нас такого нет пока...

— А когда он придет? И увидит, как я выросла?..

— Никогда, Элика. Он не принадлежит нашему миру. Но незримо он всегда останется рядом..."

"Латима! Но ведь если это оружие применить к отдельно взятым территориям,

останется лишь выжженная земля! Я не могу в это поверить! Матриарх не приемлет насилия... То, что ты мне рассказала...

— Принцесса, ты никогда не задумывалась о том, почему Атланта является самой великой империей в мире? Почему столетиями на нас не совершали нападений иные державы? Думаешь, благодаря дипломатии и мягкой политике твоей матери? Нет. Нет иной империи, которая бы не питала к нам ненависти из-за нашей непобедимости. Это плевок в лицо всем патриархальным государствам, которых королевскими жестами обходит женщина. Но они молчат, потому что наши передовые технологии держат их в страхе! И да, это поистине страшное оружие!

— Я никогда не стану использовать его по назначению! Это ужасно. Пламя и смерть... Поразительно, эти прекрасные, прозрачные слезы пустыни могут легко сжечь землю в огненном урагане!

— Не зарекайся, Элика... Неисповедимы пути Антала, и может статься, что лишь применив это оружие, ты заставишь мир бояться и уважать себя, будущую матриарх!.."

"Эл! Да прояви же радость хотя бы ради приличия! Этот мужчина обошелся мне в тысячу монет солнечного металла, а все, что тебя интересует, это игры в войну с Лэндалом... Да оставь ты брата в покое хоть ненадолго!

— Ксена, я тебе уже говорила, мне не нужны твои рабы. У меня есть дела поинтереснее!

— Да ты только посмотри на него! Эй, ты! Встань! Напряги руки! Эл, посмотри на его тело! Ты поднимешься с ним к чертогам Криспиды! Не обижай меня отказом!

— Это ты меня не обижай, рассчитывая соблазнить показательной внешностью.

— Но на аукционе сказали, что он очень умен. Достиг вроде больших знаний в астронмии... Асмотронии...

— Астронмии? Что ж... А вот это может быть интересно... Спасибо за подарок. Верну завтра!.."

"Они варвары, Эл. Вся власть Кассиопеи сосредоточена лишь в руках мужчин. Женщина никогда не сможет так возвыситься в этой стране. Их жены не имеют ни права голоса, ни свободы передвижений без сопровождения мужчин. Аристократок с юности продают в жены тому, союз с кем выгоден семьям, и эти браки ничем не отличимые от рабства. Говорят, первый год жена, даже будь она самой благородной крови, обязана встречать своего мужа на коленях и снимать его сандалии, а по приказу спать в изножье его постели..."

Стихия. Надвигающаяся гроза, которую тут всегда ждут с нетерпением.

Я сплю... Сплю как убитая... И в отрывочных снах, картинках из далекой, прошлой жизни, которая больше никогда не вернется, наступают перемены... Я их не хочу. Моя параллельная реальность погружается во тьму, давая понять, что светлые сны больше не придут. Сдали свои крепости даже без боя... Почти как я...

"Рано или поздно ты сломаешься. Начнем прямо сейчас. Встань!"

Тьма сгущается вокруг. Неумолимо, стремительно, сдавливая стальную ленту на горле... Еще немного, и дышать будет невозможно...

"Дай мне повод застегнуть на тебе рабский ошейник, и я это сделаю!"

"Не надо!! Кассий, нет!!! Что же ты делаешь?!"

"Полностью моя... Ничтожная рабыня... Моя вещь..."

Крик разрывает севшие связки, но я его не слышу... Нечем кричать... Тьма пронзает тело и душу сотней невидимых копий. Нет! Не так!!! Моя смерть найдет меня на поле боя, от

неистовства природной стихии, может, даже от его рук совсем скоро... Только не во сне! Пожалуйста!!!

Я хочу проснуться. Но в этом ужасном сновидении я действительно убита, и мое сердце молчит...

****

— Госпожа! — первое, что услышала Элика, открыв глаза глубокой ночью. Радостная улыбка играла на губах Амины. Это было видно даже в подсвеченной всполохами огня тьме.

Служанка выглядела не лучшим образом, уставшая, разбитая, под глазами залегли темные круги. Теплое чувство невысказанной благодарности охватило принцессу при виде преданности и переживаний представительницы этой вражеской, жестокой империи. Почему эти люди были так искренне добры к ней, и Амина, и Домиций Лентул, и даже воины кассиопейского легиона, когда их правитель, безжалостный тиран, перешел все грани беспощадности в обращении с ней?.. И если с обожанием, которое питали к принцу воины и Лентул, было все более-менее ясно, чем можно было объяснить слова Амины, совсем недавно уверяющей принцессу в его доброте?..

— Я хочу пить... — прохрипела Элика, приподнимаясь на локтях. Цепи отозвались гулким звуком на ее осторожное движение.

Вот, значит, в чем было их истинное предназначение. Не в ограничении свободы. А именно в их устрашающей символичности. Рабыня. Скованная жестокой властью мужчины, задавшегося целью сломить ее дух и тело.

Ледяной озноб охватил Элику. Она закусила губы, призывая очищающие слезы... И ничего. Они просто не приходили. Вместо этого пробуждалось ото сна сознание, постепенно собирая все силы, чтобы стать на защиту своей обладательницы.

— Спасибо, Ами, — Элика приняла из рук служанки кубок и сделала несколько жадных глотков. — Я так долго спала... Керра здесь? И советник Домиций. Я знаю, что уже очень поздно, но то, что я хочу ему сказать... Очень важно.

Служанка виновато опустила глаза и сжала руку Элики. Она понимала все прекрасно, хотя старалась не показывать.

— Домиций Лентул уехал на копи слез пустыни еще вчера ночью... А Керра... Ее дворцовая стража не подпустила. Сказали, что повелитель запретил ей приближаться к твоим покоям...

— Спасибо, Ами, — Элика едва удержалась от разочарованного всхлипа, узнав, что спасти ее здесь просто некому. Вряд ли отъезд Домиция был случайным. — А Керра... Мне надо ее увидеть. Очень надо...

Амина оглянулась по сторонам и, наклонившись ближе к принцессе, доверительно прошептала:

— Госпожа Керра любит посещать купальню ночью, где ей никто не мешает. Она приходит туда одна. Если мы через половину меры масла будем там, вы сможете встретиться...

— Я пойду одна, — Элика расправила платье на груди. — А ты постарайся уснуть... Ты очень устала. А я не знаю, что предстоит нам завтра. Возможно, придется вновь не смыкать глаз... Приготовь мне корзинку и ложись спать.

— Но тебе же будет неудобно снимать платье... В цепях...

— Он сказал, чтобы я к ним привыкала... — горло сжало тисками, и сознание поспешило на помощь, блокируя осознание действительности. — Ами, ложись спать. Я

справлюсь.

Верная служанка не стала возражать или пытаться повлиять на решение Элики. Быстро собрала все необходимое. Элика решительно шагнула за порог покоев.

Воин дворцовой стражи повернулся на звук ее шагов... Нет... На самом деле, на звук цепей, и смущенно отвел взгляд. Кассий не оставил ей шанса на покой. Наверняка о падении царственной гостьи принца уже знает весь дворец.

Девушка гордо выпрямила шею, словно демонстрируя ошейник как дорогое ожерелье, а не символ унижения, и неспеша направилась в купальню. Хорошо, что большинство обитателей дворца уже спали. Но скрывать свое положение ей не удастся долго.

Она прогнала прочь мысли, которые целенаправленно вели к безумию. Следовало выжить и не сойти с ума, только эта воля к жизни залог того, что Кассиопея ответит за все. Прежде всего, за своего жестокого правителя, который в своем эгоизме и бесчеловечности не желает останавливаться ни перед чем! Выжить. Выжечь все эмоции, уничтожающие ее изнутри, выстоять против всего, что он ей приготовил, ради одной лишь цели — отомстить. Жестоко. Безжалостно. Если что-то может быть во стократ хуже того, что он сделал с ней за ее детский, ничего не значащий проступок при их первом знакомстве... Наверняка, есть. Вот это с ним в итоге и произойдет!

Призрачный свет горящих факелов освещал подземный грот дворцовой купальни, по стенам метались причудливые тени. Керра еще не пришла. Элика осторожно поставила корзину на массажные камни. Да, в цепях поплавать ей не удастся.

Бассейн манил к себе, обещая смыть все страдания за одно погружение. Вода всегда умиротворяла девушку. Слово вымывала из сознания все невзгоды, а из тела неприятную слабость. Элика осторожно приблизилась и потрогала ее ногой. Все такая же теплая, как и раньше. Зовущая в свои ласковые объятия, словно стремясь защитить и скрыть от перекрестных выстрелов противостояния, в котором она упорно сдавала позиции под гнетом невиданной ранее жестокости.

Элика огляделась по сторонам. В ожидании Керры можно искупаться. Вряд ли будет еще такая возможность уединения. Без посторонних взглядов рабынь, втайне обрадованных униженному положению гостьи дворца, которую называли принцессой.

Девушка подошла к стене, на фиксированных крючках которой можно было оставить платье, дабы не замочить его брызгами от воды во время купания. Привычно потянула руки к завязкам на шее. Презрительно звякнула цепь, напоминая о своем наличии. Пришлось с усилием завести руки за голову. Ошейник слегка сдавил кожу, словно нанося контрольный удар. Элика с непонятной злостью, граничащей с отчаянием, развязала белые ленты, позволив платью медленно сползти к ее ногам. Как часто ей приходилось делать это под его испытывающим, холодным взглядом! Как быстро, словно сжигая дотла, пробежала по позвоночнику огненная судорога унижения и безысходности, стоило ей остаться голой, открытой для его мести. Его жестокости. Его зла.

Прямо как сейчас... Сейчас?!

Элика обреченно обернулась. Уму непостижимо, почему она не услышала его шагов, не ощутила его присутствия и даже и близко не подпустила мысли о том, что придется вновь так скоро столкнуться со своим кошмаром. Бездумно подняла глаза, чтобы увидеть свой приговор в его глазах...

Не смогла. Куда делась ее прежняя решимость? Ее внутренняя сила, не позволяющая сдаться окончательно? Мысли о скорой мести, которые еще хоть как-то могли удержать на

плаву? Ничего этого больше не было. Только страх. Сдавливающий страх затравленного животного, скрыть который не было ни малейшей возможности...

Она не заметила ничего. Даже полного отсутствия льда в его глазах. Самого взгляда, в котором сейчас не было ни ненависти, ни злорадства. Только желание и что-то еще. Темное. Необъяснимое. Не заметила, потому что испугалась своей реакции.

Дрожи ужаса, сковавшей ее тело. Сердцебиения. Рвущегося крика, который ее связки были сейчас не в состоянии воспроизвести.

Просто сжалась, опустив плечи, словно инстинктивно стараясь стать невидимой, понимая, что выглядит сейчас именно так, как он хотел ее видеть все это время. Почти вжавшаяся в стену, с дрожащими губами, широко распахнутыми глазами, в которых правили свой пир уязвимость, страх и невысказанная мольба не мучить ее больше. Понимая, но, не имея ни малейшей возможности защитить себя от обнажения собственной души.

За спиной гранитная стена. Не сбежать. Не скрыться. Не раствориться в бесчувственном холодном камне. Только покорно наблюдать за его приближением и принять удар, который когда-то станет фатальным... Может, даже сейчас...

Сильная рука сжимает цепь. Она не хочет этого видеть! Миг, и руки притянуты вверх, кольцо цепи с протестующим звоном плавно опускается на крюк, фиксируя руки в таком положении. Как будто она может своим сопротивлением помешать Кассию... Она беззащитна перед ним. Распята. Теоретически можно сбросить эту цепь с крючка... Можно... Только чем это ей поможет?

Он был так близко, что она чувствовала биение его сердца. Его дыхание. Ужас сменился глухим отчаянием. Ее сердце билось так же. Ее вздохи были такими же частыми. Даже тепло их тел было одинаковым... Почему же он, человек из плоти и крови, такой же, как она сама, сейчас казался ей земным воплощением Лакедона?! Почему так намеренно уничтожал ее сущность, сущность другого человека, у которого точно так же билось сердце... Дыхание... Жизнь... Она не находила ответ на этот вопрос.

Горячие ладони накрыли ее грудь. Снова. Стоило ожидать, что он будет насиловать ее до потери пульса... Разве его недавние слова не предупреждали об этом?.. Элика закусил губы, ощутив знакомый спазм горла. Зажмурилась еще сильнее... Не сейчас! Она призывала слезы, когда находилась наедине с собой, почему же они, предатели, пришли к ней только сейчас?..

Сильные руки подхватили ее бедра, приподнимая в воздух.

— Обхвати меня ногами!

Не плакать. Он же хочет именно этого. Нельзя!

Ноги покорно обвили вокруг сильного торса, близость тела опалила, лишая сил. Резкий толчок... Не больно. Не так, как в прошлый раз... Даже не так, как во все предыдущие. Не будь вчерашнего кошмара, можно было подумать, что в этот раз ей намерено не хотели причинять боль. И почему-то от этого осознания стало еще хуже.

Запястья не чувствовали вгрызающейся стали. Как и тело, которое не чувствовало ничего, несмотря на осторожность мужчины. Как и душа, которая не дрогнула от его невиданного ранее тона в голосе, от слов, которые сознание сразу попыталось отместить в сторону.

— Моя атланская девочка... Отрада моего существования... Все пройдет. Совсем скоро, все будет хорошо...

Пыталось. Ключевое слово — пыталось. Шок прорвал плотины неприступных баррикад.

Очередная судорога выгнула ее тело в приступе бесконтрольного рыдания. Очищающие слезы хлынули рекой, уводя от реальности, отключая сознание.

Элика даже не осознала, что мужчина остановился и бережно снял цепь с крепления. Что пытался ей что-то сказать, достучаться до сути... Ничего этого не было. Принцесса просто сползла по шершавой стене на холодные плиты пола. Горькие слезы унесли ее с собой, безжалостное проявление слабости, но такое необходимое, чтобы не утонуть в пучине безумия...

...Впервые за много лет ему стало страшно. Не на поле боя. Не в противостоянии с силами природы. Не перед лицом смерти, хоть он не раз смотрел ей в глаза.

Это было необъяснимо. Но в этом отчаянном единении он словно стал с ней единым целым, а вследствие этого ощутил молниеносный удар ее душевного терзания. Который раз за время их противостояния?! Третий? Четвертый?..

Бездна обрушилась, затягивая с собой в омут раскаяния и ненависти к самому себе. Беспощадно. Жестоко. Отсчитывая секунды до точки невозврата...

"Сдайся... Умоляю тебя... Почему ты такая упрямая?.. "

Кассия трясло. Но не от холода. Просто сжигало в пламенном урагане раскаяния, ненависти и чего-то нового. Неизвестного. Того, что превратило его в того, кем он стал. В безжалостного монстра. Человека, который в своем стремлении не допустить потери контроля над эмоциями просто уничтожал все вокруг... Готов был бить, топтать и медленно ломать, но только не допустить... А допустив, наказать за это. Жестоко наказать.

Боль словно прибила его к земле. Вместе со страхом. Теперь он понимал, чем каждый день, планомерно, медленно, убивал Элику. Именно этим.

Этого не должно было быть... Принц протянул к ней руки, движимый лишь одним желанием, сорвать грубый металл с ее тела, прижать к себе так крепко, как только возможно, и, если его смерть остановит ее слезы, пусть так и будет...

Звук шагов заставил его встрепенуться, как будто он был застигнут на месте преступления. И он, владелец этого дворца, полноправный повелитель и властелин, не понимая себя и своей реакции, просто ретировался. Удрал, как последний трус, как только понял, что легкая поступь принадлежала Керре. Уже предвидя, что даже не сможет закрыть ее рот в ответ на все обвинения. Просто не сможет...

— Эл! — северянка, подскочив, подняла принцессу с холодного пола. — Криспида милосердная... Что же ты делаешь?! Встань немедленно!

Элика не слышала ничего и даже не осознавала, что принц ретировался. Керра подняла ее на ноги, схватив за плечи, взгляделась в перекошенное от душераздирающих рыданий лицо.

— Нет возврата!.. — пораженно прошептала в пустоту. — Почему ты меня не послушал?.. Грань пересечена... Теперь ничто не спасет...

Элика вздрогнула и полуосмысленно уставилась на подругу, скрестив руки в защищающем себя жесте. Наверняка ее бормотание показалось ей устрашающим.

— Эл, очнись! Это я, Керра! — молодая женщина взяла себя в руки, прогоняя устрашающее видение стены сметающего все на своем пути огня. — Немедленно в воду, или ты хочешь никогда не увидеть улыбки своих дочерей? Плиты же ледяные!..

Элика очнулась лишь в воде, куда Керра просто столкнула ее с бортика. Сама северянка скинула платье и быстро подплыла поближе.

— Тише, Эл. Все хорошо. Прости, но ты не хотела приходить в себя... Это он заставил

тебя плакать... Успокойся. Дом вернулся, он больше не даст ему тебя обидеть.

Принцесса устало откинулась на бортик бассейна. Ее чувства выгорели окончательно. Она с какой-то безумной, даже пугающей полуулыбкой рассматривала стальные браслеты своих оков.

— Смотри... Я рабыня. Ты поэтому меня оберегаешь?

Северянка вздохнула. Ей не нравилось стрессовое состояние подруги. Надо было срочно принимать меры.

— Не смей говорить такого о себе. Ошейник ничего не значит. Одень в платье ствол раскученной пальмы, в человека он от этого не превратится, — оглянувшись, тише добавила: — Я видела его. Почему он ушел так быстро? Снова насилие?

Элика кивнула. Глаза Керры загорелись каким-то странным огоньком понимания и надежды, словно женщина нашла узкую лазейку, ведущую к спасению... Чего? Она и сама не понимала. Как минимум, мира.

— Эл, ты ни разу не испытала в его руках удовольствие? Покорно позволяла себя брать и страдала от этого? Только страх?

Принцесса прекратила попытки сдернуть с себя ошейник.

— О чем ты все время мне говоришь?! Керра, какое удовольствие может быть в этом? Это все лишь для одного... Он понял, что одной болью меня не сломать. Иное дело унижение. Вот в этом он преуспел...

Северянка покачала головой.

— Эл, то, что происходит между мужчиной и женщиной при закрытых дверях, не должно быть наказанием. Ты просто не даешь себе этому открыться. Он целует тебя? Ты чувствуешь при этом сладкую тревогу, будто воспаляющую кровь?

— Я ничего не хочу чувствовать! — Элика прикусила пальцы, сдерживая слезы. — Он отнял у меня слишком много. Мою свободу. Мою гордость. Мою жизнь! О чем ты говоришь?!

Керра хитро улыбнулась и притянула подругу к себе.

— Тише. Просто расслабься. Его сейчас здесь нет. И не надо закрываться от этого. Да, ты попала в его постель по принуждению. Как и я в свое время. Ты все верно сказала. Отнял все. Но почему ты сама даешь ему в руки право отнять у тебя удовольствие? Никто не может пока что помешать ему владеть тобой по его желанию. Но что мешает тебе получить от этого хоть какой-то позитив?

— Да потому что я не смогу! — принцесса доверчиво прижалась к плечу старшей подруги. — Пусто внутри. Ничего не получится. Я его ненавижу!

— Даже мне в свое время это не помешало, — Керра подалась вперед, развернув лицо Элики к себе. — Как он это делает? Грубо? До крови? Или же так... Вот так...

Элика ошеломленно застонала, когда мягкие женские губы накрыли ее уста, обведя кончиком языка контур губ. Руки Керры успокаивающе погладили ее волосы, прогоняя протесты, расслабляя, словно гипнотизируя. Она машинально подалась навстречу первому ненасильственному поцелую, ощущая нарастающее любопытство, и покорно разомкнула зубы, пропуская язычок подруги.

Спустя недолгое время уже знакомое, приятное тепло разлилось по ее телу, и Элика подвинулась еще ближе, зажмурившись от приятного ощущения. Уста подрагивали от незнакомой сладкой дрожи в кончиках пальцев, которое усилило бег крови и прогнало оцепенение. Керра осторожно, боясь спугнуть, прижала девушку к себе, сжав руками грудь

подруги.

Элика задрожала от сладкой стрелы непонятного безумия, ощутив приятную пульсацию между ног. Если раньше все попытки чувственности взять верх над ненавистью выражались лишь в усиленном сердцебиении, то сейчас поистине происходило что-то невероятное. Девушка сжала ноги, ощутив, как сжимается в тугую спираль все ее существо.

Керра непреклонным жестом руки отстранила ее от себя.

— Еще! — простонала Элика. — Пожалуйста!

— Нет, — Керра склонила голову на бок. — Нет. С возвращением тебя.

— Почему? — принцесса сжала губы от ощущения необратимой потери.

— Все остальное даст тебе он. Уже в следующий раз. Только не замыкайся в себе!..

*****

Кассий залпом осушил кубок с вином. В висках стучало, сбившиеся дыхание хрипло вырывалось из полуоткрытых губ. Он едва устоял на ногах, опираясь сжатыми в кулаки руками о поверхность стола.

— О, приветствую, повелитель!

Только этого не хватало! Принц обернулся и встретился взглядом со взбешенным, но обманчиво спокойным Домицием Лентулом.

— О, следует, наверное, принести извинения за мое столь поспешное возвращение? Мой принц даже представить себе не может, какое изумление меня постигло, когда я догнал Ардия, который уже все донес тебе, как оказалось, и возвращался обратно.

Кассий устало прикрыл глаза рукой.

Ад словно обрушился на его голову, стоило только застегнуть ошейник рабыни на шею самой дерзкой... И самой желанной женщины в мире. Когда он начал это осознавать, было очень поздно. Бороться с этим? Он пытался, видит Эдер. Пытался забыть свою болезненную страсть в объятиях Териды, а когда увидел ее, готовую на все ради него, не испытал ничего, кроме усталости. С легким сердцем отправил прочь.

А к ночи начался самый настоящий кошмар. Слезы Элики усугубили его до критического состояния. Теперь еще претензии лучшего друга...

— Я знаю, зачем ты это сделал. Слухи во дворце распространяются очень быстро. — Домиций, презрев этикет, налил в кубок вина и так же уверенно сел в кресло, где любил проводить время принц. — Ты заковал в цепи принцессу наследной крови атлантов? Касс, что дальше? Выжжешь на ее коже клеймо рабыни? Я жалею лишь об одном. Что я предал ее доверие, уверяя в том, что ты не причинишь ей вреда. Что она доверилась мне и проявила покорность. Да лучше бы я позволил ей перерезать глотку всему нашему отряду, чем знать, что она будет так страдать в твоих руках!

— Эгоистичная девчонка не оставила мне выбора... — неуверенно ответил Кассий, все еще не веря словам Домиция.

— Эгоистичная? Знаешь, я мочал по ее просьбе. Если бы я только знал, что ты с ней сделаешь! Да известно тебе, что эта девочка места себе не находила, когда узнала, почему обидела тебя словом "варвар"? О том, как упрашивала меня не говорить тебе о том, как сильно ей стыдно за свои слова, потому что считала, что заслужила твое наказание, и не хотела, чтобы ты считал ее слова ложью во спасение?

И ты знаешь, почему я так легко довез во дворец амазонку атланской крови, которая родилась с мечом в колыбельке? Это была сделка. Я рассказывал тебе про двух атланток, которых пришлось отпустить. Она сама пришла ко мне умолять об этом. Не о себе, заметь.

Потому что она самая благородная и справедливая наследница трона из всех возможных! Взамен позволила привезти себя в твои руки без капли сопротивления... Если б я только знал, что ты... Я бы отпустил ее в первый же день!

Кассий опустил на пол, чувствуя себя опустошенным. Проигравшим. Сердце сжали стальные тиски неотвратимости происшедшего.

— Дом, я не знаю, что мне делать. Я переступил черту. Я ненавижу себя за это... Что со мной?! Я бы забрал всю ее боль себе, если бы смог... Несмотря на то, что она со мной пыталась сделать...

— В..би тебя Лаки, — тихо выругался Лентул, подавшись вперед. — Когда уже, наконец, ты перестанешь прятаться за детскими претензиями по примеру своих царапин от ее пальцев?! Когда, наконец, ты найдешь смелость признаться сам себе?!

— В чем?.. — устало проронил принц Кассиопеи, устремив взгляд на лучшего друга. Но тот щадить его не собирался. Лишь грустно покачал головой.

— Именно в этом, Касс. В том, что ты без памяти любишь эту девочку.

Той ночью с ней творилось что-то невероятное.

Сны всегда смазывали окружающую реальность, заставляя забыть о некоторых аспектах действительности.

Во сне она не помнила кошмара своего существования. Во сне ее не держали ненавистные цепи, горло не сжимала проклятая полоска металла, а тело не терзали его яростные вторжения. Даже пробудившаяся жажда мести забралась в укрытие, словно затаившись в ожидании чего-то нового. Чего именно, оставалось только догадываться.

По венам, словно струилась огненная лава вместо крови. Быстро, воспламеняя спящее сознание, выгибая покорное первобытной страсти тело на постели, заставляя желать чего-то большего, а от того пугающего.

Проклятая Керра! Что она с ней сделала?..

Элика резко села на постели. Взмокшая, дезориентированная, еще больше напуганная своим внутренним состоянием. Машинально погладила шею... Нет, ошейник на месте. И цепи тоже. Ничего не изменилось. Впереди новый день, второй день ее унижительного существования в роли бесправной рабыни этого варвара.

Девушка закусил губы. Она не понимала, что именно произошло вчера между ними в купальне. И можно ли было это назвать насилием? Он был осторожен как никогда. Говорил слова, которые должны были ее успокоить. Почему она сказала Керре, что он ее принудил?..

Да потому что, по сути, именно так и было. Разве ее "нет" могло остановить принца?..

Разве он спросил ее разрешения? Нет. Он даже не осведомился о ее самочувствии. Только поудобнее закрепил цепь, стирая в кровь закованные в металл запястья, дабы ничто не мешало ему брать то, что он присвоил себе против ее воли. Что значили его осторожность и ломающие барьеры стойкости слова утешения?.. Она была для него рабыней. Рабской сукой, как он назвал ее несколько раз подряд. Захотел, ударил. Захотел, взял силой. Захотел, прижал к себе. Она лишь игрушка, зависящая от меняющейся воли своего хозяина. И остановился он лишь потому, что ее рыдания помешали достучаться до самой сути ее окончательного падения.

Непонятно, как ей удалось сдержать слезы. Наверное, лишь потому, что Амина проснулась тоже. Добрая, искренняя, надежда всей Кассиопеи, дай Антал ее правителю хоть каплю ее человечности и милосердия. Расстроенная не меньше Элики, словно чужая боль достала и ее до глубины души. Принцесса делала над собой горячие усилия, чтобы не показать всю боль своей капитуляции, но не потому, что считала служанку недостойной видеть ее слабость, а лишь потому, что не хотела причинять боль этой отзывчивой девочке, при одном взгляде на которую вся Кассиопея казалась ей не лишенной надежды на прощение.

— Доброе утро, Ами, — Элика натянуто улыбнулась одними уголками губ. — Помоги мне одеться, пожалуйста.

Обеспокоенная Амина поспешно бросилась к нише, скрывающей наряды своей госпожи.

— Какое выбрать платье сегодня?

— Все равно, Ами. Хотя... Есть там что-то черное? Посмотри, пожалуйста.

— Но ведь черный, цвет печали за преждевременно ушедшими... Разве нет? — Амина

замерла возле ширмы, растерянно разглядывая переливающийся черный шелк.

— Будем считать, что я хороню свое прошлое.

Служанка недоуменно приоткрыла рот, но спорить не стала. Элика завела скованные руки за голову, помогая облачить себя в объятия траурного шелка. Амина расправила струящиеся складки платья, у которого оказался очень большой вырез, достигающий почти до пупка, и завязала ленту на шею, пустив концы свободно струиться по спине. Завершив работу, отошла на пару шагов, чтобы полюбоваться творением своих рук. Внезапно ее глаза расширились от удивления, смешанного со страхом, и она поспешно поднесла руку ко рту.

— Воительница Лаки!!!

— Где? — оглянулась Элика, в надежде увидеть явление демона этого мира воочию.

Но Амина смотрела во все глаза прямо на нее. Элика вскочила и, подойдя к зеркалу, с удивлением уставилась на свое отражение.

Черный шелк на смуглой коже, которая от переживаний и нервного истощения казалась гораздо светлее, выглядел, словно объятия подступившей к ней вплотную тьмы. Но, Антал Милосердный, как же красиво смотрелось это платье на ее теле! Подчеркивая соблазнительность изгибов, большие глаза, которые казались такими же зелеными, как и прежде, несмотря на отпечаток перенесенного страдания. Придавая коже оттенок легкой позолоты, делая утонченные черты лица еще красивее, а пересохшие пухлые губы розовыми, подобно лепесткам лотоса. Но главным было не это!

Стальная полоска ошейника не выглядела больше символом рабства. Скорее, дорогим колье. Даже цепи словно утратили свое значение, и казались донельзя неуместными на девушке, похожей на богиню. Наверное, так выглядела Криспида испокон веков, спускаясь на землю. И при виде своего царственного отражения стальные тиски отчаяния и безысходности словно разомкнулись, осыпаясь осколками металла, растопив лед волной воодушевления, позволяющего на недолгое счастливое время вновь ощутить себя внутренне свободной, не сломленной жестоким насилием, готовой дальше жить и бороться за свое счастье и свой покой. Впервые за долгое время своей неволи Элика улыбнулась, той знакомой улыбкой, которой ей приходилось улыбаться прежде.

— Воительница Лаки? — переспросила она, глядя на потрясенную Амину. — Ты мне льстишь. Посмотри на мои руки, разве это оружие? Нет. Это оковы рабства. Посмотри на мою шею, разве это латы небесного легиона? Нет. Это ошейник. Не говори ерунды.

— В руках Эдера воительницы не сразу стали покорными, — растерянно произнесла служанка, но в ее глазах, помимо потрясения, заплескалось восхищение. — Госпожа, ты прекрасна!

— Еще нет, — улыбнулась Элика. — Расчеши мои волосы. А то, можно подумать, что я только что подверглась насилию со стороны твоего Эдера.

— Не говори так, прошу, — с укором произнесла Амина, чем вызвала у принцессы новый приступ веселья.

— Ами, очнись! Я могу это повторить, и ты увидишь, что меня не пронзит огненная стрела твоего божества за столь дерзкие слова. Потому что я не принадлежу вашему миру и никогда не принадлежала!

Амина нерешительно улыбнулась, и, взявшись за гребни для волос, начала осторожно расчесывать длинные черные волосы Элики. Принцесса через осторожные касания ощутила внутреннее напряжение, сковавшее девушку.

— Что тебя так тревожит? Можешь мне рассказать?

Амина поколебалась несколько мгновений. Затем нерешительно проговорила:

— Меньше зимы тому назад леди Керра предсказала закат империи. Повелитель был зол как никогда и запретил ей повторять эти слова...

— Я не скажу ему ничего, верь мне, — заверила Элика, с трудом скрывая острое любопытство. — Что же именно она увидела?

— Она увидела одну из воительниц бога тьмы, госпожа. Ту, которая восстала против власти Эдера. Богу не удалось покорить дерзкую деву Лаки, как он не пытался. Но на исходе своей неволи мнимо покорная воительница за одну ночь обрела оба своих сожженных черных крыла, и Эдер утратил свою власть. Говорят, он просто не ожидал ее коварства, подпустил очень близко к себе, за что и поплатился...

Чернокрылая взлетела ввысь, вернувшись к своему темному божеству, после чего получила его благословение на месть за свою неволю. Но Эдеру отомстить не смогла. Вместо этого попросила Лаки ниспослать небесное пламя на эту цветущую землю, дабы сжечь ее дотла и испить слезы Эдера... Такая легенда, но леди Керра увидела ее скорое приближение. Но, говорят, она также увидела и иной исход, миролюбивый и не сулящий такой трагедии, но одному Эдеру известно, наверное, что стоит делать, чтобы черное сердце разозленной воительницы остыло и успокоилось...

— Красивая сказка, — согласилась Элика. — Тут, надо полагать, ею пугают непослушных детей?

— Не совсем. За Лазурийской пустыней проживает замкнутое племя тирасов, вождем которых является женщина-воин. Это племя поклоняется Лаки и использует его силу в своих целях. Говорят, они умеют исцелять неизлечимо больных, принося Лаки в качестве жертвенного дара кубок крови чистокровного кассиопейца. Царь Актий в свое время запретил трогать это племя, говорят, даже не раз обращался к нему за помощью, но это, скорее всего, слухи. Принц Кассий давно грозит стереть его с лица империи, но ему это пока не удастся. Именно от них берет начало эта легенда.

— Интересно, — Элика вздрогнула от стука в дверь.

— Это твой завтрак, госпожа, — Амина отложила гребень и подошла к двери.

Дворцовый страж, перед тем как внести поднос с яствами, что-то тихо сказал Амине. Девушка возразила, но тон стража стал грубее, словно о чем-то предупреждая. Служанка молча пропустила его в покои, покусывая губы и с надеждой поглядывая на свою госпожу.

Воин расставил блюда на столике, стараясь не смотреть на принцессу.

Эл передернула плечами, когда он, наконец, убрался из покоев.

— Я не голодна, Ами. А ты угощайся. Садись.

— Госпожа! — служанка растерялась. — Но как же так? Ты должна поесть. Смотри, тут свежесорванные плоды страсти... И даже тот черный напиток... И устрицы, только из моря... Я поем на кухне. Мне нельзя...

— Ами, не говори ерунды. Кто сказал, что ты не имеешь права пробовать блюда с господского стола? Составь мне компанию. Я только черного эликсира выпью.

— Но тебе надо поесть. Чтобы сил прибавилось...

— Да почему ты так настаиваешь?

Легкая тень пробежала по побледневшему лицу девушки. Поколебавшись, она с неохотой проговорила:

— У меня приказ Повелителя. Вчера, пока ты была в купальне, он дал четкие указания на этот счет. Мало того, только что мне об этом напомнили.

Элике стало смешно.

— Каким же образом ты должна заставить меня есть? Если я откажусь?

— Госпожа, я только исполняю приказ...

— Но я действительно не хочу. Скажи ему, что я поела. И унеси, чтоб никто не видел.

Разве это так сложно?

Амина смотрела на нее таким умоляющим взглядом, что Элика едва не сдалась. Но, несмотря на приподнятое настроение, аппетит отсутствовал. Напрочь. Абсолютно. Еще одна непонятная блокада сознания? Элика сглотнула.

— Я не могу. Я съем, когда проголодаюсь.

Не могла же она пояснить Амине, как сильно прожгли ее кровь его слова о том, что рабыне положено есть из миски без использования рук. После такого заявления аппетит действительно покинул ее. Это пугало сильнее нежелания завтракать.

— Ну, скажи ему, — миролюбиво велела Элика растерянной Амине. — Поясни, что я плохо себя чувствую и ты не хотела мне навредить. Не бойся. Ты же сама говорила, что он добрый, если мне не изменяет память?

Принцесса и сама не поняла, почему так язвительно поддела служанку. Непостижимое воздействие черного платья! Когда Амина исчезла за дверью, Элика поспешно отправила в рот пару кусков мяса, дабы восполнить силы.

Они пригодились ей уже спустя менее четверти меры масла. Конечно, стоило ожидать, что он явится лично, но Элика не думала, что так скоро. Она с каким-то тайным удовольствием разглядывала свое отражение в зеркале, признавшись себе, что слова Амины ей польстили. В этом чуждом мире бог Лаки со своим легионом воительниц был куда ближе ее родной религии, чем бог света, задавшийся целью подчинить себе свободных посланниц тьмы. Она увидела в зеркале именно чернокрылую непокорную амазонку, и даже потухшие глаза, казалось, вспыхнули зеленым огнем. Конечно, это была игра ее истерзанного жестоким шоком последних дней сознания, но именно в таком воинственном настроении она встретила принца.

Кассий, видимо, не спал всю ночь, судя по его усталым глазам. Хотя какое ей до этого дело? Если его одержимость столь сильна, что лишает сна, это его личные проблемы. Чувствуя невиданное уже давно скрытое превосходство, Элика склонила голову на бок и поймала его взгляд. Впервые без страха. Может, потому, что больше не замечала в них твердыни льда, созданной искусственно?

Ее смелость, впрочем, едва не растворилась без остатка, стоило перевести беглый взгляд на его руки. Липкий ужас быстрой лавиной пробежал по позвоночнику, подгибая колени. Кнут. В последнее время он с ним не растает. Ее тело еще помнило ослепляющую боль, ломающую барьеры ее стойкости, подчиняющую его извращенному желанию, убивающую гордость и превращающую в покорное существо у его ног.

— Мне сказали, что ни вчера, ни сегодня ты даже не притронулась к еде, — тихо произнес Кассий. Его взгляд блуждал по ее телу, обтянутому черным шелком, с таким интересом, словно он увидел его впервые.

— Я не голодна, — Элика мысленно поблагодарила Антала за то, что хрипота в ее голосе скрыла дрожь страха.

— Не смей мне врать. Чего ты добиваешься? Если думаешь, что это что-либо изменит, глубоко ошибаешься.

— Я действительно не хочу есть.

Щелчок кнута о мрамор пола внезапно разорвал тишину. Неизвестно, каким образом ей удалось не вздрогнуть и сдержать крик. Кассий не был настроен терпеть подобные ответы.

— Ты забываешься, рабыня. От голода потеряла чувство страха? Ты не понимаешь, что я могу тебя избить? Ты этого хочешь?

Элика сжала кулаки. Вряд ли он шутил. Проверять не хотелось. Она нерешительно шагнула к столику и схватила с блюда дольку цитруса.

Принц внимательно наблюдал за ней. Без аппетита проглотив сочную мякоть апельсина, девушка, стараясь выглядеть как можно беспечнее, налила в кубок черного эликсира. Вкуса не почувствовала, выпив его одним глотком. Дерзко отставила кубок в сторону. Ярость вытесняла панический ужас, словно разыгравшаяся сцена поставила окончательную точку в этом затянувшемся поединке.

— Надеюсь, теперь хозяин доволен? Можно насиловать свою вещь и дальше, не опасаясь ее голодного обморока?

— Девочка моя, — лед в его глазах по-прежнему не предвещал ничего хорошего. — Я был настолько мягок с тобой, что ты забыла, где ты, и кто ты. Мне напомнить, что ты теперь рабыня, и за подобные слова я могу содрать с тебя кожу? Я могу оставить на тебе метки кнута на всю жизнь. Или не оставить ни одной, но боль будет ужасающей.

Элика помедлила. Скосила глаза, выдерживая его взгляд. И внезапно ощутила беспечную усталость.

— Бей.

Мужчина вздрогнул от ее слов. Изумление в серых глазах расколело оковы льда.

— Что? Что ты сказала?

— Бей, — повторила Элика, гордо вскинув голову. — Сделай это, наконец. Я устала бояться твоих угроз. Сделай, и покончим с этим!

— Эл, — вкрадчиво произнес мужчина. — Ты отдаешь себе отчет в своих словах? Чего ты снова хочешь добиться? Ты понимаешь, что не выдержишь поцелуев кнута? Что я поломаю тебя окончательно?

— А что тебе мешает? Я же в твоих руках! — сейчас страх капитулировал перед прорвавшейся яростью. Наверное, ей больше нечего было терять. — Только так ты можешь подчинить меня себе! Предлагаю покончить с этим!

Она отстраненно наблюдала, как его руки сложили кнут в три оборота, перед тем, как он шагнул ей навстречу. Но даже не дрогнула, когда свернутое оружие боли и унижения приподняло ее подбородок еще выше. Выдержка чуть не изменила ей, лишь когда она увидела очень близко его взгляд. И то, потому, что весь круговорот чувств в серых горных озерах не поддавался никакому пояснению.

— Эл, не испытывай мое терпение. Цикл Фебуса не вечен. Ты хочешь носить на себе поцелуй раскаленного железа? Я не хочу так поступать с тобой. Но от своих обещаний я не отступаю, — его тихий голос словно опалил.

Элика непостижимым образом перевела взгляд на губы своего мучителя, и тут же, словно проклиная себя за лишнее логики действие, встретила его взгляд. Смело. Гордо. Терять ей и вправду было больше нечего.

— Иначе что? Ах, да. Спустишь с меня шкуру. С кнутом ты смелый. Вот только без кнута ты ничего не можешь! Даже заставить меня тебя уважать! Только я больше не боюсь! Ни тебя, ни того, что ты держишь в руках!

— Заткнись! — Кассий не ожидал такой резкой отповеди.

— Попробуй, заставь меня замолчать! — Элика не думала ни о чем. Ни о последствиях, ни о том, как внезапно малознакомая сладкая дрожь вцепилась в ее позвоночник, пуская свои побеги. — Мне больше не страшно! Удивлен? Я устала быть для тебя правильной. Мне жаль, что я переживала о том, как ранили тебя мои слова тогда, на побережье. Потому что ты в полной мере подписался под каждым! Мне жаль, что вместо того, чтобы вылить весь яд тебе в кубок, я капнула всего лишь каплю! Мне жаль, что я думала лишь о том, что не хочу с тобой близости, когда следовало хотеть твоей смерти! И жаль, что я пыталась понять твои поступки и даже подыграть твоим правилам!

— Эл, замолчи! — принц шагнул еще ближе. — Ты просто не оставляешь мне выбора! Я причинял очень сильную боль и за меньшее. Хватит. Ты просто устала. Я надеюсь, тебе удастся прийти в себя и вспомнить, чей ошейник сейчас на твоей шее!

Дрожь сладкого безумия добралась до сознания, сжигая, опаляя, не оставляя ни единого пути, чтобы избежать этого. Но Элику было уже не остановить.

— Ты несчастный человек, Кассий. Ты не даешь никому права достучаться до твоего сердца, все эти попытки ты просто высекаешь кнутом и сковываешь железом. Как это, а? Когда хотят твоей смерти? Когда тебя ненавидят? Хорошо? Понимаю. Тебе комфортно именно так. Ломать, а не строить!

И он принял свое решение. Просто закрыть ей рот не было иной возможности. Или он просто не рассматривал иные? Как знать. Кнут с глухим стуком ударился о пол, в бессильной злобе он отшвырнул его ногой подальше, освобождая руки, сжимая плечи девушки в подчиняющем объятии, накрывая ее губы своими, движимый лишь одним желанием — выпить ее обвинения неистовым поцелуем, заставив забыть и больше никогда к ним не возвращаться.

Элика опешила на короткий миг. Рванулась из этих сильных рук, испугавшись впервые по-настоящему. Испугавшись не его ярости и возмездия. Испугавшись того ощущения, что вместе с прикосновением его губ опалило все ее существо в пламени всепоглощающего возбуждения.

Его язык властно проник в ее податливые от неожиданности губы, размыкая, распространяя по телу мириады искр удовольствия, во стократ сильнее того, что вчера пыталась показать ей Керра. И все сознание девушки инстинктивно подчинило тело неистовому, первобытному танцу близости, хотя она и сама не осознавала, что отвечает на этот поцелуй. Бездумно подалась навстречу, стремясь прижаться еще ближе, ощутить тепло его тела, защитить свой поломанный рассудок от боли и страдания последних дней, чувствуя непонятную защиту в этом действии, которая усиливала желание, отдаваясь приятной болью между ее ног, сделав грудь чувствительной к прикосновениям шелка и его тела, которое не смогла приглушить даже преграда из черной ткани. Все исчезло. Ее страх, боль, попытки выстоять против окружающего кошмара. Тело инстинктивно прижималось все ближе и ближе, без страха и сожаления, искусанные губы бились сладкой пульсацией в тисках его губ. Руки мужчины успокаивающе гладили ее спину, вызывая новый прилив сладких, неведомых ранее ощущений, и это новое безумие не имело ничего общего с прежним. Не существовало ничего. Даже ненавистного отрезка металла на ее шее. Даже этих цепей, которые слегка впились в ее кожу вследствие тесных объятий, и лишь усиливших чувство сладкого восторга. Колени дрогнули, увлекая вниз, и Элика, бездумно, резко развела руки в стороны, чтобы обнять его плечи и удержаться на ногах, и...

Резкая боль в запястьях ошеломила ее, вырывая из круговорота первой страсти. С

криком загнанного зверя девушка рванулась прочь из его объятий, в изумлении уставившись на руки. Возвращение к реальности было таким жестоким, что ударило в глубину души во много раз сильнее насилия.

Ничего не изменилось. Оковы рабыни по-прежнему держали в плену ее тонкие кисти, и там, где края браслетов впились в кожу от ее отчаянного рывка, выступили маленькие капельки крови. Боль от осознания этой несправедливости затопила сознание, смывая отголоски страсти, лишая точки опоры. Горло сжало тисками подступивших слез от обиды и безысходности. И вместе с этим вся уверенность, весь боевой задор покинул ее, казалось, навсегда. Ничего не изменилось. Она была его рабыней. И только от него зависело, что она будет испытывать в его руках — боль или удовольствие. Цепи не дали ей забыть о своем положении. Справиться с этим неожиданным ударом жестокой реальности оказалось для нее невозможным. Элика уязвимо прикрыла глаза ладонями, чудом оставшись стоять на дрожащих ногах.

— Эл? Девочка моя, что случилось?

Только этого ей не хватало. Элика испуганно замотала головой, уходя от ласковых прикосновений принца.

— Нет, прошу тебя! Уходи!

— У тебя кровь. Тебе больно? Не молчи!

От впервые прозвучавшего участия в его голосе стало только хуже. Элика прикусила язык, чтобы не разрыдаться раньше, чем он покинет покой.

— Эл, потерпи немного. Все пройдет. Я не хотел причинять тебе боль!

Его шаги затихли вдали. Элика, с трудом справившись с рыданиями, без сил упала на постель. Судьба была безжалостна к ней. Тем, что дала хрупкую, иллюзорную надежду на то, что она сможет выстоять в этом поединке. Керра предрекала, что она получит удовольствие в мужских объятиях, но стоили ли эти жаркие мгновения полного опустошения, накрывшего ее сейчас с головой?..

Она даже не заметила, как он вернулся. Поморщилась от боли в скованных запястьях, когда мужские руки легонько подняли ее цепь.

— Потерпи. Совсем немного. Хорошо?

Она все же не удержалась от стога, потому что в результате его непонятных действий металл еще сильнее впился в израненную кожу. Сжимая, причиняя боль, а затем внезапно отпустив свою стальную хватку. Цепь с глухим стуком упала на шкуру тигра под ее ногами. Элика в изумлении уставилась на освобожденные запястья.

— Постарайся выдержать, может сильно щипать.

Сколько раз эти руки, так нежно и осторожно обрабатывающие ссадины на ее нежной коже, таскали ее за волосы, раздавали пощечины и сжимали до боли? Она потеряла счет этим зверствам. Сейчас же ей оставалось лишь изумленно наблюдать, как его ладони обматывают ее запястья хлопковыми полосками ткани для быстрого заживления.

Или же... Или это все для того, чтобы...

Кассий перехватил ее затравленный взгляд, направленный на цепь с разомкнутыми браслетами. Успокаивающе погладил пальцами безвольно раскрытые ладони.

— Нет, не бойся. Ты больше не будешь ее носить. Все будет хорошо.

Элика опустила глаза, понимая, что непременно расплатится, стоит ей встретиться взглядом с тем, кто был готов ее пожалеть. Нервно сглотнула.

— Спасибо тебе.

Принц сел рядом. Его руки легли на ее зажатые плечи, пытаясь размять мышечный спазм. Она ощущала его дыхание на своей шее, а вместе с тем новое, непонятное чувство защиты и безопасности.

Кассий наклонился чуть ниже.

— Эл, я хочу, чтобы мы были вместе сегодняшней ночью. Поверь, это нужно обоим.

Фраза Хозяина "я хочу" для рабыни равносильна приказу. Девушка отстраненно кивнула. Да и был ли у нее выбор?

— Так будет лучше. Постарайся отдохнуть, к вечеру я пришлю за тобой.

— Как скажешь, мой господин, — устало отозвалась принцесса.

Она старалась не замечать отчаянного отклика всей своей женской сущности на эти слова, которые словно прожгли ее кровь. Перспектива вновь остаться с ним наедине вызвала вовсе не страх и не протест, как раньше. Что именно, она сама с трудом понимала. Смесь любопытства, ожидания, азарта, трепета и сладкой уязвимости... Именно так выглядело впервые проснувшееся в ней сексуальное желание. Но признаться самой себе было равносильно новому шоку.

Кассий обернулся в дверях.

— И прошу тебя, съешь хоть что-нибудь. Считай, что это единственная цена снятой цепи.

Элика проводила его взглядом. И лишь когда за ним закрылась дверь, осторожно потрогала шею.

Чего, интересно, стоило его милосердие, если ошейник он с нее так и не снял?..

...Солнце завершило свой круговорот, воспламенив горизонт алыми отблесками уходящего дня, когда Элика, с трудом уняв дрожь непонятного воодушевления вместе с волнением, придирчиво оглядела себя в зеркале.

Ей удалось отстоять это черное платье, как бы слезно не умоляла ее Амина о выборе иного наряда, словно чего-то опасалась. Но принцесса именно в нем чувствовала себя уверенной и стойкой, как никогда. К тому же, она очень хорошо помнила его взгляд, когда принц сегодня впервые увидел ее в ореоле черного шелка. Видеть его желание ей было не впервые, но почему-то именно сейчас осознание этого факта просто кипятило ее кровь.

— Принцесса, — Лентул замер в дверях, и Элика едва не рассмеялась, увидев его ошеломленный взгляд.

— Домиций, покоя уставшего светила тебе, — едва сдерживая смех, поприветствовала его девушка. — Все хорошо? Или тебе тоже мерещится орда чернокрылых воительниц в моих покоях?

Амина залилась краской. Элика сжала кулаки, прекрасно понимая, что ее веселье вызвано сильным нервным напряжением, и никак иначе. К тому же ее терзала скрытая обида на того, кого она считала своим другом и почти хранителем в этом враждебном дворце. Сколько раз он обещал защитить ее от посягательств этого монстра, и чего стоили его слова? Позволил безропотно выпроводить себя в то время, как ей больше всего нужна была его помощь! То, что он не знал о том, что ей предстоит пережить за эти два неполных круговорота, не являлось для нее весомым аргументом для прощения.

Элика бросила на него дерзкий взгляд.

— В твоём арсенале имеется черная лента? А то красная не очень сочетается с моим платьем.

Но Домиций не поддался на ее провокацию. Его глаза улыбались.

— Тяжелые нынче времена в империи. Меня лишили даже красной сегодня.

— Пошла тенденция носить металлические украшения?

Лентул поспешно отвел взгляд от ее затянутой в металл шеи. Но лукавые искры по-прежнему плясали в его глазах.

— Думаю, нет. Сдается мне, что это было модой одного дня.

— Я готова, — Элика лишь слегка призадумалась над его словами. Смена настроений Кассия пугала ее куда больше перспективы носить ошейник постоянно. Что, если после этой ночи она снова доведет его до белого каления? Опять цепь? Думать об этом не хотелось. Девушка гордо прошествовала к покоям хозяина дворца, оставив его советника идти следом, словно почетный эскорт, а не охрану. Решительно толкнула тяжелую дверь, не обращая внимания на бессменную дворцовую стражу.

— Спасибо, дальше я сама.

Уверенность едва не покинула ее, стоило переступить порог покоев принца. Совсем недавно она стояла на коленях на этих мраморных плитах... И не было никакой гарантии, что сегодня все не повторится снова. Потерянная, обреченная улыбка на миг изогнула ее губы. Но дойти до грани в омуте своего страха и переживания ей сегодня, как оказалось, было не суждено.

Вот, значит, почему она не увидела его в комнате. Он все время находился за ее спиной. Словно тень, отголосок кошмара ее последних дней, и одновременно единственная опора истерзанному рассудку. Элика отшатнулась, ощутив, как теплые ладони нежно накрыли ее плечи. Его близость лишила слов, и она против воли слабо застонала, безропотно позволяя развернуть себя и встретить его поцелуй, похожий на сегодняшней и одновременно не похожий.

Снова страх. Совсем другой, не такой как раньше. Страх с привкусом сладости, так поспешно погнавший ее кровь по телу с невероятной скоростью. Страх собственных чувств, которые просто не могли, не должны были появиться в результате такого жестокого обращения! Наверняка бы она возненавидела себя за это. Мудрая Керра лишила ее дополнительных терзаний всего парой фраз...

Он не был прощен за свои поступки. Ток страсти в ее венах не имел ничего общего с теплыми чувствами к своему палачу. Просто сознание нашло небольшую отдушину в этом подневольном кошмаре, и это было небольшим вознаграждением за все, что она стерпела в его руках... Всего лишь реакция тела. Бунт проснувшейся чувственности.

— Моя атланская девочка... — Кассий с трудом прервал поцелуй. — Ты больше не боишься?

Элика отступила на шаг, все еще сомневаясь в том, чем являлись его последние слова — участием или скрытой угрозой. Послушно завела руки за голову, чтобы развязать завязки платья, но принц ей не позволил.

— Не надо, Эл. Я сегодня сделаю это сам, если ты позволишь.

— Но ведь тебе не нужно мое разрешение... — поражено выпалила Элика, забыв о запрете смотреть в глаза. Но лед, казалось, навсегда покинул его взгляд. Ей почти не приходилось видеть его глаз, не скрытых защитой ледяной стали, и сейчас иначе как чудом эту метаморфозу назвать было нельзя.

— Но кое-что я все же сделаю, не спрашивая твоего разрешения, — нежно прошептал принц, приближаясь. — Наклони голову.

Элика не успела ничего понять. Только вздрогнула от звона металла о мрамор пола,

испытывав перед этим короткий миг легкого удушья. Поднесла ладонь к шее, с трудом осознавая, что ее больше не сжимает стальной обруч.

— Хозяин? — потрясенно выпалила в его губы. Кассий нежно погладил ее по щеке. По той самой, которая недавно пострадала от его жестокой пощечины.

— Не называй меня так. У меня есть имя. И ты даже помнишь, как оно произносится.

Элика не обратила внимания на его слова, испытывав самое настоящее изумление, когда осознала, что вместе с радостью вследствие избавления от проклятого ошейника ее охватило чувство непонятной потери. Даже сожаления. Но как такое могло произойти?

— Эл, — он успокаивающе прижал девушку к себе, словно закрывая своим теплом от окружающего мира. — Я знаю, что все это время ты думала, что я тебя наказываю. Но это не так. Единение ни в коем случае не должно так выглядеть. Я хочу доказать тебе это сегодня ночью.

Тихо гасли последние костры на баррикадах ее измученного сознания. Сворачивали свои флаги ужас вместе с унижением, не слыша сомнений и недоверия рассудка, положившись лишь на победный призыв предчувствия.

— Поцелуй меня, — прошептала Элика, доверчиво затихая в сильных руках мужчины. Тех самых руках, которые совсем недавно так легко могли ее уничтожить. И тех самых, которые одни могли спасти ее от окончательного душевного надлома. Она не сопротивлялась, когда он, не прекращая так же нежно и чувственно пить из ее губ остатки отчаяния, подхватил ее на руки и нежно опустил на кровать. Восторг сотрясал каждую клеточку тела принцессы, до сих пор не знавшего иных сотрясений, кроме ужаса и судорожного плача.

Кассий оторвался от ее губ всего лишь на мгновение. Элику поразила внезапная, непонятная грусть в его серых глазах.

— Девочка моя, одно твое слово, и я остановлюсь. Знай это. Но я очень прошу тебя, не заставляй меня останавливаться...

Элика выгнулась навстречу его рукам.

— Не останавливайся!..

Поцелуй растворил обоих в своей непередаваемой эйфории. Элика выгибалась навстречу прикосновениям этих сильных рук, словно оглушенная этой первобытной страстью, не думая больше ни о чем. По сути, ей все так же не оставили выбора. По крайней мере, так комфортно было полагать ошеломленному сознанию.

— Нет... Нет, что ты делаешь? — скорее удивилась, чем возмутилась она, когда язык мужчины, полностью сломавшего ее жизнь и свободу, скользнул между ее разомкнутых ног. И тут же новые спирали удовольствия лишили ее последних слов. А ведь раньше такая ласка, переданная со слов Ксении, ничего, кроме недоумения и хихиканья, у нее не вызывала!

Ласка рабов. Как легко стерлись все грани в их долгом, изматывающем противостоянии! Как быстро она потеряла себя, сбросив оковы логики и условности, просто пожав плечами на возмущение рассудка — ну, с кем не бывает, меня принудили! По своей инициативе, никогда бы не сделала ничего подобного...

Она застонала от восхитительного ощущения наполненности, когда он проник в нее, не так как прежде, осторожно, боясь сломать своим резким движением, произвольно подалась навстречу, обхватив руками его плечи, ощущая биение его сердца.словно натянутая тетива арбалета напрягалась под давлением стрелы все сильнее и сильнее, и вот, наконец, эта стрела, запущенная ввысь, разорвала действительность, вырывая из ее горла

дикий крик, который только чудом не оборвал ее не полностью восстановившиеся связки, выгибая ее тело в судороге несокрушимого удовольствия, стирая прошлое, отпуская все то, что было раньше, прочь без сожаления.

— Касс... Что со мной? — прошептала Элика спустя время, когда яркие вспышки перестали мелькать перед ее широко распахнутыми глазами, а звон в ушах немного притих. — Я думала... Думала, что уже не вернусь...

Кассий обхватил ее лицо ладонями, осыпая нежными, благодарными поцелуями.

— От этого не умирают, моя девочка, — его объятия стали крепче, и девушка доверчиво прижалась к сильному плечу своего недавнего мучителя. — Это твой первый подъем к чертогам Эдера. Твой первый оргазм!

Ему всегда нравилось наблюдать за тем, как она спит.

Во сне выражение ее лица поражало своей безмятежностью, сбрасывая маску борца против неблагоприятных обстоятельств, являя собой истинную сущность потерявшейся маленькой девочки. В таком состоянии мужчине до боли хотелось целовать ее и оберегать одновременно. Насытившийся внутренний зверь сейчас спал крепким сном, и больше всего ему сейчас хотелось одного — чтобы он никогда уже не проснулся и не завладел его сознанием. Потому что его возвращение неминуемо причинило бы боль самому дорогому человеку.

Сколько времени он не хотел себе в этом признаваться?.. Цепляясь, словно за спасительный канат, за любое неосторожное слово и действие своей невольницы, дабы получить право еще сильнее привязать ее к себе самыми жестокими и разрушающими методами. Ломая ее волю камень за камнем, добираясь до фундамента ее закрытых чувств и эмоций, безжалостно наказывая ее за то, что она в нем так неосторожно пробудила с самой первой встречи. Раскрыла всю его сущность, добравшись до самого сердца, только для того, чтобы опалить своим презрением и равнодушием. И он сам заключил себя в этот огненный замкнутый круг, не оставив ей иного выбора, кроме ненависти.

Почему он не мог любить ее иначе? У Кассия не было вразумительного ответа на этот вопрос. Извращенное сознание просто требовало ее страданий и слез, чем больше, тем лучше. Потому что именно так он мог передать ей свои чувства, о которых еще тогда не догадывался. Языком боли и терзания. Сломать барьер ее ненависти и неприступности своей жестокостью, вытягивая, выкручивая ее внутренний мир по своему подобию, чтобы в последствии не оставить иного выбора.

Его программа не работала. Элика сгибалась под его несокрушимой волей, легко отдавала ему то, что он хотел получить, — свои слезы и свою усугубленную болью покорность, пряча свою ненависть очень глубоко, а после, позволяя ей вновь завладеть своим сознанием. Никто из них не сумел победить в этом беспощадном противостоянии. Как и проиграть... Что заставляло его пытаться ее тело, вырывая из души музыку страданий, которая ласкала слух лишь на короткие мгновения, оставляя после себя послекусие поражения и ненависти к самому себе? Почему уверенность в том, что он идет по правильному пути в обращении с ней, так долго вытесняла, загоняя пинками вглубь, не раскрытый с детства потенциал нежности?

Теперь он знал ответ. Его нежность была равна уязвимости. Капитуляции. Она не была растерзана его внутренним зверем, вовсе нет. Все же, уважая его как хозяина и не смея противоречить, нежность разумно ожидала подходящего момента, чтобы прорвать все баррикады его моральной защиты. Именно тогда, когда воля Элики была настолько измотана и дезориентирована нестерпимой жестокостью, что приняла эту нежность как дар богов для своего израненного сердца, а вовсе не как оружие против своего врага, дабы ответить контрударом и уничтожить окончательно.

Он все еще с трудом верил в произошедшее. Прокручивал в своем восторженном сознании события последних мер масла, радуясь, что она спит и не видит его уязвимой счастливой улыбки. Той самой, которую он с трудом смог скрыть после ее отчаянных искренних откровений, высказанных в яростной форме.

"Мне жаль, что я переживала о том, как ранили тебя мои слова тогда, на побережье. Потому что ты в полной мере подписался под каждым! Мне жаль, что вместо того, чтобы вылить весь яд тебе в кубок, я капнула всего лишь каплю! Мне жаль, что я думала лишь о том, что не хочу с тобой близости, когда следовало хотеть твоей смерти! И жаль, что я пыталась понять твои поступки и даже подыграть твоим правилам!"

Что случилось с ним после ее слов, которых он в полной мере изначально даже не осознал?..

Сперва им двигало только одно. Просто закрыть ей рот. Не сделай он этого, пришлось бы, наступая себе на горло, все же наказать ее по всей строгости. Потому что никто и никогда не смел с ним разговаривать в подобном тоне. Сминая ее губы в неистовом поцелуе защищая от своей жестокости, он постепенно осознал каждое сказанное ею слово.

Пыталась понять... Раскаивалась в своих словах... Несмотря на весь кошмар своего положения, все же не хотела лишиться его жизни...

В это верить не хотелось, потому что эти слова загнали его в тупик. Но и не верить было невозможно. Доведенная почти до отчаяния, Элика просто обнажила свою душу и свои чувства в этой гневной тираде. И только его ненормальное сознание смогло разглядеть в этом нечто большее. ДОВЕРИЕ. Переданное в его руки право доломать и уничтожить себя окончательно — но притом с сопутствующей этому уверенностью в том, что он никогда этого не сделает...

Словно что-то сломалось в нем в этот момент, засыпая камнями, пробивая острыми осколками, нанося несовместимые с жизнью ранения его внутреннему монстру. Спящая нежность разорвала свои ледяные оковы, освобожденная от страха быть раздавленной за свою искренность, стремительно наполняя его кровь иными оттенками, вытесняя остатки тьмы. Почти с победным кличем эта самая нежность вылилась в поцелуе, не оставшись незамеченной... По невидимым, но прочным каналам влилась в кровь ошеломленной девушки, на ходу выбивая двери, за которыми металась в замкнутой ловушке ее проснувшаяся, но лишенная свободы чувственность. Истомившись своей вынужденной неволей, она воспламенила ее кровь, беспощадно, молниеносно, не позволив опомниться рассудку, который сам заточил ее в клетку противоречия.

Прошлое рухнуло окончательно, когда принц осознал, что Элика ответила на зов его страсти. Искренне, неожиданно для самой себя, не преследуя никаких корыстных целей, просто принимая это как должное. Именно с этого момента путь обратно к тьме стал для него невозможен.

Прозрение окатило раскаленной лавой, растапливая лед его непримиримости.

Было ли что-либо прекраснее, чем держать в своих руках любимую девочку, так страстно отвечающую на его поцелуи?

И было ли что-то большее, чем осознание того, что он едва не сломал ее своими же руками, едва не погасил огонь ее женственности своей жестокостью? Может, он интуитивно ощутил ее надлом в самый последний момент, за которым была лишь точка невозврата. Балансирование на грани бездны могло закончиться плачевно для обоих. Победу внезапного единения стоило закрепить, но не ради себя и удовлетворения своих потаенных инстинктов, а лишь ради того, чтобы дать ей понять, что времена его жестокости ушли. Навсегда.

Навсегда ли?..

...Кассий едва коснулся губами лба Элики. Никогда не говори никогда... Ушла ли его жажда обладания окончательно? Ему нравилось видеть ее на коленях у своих ног. Нравилось

снимать губами ее слезы. Нравилось видеть ее покорность в широко распахнутых глазах. Потому что вместе с этим всегда присутствовало ощущение того, что она именно с ним в настоящей безопасности. Уверенности в том, что он не захочет этого снова, не было. Но если он опять причинит ей страдания, то возненавидит себя еще сильнее.

Элика зашевелилась в его объятиях. Все так же доверчиво прижимаясь к его груди, и вместе с тем... Ее дыхание участилось, движения стали еще беспокойнее. Кассий успокаивающе погладил ее волосы, внезапно ощутив, как напряглось тело спящей девушки. Ее голова отчаянно заметалась по подушке, хриплое дыхание перешло в протяжные стоны страдания.

— Эл!

Она не просыпалась. Вместо этого с усилием рванулась из его объятий, снова терзая севшие голосовые связки в отчаянном крике. Ее губы словно пытались что-то произнести, но лишь беззвучно шевелились. Кассий притянул ее к себе, слегка встряхнув за плечи. Элика закричала, и в следующий момент на него обрушился град смазанных неосознанных ударов. Ее крики, словно отточенной сталью резанули его сознание. Ночной кошмар не выпускал девушку из своих цепких объятий.

— Нет!!! Не надо больше, умоляю тебя!!!

Ее глаза распахнулись, и она ошарашено рванулась прочь из его рук, забившись в угол кровати. Но Кассий не отпустил ее.

— Эл, все хорошо. Это просто сон. Я рядом. Иди ко мне.

— Хозяин... — всхлипнула Элика, покорно, безропотно скользнув в кольцо его рук. Принц обхватил ее лицо руками, снимая поцелуями отголоски тьмы кошмарного сновидения. Девушка дрожала в его руках, инстинктивно прижимаясь ближе, хотя не было никаких сомнений, что именно он был главным персонажем ее ночного ужаса.

Кассий ощутил тревогу. Сколько раз она спала в его объятиях, даже после насилия, но всегда ее сон был иным — невесомым и безмятежным. Иногда, морально избитая и уснувшая в слезах, она все же улыбалась во сне и доверчиво прижималась ближе. А когда он оставил ее ночью одну и просто долго не мог уйти, словно охраняя сон своей девочки, испытал настоящее изумление, увидев, как ее рука ищущим движением скользила по кровати, обеспокоенная его отсутствием. На какую глубину бездны унижения он ее не опускал, никогда ее сон, единственное убежище, в котором она пряталась от всей его безумной жажды обладания, не был тревожным. Спящая, она улыбалась. А он боялся признаться сам себе, что готов был продать душу Лаки за такую улыбку, адресованную ему во время их близости.

Сейчас, когда ее душа понемногу успокоилась и оттаяла под ласковым теплом его нежности, ситуация изменилась с точностью до наоборот. Сон больше не был ее храмом и убежищем одновременно. Чувство вины сжигало мужчину, потому что он понимал, что именно его действия стали причиной ее ночных кошмаров.

Элика провела рукой по его груди. Легким, невесомым касанием, словно перышком, прижавшись еще ближе. Ее губы оказались так близко к его губам, что не понять мотива ее поступка было невозможно. Кассий нежно запечатал их поцелуем, теплым, успокаивающим, ощутив через несколько мгновений учащенное биение ее сердечка.

— Девочка моя... — радость и нежность затопили все его существо, вытесняя тревогу. — Мы уже сделали это трижды. Я просто не могу в это поверить!

Даже во тьме он ощутил, что она улыбается.

— Это предел?

Кассий не ответил. Просто вновь закрыл ее губы долгим поцелуем, накрывая своим телом, уже не удивляясь тому, как быстро его тело отреагировало на ее слова. Элика выгнулась навстречу, принимая его в себя полностью, отвечая на его движения в такт. Не прошло и трех минут, как ее тело напряглось в его руках, взрываясь очередным оргазмом, по своей силе не уступающим предыдущим...

В этот раз они так и уснули. Вместе, не размыкая объятий и ощущая друг друга.

А под утро его разбудил очередной душераздирающий крик девушки. Как он не тряс ее и не пытался вырвать из цепких лап враждебного сна, она не желала просыпаться. Умоляла оставить ее в покое и призывала смерть. Пришлось плеснуть в ее лицо водой, дабы остановить этот ужас.

Отдышавшись и доверчиво вцепившись в его плечи, Элика хрипло заверила, что все хорошо, и она не помнит ничего из своего сна. Кассий нежно гладил ее волосы, пока она вновь не заснула.

Боль затопила его вместе с отчаянием. Не замечать это дальше было просто невозможно. Грань оказалась перейденной.

Его жестокость, насилие над этой девочкой и попытка сломать ее суть... Все это не прошло бесследно. И, наверное, ему даже это удалось. Удалось сломать в ней личность.

Сны никогда не врут... Горло сжало стальной хваткой. Мужчины не плачут... Не сейчас. Не сейчас, потому что в этот момент он не должен поддаваться самобичеванию. Он нужен этой девочке как никогда. Потому что только он сможет вытащить ее из этого хаоса, в который сам же так беспечно свергнул...

Сжал ее в объятиях, прижавшись губами к виску, готовый выпить ее кошмар и дать чувство безопасности и защиты...

Тщетно.

Новая судорога страдания выгнула ее тело на постели, а отчаянный крик едва не разорвал его барабанные перепонки.

Сны никогда не врут...

Керра отложила в сторону гребень и плеснула в свою ладонь немного масла, чтобы скользящим движением втереть его в волосы подруги.

Элика закрыла глаза. Массирующие прикосновения гребня успокаивали, прогоняя эту непонятную тревогу, овладевшую ею под утро. Откуда взялись эти тревожные чувства?

Ночью ей было хорошо. Не просто хорошо, а волшебно. Впервые сознание вместе с рассудком удалились на кратковременный покой, а она даже не заметила их отсутствия. Пробудившаяся женская сущность не подчинялась никаким законам логики. То, что он заставил ее пережить, наверное, стоило всех мучений вместе взятых.

Когда ее тело взлетало ввысь к чертогам Криспиды, когда она неосознанно обвивала его ногами и толкала бедра вперед, стирались все грани. Наверное, все ее естество абсолютно принадлежало ему в этот момент, словно не было их жестокого противостояния и всей той боли и унижений, через которые он совсем недавно заставлял ее пройти. И стоило только выровнять дыхание после очередного непередаваемого оргазма, как непонятное равнодушие врывалось в воспаленное сознание.

Прохлада? Что ж, разве он здесь не для того, чтобы греть ее своим телом? В постели, по сути, она не по своей воле? Разве не для того, чтобы взять все удовольствие и заснуть умиротворенной?.. Цинизм вовсе не пугал, а наоборот, привносил непонятную ноту

душевного подъема и неосознанного злорадства.

Иное дело сны. Она не помнила ничего из этих кошмарных ночных видений. Абсолютно. Но они ломали ее волю своими громкими отголосками, сводя на нет все послевкусие удовлетворения от близости. Именно эти приступы паники заставляли искать дальнейшей защиты в его объятиях, жадно требовать новых прикосновений и близости, только чтобы не спать и не просыпаться от собственных криков.

Керра отложила гребень и вновь взвесила на ладони тонкую золотую цепь с подвеской из голубой слезы пустыни. Камень в форме прямоугольника необычно преломлял свет всеми своими многочисленными гранями, и казалось, что внутри него плещется холодное пламя.

— Я никогда не видела ничего подобного, — заявила она Элике. — Такая сложная огранка, он наверняка стоит целое состояние. Почему ты не хочешь его носить, не понимаю?

Принцесса тряхнула головой.

— Мне ничего от него не надо. Я не рабыня, чтобы увешивать себя побрякушками и терпеть все его требования.

— Эл, — северянка, словно замороженная, любовалась игрой света и тени в драгоценном кристалле. — Ты же знаешь, что я люблю Кассия не больше тебя, но поверь мне, этот подарок говорит о чем-то намного большем, чем обычное раскаяние. Это подарок, достойный твоего королевского статуса. По сути, он показал тебе, что ты для него больше не рабыня и не наложница. Разве я не права?

Элика раздраженно махнула рукой. Этим утром она едва поборола искушение запустить этим драгоценным украшением ему в лоб. Немыслимо. Когда он интригующим шепотом попросил закрыть глаза и не подглядывать...

Что она ожидала увидеть? Как минимум, эскорт, который доставит ее обратно в Атланту. Услышать его слова "Я отпускаю тебя"... Но ничего этого не произошло. Что-то холодное коснулось ее шеи, и Элика вновь потеряла над собой контроль. Вырвалась из его рук, при этом неосознанно вlepив ему пощечину, готовая перегрызть горло, если ошейник вновь застегнется на ее шее. Увидела его расстроенный, полный боли взгляд и ощутила ни с чем несравнимое чувство жестокого удовлетворения.

Кассий этого словно не заметил. Просто осторожно приблизился и прижал к себе, успокаивающе поглаживая ее напряженные плечи.

— Ну что ты, девочка моя... С ошейниками покончено. Как ты могла такое подумать? Успокойся. Держи.

Роскошное ожерелье уместилось в ее ладони. Элика сглотнула, впервые увидев голубую слезу пустыни в такой красивой огранке. Но не ощутила и капли того незабываемого девчачьего восторга при виде столь прекрасного подарка. Еще и этот едва уловимый голубой оттенок... Холод. Безжизненность. Эти прекрасные камни наверняка творили персты Лакедона.

— Что с тобой? Тебе не понравилось?

Элика на миг пожалела, что он так близко и лишает этим ее возможности запустить ожерелье в его лоб. На ладони голубой отлив выглядел серым. Таким же, как...

— Нет. Он такого же цвета, как и твои глаза. Когда в тебя вселяется твой Лаки.

— Эл, — от непонятной печали в его голосе девушка вновь ощутила приятное чувство превосходства. — Я хранил эту вещь буквально с детства. Сам не знаю, почему. Наверное, в моих глазах она была бесценна, потому что второй такой не существует. Мастера, который ее создал, уже нет в живых.

— Ты его...? — Элика вырвалась из объятий принца. — Чтобы больше никому не сделал подобного?

Кассий проигнорировал ее язвительный выпад. Смотрел с грустью и нежностью одновременно, как на маленького ребенка.

— Эл, прошу тебя. Когда ты уедешь, я хочу, чтобы это осталось у тебя навсегда. Голубые слезы пустыни уникальны по-своему. Они иначе преломляют световые лучи, разбивая их по непредсказуемым направлениям. И гораздо сильнее обычных кристаллов. Иногда их очень трудно отличить друг от друга... В сущности, даже не все люди, которые заняты их добычей, могут уловить это различие.

— Очередной ошейник! — выпалила девушка, на которую эта лекция не произвела ровным счетом никакого впечатления. — Даже боюсь спросить, от чего в этот раз такой дорогой! От того, что я не вырывалась и не кричала этой ночью? От того, что мне было с тобой хорошо? Касс, я тебе поражаюсь. Это реакция тела. И ничего больше! Не много ли привилегий для обычной рабыни?

Кассий встал. Его глаза на один короткий миг приобрели оттенок льдин Земли Белого Безмолвия.

— Ты не рабыня, не смей говорить о себе такое! Ты меня поняла?

— Конечно, Хозяин! — Элика с трудом уняла бешеное биение сердца. — Разрешите же мне встать на колени и осознать это в полной мере!

Спустя четверть меры масла она осторожно сбросила его руку. Агрессия испарилась, словно роса в жаркий день. Платье сбилось после их ожесточенной схватки, и девушка с трудом привела его в порядок.

Кассий внимательно наблюдал за ней. Все еще расслабленная от потрясающего оргазма, Элика, подхватив с пола ожерелье, обмотала его вокруг запястья.

— На шее не хочу. Может, позже...

После шести раз она едва держалась на ногах, но это была очень приятная усталость. И когда появилась Керра, Элике уже просто не терпелось с ней поговорить. Северянка пришла в неописуемый восторг при виде изысканного ожерелья, вызвав у принцессы недоумение и легкую злость.

— Ты бежишь сама от себя, — устало вздохнула Керра, поглаживая грани камня. — Надо избавиться от этих противоречий.

— Никуда я не бегу, — Элика устроилась поудобнее и откинула голову. — Было... Интересно. Так, пожалуй, можно скоротать время.

— Интересно? — рассмеялась подруга, вновь принимаясь за гребень. — Никогда не слышала столь убогого определения! Ты видела свои глаза сегодня утром?

— Я не выспалась, — огрызнулась принцесса. — Просто заснуть не получилось. Только закрываю глаза, как снова эти... Ужасы...

— Я не о том. Твои глаза снова зеленые. Такой оттенок появляется, когда ты счастлива. Разве нет? Видела всего дважды. А ужасы... Просто перестань считать себя виноватой. Удовольствие в постели ни к чему тебя не обязывает совершенно. Этим ты не предаешь себя. И не прощаешь ему все его выходки. Ведь это не помешало тебе его все так же ненавидеть?

— Керра, почему он меня не отпустит? — Элика доверчиво прижалась к плечу молодой женщины. В последнее время этот неосознанный жест, поиск защиты, преследовал неотступно. Все равно на чьем плече, только бы не возвращаться к кошмару!

— Раньше — задетое самолюбие, а сейчас — ты и сама это прекрасно знаешь. Может,

есть еще какой-то политический момент во всем этом, хотя я и сомневаюсь.

— Я не знаю, чем это можно пояснить. Я уже достаточно наказана, разве нет?!

Керра не ответила. Но от ее неопределенной улыбки Элике стало неудобно.

...Этой ночью в Кассия словно вселился Лаки. По крайней мере, так ему самому казалось. Неистощимой энергии было предостаточно, чтобы довести свою девочку до сладкого безумия.

Пару раз пришлось даже поднять ее с колен. Возбужденная его откровенными ласками до предела, Элика бездумно пыталась приласкать его губами... Только на этот раз добровольно, без угрозы быть избитой. Он решил это понятным лишь ему одному способом. Просто закинул ее длинные ноги на свои плечи. Его язык не знал усталости, и мужчина просто не смог успокоиться, пока дважды не вознес ее к небесным чертогам посредством этой ласки.

Элика же просто выкручивала до капли свою сорвавшуюся с цепи чувственность. Наверное, от ее поведения в этот миг впала бы в ступор даже развратница Ксения. Девушка позволила страсти поглотить себя окончательно. Сознание благоразумно скрыло от ее внимания ряд существенных деталей, от которых, осознай она их полностью, волосы бы стали дыбом...

Это не осталось незамеченным лишь для него. Те едва уловимые моменты, когда страсть туманила разум. Когда его ладони привычным жестом накручивали на руку ее длинные волосы... Когда пальцы ощутимо сжимались вокруг ее шеи, а тонкие девичьи кисти практически постоянно попадали в захват его рук... Как мгновенно учащалось ее дыхание, как застилала глаза пелена сладкого безумия, как она еще сильнее тянулась к нему... Ее сознание жаждало его власти. И наедине с ним она уже не могла и не хотела с этим сражаться.

Наверное, его жажда обладания не могла проявляться иначе. Только в непонятном единстве жестокости и нежности, и хорошо, что он вовремя смог отделить одно от другого. Но после всего, что произошло между ними в начале знакомства, он просто не имел больше на это права, не заручившись абсолютным согласием девушки. Не сейчас...

А ночью он вновь просыпался от ее криков. Сны безжалостно мстили им обоим. На грани сна и реальности Элика исступленно рвалась из его рук, после чего испуганно прижималась к его груди, молчаливо умоляя защитить от потусторонних картин страдания. В его руках она вскоре затихала, чтобы заснуть снова, но спокойные сновидения, казалось, покинули ее навсегда.

Дворцовая врачевательница напрасно поила ее успокаивающими травами все последующие дни. Если днем Элика не задумывалась ни о чем, наслаждаясь ощущением покоя и умиротворения, то сны наказывали ее за это более изощренно.

Однажды она резко села на постели. Кассий привык спать чутко, обеспокоенный стрессовым состоянием любимой девочки, поэтому сразу оказался рядом. Прошептал стандартный набор нежных слов утешения, но когда попытался заглянуть в ее глаза, едва не отшатнулся. Элика словно спала наяву, и ее зрачки металась с хаотичной скоростью. Испуганный такой реакцией, он долго тряс ее плечи, надеясь, что слово "смерть" в ее неразборчивой речи ему только показалась.

Он смог вовремя остановиться и прекратить ломать ее волю до последней грани. Смог окружить ее нежностью и пробудить вкус к жизни. Смог даже заставить ее не бояться близости, более того, желать ее. Не смог только одного. Защитить от кошмаров, которые

ночами атаковали спящее сознание.

К утру Элика не помнила ничего. Просыпалась с чувством панической тревоги и убегала от этого навязчивого состояния в объятия врага. Сошедшая с ума чувственность быстро перехватывала бразды правления в свои соблазнительные пальцы, пробуждая не совсем понятную сексуальную ненасытность. Девушка словно пыталась убежать от себя в эротическом безумии. Наверное, тут стерлись даже грани агрессора и жертвы, взгляд со стороны заставил бы задуматься, кто есть кто.

Видела ли некогда гордая и эгоистичная принцесса все грани его проснувшегося чувства к ней? Затронула ли эта внезапная оттепель в отношениях струны ее души?

Видела. И просто пожимала плечами. С кем не бывает. Не допускала ни малейшей мысли о возвращении его прежней жестокости, принимая нежность как должное, без чувства необъятной благодарности. Ее чувственность сейчас брала свои города под одними знаменами с неизвестным ранее цинизмом. Во время повышенного сексуального желания она, не задумываясь, готова была вновь пройти путь чертогов Лакедона, лишь бы ощущать его пальцы на своей коже, губы на своих губах, его самого внутри себя... А потом, возвращаясь с высоты, едва сдерживала желание оттолкнуть от себя того, кого еще миг назад желала сильнее свободы. Улыбалась в ответ на его запоздалые поцелуи и слова благодарности, с мнимым теплом встречая его взгляд, а в душе смакуя противоречивые мысли.

"Ты не стал вдруг для меня чем-то большим, чем был все это время. С помощью кнута и цепей ты еще мог управлять моим страхом, но больше ты ничем не управляешь. Даже моим удовольствием. То же самое почти удалось Керре. "

Как циничное презрение могло идти под руку с такой жаркой страстью, ей было мало интересно. Все равно, забыть она не сможет никогда. Очень много боли ей принесли эти сильные мужские руки, которые сейчас пытались защитить. Этого не вытравишь, не удалишь, не забудешь. Какой бы нежностью он ее сейчас не окружил.

Керра одобрительно улыбалась, видимо, окончательно убедившись, что стрелы Криспиды ни на каплю не затронули душу подруги. Наверное, это беспокоило ее больше всего. Уж очень много примеров такой ненормальной любви жертвы к своему мучителю ей предстояло увидеть. Днем, уединившись в саду вместе с Эликой, подруги без стеснения обсуждали пикантные подробности прошедших ночей, и, наверное, от их циничной откровенности уронили бы челюсти и Домиций, и Кассий. Хотя о своих отношениях с Лентулом Керра больше деликатно умалчивала. В разговоре больше всех доставалось именно принцу Кассиопеи.

— Ну, я тогда, несмотря на ужас положения... Опыт с супругом был ощутимый... Вот честно, смотрю на этот кнут и думаю... Вот где твой мужской жезл. У тебя в руке. Без него ты...

Слуги дворца роняли челюсти и подносы, впервые услышав смех принцессы от слов Керры. Легенда о том, что атланки не улыбаются, рушилась на их глазах.

— Мне весело тогда не было, скажу честно, — отвечала Элика тоном заговорщицы. — Мне весело сейчас. Когда он требует ответа, было ли мне хорошо. Наверное, я ему всю спину от скуки царапаю, и кричу, чтобы разбудить весь дворец!

— Ну, ответь хоть раз, жалко, что ли? — Керра вытирала слезы от безудержного смеха. — Их хлебом не корми, но дай подтверждение успехам! Эл, мне его жаль даже иногда. Он не знал, с кем связался!

— Лучше бы вообще не связывался!

— Ну не говори. Жаль, конечно, что ты столько вытерпела. Досадно, что сны теперь терзают тебя... Во дворце слухи летят с мгновенной скоростью, мало кто тобой не восхитился... Все ждут, когда ты поставишь повелителя на колени!

Элика с трудом удерживала смех, пытаясь придать лицу выражение серьезной возвышенности, но в ее глазах плясала безумный танец орда воительниц Лаки. Керра недоверчиво смотрела на нее, слегка пугаясь своего предположения...

— Ты... Ты хочешь сказать, что он?!..

— Каждый раз, — невинно подтверждала Элика.

— О боги, я не верю!!! Ласка рабов?!

— Да.

— Эл, да стоило терпеть гораздо больше ради того, чтобы это увидеть!!!

Смех, к сожалению, всегда был предшественником слез.

В очередную ночь Элика проснулась, успев прогнать очередной кошмар, но растерзанные чувства неожиданно справились с блоком сознания. Забыв о том, что он рядом и видит ее слезы, девушка закусила кисть, что мало помогло, и просто зашлась в надрывном плаче.

Раньше она думала только о себе. Как выжить в этом ужасе и не сломаться, лишь ради того, чтобы отомстить за каждый стон боли, за каждую каплю своих слез и за каждый миг издевательского торжества в его глазах. Наверное, так и должно было быть, ведь если бы ко всему ужасу ее положения добавились бы переживания о собственной семье, он уничтожил бы ее волю в два счета. Сейчас же мысли о том, как страдали от ее потери матриарх, Лэндал и Ксения, прорвали плотину. Она чувствовала отчаянную тревогу единоутробного брата, тайные слезы матери и злость старшей сестры, даже более, ее одержимость мстостью тому, кто посмел забрать у них ее. Будущую королеву.

Напрасно Кассий обнимал ее и прижимал к себе, стараясь передать тепло и внутреннюю силу. Напрасно снимал губами ее слезы и задавал так много вопросов. Элика успокоилась только под утро. Несмотря на всю нежность, ее слезы не растопили его решимости. Даже когда Элика, задыхаясь от сухих рыданий, смогла уместить свою боль в нескольких словах.

— Ты отнял у меня все! Ты воюешь со мной, причем тут мои близкие?.. Сколько слез им еще нужно пролить, оставаясь в неведении, чтобы твоя душа успокоилась?! Почему ты не отпустишь меня?! Я готова дать тебе любые гарантии, что никто не узнает, что меня похитили твои люди! Все, что захочешь! Я не хочу их боли! Хватит моей!

— Не говори сейчас ничего... — он продолжал держать ее в своих объятиях, и, наверное, не будь Элика столь сильно расстроена, ощутила бы его боль, вызванную ее словами...

...После очищающих слез ей удалось немного поспать. В последнее время Кассий практически не выпускал ее из своих покоев, остерегаясь за ее моральное состояние. Да и сама Элика перестала удивляться его присутствию рядом.

— Доброе утро, моя атланская девочка, — Элика непроизвольно опустила глаза, кляня себя за чрезмерное проявление эмоций ночью. — Я говорил, что держу свои обещания, помнишь?

— Ты о чем? — напряглась Элика, вспомнив его слова о метке каленым железом. Но ни один мускул на лице не выдал ее волнения.

— Я обещал показать тебе рассвет в Лазурийской пустыне? Собирайся. Через две меры масла отправимся в путь.

— Я не хочу... — девушка боялась признаться себе, что это страх остаться с ним наедине сейчас вырвался на свободу. Но потом она вспомнила его красочный рассказ об этом необычном месте. Еще и о том, что чужаки обходят пустыню стороной...

— Твои страшные сны уйдут, мы оставим их там, — Принц улыбался. — Ты сходишь с ума в этих стенах. Наверное, слишком много нежелательных воспоминаний. Поверь, тебе это нужно.

Элика кивнула, понимая разумность его слов. Перспектива вырваться из стен этого проклятого дворца все же поселила в ее душе сильное воодушевление.

Она, не сдержавшись, обвила его шею в благодарном объятии. Похоже, абсолютное заточение осталось теперь в прошлом.

Жара стояла нестерпимая. Сухая земля, казалось, словно и не видела недавнего спасительного дождя, засветившего всеми оттенками зеленого листву пальм и кипарисов. Копыта лошадей выбивали фонтаны мертвой пыли при каждом соприкосновении с земной поверхностью, жаркий ветер пустыни проникал сквозь оборонительные стены города, и, если бы его не смягчал своей влажной свежестью легкий бриз с моря, дышать было бы очень трудно.

Но, несмотря на очень жаркий день, жизнь в городе шла своим чередом. В отличие от Атланты, где царило негласно принятое правило полуденного отдыха, позволявшего сэкономить силы в самые горячие часы для дальнейшей продуктивности, здесь об этом просто не задумывались.

Их путь лежал через городской рынок одноименного города Кассиопеи. Торговцы активно зазывали покупателей в крытые лавки, аромат жареного мяса и свежесваренных фруктов плыл в воздухе, вызывая обманчивое чувство голода. Жители империи, презрев жару, заполнили рыночную площадь, везде бойко кипела торговля, беседа и просто блаженное бездействие за кубком сока плодов страсти на крытых террасах.

Наверное, эскорту будущего правителя удалось беспрепятственно пробраться через это скопление стойкого к жаре народа лишь благодаря своим воинам, которые сопровождали их в этой поездке. Кассиопейцы расступались, приветствуя своего принца восторженными окликами и пожеланиями несокрушимого здоровья и неиссякаемой силы. Но гораздо больше их внимание привлекла она, красивая чужеземка с кожей цвета молока с корицей, ехавшая рядом с ним как равная по положению и величию.

Волосы Элики, забранные в высокий узел на макушке, словно взлетали в такт каждому шагу чистокровного скакуна. Традиционное военное одеяние атланских воительниц, утонченное творение из черной кожи обтягивало ее фигуру, от чего она казалась непривычным аборигенам, ни разу не видевшим легендарных амазонок, гостьей из иной реальности. Шепот, восхвалявший ее красоту, необычный оттенок кожи и дерзкую манеру держать себя в седле, катился по этому сборищу горожан, передаваясь из уст в уста, обрастая новыми подробностями.

— Кто она такая?..

— Посмотри, как она гордо сидит рядом, и даже не прячет глаза... Наверняка это будущая супруга правителя...

— Говорят, это дочь атланских хищниц... Они красивы, но жестоки... У них кожа цвета подступающей ночи при прощании с закатом, а мужчин они вообще не считают за людей...

— Атланки? Но они беспощадные убийцы! Говорят, горе тем, кто попался на пути их следования!

— Но Кассиопея заключила с ними договор, поэтому нападения не стоит опасаться...

— Она бесподобна! Готова спорить на одиночную меру солнечных монет, правитель не избежал ее сетей...

Элика ослепительно улыбнулась, заставив стусеваться пятерку явных ораторов, и нарочито медленно оглядела четверых мужчин и женщину явно благородного сословия оценивающим, оскорбительным для них взглядом. Обсуждение оборвалось моментально, но восхищение в глазах толпы, несмотря на ее дерзость, стало еще ощутимее. Принцесса

расправила плечи и вобрала в себя эту неповторимую энергетику изумления и преклонения незнакомых людей, ощущая забытое чувство победы и превосходства, которое так часто бурлило в ее крови дома, при выступлении с речью перед родным народом. Истинная будущая королева оставалась ею во всем, вопреки обстоятельствам. Значит, ничего не сломалось в ней за долгие дни ее жестокой неволи, когда, казалось, железная воля победителя окончательно раздавила ее сущность, поставив на колени, когда страх боли терзал ее гордость и достоинство. Как оказалось, не до смерти. И не навсегда. Она не проиграла и не сдалась, можно было обманывать этим лишь саму себя, но не толпу, попавшую под незримое очарование того редкостного врожденного дара, который позже будут именовать "харизмой". И которого у поистине сломанных жестокими ударами судьбы людей не могло остаться по определению. Элика купалась в этих волнах внезапного боязливого восхищения, отмечая про себя, что к принцу ее народ относился с не меньшим восторженным пиететом, чем к ней ее собственный народ. Здесь его не просто любили, им восхищались, но, как показалось пытливому уму принцессы, во многом благодаря заслугам почившего ныне Актя.

Кассий же словно изменился на глазах при единении со своим народом. Хотя Элика и так еще не привыкла видеть в нем человеческие стороны после недавнего кошмара. К нему обращались с незначительными просьбами и пожеланиями, с которыми он чаще всего соглашался, внимательно выслушав говорившего. Молодая кассиопейка в голубом покрывале на голове, выйдя вперед, протянула на руках ребенка, смущенно умоляя своего правителя дать ему имя и благословение. В ее глазах стояли слезы любви и умиления. Детишки (Элика не заметила среди них ни одной девочки), ловко избегая копыт лошадей, бегали рядом, упрашивая принять в военный легион и взять в дальнейшие военные походы. Элика не могла не рассмеяться, ловля на себе их озорные заинтересованные взгляды. Самый старший из них, убедившись в том, что тетя в костюме воительницы совсем не опасна, бездумно выпалил:

— А девчонкам нельзя сидеть верхом на лошади и носить мужскую одежду! Так мой папа говорит.

Кассий запрокинул голову и захохотал. Элика с трудом сдержала смех. Наклонилась и легонько потрепала парнишку по светлым волосам.

— Твой папа очень мудрый человек, передай ему мои слова.

Высказывание парнишки вовсе не расстроило ее. Это были традиции этого народа, формировавшиеся веками, и оспаривать их не имело смысла. Девушка уловила удивленно-восхищенный взгляд Кассия, отметивший ее дипломатический ход. Их глаза на короткий миг встретились, и принцесса вновь ощутила сладкие сотрясения позвоночника, посылающие импульсы первобытного желания в каждую клеточку тела. В горле пересохло. А ведь она только недавно выбралась из его постели! Что с ней происходит? Даже Керра смеялась утром, заметив, какими быстрыми темпами пустеет флакон с противозачаточным настоем. Пообещала принести новый к ее возвращению и выразила неподдельное восхищение тем, что сегодня Элике доведется совершить поездку в это священное для кассиопейцев место.

Когда шум города остался позади, жара словно придавила гранитной глыбой. Элика, несмотря на то, что была привычна к долгим переходам и зачастую неблагоприятным природным условиям, к вечеру еле держалась в седле, то и дело смачивая пересохшее горло небольшими глотками воды. Отвыкшие от нагрузок мышцы неприятно ломило, она с опаской думала, сможет ли теперь удержать боевой меч ослабевшими руками. За все это время тренированными оставались лишь те мышцы, мысль о которых вызывала смущенный

румянец и предательски ускоряющийся ток крови во всем теле. Но, несмотря на сильную усталость, принцесса все так же гордо держала спину, поддерживала ничего не значащую беседу с принцем и восхищалась окружающим пейзажем. Безжизненным, испепеленным солнцем, но от того не менее чарующим.

За все время пути они встретили лишь торговый караван, везущий специи, да двоих пастухов, гнавших отары на пастбища предгорья. Путники были потрясены экзотической красотой принцессы, так ловко управляющей норовистым Карресом. Наверняка, ее выезд вызвал в Кассиопее небывалый ажиотаж...

Солнце уже приблизилось к горизонту, когда они въехали в безжизненные барханы Лазурийской пустыни. Элика была потрясена, узрев раскидистую тень многочисленных пальм оазиса, подумав было, что это лишь плод ее воображения, знаменитые видения коварных пустынь, о которых слагалось столько легенд. И лишь ощутив свежую прохладу вод священного источника, поверила в реальность происходящего. Не удержавшись, спрыгнула с лошади и, упав на колени на песчаную полосу берега, зачерпнула в ладони холодную прозрачную воду. Жажда достигла своего пика, и она долго пила этот вкуснейший дар богов, чувствуя, как живительная влага понемногу растворяет ее бескрайнюю усталость.

Воины сопровождения не медля воздвигли шатер лазурного цвета под сенью густой листвы, разожгли костер для приготовления пищи. Двое из них отправились на запоздалую вечернюю охоту. Вздохнув, Элика прикусила губы, дабы не начать умолять Кассия позволить ей поучаствовать в добыче пропитания. В том, что он не позволит ей взять в руки оружие, у нее почему-то не оставалось никаких сомнений. Ничего, по сути, не изменилось. Вдали от дворца, где ей пришлось пережить самые ужасные моменты своей жизни, без цепей, сковывающих ее запястья, без рабского ошейника на своей шее, оставаясь в глазах подданных чужой империи королевой, она была прикована к нему по-прежнему. Он мог говорить все, что угодно. Называть ее рабыней или не называть вовсе. Ставить на колени или дарить ей ласку рабов за закрытыми дверями спальни. Все оставалось по-прежнему. Свобода была лишь пустым звуком.

Она ощутила спиной его взгляд. Иной. Решительность и нежность. Восторг и даже какая-то опаска. Казалось, он готовился к серьезному разговору, перебирая аргументы и слова. Элика выпрямилась, боясь даже подумать о том, что он решил ее отпустить. Чтобы потом ее ожидания не разбились о беспощадный гранит действительности.

— Я переоденусь, с твоего позволения. А потом хочу искупаться. Надеюсь, нам мешать не будут?

Кассий вздрогнул, вырванный из задумчивости ее прохладными интонациями в голосе.

— Да, конечно. Нет, они сюда не приблизятся. Их шатер на соседней поляне. Просто я думал, ты дождешься ужина?

— Не хочу, я вся в дорожной пыли, — Элика поспешно скрылась в шатре. Немногочисленная одежда, которую они прихватили с собой, уже была разложена на ковре. Девушка выбрала светлое легкое платье из шелка, распустила заколки, стягивающие волосы высоко на затылке. Вода источника влекла к себе, и, убедившись, что воинов нет поблизости, она скинула корсет из тонкой кожи и вошла в воду, показавшуюся ей почти ледяной. Когда глубина достигла ее груди, она, откинувшись на спину, поплыла, любясь предвечерним небом. Солнце все еще находилось не так низко над горизонтом, как ей показалось вначале, легкие облака, похожие на невесомые длинные перья, еще оставались белыми, лишь слегка подсвеченными по краям золотым заревом. Мера масла, и можно будет

узреть великолепие заката, которое, по словам Кассия, все же было жалким подобием рассвета в пустыне Лазурии.

Когда его сильные руки внезапно обхватили ее плечи, Элика, не сообразив ничего, ошутимо пнула мужчину ногой ниже пояса. Без малейшего желания, просто в первый момент ей показалось, что на нее снова напали. Как тогда. Тогда...

Сам виноват. Зачем было так шутить? Элика отплыла подальше, заметила его искаженное от боли лицо...

Ее раскатистый смех разорвал тишину вечерней пустыни. Хотя тогда она даже сама не поняла, что этот смех был вызван скрытым злорадством и чувством глубокого удовлетворения. Просто ей было сейчас настолько хорошо и спокойно, что беспечное веселье было проще объяснить проявлением ребячества и озорства, чем более серьезным подтекстом.

— Ой, тебя спасти? Ты плыть-то сможешь? — хохотала Элика, проводя раскрытой ладонью по неподвижной глади озера и поднимая веер брызг. Кассий еще не успел отдышаться после ее предыдущей выходки, и поэтому закашлялся, когда вода попала ему в рот.

— Отбивайся! — Элика безжалостно плеснула ему в лицо водой, отплывая дальше. — Ну? Ой... Ты же забыл свое оружие во дворце! Как же ты мог быть таким нерассудительным?

Но выбить из колеи мужчину своими словами ей не удалось. Кассий принял эту детскую игру. Ни холода, ни злости не было в его глазах. Только нежность и желание.

Этот взгляд гипнотизировал Элику. Сердце ускорило свой стук, лишив ее детской беспечности, и она помимо воли подплыла поближе, в кольцо его объятий. Сладкая слабость забрала последние силы, вместе с чувственным поцелуем, делая ее сознание податливым, словно воск.

— Руки свободны, — хрипло прошептал Кассий в ее полуоткрытые губы. — Нет цепи, держащей тебя на привязи. Нет страха боли, как это было раньше. Можно избежать этого в любой момент... Видишь? Все это глубоко внутри. Почему ты так яростно это отрицаешь?

Их губы встретились. Слова мужчины вгрызались в ее сознание с беспощадной настойчивостью, словно стремясь добраться до сути и найти там свое подтверждение.

— Потому что ничего не изменилось... — также хрипло выдохнула Элика, обвивая ногами его бедра, медленно сгорая от неудовлетворенного желания близости. — Ты не стал ждать, что я приду к тебе сама, по своей воле. Ничего...

Она застонала, выгибаясь в его руках, ощутив жаждающее прикосновение пальцев внутри себя. Даже вода не смогла смыть нектара ее чувственного вождения. Сейчас он был прав во всем. Несмотря на по-прежнему неравные роли, она просто таяла в его объятиях, меньше всего сейчас желая свободы от его рук и поцелуев. Наверное, он знал, о чем говорил. Когда его ладонь привычно скрутила ее мокрые волосы в кулак, последние лучи уходящего солнца отозвались в ее сознании вспышкой тьмы, вспоротой мириадами искр,

— Нееет... — прошептала принцесса, ощутив, как его рука слегка разжалась, намереваясь отпустить. Она не хотела по-иному. Именно так, как в первые разы, с такой болью, демонстрирующей беспрекословную власть мужчины. Тьма не продержалась долго, взрывая желание в потрясающем пламени удовольствия с первым проникновением

Он был прав во всем. Желание подчиниться присутствовало в ней. Элика обессилено прижалась к его плечу, не вполне понимая, какого именно происхождения была влага на ее

щеках. Брызгами воды?.. Пусть будет так. Даже невзирая на то, что озеро не было соленым. В отличие от ее слез...

Хвала богам, что он не заметил ее смятения. Элику трясло после пережитого. Она старалась не думать о тех картинах, возникших в ее воображении еще совсем недавно. О том, как неуютно чувствовала себя ее шея от внезапной свободы. О том, что она даже желала в некоей мере его приказа, наверное, так бы было гораздо легче оправдать свое желание... Гораздо легче...

Принц, наверное, ничего не заметил. Или просто счел тактичным не показывать свою осведомленность. С дальней поляны доносился аппетитный аромат жареного мяса, но Элика, едва сдерживая чувство голода, осталась на поляне, чтобы увидеть величественный закат этой безжизненной пустыни. Постепенно чувство жгучей обиды на саму себя отступило. Девушка, запрокинув голову, изумленно наблюдала, как еще недавно белые полосы льдистых облаков заливаются алым пламенем. Этот священный огонь постепенно проникал повсюду, отливая бронзой на зеленых листьях пальм, наполняя светящейся кровью воду священного озера, даже обволакивая ее кожу, зажигая неистово-нежным безопасным пламенем.

Кассий осторожно, стараясь не спугнуть неподдельное очарование, обнял ее за плечи, протянув кубок с темным эликсиром. словно жидкая лава отразилась в черной гуще напитка. Элика повернула голову, встретив его взгляд. Как раньше она могла видеть в его глазах лишь лед и холод? Сейчас в них горели отблески заката, согревая ее и обволакивая неизвестной ранее умиротворенностью, настолько влекущие и таинственные, что принцесса недоуменно тряхнула головой, устремив взгляд в алеющее небо.

— О, Касс... Это бесподобно!!!

— Ты еще не так скажешь, когда увидишь рассвет, — усмехнулся принц. — Ты никогда его больше не забудешь. Это невозможно ни с чем сравнить!

— Я бы хотела тут остаться навсегда, наверное... — бездумно изрекла девушка.

— Нет ничего невозможного, — Кассий развернул ее лицо к себе. — Твои глаза... В них огонь. Тот, который будит моего зверя и мою нежность одновременно. Моя атланская девчонка...

Впервые она ответила на поцелуй, не закрывая глаза, любуясь этой игрой пламени и, пожалуй, осознавая, что пламя можно полюбить. Оно захватывает и не отпускает. Ничего красивее представить было невозможно.

Отблески небесного огня погасли, уступая дорогу первым звездам, столь низким и крупным, что, казалось, их можно было сжать в ладонях. Не хотелось уходить от столь первозданной природной красоты к огню костра, который забивал своим светом все это великолепие, но голод диктовал свои правила.

Элика с удовольствием набросилась на сочное мясо пустынного карела, запивая вином. Скучно не было, но когда воины забавы ради устроили показательный поединок на мечах, у принцессы защемило в груди. Она бросила ласковый взгляд на сидящего рядом принца, но тот, правильно истрактовав ее невысказанную просьбу, ответил ледяным тоном, тем самым, от которого она стала уже понемногу отвыкать.

— Нет.

Волна ненависти вместе с раздражением закипела в ее груди. Она вскочила на ноги, но Кассий сильно сжал ее запястье. Воины не должны были наблюдать столь явную демонстрацию неповиновения.

Уже в палатке она получила сполна за свою выходку. Он двигался в ней с такой неистовой страстью, словно пытаясь наказать за протест у костра, что у Элики сбилось дыхание. После такого выматывающего поединка она бы даже удержать в руках меч не смогла, не то, что поднять. Да и сейчас ей хотелось этого меньше всего. Каскады оргазмов сотрясали ее тело, унося рассудок. Ее внезапная капитуляция не осталась для него незамеченной. Он так же накручивал ее волосы на свои руки, заводил в захват ее кисти над головой. Элика проваливалась в пропасть взбесившейся чувственности, в забытьи называя его "хозяин" и умоляя держать крепче и не шадить. Наверное, она больше не боялась. Ведь все равно после каждой такой схватки он нежно целовал ее, снимая губами сладкие слезы, на сей раз от удовольствия, а не страдания, гладил сбившиеся от собственных пальцев волосы, и этот контраст между грубостью и нежностью окончательно добивал бунтующий рассудок девушки.

Проспать им удалось всего несколько мер масла. Элика поспешно оделась и умыла лицо в большой пиале с ключевой водой, опасаясь пропустить начало солнечного восхождения.

Ночь в пустыне всегда несет с собой две крайности, зной и холод. От холодного воздуха зубы Элики начали выбивать дробь. Кассий появился быстро, укутав ее в длинный плащ и, словно этого было мало, обхватив своими руками.

Ночь еще не отдала окончательно свои права новому дню. Непроглядная тьма, не было видно серпа погибшего Фебуса, лишь острые звезды манили к себе, словно обещая уберечь от опасности, а на деле же увлекая в черную бездну, непонятно с какой целью — на погибель или на новые берега жизни... Элика, кутаясь в плащ, проследовала за Кассием к озеру, где открывалась панорама на восточный горизонт. Воины уже были там. На расстеленном ковре лежали подушки для удобства наблюдателей, в пиале ожидали спелые фрукты. Обнаружив темный эликсир, принцесса с удовольствием сделала несколько глотков, прогоняя отголоски сна.

— Мы могли бы выйти дальше, в само сердце пустыни, — сказал Кассий. — Но там у тебя появится желание бежать от иллюзии пламенного потопа. Seriously. У меня впервые так и было.

— Ты не оставил мне сил для побега, — ответила Элика. Она не могла видеть в темноте, как вспыхнули его глаза от двусмысленности этой фразы. Лишь на миг ей показалось, что принц словно решался начать разговор, но тут что-то отвлекло его внимание.

— Началось! — взволнованно произнес он, прижимая принцессу поближе к себе и указывая рукой вдаль. — Оставьте нас! — велел застывшим воинам.

Элика взглядела в горизонт, сперва ничего не замечая. Внезапно ее глаза различили посеревшую полоску у кромки дальних барханов, казалось, там клубился густой дым. Вдруг он стал менять свой оттенок, то темнея, то светлея, то загораясь красным огнем... Короткий миг — и вдруг исчез, а горизонт по полукругу вспыхнул алым пламенем.

Огонь. Стена убийственного алого огня, цвета крови и огненной стихии. Его высокие столпы завоевывали горизонт, не оставляя никакого шанса ночной тьме, безжалостно прогоняя ее с неба прочь. Пламя взметнулось ввысь, медленно, поглощая песчаные барханы, неотвратимо двигаясь вперед, заливая песок алым расплавленным золотом. Над головой по-прежнему ярко сверкали холодные звезды, кутаясь в черное покрывало ночи, настороженно наблюдая наступление пламенных легионов дневного светила. Без перехода в предрассветные сумерки, разрезая ночь на две части, день брал свое, даже не пытаясь

сгладить агонию погибающей ночи. Расплавленная лава, сметающая все на своем пути, неотвратимо двигалась навстречу

Быстро. Даже молниеносно. За спиной непроглядный мрак, перед глазами багровый огонь.

Сердце Элики готово было выпрыгнуть из груди. Кассий был прав. Хотелось бежать, догнать неприветливую тьму и укрыться в ее спасительном безмолвии, но ноги отказывались шевелиться, а очарование кровавой зари лишало воли. Девушка протянула руки навстречу жестокому, но такому прекрасному рассвету, встречая его приближение, уже не боясь сгореть в этом беспощадном великолепии. Огонь, ее стихия. Ее жизнь. Ее дыхание. И рядом с мужчиной, заключившим ее в оберегающие объятия, страха не могло быть по определению. Она отдалась этим огненным лучам прекрасного рассвета, словно вбирая его мощь и неумолимость. Откинулась на подушки, заморожено отслеживая, как пламя над ее головой поглощает ночную тьму, обесцвечивая звезды, стирая грань одним резким ударом, как покорно капитулирует ночь, чтобы снова на исходе цикла возродиться до следующего рассвета, который снова начнет беспощадно терзать ее, утверждая свою власть снова и снова...

— Эл, — принц легонько сжал ее лицо в ладонях. — Ты со мной?

Элика тряхнула головой, прогоняя оцепенение. Недоуменно посмотрела на залитое солнечным цветом лицо мужчины. День вступил в свои права. Алое пламя светлело на глазах, позволяя голубой лазури украсить утреннее небо, недавний полигон беспощадной баталии дня и ночи.

— Возможно ли это?.. — потрясенно прошептала она, сжимая его руку. — Я... Я просто не могу подобрать слов!..

— Выпей, — с неохотой освободив руку, принц наполнил кубок вином. — Я говорил, забыть такое невозможно.

— В пламени есть своя красота, даже если оно несет смерть... — задумчиво произнесла Элика, сбрасывая с себя остатки чарующего наваждения.

— А есть ли жизнь после пламени, когда ты выходишь из него невредимой, но все равно впоследствии стремишься к нему? — Кассий погладил ее волосы.

— Не понимаю, о чем ты. Мама часто повторяет слова моего отца... "Обжегшись пламенем, остужаешь воду". Как можно стремиться к этому снова? — девушка запрокинула голову, наблюдая за восхождением солнца. Впрочем, ничего интересного больше не происходило.

— Эл, ты не боишься обжечься снова. Вот, о чем я тебе хочу сказать.

— Не понимаю тебя.

— Тогда я скажу прямо. Ораторские речи оставим подданным, — Кассий помолчал, затем медленно, с пугающим спокойствием, произнес: — Трон правительницы Кассиопеи свободен.

— И?.. — вздрогнув, уточнила Элика с чувством надвигающейся грозы.

— Я хочу, чтобы ты осталась со мной. Чтобы правила Кассиопеей наравне со мной. Это все, чего я желаю. Я долго думал. Мне нужна именно такая королева.

Элика вскочила, сбрасывая его руку.

— Касс, выпей воды. Ты лишился рассудка.

— Эл, я сейчас серьезен как никогда. И не следует убегать от ответа, прикрываясь нелепыми обвинениями.

— А ты не пытался для начала дать мне свободу? — с отчужденной, несвойственной ей злостью прошипела в ответ Элика. — Зачем ты пытаешься купить благополучие Кассиопеи таким образом? Я обещала тебе, что мир между нашими империями не пострадает. Ваши торговые соглашения тоже не потерпят никаких изменений. Хорошими же методами ты решил заручиться поддержкой Атланты!

— Эл, это совсем не так. Политика тут не при чем, — принц готов был к такой отповеди, как и к единственной кажущейся вероятной трактовке своей пропозиции. — Я хочу быть с тобой. Каждый день, пока не остановится мое сердце. Я хочу, чтобы ты вошла в мой дом моей супругой, моей равноправной правительницей... Я хочу, чтобы ты подарила мне сыновей с силой непобедимой крови, такой же, которая сейчас течет в жилах их будущей матери.

— В Атланте принцесса правящего рода сама выбирает себе вольного спутника! — парировала Элика. — Нам чужды политические союзы! Красота и мощь нашей расы обусловлена не корыстью, а любовью, прозрачностью таких отношений! И мои Дочери придут в свет от любимого мною мужчины, достойного занять почетное место в истории моего рода и моей империи! Никогда не бывать союзу по принуждению или ультиматуму! Оскорбляй меня, как хочешь, ты в этом преуспел, но твоей правительницей я не стану никогда! Даже когда чертоги Лакедона покроет лед!

— В тебе говорит обида и ярость, — Кассий был непробиваем. — Я знаю, что нанес тебе очень глубокие душевные раны. Ты ждешь, что я пообещаю тебе, что этого никогда не повторится.

— Ты отнял у меня все! — выдохнула Элика. — Ты растоптал мою жизнь, забрал мою свободу, лишил меня моих близких, а империю их правительницы! Я никогда не забуду твоих ударов. Твоих угроз. Твоего насилия. Никакой статус королевы этого не исправит! Я не люблю тебя! Ты... Ты деспот. С тобой не может быть никакого будущего!

На миг повисла тишина. Она показалась Элике зловещей. Даже неотвратимой. Очень хотелось прекратить этот разговор, но почему она не смогла его остановить прямо сейчас одним своим словом?

— Ты права, Эл, — Кассий отставил кубок и встретил ее взгляд. — Почти во всем. Я буду честен с тобой до конца, чтобы не оскорблять недомолвками. Знаешь, что я видел ночью, когда ты кричала от удовольствия в моих объятиях? Я отвечу. Но не жди, что мой ответ тебе понравится.

— Мне не интересно, что ты видел!

— Думаю, ты врешь сама себе. Я видел тебя. На коленях. В моих цепях. У моих ног. Свою королеву за пределами моей спальни, и свою рабыню — в ее пределах.

Элика отшатнулась. Она не верила своим ушам. Это просто не может быть правдой! Он врёт сам себе. Это просто реакция на ее отказ!

Но следующие слова били наотмашь в ее доверчиво распаханное сознание.

— Я бы мог соврать тебе, чтобы удержать рядом. Но я не стану. Ты должна представлять, что тебя ожидает, когда решишь сделать свой выбор. Я не изменился за день. Это просто невозможно. И знай, самое главное, вместе с этим, я меньше всего хочу причинить тебе боль. Я не сделаю больше ничего против твоей воли. Твои слезы и твое израненное сердце разрывают мне душу. И я не хочу напугать тебя своей откровенностью. Просто знай, я бы не затронул этот разговор, если бы не видел того, чего не хочешь видеть ты. А именно, того, что ты готова. Что тебя влечет к этому столь сильно, сколь сильно

завладел твоим разумом огненный рассвет.

Элику трясло. Все страхи, все ее ночные кошмары сейчас обрели свое лицо. Она ни минуты не была с ним в безопасности. Спящий зверь просто опутал ее паутиной своей нежности и иллюзией мнимой безопасности.

— Кассий, нет... — она задыхалась. — Прощу тебя, я не хочу этого слышать. Разве я не искупила свою вину в полной мере?.. Разве мало было всего, что ты сделал?..

— Ты не слышишь меня. Я никогда не сделаю ничего, не заручившись твоим ответным желанием. Ничего не кончилось. Тебе нужна моя нежность, и она будет с тобой постоянно. Ты думала, я по приезду накинусь на тебя и отстегая кнутом? Ты такого обо мне мнения?

— Ты уже это сделал. Почему мое мнение должно измениться? Сколько еще ты будешь наказывать меня за свою царапину, которой не осталось вовсе?!

— Глупая девочка... — выдохнул принц. — Ни в чем нет, и не было твоей вины изначально.

Что он мог ей ответить?.. То, что безжалостно мстил ей лишь за то, что она пробудила в нем чувства? То, что он продолжал планомерно наказывать ее за свою слабость, и неизвестно, как бы далеко в этом зашел, не сумеет вовремя все это осознать?

Желание подчинять и владеть жило в нем с рождения. С этим он ничего поделаться попросту не мог.

— Я не сказал, что по возвращению все повторится. Ты имеешь право знать. Я такой, какой есть. Единственное, что я могу тебе пообещать — я не сделаю ничего с тобой, пока ты не будешь к этому готова. Пока не попросишь сама. Даже если тебе для этого понадобится несколько зим.

Элика ожесточенно рванула завязки плаща, борясь с желанием закрыть уши ладонями. Она не так давно перестала бояться, чтобы снова вернуться к этому кошмару, даже в мыслях. Но, наверное, основным источником ее терзаний были вовсе не его слова. Несмотря на ненависть к принцу, Элика ему верила. Если обещал не трогать, так и будет.

Ее напугало другое. То, что он был прав. Разве в последнее время слабые проявления его грубости не кипятили ее кровь до потери рассудка?.. Разве не освобождало его поведение ее сознание до такой степени, что полеты к чертогам Криспиды становились все ярче и сильнее?.. О том, как в сладком забытии она сама подставляла руки под оковы его пальцев, шептала в сладкой агонии "хозяин" и готова была с легким сердцем повторить все снова, лишь бы он ее не отпускал в этот момент?.. Непонятное чувство защищенности и полета в руках этого изверга стоило любых мучений, так ей казалось тогда, в моменты наивысшего наслаждения...

Ледяная вода остывшего за ночь озера обожгла ее, и Элика вскрикнула от неожиданности.

— Что ты делаешь? — строго крикнул Кассий с берега. — Заболеть решила?

— Загребь тебя Лакедон! — огрызнулась Элика, переворачиваясь на спину. — И мой ответ "нет"! Ясно тебе? Другого не будет!..

Закат разливал по безжизненным пескам Лазурийской пустыни алое пламя, окрашивая в бронзу зеленые листья пальм, воспламенял спокойную гладь священного озера, и эта пугающая красота завораживала, манила к себе, хотя, несмотря на свою безопасность, не могла не вызвать чувства непонятной тревоги.

Настоящий огонь не был бы столь ласковым. Он бы сжег все, даже эти лишённые жизни пески, расплавляя их в стекло, выжег бы воздух до малейшего глотка, не оставив от роскошных пальм оазиса ничего, кроме горстки пепла.

Элика была рада, что хоть ненадолго ей удалось побыть одной и насладиться красотой этого природного явления. После разговора с принцем на рассвете у нее было только одно желание — скрыться от его глаз.

Он видел ее насквозь. Ничего не скроешь. Ее реакция на его проявления насилия даже не стала для него сюрпризом. Наверное, у него это получилось. "Сломаешься, рано или поздно"... Вначале она не совсем верно поняла его слова, полагая, что ему не нужна ее душа, только тело и тупая рабская покорность. То, что происходило с ней сейчас, оказалось куда страшнее. Он достиг своей цели. Сломать сильнее было просто невозможно. Хватит ли у нее теперь сил бороться с собой?.. Она была уверена, что да. Как и в том, что в его руках вся ее уверенность испарится, как тьма под лавиной пламенного пустынного рассвета.

Он еще в полдень ускакал с тремя воинами на охоту, оставив ее под надзором трех оставшихся. В прескверном настроении. Элика боялась наступления ночи. После его утреннего признания вся ее решимость и вера в то, что кошмар, наконец, закончится, испарилась окончательно. К тому же еще эта ситуация на поляне, где установили свои шатры его воины...

О его одобрении Элика думала меньше всего. Вот не смогла она спокойно наблюдать за тем, как бездарно швыряли клинок самые сильные мужики Кассиопеи, так ни разу и не попав в ствол пальмы с детского расстояния в двадцать локтей!

Все воины смотрели на нее с восхищением и почтением. Все, кроме одного, по имени Марк, самого старшего из них, который всегда сплевывал при ее появлении и что-то бурчал сквозь зубы. Впрочем, его антипатия мало беспокоила принцессу.

Мужчины как раз закончили упражнения с мечами, сейчас все ожидали принца, который задерживался по неизвестным им причинам. Только Эл знала, что он пошел окунуться в озеро. Составить ему компанию девушка наотрез отказалась. Понимая, что он не простит ей этого, но любой ценой пытаюсь доказать свою независимость, хоть в мелочах.

Воины сейчас наслаждались внезапно выпавшим временем для досуга. Когда они стали, перебивая друг друга, делать ставки на самого меткого метателя кинжала, Элика отставила кубок темного эликсира и приблизилась к ним, с интересом ожидая очередного представления.

— Прощайся со своим золотом! — провозгласил уже знакомый ей Зарт, ухватив кинжал за тонкую рукоять, и бездумно швырнул его в ствол самой близко растущей пальмы. Деревянная рукоять отколошетила от дерева, не причинив тому ни малейшего вреда, и отлетела в сторону.

— Эдер смея ради наградил тебя неспособными руками! — произнес собрат по оружию, поднимая кинжал. — Вот как надо это делать, смотри и учись!

Кинжал, запущенный его рукой, пролетел в локте от цели и скрылся в кустах. Принцесса расхохоталась.

— А теперь, девочки, можете надевать платье и заниматься поэзией наряду с вышиванием! — расправил плечи третий воин, высокий и ловкий, судя по жилистому строению тела. Он с видом знатока взвесил кинжал на ладони. — Потому что сейчас настоящий мужчина покажет вам, как это надо делать!

В этот раз смертоносное оружие даже не достигло дерева. Высокий красавец вскрикнул и с изумлением уставился на порез на собственной ладони. Нож с глухим стуком упал в песок у его ног.

Элика, не выдержав такой бездарности в обращении с оружием, решительно встала на ноги, движимая лишь одним желанием — прекратить этот фарс. Мужчины притихли.

— Тебе нужно обработать рану, — тихо посоветовала она пострадавшему воину, разворачивая его ладонь. — Не глубоко, но, если попадет грязь, будет воспаление.

Затем, не обращая внимания на его кровь на своих пальцах, подняла кинжал.

Волна пульсирующей энергии потекла по ее венам с сумасшедшей скоростью, а рукоятка уверенно легла в тонкую женскую ладошку, словно была предназначена именно для нее.

— Доблестные воины, — с чувством упоительного превосходства провозгласила Элика, — Вы, наверное, решили сразить недруга на поле боя тумаками и шишками?

Кто-то напрягся от ее слов, но пара смешков подбодрила девушку, усилив энергетический ток крови. Она ослепительно улыбнулась. И эта новая улыбка, приправленная сладкой отравой пробудившейся в ней женственности, сейчас по-новому подействовала на кассиопейцев. И Зарт, и воин с раненой рукой попали в омут чар иноземной амазонки. Сама девушка еще едва осознавала их плохо скрываемое восхищение, но им подпитывалась ее чувственность, которая, казалось, расправила черные крылья за ее спиной, наполнив их несокрушимой силой.

— Вы бросаете его лезвием вперед, но при таком броске всегда идет отклонение от цели, кроме того, он описывает дугу при полете. Она не видна вашему взору. К тому же, как вы держите кинжал в ладони?

Незнакомый воин подошел поближе, демонстрируя захват рукояти.

— Нет! Ты же сжал его пальцами, кисть напряжена! Должна быть расслаблена! Смотри, просто кладешь его вдоль пальцев, слегка придерживая большим и безымянным. — Элика обвела взглядом обступивших ее мужчин. Только Марк остался в стороне.

Пять кинжалов, шестеро воинов. Мечи сняты с перевязи и ожидают своих владельцев у дальней пальмы, под надзором невлюбившего ее командующего отрядом. Один кинжал у нее в руках, спокойно можно якобы в демонстративных целях заполучить еще два. И тогда...

Тогда счет пойдет на секунды. Острое лезвие перережет горло одним легким взмахом. На ее стороне эффект внезапности, и следом за первым убитым — бросок в голову Марка. В сердце непредусмотрительно, кто знает, защищена ли его грудь стальными пластинами? Останется четверо, двое падут сразу при быстроте ее реакции, осталось надеяться на свою стремительность в поединке с оставшимися двумя, только бы Кассий не явился раньше времени...

— Вот! — кинжал, пущенный ее рукой, вонзился в ствол пальмы именно в той центральной точке, которую она предварительно нарисовала в своем воображении.

Далеко. Минус один кинжал... Но, с другой стороны, что дальше? Впереди неизвестная

ей бескрайняя пустыня, и, даже если она всех их убьет, Кассий наверняка будет к тому времени наготове, потому как бесшумно сделать это у нее не выйдет... И вряд ли он убьет ее сразу...

— Он должен сделать в воздухе от двух оборотов, тогда наверняка поразит цель, благодаря ровной траектории полета, — словно не было холодного расчета в недавних мыслях, улыбнулась девушка. — Дайте еще кто-нибудь, покажу снова. Спасибо, Зарт!

— Что здесь происходит?!

Лезвие вошло в податливую древесину аккурат рядом с первым одновременно с появлением Кассия и его спокойным, казалось бы, вопросом, от которого у Элики зашевелились волосы на затылке. Если бы он подошел ближе всего на пару шагов, при его высоком росте нож наверняка бы вонзился ему в сердце. Неминуемая смерть...

Девушка распрямила плечи, встречая ожидаемый холод его глаз.

— Мой принц, мы просто... — вступился Зарт, делая шаг вперед, но Кассий предупреждающе вытянул руку вперед.

— Вы просто седлаете лошадей, и мы отправляемся на охоту. Выполнять!

Элика окинула взглядом притихших воинов. Отметила, как высокий светловолосый красавец, зажимая пальцами кровоточащий порез, сделал шаг вперед, словно стремясь защитить прекрасную атланку от ярости своего повелителя. Двусмысленное напряжение повисло в воздухе.

— Обработай свою рану, храбрый боец, — коснулась его локтя Элика, разряжая таким образом обстановку. Но это легкое прикосновение едва не усугубило ситуацию. Кассий перехватил ее запястье, сжимая стальной хваткой.

— Кто тебе позволил трогать оружие?! Что ты себе позволяешь?!

Несмотря на вкрадчиво-ласковый голос, он был в бешенстве. Девушка вскинула голову.

— Я умею с ним обращаться. Что не понравилось моему господину на этот раз? Опасение, что я себя могу случайно поцарапать?

Хватка пальцев усилилась. Кассий уничтожающим взглядом окинул столпившихся мужчин.

— Вы перегрелись на солнце?! Много от вас толку в бою, если ваше оружие непонятно в чьих руках, а вы взираете на это, раскрыв рты?! Я вас спрашиваю!

Элика дернула руку, но вырвать из захвата не удалось.

— Послушай, — зашипела она сквозь зубы, наклоняясь ближе. — Если бы я задалась целью их перерезать, они бы были мертвы задолго до твоего прихода. Ясно тебе?

— Предельно, — с обещанием чего-то ужасного ответил Кассий. — Мы поговорим позже.

— Согласна. У меня нет намерения развлекать кого-то еще, — Элика вырвала наконец-то свою руку из захвата его пальцев и быстро покинула поляну. Лишь неопределенно повела бровями, заметив ненавидящий взгляд Марка, прожигающий ее насквозь. Этому-то вояке что она плохого сделала?

После их отъезда на охоту в лагере остались трое воинов, один из которых — неловкий метатель кинжала с раненой ладонью. Покачав головой, Элика насильно усадила его перед собой, промыв порез ключевой водой, после чего не отказала себе в удовольствии щедро залить место пореза огненным нектаром. Карт, так его звали, не проронил ни звука, снося все эти манипуляции. По большому счету, Элике было наплевать на его царапину, как и на его влюбленный взгляд, но, при том, она не могла не изумляться тому, как вежливо и

достойно обращались к ней другие коренные кассиопейцы. Обделил Антал эту проклятую империю достойным правителем! Тирания, вот суть ваших дней под его правлением. Ничего больше!

Время тянулось медленно, а Кассий с воинами все не возвращались. Элика не могла понять, радуется ли это или же, наоборот, лишает последних сил. В этот раз ей уже не было так сложно признаться самой себе. Она боялась его возвращения. После этого утреннего откровения и своей дерзкой выходки. С неизменной улыбкой, вынужденной маской обсуждала с Картом методы владения оружием, которое от нее теперь попрятали, пытаясь убежать от пугающей действительности. Но вскоре поняла, что изображать беспечность под их надзором становится невозможно. Скрылась в шатре, дожидаясь кровавого заката, непроизвольно прислушиваясь к звукам в лагере и вздрагивая от каждого шороха. Она не знала, какой именно будет ее наказание, и эта неизвестность пугала, по сути, загоняя в угол. Неизвестно, что было больнее — бояться или же признаваться себе в том, что страх теперь преследовал ее неотступно. Он обещал, что не причинит ей зла, но что могли значить его слова наряду с признанием в собственной тяге к жестокости?

Созерцание заката отчасти прогнало ее тяжелые мысли. Более ласковое алое пламя, чем агрессивно-притягательный огненный вихрь рассвета, залило небесный свод, постепенно уступая дорогу низким звездам на темном покрывале ночи. Таким же символическим было и прибытие принца в лагерь с последними отблесками уходящего солнца.

Элика понимала, что лучшим вариантом было бы выйти ему навстречу с приветствием, и тем самым сгладить дневной инцидент в глазах воинов, и, как бы ни тяжело было признаваться в этом себе, немного смягчить его ярость. Понимала, но не могла сдвинуться с места, до тех пор, пока он не пришел сам. Выдержка едва не изменила принцессе, стоило услышать его неторопливые шаги за спиной. Но она не вздрогнула, задавила глубоко внутри противоестественное желание просто кинуться к нему на грудь с просьбой... Нет, даже мольбой не повторять с ней элементы недавнего кошмара. Даже если она почти проиграла в этом затянувшемся противостоянии, сдаваться раньше времени было неразумно.

— Собиралась искупаться? — нейтральным тоном осведомился Кассий, остановившись в паре шагов от напрягшейся принцессы. Элика выдохнула, из последних сил надеясь, что ее голос не будет дрожать.

— Я... Я тебя ждала. Не хотела, чтобы меня кто-то видел.

Его рука опустилась на ее плечо. Жестом собственника.

— Сейчас?

Она собиралась после ужина, чтобы хоть немного отстрочить свой приговор. Но Кассий понял ее молчание по-своему. Элика ощутила легкий шелест упавшего к его ногам воинского одеяния. Не оставалось другого выбора, кроме как распустить завязки платья на шее. Может, холодная вода источника хоть немного успокоит ее разгулявшуюся панику?

Не оглядываясь назад, принцесса, затаив дыхание, нырнула в потемневшую гладь озера, отплывая как можно дальше. Ее нервы были напряжены до предела, и оставалось только предполагать, какой будет реакция на его прикосновения. Но принц не сделал даже попытки к ней приблизиться. Элика не понимала, хорошо это или плохо. Возможно, повторить вчерашнее безумие в священном источнике было гораздо лучшим выходом, по крайней мере, это бы немного успокоило монстра внутри мужчины. Страх наступления ночи, поселившийся в ней с первых дней в Кассиопее, вернулся, не успев утихнуть.

Элика осмотрительно дождалась, пока Кассий оденется, и только потом позволила себе

выйти на берег. Впрочем, судя по всему, кидаться на нее прямо сейчас не входило в его планы.

— Мы подошли близко к землям тирасов, — беспечно проинформировал принц, насмешливо наблюдая за ее поспешными попытками одеться. — Мой запрет нарушен. Предводительница в столице. Придется возвращаться завтра на рассвете.

— Чем их присутствие угрожает тебе? — Элика была рада ухватиться за этот разговор, как за спасительный канат.

— Ничем, кроме их богохульских взглядов и восхваления культа Лаки. Я их могу терпеть в этих землях, но к городу никто из них не имеет права приближаться.

— Может, у них были на то более миролюбивые причины? — Принцесса завязала последние ленты платья, ощутив себя в относительной безопасности. — Ведь ты даже не пытаешься понять их мотивы? Они не столь многочисленны, чтобы создать прямую угрозу твоей власти, и не могут не понимать, что ты легко их сотрешь с лица земли в случае агрессии с их стороны. Вы давно садились за стол переговоров?

— Какие переговоры с приспешниками бога Тьмы? — снисходительно посмотрел на нее принц. — Ваша тяга к дипломатии иногда противоречит доводам рассудка. Мне не о чем с ними говорить.

— Может, хоть раз стоит это сделать?..

— Я сам решу, стоит или нет.

Ужин прошел очень быстро. Элика больше не участвовала в разговоре. Страх вновь вернулся к ней. На негнущихся ногах она проследовала в шатер. Кассий задержался у костра, но это сейчас вовсе не было для ее напряженных нервов передышкой. Девушка дрожащими руками скинула платье и забралась под выделанную шкуру — ночной холод уже заявил о себе.

Сейчас страх вытеснил все. Даже робкие стоны придавленной им же чувственности и желания близости. Когда он вошел в шатер, Элика до крови закусил губы, надеясь, что не закричит прежде, чем он к ней прикоснется. Ее глаза уже привыкли к темноте, и она без труда различила его очертания в этом, на первый взгляд, непроглядном мраке.

Надолго скрыть свой страх под покрывалом тьмы ей не удалось. Кассий зажег огонь в небольшой чаше на треноге. Несмотря на весь свой ужас, Элика заморожено наблюдала за игрой мышц его совершенного тела, надеясь ощутить прежний огонь крови, вытесняющий страх. Ничего. Кровь словно остывала, сердце застывало льдом спасительного безразличия. Именно это спасало ее так часто на заре их знакомства... Если это можно было назвать столь незначительным словом.

Его ладонь скинула шкуру, обнажая ее спину, пальцы привычным ласкающим жестом пробежались по позвоночнику. Элика вздрогнула, ощутив усилившийся привкус крови во рту, при одной только мысли, что вскоре вместо его пальцев получит укус кнута. Властным нажатием на предплечье Кассий опрокинул ее на спину.

Нет. Не смотреть ему в глаза. Не дать повода усугубить ситуацию... Не видеть этого холодного ледяного безмолвия, скрывающего за своей непроницаемой пеленой голод взбешенного хищника.

Никакого отклика на его обычные ласки, еще так недавно сметающие ее баррикады. Элика закрыла глаза, опасаясь встретиться с ним взглядом.

— Обними меня, — велел мужчина, и девушка покорно переместила руки на его спину. На объятие это было похоже сейчас меньше всего. Хотя волей случая от его прикосновений

ее лоно все же увлажнилось, она не ощутила ни малейшего восторга наполненности, когда он проник в нее. Обреченно выдохнула, встречая его толчки, не понимая, почему он медлит и не разрывает ее на части за недавнюю выходку.

— Эл, что с тобой? Тебе плохо?

Принцесса на миг вынырнула из омута безразличия от его обеспокоенного тона. Вместе с этим вернулся страх, и она поспешно сжала руки, обнимая сильнее.

— Нет... Нет, мне хорошо... Правда...

Кассий отстранился, внимательно вглядываясь в ее испуганное личико.

— Не правда. Ты подчиняешься. Но ты меня не хочешь. Что произошло?

В его глазах не было того холода, что она нарисовала в своем расшалившемся воображении.

— Когда ты меня уже накажешь?.. Как долго будешь мучить ожиданием этого? — закрыв глаза, чтобы остановить подступившие слезы, выпалила Элика. — Сделай это поскорее! Я не могу так!

Кассий отшатнулся, словно от удара.

— Глупая девчонка, кто сказал, что я собираюсь тебя наказывать?!

— Ты сам! Утром, а потом там, на поляне...

— И ты все время не могла заставить себя ни о чем другом думать, кроме этого?

Элика приоткрыла глаза, все еще не веря, что опасность миновала.

— Ты сам сказал... Тогда... Что тебе это нужно. Что я должна была думать?

— Эл, это единственные слова, которые ты запомнила?..

На некоторое ей стало неловко. Она помнила каждое слово. И он честно предупредил, что такое откровение ей не понравится.

— Я сказал, что это необходимо мне. Да, это так. Я не обманывал. Мне необходимо обладать тобой полностью. Подчиняя и направляя ради твоего же блага. Держать поводок твоей цепи в своих руках и тем самым стать твоей каменной стеной от всех опасностей окружающего мира и твоих собственных игр сознания. Как бы ужасно это не звучало, твоя настоящая свобода именно у моих ног и в моих руках. Только ты даже не пытаешься сама себе честно ответить на один вопрос... А только мне ли это нужно?

Элика притихла, запрещая себе даже думать об истинном смысле его слов.

Кассий отстранился, схватив в руки кожаную ленту. Девушка проследила за его руками и едва не закричала.

— Нет! Что ты собираешься делать?!

— Прости, — она не успела опомниться.

Мужчина одним выверенным жестом стянул ее запястья кожаным ремнем, заведя за голову. И ужас моментально разорвал ледяные оковы, держащие взаперти ее сознание. Кровь, не успев растопить лед, закипела, возвращая телу и сознанию забытое ощущение сладкого круговорота.

— Ты поблагодаришь меня потом, — хрипло прошептал Кассий, наматывая на кулак ее волосы и резко оттягивая вниз. Элика задохнулась от внезапной боли, пытаясь вырваться от так неожиданно ставшего явью кошмара... Но вместо этого ошеломленно замерла — совсем ненадолго, перед тем как окончательно потерять голову в атаке вырвавшегося вдруг вожделения. Ее бедра произвольно толкнулись навстречу его новому, совсем не нежному вторжению, и крик боли потонул в новом крике острого удовольствия, выгнувшего позвоночник сладкой судорогой. Ремень безжалостно впился в ее запястья, вместе с болью

распространяя по телу волны сладкой дрожи.

— Моя рабыня... — прошептал Кассий, прикусывая ее ушную раковину... — Моя королева...

Связанные руки не могли обхватить его, прижимая к себе, соприкасаясь каждой клеткой... Но ей больше не надо было принимать никаких решений. Вместо крови, по венам с бешеной скоростью бежала энергия невиданного ранее наслаждения, усиливаясь с каждым его толчком. Пальцы стальной хваткой сжали ее подбородок.

— Никогда. Больше. Не смей. Бежать от себя. Отрицать свои желания. И бояться того, что я тебе сказал!

— Хозяин... — всхлипнула Элика, ощущая приближение разрядки, контролировать которую была просто не в состоянии

— Страшно? Не ожидала от себя? А выхода нет. Только смириться! И позволить себе быть счастливой! Теперь ты поняла?

Она едва осознала, что мужчина подтвердил свои слова несильным ударом по щеке. Но именно это лишило ее остатков контроля. Мир взорвался острыми низкими звездами, которые тотчас же смела стремительным потоком огненная стена потрясающего оргазма.

— Все хорошо, моя девочка, — Кассий сжал ее тело, все еще содрогающееся в сладкой агонии, и осторожно развязал кожаную ленту, держащую запястья в сладкой неволе. — Тише. Все хорошо? Не так страшно?

Элика, жадно вздохнув, потянулась к его губам, отдавшись жажде поцелуя, но тут свет резко померк, увлекая вниз. Сознание просто покинуло ее, устав от эмоциональных метаний истерзанного рассудка.

*****

Лэндал поднялся на локтях, устав созерцать спокойную гладь небосвода над своей головой, и раздраженно покосился в сторону заводи, скрытой от посторонних глаз небольшой оливковой рощицей. Сколько можно?! Да, достойная замена для матриарх, ничего не скажешь! Зачем он только поддался на уговоры сестры?

Он и сам не понимал, почему. Что-то непонятное творилось с ним уже почти семь солнечных круговоротов. Ощущение полета и непрекращающегося сексуального возбуждения, которое этой ночью достигло пика. Вся проблема была лишь в том, что он не додумался ни прихватить с собой свою наложницу, ни потребовать у Ксении достойной замены.

Со стороны заводи послышался чарующий женский смех, затем заросли папоротника зашевелились, и перед его глазами предстал Дарсид, воин-наемник из страны белых снегов, глыба мышц высотой в два метра. Его руки суетливо поправляли крепление лат, а белая кожа покраснела от агрессивного даже утром солнца Атланты. Наткнувшись на недовольный взгляд принца, воин поспешно поклонился, непроизвольно оглянувшись назад. Лэндал отпустил его движением руки и поднялся на ноги.

Оливковые деревья, казалось, расступились, пропуская Ксению Несравненную. Несмотря на всю свою злость из-за такой задержки в пути, принц не смог сдержать улыбку при взгляде на старшую сестру. Маска ледяной невозмутимости на ее лице ну никак не вязалась с тем, что произошло в заводи между ней и очередным воином его свиты, павшего жертвой буйного темперамента принцессы. Лишь лихорадочный блеск в голубых глазах выдавал ее восторг от любовной схватки с северянином.

— Ну что, братишка, можем отправляться в путь, — проворковала белокурая

гедонистка, не замечая его укоризненного взгляда. — К вечеру будем во дворце.

Если только ты не попытаешься изнасиловать оставшихся воинов, усмехнулся про себя Лэндал. На самом деле, он злился не столько на сестру, принцессу округа Атлионии, ее вотчины, райского мира, где она правила твердой рукой, в то же время, возведя роль искусства, поэзии, музыки, и, чего греха таить, плотского наслаждения и свободомыслия в культ. Больше на себя, за то, что задержался там намного дольше, чем предполагал.

Ксения была в бешенстве, письмо матриарх она не восприняла всерьез. Досталось и брату. То ли за то, что он прервал ее чувственные полеты с наложниками со своим заявлением, то ли за то, что так и не смог отыскать следы Элики. Затем, все же взяв себя в руки, принцесса признала разумность доводов королевы. Хотя, как показалось Лэндалу, просто чтобы выиграть время. В тот же вечер прислала в его покои четверых восхитительных девчонок, одна краше другой, которые довели обычно стойкого принца до полного изнеможения. Но с ним все равно творилось что-то странное, цунами полноводного вожделения накатывали волнами, это было так похоже на прежнюю эмпатию, когда он чувствовал Элику на расстоянии, но сопоставить факт ее исчезновения и взбесившегося ни с того ни с сего либидо так и не смог.

Четыре красавицы, постигшие науку рабынь услады, так зачаровали его, что он едва заставил себя уехать. Ксения тоже с трудом оторвалась от своего многочисленного гарема, который ей при восхождении на трон предстояло распустить, но, полная жизненной энергии и оптимизма, вскоре позабыла о нем напрочь, стоило ей только узреть отряд его сопровождения. Лэндал уже ничему практически не удивлялся. Мар, Дарсид, Гаррет, снова Дарсид. Ненасытность старшей сестры была притчей во языцех, и он сам в этом убедился очень скоро.

— Почему Эл так и не нашли? — с грустью сказала Ксения, когда они наконец-то отправились в путь. — У меня ведь достоверная информация. Даже если бы ее продали на закрытых торгах, у меня всегда есть право беспрепятственного доступа, ни один такой аукцион не проходит без моего ведома. Я не знаю, что думать! Ты чувствуешь, что она жива, и, как сказал, даже немного счастлива... Но почему она тогда не возвращается домой? Может, Лакедон забрал себе ее память, и она даже не знает, где ее дом?!

— Ксена, я не знаю. Но поиски не прекратятся ни на секунду. Как только прибудем во дворец, я начну подготовку флота к землям Белого Безмолвия. Это неизведанные края, но мы должны ее искать во всех уголках земного шара!

— Когда я узнаю, кто с ней это сделал, — горячо выпалила Ксения. — Сразимся с тобой в храме Антала и Криспиды за право уничтожить его собственными руками!

— Нет уж, наверняка тайный враг действовал не сам. Разделим их по-братски...

— Действительно, хотя... Мы забываем про Эл. Именно она должна вершить многократно превосходящую месть, чтобы священный Антал благословил ее жизненный путь. — Ксения взглядела в горизонт. — Лэндал, это же Крассенский рынок впереди! Я всегда хотела привезти лассирийский шелк в подарок матриарх. Нам придется там ненадолго задержаться.

— Ксена... Но мы уже потеряли непростительно много времени! — возразил принц.

— Я скажу, что в этом лишь моя вина, — Ксения подмигнула и подстегнула лошадь, вырываясь вперед. Лэндалу со витой ничего другого не оставалось, как поспешно рвануть следом за принцессой.

Они едва не потеряли ее в пестрой толпе, обступившей торговые ряды. Лэндал едва не

утратил всю свою выдержку. Старшая сестра вела себя зачастую, как ребенок, протискиваясь к рядам с золотыми украшениями и с восторгом перебирая в руках ожерелья и серьги. Принцессу в ней признали практически сразу, и уже спустя четверть меры масла она вручила воинам увесистый мешочек с украшениями и прочими дорогими безделушками. Затем, вспомнив, зачем, собственно, здесь находится, гордо прошествовала к рядам с заморскими тканями.

Лэндал нетерпеливо поглядывал на небосвод, считая меру потерянного на рынке времени, но возразить будущей королеве не смел. Вздохнул было с облегчением, когда лучшие ткани для матриарх были выбраны и оплачены, а большая часть их досталась в дар Ксении Несравненной, почтившей своим присутствием этот храм торговли. Но снова — преждевременно.

— Мы отведаем черного эликсира, — велела старшая сестра, направляясь к уличной террасе. — И потом двинемся в путь, не делая больше никаких остановок.

— Ты уверена? — с плохо скрываемым раздражением процедил принц.

— Вполне. Я хочу, наконец, оказаться во дворце и обнять мать. А также узнать последние известия. У меня создается впечатление, что вы вообще прекратили поиски Эл!

На скулах Лэндала заиграли желваки, но он ничего не ответил. Ксения с торжествующей улыбкой осмотрела торговые ряды, остановившись взглядом на большом шатре, где причудливыми пирамидами были выставлены на продажу фрукты окрестностей Атланты.

— Я хочу свежей гуавы! — молодая женщина стремительно рванулась к шатру, слегка сдвинув брови. Красивая белокурая девушка в одеянии крестьянки империи почтительно улыбнулась, завидев богато одетую покупательницу, и сделала шаг навстречу.

— Приветствую благородную леди империи! — вежливо произнесла она, не признавая принцессу Ксению. Но ту это даже немного позабавило. Она склонила голову на бок и взвесила на руке отменные свежие плоды.

— Собери нам в дорогу всего, что есть, из расчета на восемь человек!

Лэндал, приблизившись, окинул взглядом симпатичную крестьянку и улыбнулся ей одной из самых соблазнительных своих улыбок. Не отвлеки девушка его внимания, он бы просто сорвался и нагрубил бы Ксении.

Красивая атланка, откинув со лба прядь белокурых волос, принялась деловито отбирать плоды гуавы, цитруса и дыни. Внимание молодого мужчины не осталось для нее незамеченным, она кокетливо хлопнула длинными ресницами, устремив на него долгий взгляд.

Их глаза встретились. Какой-то миг, необходимый для проскочившего заряда взаимного влечения, они изучали друг друга, и внезапно девушка вздрогнула, рассыпав лимоны. Желтые плоды покатались по мощеному плитам настилу торгового рынка, но она словно этого не заметила, подавшись ближе и напряженно вглядываясь в лицо Лэндала. Казалось, она увидела призрак, но это видение не столько напугало ее, сколько изумило.

Принц расправил плечи, предположив, что незнакомка всего лишь запоздало признала в нем сына матриарх, но уже в следующий миг понял, что ошибся.

— Возможно ли?.. — потрясенно прошептала девушка, — Как две капли...

Очень некстати вмешалась Ксения.

— Посмотри, ты все рассыпала! — в ее тоне стыл металл. — Кто позволил тебе столь дерзко разглядывать его величество принца Атланты Лэндала?! Немедленно прекрати так

смотреть и сделай, что я тебе велела!

— М-мой принц? — оторопело выговорила девушка, потрясенно поворачиваясь к Ксении. — госпожа Элика?..

Старшая принцесса, казалось, утратила свой боевой задор при виде широко распахнутых глаз изумленной подданной. Улыбнулась, стремясь смягчить недавнюю резкость.

— Нет, дитя. Меня зовут Ксения, я перворожденная принцесса. Не бойся. Собери все, нет твоей вины в том, что тебе еще ни разу не довелось узреть наследников империи.

— Назови свое имя, — подался вперед Лэндал, ощущая себя ученым на пороге грандиозного открытия.

— Алтея, мой принц, — девушка старательно смотрела в пол, опасаясь поднять глаза, несмотря на успокоительные слова старшей принцессы.

— Алтея... Что тебя так напугало? — Лэндал подошел ближе, поднимая опущенный подбородок крестьянки легким прикосновением пальцев. — Ты сказала, "как две капли". Что ты имела ввиду? Не бойся, ответь мне.

Алтея вздохнула, собираясь с силами. Подняла глаза, и, лишь заметив одобрение на лице мужчины, тихо ответила:

— Не так давно мне довелось встретить сильную духом, прекрасную и мудрую воительницу... Да простит меня мой принц, но у нее были словно его черты лица, и необыкновенные глаза цвета листвы, умытой дождем, и морских вод под ласковым солнцем...

Вся кровь ударила принцу в лицо. Он с трудом устоял на ногах, осмысливая по буквам каждое произнесенное ею слово.

— Антал Всемогущий, дитя... — оторопело проронила Ксения, поворачиваясь к воинам. — Немедленно выкупите весь товар этой девочки, доставьте в палату верховного купца, и велите принести в дар нашему богу... Алтея, тебе придется пойти с нами, и все рассказать! Немедленно!

Лэндал на негнущихся ногах последовал за сестрой, уводящей перепуганную крестьянку в сторону террасы. Оттолкнул любезно раскланявшегося хозяина этой мини-таверны.

— Выпроводи всех сей же миг, и позаботься о том, чтобы нас никто не побеспокоил!

Алтея испуганно оглядывалась по сторонам, и, лишь отведав кубок вина, перестала дрожать. Сбивчиво пересказала историю своего похищения, дойдя до того момента, когда в их повозку принесли бесчувственную атланку, так похожую на сына правительницы.

— Она не назвала своего имени, — взволнованно поведала девушка. — Но с первых же минут убедила меня с сестрой, что мы в безопасности и скоро устроим побег. И ей бы это удалось, но нам помешали. Предводитель варваров все предусмотрел...нас просто подслушали...

— Она велела убить этих нечестивцев? — потрясенно проговорил Лэндал, выслушав подробный рассказ, все еще находясь в состоянии шока. — Это моя Эл. Я узнаю свою сестру! Но почему она не сбежала вместе с вами? И почему ее не отпустили?

— Сие мне неизвестно, — тихо ответила Алтея. — Она на прощание сказала, что ее никто не будет искать. Мы ей не поверили, но нам тогда показалось, что она вступила в сделку с этим слугой Лакедона лишь ради нашего спасения.

— Кто был этот человек? — насторожился Лэндал. — Он говорил, куда собирался вас отвезти?

— Он молчал, — отвечала девушка. — Но храбрая воительница нам сама сказала. В

Кассиопею. Потому что там атланские пленницы стоят на рынках очень дорого.

— Кассиопея?!

Кулак мужчины со всей силы опустился на стол, опрокинув кубки. Ксена дернула его за руку, приводя в чувство. Алтея, вздрогнув, предупреждаясь подняла руку, вспомнив что-то еще.

— Она обращалась к нему, называя Домицием... Всего раз, но я запомнила...

— Проклятые варвары! — не смог сдержаться Лэндал. — Скажи, ей не причинили боли? Не избивали?

— Нет... Он просто надел на нее цепи, как и на нас. Но обращался очень уважительно, и они всегда принимали пищу вместе в его шатре.

— Цепи?! Как на жалкую рабыню?!

— Лэн, успокойся! — Ксения положила руку ему на плечо. Повернулась к девушке. — Алти, я не понимаю, почему ты и твоя сестра по возвращении умолчали об этом?! Разве тебе не известно, что попытка похищения атланской гражданки — самое большое преступление против империи?!

— Мы не молчали, госпожа, — грустно ответила крестьянка. — Когда мы вернулись, сразу изложили ход событий старейшине общины. Это непреложный закон подчинения, и мы не могли знать... Но благородная Саския очень разозлилась. Обвиняла нас в беспечности и неразумности из-за того, что мы позволили себя захватить, также сказала, что это позор для Атланты, и это ни в коем случае не должно достигнуть ушей матриарх... Но если бы мы только знали о том, что исчезла принцесса, поверь, госпожа, мы бы упали в ноги правительнице...

— Вот... — Лэндал дрожал, ощущая ярость и беспомощность одновременно. — Дабы не признаться себе в самой большой проблеме — что по империи теперь шастают кассиопейские твари и похищают наших женщин, деревенские общины закрывают на это глаза, опасаясь за собственное доброе имя!

— Алтея, ты поедешь с нами во дворец, — Ксения сжала губы. Не будь так потрясен Лэндал, он бы заметил, что сомневаться в старшей сестре как в правительнице, после ее стойкости и рассудительности, у него не осталось никаких оснований. — Ты готова все это повторить перед своей королевой и Советом Девяти?

— Да, моя госпожа. Обещаю.

— Тогда мы отбываем в путь немедленно. Иди к воинам, найди Дарсида и жди нас там. За свой товар не переживай, все будет оплачено. Кроме того, ты принесла благую весть, и тебя ждет награда.

Девушка удалилась, опасливо оглядываясь назад. Ксения села рядом с Лэндалом и тронула его руку.

— Брат, не надо так убиваться! Мы теперь знаем, где искать Элику! Возрадуйся, скоро она будет дома! На рабовладельческий рынок она не попала, ты чувствуешь, что она жива, и я не думаю, что ей причинили вред!

— Кассиопея! — Принц никак не мог вернуть себе прежнее хладнокровие. — Ксена, как это возможно?! Они подписали с нами мир и торговое соглашение! Принц Кассий почтил матриарх визитом совсем недавно! Да они смеялись нам в глаза!

— Кассиопея не хочет мира... — задумчиво произнесла Ксена. — Но не политика сейчас занимает мой разум. В первую очередь, мы должны забрать Эл из когтей этой перекачанной сволочи! Надеюсь, он не успел сделать с ней ничего плохого!

Лэндал вскочил на ноги.

— Едем немедленно. Матриарх должна узнать эту новость как можно скорее!

Солнце достигло своего зенита, но, несмотря на жару и время дневной сиесты, королевская процессия отправилась в путь, не щадя своих лошадей.

Никогда еще принц и принцесса так не сокрушались по поводу быстротечного бега времени...

Огненный рассвет затопил пески алой лавой, прогоняя тьму прочь.

В этот раз они встретили его в пути, в самом сердце пустыни, и Элика не могла не согласиться с доводами принца. Действительно, паника достигла предела, и лишь усилием воли она взяла себя в руки, понимая, что это вовсе не огненная стена, а пробуждение ласкового солнца. Однако чувство нарастающей тревоги не уходило.

Ей не хотелось возвращаться в неприступные стены дворца. Там она задыхалась от вынужденной неволи и чужой жестокости. Только первобытная природа обострила ее инстинкты и эмоции, принесла в мысли ясность. Здесь, казалось, само время текло иначе, и любые действия ее врага больше не изматывали душу.

После своего ночного обморока Элика словно по-новому взглянула на окружающую действительность. Прогнать свои терзания по поводу предательского отклика собственного тела ей не составило труда. Пусть зов плоти оказался неподвластен ее самоконтролю, сейчас во имя сохранения сил было проще с этим смириться. Признать и принять то, что она не может пока исправить. Стоило ли придавать значение своим кратковременным эмоциям? Что толку, что она просила еще, и в уносящем безумии называла его "Хозяином"? Стоило прийти в себя, как эти мысли испарились, оставив после себя лишь безразличное презрение. В других обстоятельствах он больше не имел над ней ни малейшей власти! Что бы она не кричала в постели, извиваясь под, стоило признать, умелыми руками, за ее пределами она оставалась сама собой.

Почему она не испытывала к нему прежней всепоглощающей ненависти? Говорят, человек со временем привыкает ко всему. Может, именно эта сильная эмоция и делала ее слабой все это время?..

Сейчас ненависти не было. Было презрение, местами равнодушие, чаще удовольствие, и, вместе с этим, ясность и логичность рассуждений. Элика словно наблюдала картину со стороны, рассчитывая ходы и выходы из создавшейся ситуации.

Принц был уязвим. Да, он это тщательно скрывал. Рано повзрослевшая за этот небольшой промежуток времени принцесса поняла это не сразу. Наверное, осознание пришло к ней в тот момент, когда она со злорадным удовольствием ответила отказом на его пропозицию. Один короткий миг, его взгляд, его растерянность... Сложно сказать, что именно, скорее всего, это было обычное женское чутье. Не союз с Атлантой занимал его мысли... Ну, может, отчасти... Как и попытка этим избежать возмездия... Почему же ей эти мотивы Кассия казались лишь второстепенными?!

Прошла пора абсолютной игры по его правилам. Она готова была играть по ним лишь в его постели, и только потому, что сама находила в этом удовольствие. Которое, впрочем, не могло повлиять на нее в дальнейшем.

Элика подстегнула Карреса, вырываясь вперед, словно желая утонуть в раскаленной эйфории восходящего солнца, оставляя не менее чарующую ночь позади. Как жаль, что они не могли остаться здесь дольше! Но внутренняя политика требовала возвращения без четверти меры масла правителя во дворец. Она так и не поняла, чем вызвали гнев на свою голову последователи культа Лаки, но понять Кассиопею умом было сложно.

Кассий оказался рядом, оторвавшись от эскорта воинов вслед за ней. Неужели думал, что она пытается сбежать от него в эти безжизненные смертоносные пески, практически без

еды и воды? Нет, в попытке избавиться от него Элика еще ночью решила идти совсем иным путем.

— Нам так необходимо возвращаться? — нарушила она молчание, изобразив на губах подобие растерянной улыбки.

Принц на миг замер в седле, затем удивленно повел бровью.

— Ты улыбаешься! Я думал, после ночи ты будешь ненавидеть меня еще сильнее.

— Нет повода, мне было хорошо, — Элика отвернулась, чтобы не видеть его довольной ухмылки. — Ты был прав, зачем бежать от себя?.. Только... Только, прошу, все же не делай так больше.

— Твои страхи все еще не отпустили тебя?

— Нет... И я не хочу возвращаться. У меня плохое предчувствие. Словно случится непоправимое.

— По моей вине?

— Я не могу сказать точно, — Элика решительно повернулась к нему. — Касс, я обещала не убегать от своих чувств вчера. И этого больше не будет. Я хочу попросить тебя взамен сейчас не уходить от разговора. Обещаешь?

— Слушаю тебя, — его лицо замкнулось, вернув глазам оттенок стали. Только Элику это больше не пугало.

— Один вопрос. Ты меня отпустишь после моего отказа, или все останется по-прежнему?

Он не ответил. Впрочем, сейчас его молчание было только на руку принцессе.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Прекращение сотрудничества, санкции, навязывание нашей политики под видом мирного соглашения взамен на неразглашение. Так? Может, даже боевые действия? Что ж, твои мысли разумны. Знай матриарх Атланты правду, так бы оно и было, скорее всего.

— Эл, в какую игру ты играешь? — прищурился Кассий, очнувшись от раздумий.

— Я не играю в игры. Я просто предлагаю тебе решение ситуации и выход из нее. Ты хотел уладить этот вопрос брачным союзом, но пойми, это просто невозможно. Я не люблю тебя, а наши союзы всегда заключались лишь по зову сердца. Что, если я дам тебе возможность остаться при своем, сохранить все, что ты со мной сделал, в тайне, и продолжать дальше вести торговлю с моей империей и рассчитывать на ее военную поддержку в случае непредвиденных конфликтов?

— А взамен ты попросишь...

— Свободу, Касс. Я хочу вернуться домой. Настолько, что даже... Даже не могу больше испытывать к тебе ненависти. Хочу вернуться и забыть. Забыть абсолютно все и занять трон моей матери, к которому меня готовили с детства.

Он молчал. Элика шумно вздохнула, опасаясь, что сорвется на крик и слезы.

— Я не могу здесь находиться. Ты сказал, что никогда не сделаешь мне плохо. Но ты делаешь с каждым днем, сам того не понимая... Что дальше? Ты не получил мое согласие, значит ли это, что теперь все останется по-прежнему? Что ты будешь меня удерживать рядом до тех пор, пока твоя жажда обладания не утихнет?!

— Тебе так не терпится меня оставить? — в его голосе скользила неподдельная грусть, но Элика была настроена его жалеть меньше всего.

— Ты ожидал другого ответа?

— Нет. Я знал, что ты будешь пытаться убежать, прежде всего, от себя. Только тебе

следует знать, что скорее солнце обратит свой бег вспять, чем я перестану тебя желать, — Кассий отвел взгляд. — Ты все сказала?

— Нет, не все. Отбрось свою ненормальную страсть и честно ответь сам себе на этот вопрос... Что дальше? Я... Я предлагаю сейчас решение, которое устроит нас обоих, если ты начнешь думать головой, а не чем-то другим.

— Договора не будет, — Кассий смотрел перед собой, в его голосе вновь заскользили металлические нотки. — Мне кажется, или ты пытаешься вытереть ноги об мою доброту?

— Это не договор. Это сделка, — Элика проигнорировала его последние слова, чтобы не сорваться на сарказм по поводу такой своеобразной доброты. — Я готова принести тебе клятву на крови, что твое участие в моем похищении останется в тайне. Все отношения между Кассиопеей и Атлантой сохранятся. Мы просто забудем об этом, как о незначительном инциденте. Тебе известно, что перед тем, как меня захватили, я уложила троих наемников? Во всем по-прежнему обвиняют варваров Черных Земель, и никого другого. Ты просто дашь мне уплыть со следующим торговым кораблем, который повезет нам слезы пустыни.

— И как же ты намереваешься объяснить свое отсутствие, а самое главное, свое возвращение вместе с моим торговым флотом?

— Как раз очень легко, — склонила голову принцесса. — Я скажу своей матери, что ты самолично вызволил меня из лап этих работорговцев. Я с трудом вынесла тяготы пути, и не могла уехать раньше, пока мое здоровье окончательно не вернулось. Все это время я была твоей гостьей. Почему не сообщила? Предположим, я была не в себе очень долго. А ты мог и не узнать во мне дочь Лаэртии Справедливой, верно? Кассий, подумай об этом. И не ищи здесь подвоха, ибо его нет. Да, ты был жесток со мной, но я жажду об этом забыть. Как и ты, если я правильно понимаю твои дальнейшие действия. Я даже при всем желании не могу принять твои правила, потому что они уничтожат со временем мою гордость и все мое существо. Несмотря на все, что ты сделал, я прощаю тебя. Сколько бы ты не говорил о том, что тебе не нужно мое прощение, я, наверное, понимаю тебя... Почему ты так сделал. У тебя нет оснований мне не верить. И, если быть до конца откровенной, я не могу допустить состояния войны между нашими империями. Ты знаешь, что успех процветания Атланты прежде всего в дипломатии и мирном регулировании. И об этом я помнила всегда. Даже когда ненавидела тебя. Даже когда неосознанно, но желала твоей смерти. Это не слабость, Кассий. В этом, наверное, самая высшая сила.

Она не видела его лица. По-королевски выпрямила спину и вздернула подбородок, хоть и старалась унять бешеный стук сердца в груди. Красный рассвет давно погасил свои пугающие краски, ласковое солнце поднялось над горизонтом, купаясь в лазури утренних небес, даже песок казался ласковым и убаюкивающим, не раскаленный еще полуденным светилом.

— Мы поговорим об этом во дворце, — резко бросил принц. — Позже.

— Ты обещал мне не уходить от ответа... — грустно упрекнула Элика. — Я не пытаюсь тебя разжалобить или заставить думать в нужном мне направлении... Только поверь, я чувствую... Если мы вернемся, произойдет что-то ужасное. Я не знаю, что именно, но я не могу уйти от этого ощущения!!!

— Я не сделаю тебе плохо, Эл! Я обещал!

— Но ведь это может быть и не связано напрямую с тобой... — принцесса прислушалась к себе. Тревога не отпускала. Знать бы, в чем эта опасность, и как ее

избежать!

— Я клянусь тебе, девочка. Моя жажда тьмы тебя больше не коснется, если ты сама об этом не попросишь. И я не уйду от разговора. Дай мне возможность разобраться с темными мессами тирасов в моей столице, и мы вернемся к этому разговору, — Кассий вздохнул. — Наверное, нет смысла просить тебя остаться по доброй воле рядом со мной?

Элика бросила на него красноречивый взгляд.

— Я знал, — Кассий отвел взгляд. — Но тебе не о чем беспокоиться. Как бы больно не было мне слышать твой отказ, моя боль тебя не коснется. Я обещаю.

Принцесса не стала его благодарить. Не за что. Он и так был ей должен непростительно много.

Солнце все еще стояло очень высоко, когда они прибыли во дворец Кассиопеи.

Домиций Лентул вместе с Керрой отдыхали в саду. В последнее время у них было больше времени побыть вместе. Полководец уронил челюсть, при одном только виде того, как нежно подхватил его принц на руки Элику, которую еще совсем недавно грозился посадить на цепь и стегать кнутом до потери сознания. Только Керра нахмурилась, заметив, как доверчиво в своей секундной забывчивости ее подруга прижалась к его сильному плечу, правда, быстро опомнилась и вырвалась из кольца его рук. Северянка встала, намереваясь узнать у принцессы все подробности поездки, но тут ее голова закружилась, на миг заслонив зрение яркими цветовыми пятнами. Это ощущение быстро прошло, но непонятное видение прочно отпечаталось в памяти молодой женщины: тьма, закрутившаяся спиралью вокруг точеной фигуры подруги, затянутой в черную кожу.

— Я перегрелась на солнце... — скорее, для собственного успокоения произнесла Керра, сжав руку Домиция. Отвесив Кассию приветственный поклон, с беспокойством оглядела Элику. Но подруга не выглядела ни измученной, ни подавленной. Возможно, видения не было вовсе, всему виной оказалось лишь жаркое солнце южного края.

Она поспешила увести Элику вслед за собой, поняв по одному только взгляду принца, что он желает побыть наедине со своим советником.

— Как ты? Он не сделал тебе ничего плохого?

Элика, до того смотрящая исключительно себе под ноги, медленно подняла глаза. В них плясала свой дикий танец целая орда приспешниц Лаки.

— Да ну... То, о чем я думаю?! — всплеснула руками Керра. — Идем пить твой горький напиток, и ты все мне расскажешь!!!

Кассий проводил девушек долгим взглядом. Домиций внимательно наблюдал за ним, не находя определения состоянию своего, в данный момент, близкого друга. Опустошение и обреченность. Наверное, это он пытался скрыть. Только Лентул за долгие годы дружбы узнал его очень хорошо.

— Тирасы нарушили запрет.

— Я слышал, но не думал, что это правда. К тому же, они ничем себя не выдали. Ты думаешь, они здесь с целью провокаций или же иных действий?

Принц снял меч с перевязи, передавая Зарту. Казалось, он обдумывал ответ. Лишь выпив немного вина, безразличным тоном ответил:

— Дерзкая Элана испытывает мое терпение, но в этот раз она перешла грань. Не следовало забывать, что я не прогнал их с этой земли лишь в память о моем отце.

— Я бы настоятельно рекомендовал не принимать поспешных решений, — взвешенно заметил Лентул. — Узнай о причинах, которые заставили их нарушить твой запрет.

— Я их вырежу всех до единого, — мрачно отмахнулся принц.

— Да что с тобой? Позволь мне сперва разобраться на месте, и если их помыслы враждебны, я сам стану с тобой бок о бок, с мечом в руках... Что так возмутило твой разум в этой поездке, что ты хочешь выплеснуть свою ярость, не разбираясь в объективных причинах?

Кассий колебался не меньше минуты.

— Атланская принцесса ответила на мое предложение, — он выдержал паузу, глядя советнику прямо в глаза. — Отказом, Дом.

Лентул в последнее время не был настроен лавировать вокруг да около. Рубил правду прямо в глаза, придя к выводу, что так гораздо легче донести любую истину до сознания своего правителя и друга, который всегда прощал любые слова.

— Но ответь сам себе, честно ответь, неужели ты ожидал чего-то другого?

— Я не знаю, чего я ожидал. Ведь ей было хорошо со мной последние дни. Мне казалось, она должна была воспринять мою пропозицию как благо... А она рассмеялась мне в лицо.

— Она не рабыня, которая бы плясала от радости за право посидеть не то что на троне, а и у твоих ног подле него. Ты хотел этим удивить наследную принцессу? — Домиций вовремя заметил, как сникли плечи Кассия, и поспешил переменить тему. — Что ты будешь делать дальше? Когда узнает Атланта? Они будут в ярости.

— Я бы подарил ей место королевы, даже не будь она принцессой вообще... Она тоже решила, что мной движут политические мотивы. Если бы я только мог убедить ее в обратном...

— Это бы мало что изменило, ты и сам знаешь, — Домиций осушил кубок. — Теперь стоит переживать только за реакцию матриарх Атланты. Ты думал, как заслужить их прощение? Отдать им все слезы пустыни? Не думаю, что ты сможешь этим купить их молчание.

— Она предложила мне сделку, — с сарказмом заметил Кассий. — Мне. Сделку. Представляешь?

Домиций выслушал, не перебивая.

— Я знал, что она умна, но даже не представлял, насколько. Касс, согласишься, она предложила тебе самое мудрое решение из всех возможных! После того, что ты с ней сделал, уметь услышать разум, а не разбитое сердце и не вопящую гордость... Атланты воспитали настоящую королеву, и этого у нее не отнять. Ты понимаешь, что просто должен согласиться на эти условия? Умей читать между строк, тебе фактически даровали прощение, и даже более улучшенные условия соблюдения договора, потому как она готова представить тебя в глазах своих своеобразным героем. Ты понимаешь, что медлить нельзя? Отправь ее вместе с торговым флотом в рассвет деленного на части Фебуса. Не смотри на меня, как на предателя. Я знаю, что ты ее любишь, но подумай, прежде всего, об империи, как это сделала она!

— Я не могу... Ты думаешь, я не пытался? Я просто не могу представить своей жизни, если в ней больше не будет ее...

Кассий не понимал, о чем говорил. Слова слетали с его губ легко и естественно, словно вдох и выдох. До этого момента он практически не задумывался о том, что рано или поздно им придется расстаться. Вернее, просто запретил себе об этом думать.

— Твой эгоизм приведет нас к войне рано или поздно. У нас нет шансов выстоять

против Атланты, и никто не встанет на нашу сторону против нее. А окажись правдивыми слухи об их тайном технологическом оружии...

Принц резко перебил друга.

— Просто слухи! Дом, ты всерьез полагаешь, что женщины могли воссоздать его?! Да, они умны, когда дело касается политики и торговли, но оружие?! Умей отличать легенду от действительности.

— Все это не играет большой роли. Кассий, отпусти ее. Если любишь, отпусти. Это путь в никуда. Ты же непустишь империю ко дну лишь во имя своей страсти? Эдер позволил тебе на данный момент избежать кровопролития, но ты не можешь играть в свои игры дальше.

— Не страсть и не жажда владения удерживают меня от этого шага, — твердо произнес Кассий. — Я совершил ошибку в самом начале. Я едва не уничтожил ее. Не знаю, вовремя ли я сумел это понять, но надеюсь, еще не поздно... Не такой она приехала сюда. Это уже не та полная жизни и восторга девчонка, которую мы впервые встретили во дворце Атланты. Лишь иногда ее улыбка выдает в ней ее прежнюю... Но так редко, и я ничего не могу с этим поделать!!!

— Разве не ты в этом перестарался? — не сдержался Лентул. — Все твои слова лишь оправдания себе, почему ты не хочешь ее отпускать. Ты не сможешь вернуть ей ее прежнюю жизнь, которой она жила до тебя. И излечить ее израненную душу тоже не сможешь. Всегда, когда она будет видеть тебя, будет помимо воли вспоминать все, что ты с ней сделал. Ее душа успокоится лишь вдали от тебя. Когда она не будет вздрагивать в ожидании повторения первых дней. Не видеть этих стен. Ты же не думаешь, что она так легко все забудет, если свидетельства ее боли всегда перед ее же глазами?

— Но она, правда, приходит в себя, — цеплялся за спасительный канат Кассий. — Ей больше не снились страшные сны, когда мы были вместе. Она улыбается. Сама себе, когда думает, что я не вижу. К ней даже вернулась ее дерзость... И знаешь, я понял, что люблю в ней даже это.

Лентул встал, устремив задумчивый взгляд в сторону дворца.

— Отпусти ее. Ты все равно не сможешь заставить Эл полюбить тебя в ответ. Утешься ее прощением и разумной пропозицией. И даже тем, что вскоре она сядет на трон, и ты будешь иметь возможность видеть ее во время подписания соглашений. Если ты к тому времени все еще будешь этого хотеть.

— Я потерял непростительно много времени, когда причинял ей боль и слезы, — обреченно проговорил принц. Его кулаки сжимались, дыхание участилось.

— Кассий, ты должен это сделать. Через десять солнечных круговоротов твой флот везет в Атланту крупную партию слез пустыни. Плыть вместе с ним я бы на твоём месте поостерегся, но ты можешь доверить это кому-либо. Даже мне. Я прослежу, чтобы она добралась до Атланты. Думай о своем народе, ты скоро займешь трон окончательно. Утешься тем, что у тебя остается не так уж мало времени, чтобы побыть с ней вместе. И если ты ей об этом скажешь уже сегодня... Тебя ждут незабываемые дни. Это останется самым ярким твоим воспоминанием. И принцесса запомнит не боль и унижение, а лишь столь счастливое завершение своей неволи.

Кассий, казалось, даже не слышал слов своего друга. Его плечи словно поникли, взгляд потух. Никогда еще никому не приходилось видеть без четверти меры масла правителя в таком опустошенном и подавленном состоянии.

— Ты прав, — хрипло выдохнул принц, прервав затянувшееся молчание. — Это самое верное решение в сложившейся ситуации. Я отпускаю Элику.

Вместе с частью себя, которая никогда больше не вернется. Вместе со своим сердцем, которое она и обстоятельства безжалостно расколотят о твердый гранит. Вместе с принятием этой пустоты, которую будет очень трудно когда-либо заполнить. С осознанием, что не будет больше никого дороже ее, и ничего безразличнее, чем иные женщины. С болью, во сто раз сильнее той, что причинял ей день ото дня...

И с осознанием того, что я никогда больше не буду прежним собой.

Горло сжало ледяным спазмом, всего за миг до того, как Кассий с изумлением ощутил на своих губах привкус соли

— Уйди, — велел он советнику, закрывая лицо руками.

*****

Лаэртия замерла, устав накручивать круги по мраморному полу своей тронной залы.

Ни один мускул не дрогнул на ее благородном лице. Голубые глаза с поощрительным теплом изучали взволнованную Алтею, только что завершившую свой рассказ.

— Антоний, — спокойно окликнула матриарх своего советника. — Отдай распоряжение об аресте старейшины крестьянского округа Саскии. Кроме того, нам следует выяснить, не произошли ли в империи вопиющие случаи исчезновения наших соотечественниц, о которых молчат с целью сохранить иллюзию благополучия в доверенных им округах! Отправь туда людей, чтобы мы могли устроить, если понадобится, общий суд.

Атланская крестьянка тревожно покусывала губы. Лаэртия хранила маску невозмутимости, Лэндал сжимал кулаки, лишь иногда бросая не лишённые интереса взгляды на Алтею, Ксения, подобно матери, так же поощрительно улыбалась перепуганной рассказчице, принесшей благую весть, но в ее голубых глазах иногда зажигалось пламя вожделения. Любвеобильная принцесса явно представляла белокурую крестьянку в своих объятиях, что в другом положении могло бы взбесить Лэндала. Если бы он не был так взбешен недавними новостями об Элике.

— Моя королева! — Латима Беспощадная едва сдерживала себя в выражениях. — Мы имеем полное право требовать голову советника Кассия Кассиопейского за учиненный им беспредел!

— Лати, у нас нет полной уверенности, что ее похитителем был именно он, — осторожно заметила Ксения.

— Опиши предводителя снова! — рыкнула Латима.

Алтея уже в который раз повторила описание благородного воина. Но в этот раз ей внезапно удалось вспомнить его полное имя. Лаэртия жестом велела замолчать всем собравшимся, пресекая ропот, поднявшийся в зале при упоминании имени Домиция Лентула.

— Алтея, дитя мое, — властно сказала она, — Я настоятельно требую, чтобы ты задержалась во дворце на случай более детального выяснения подробностей происшедшего. Тебя проводят в гостевые покои и проследят, чтобы ты не знала ни в чем нужды.

Когда крестьянку увели, Лаэртия без сил упала в кресло. Холодная невозмутимость оставила ее, играть в неприступность перед членами семьи и приближенными совета, из которых остались присутствовать Тания и Латима, не было нужды.

— Для чего? — дрожащим голосом задала риторический вопрос матриарх. — Что они собирались с ней сделать?

Лэндал вскочил со скамьи. Его зеленые глаза метали молнии.

— Что испокон веков варвары делали с красивыми пленницами?!

— Брат! — предупреждая воскликнула Ксения.

Впрочем, королева и так ясно понимала все. Кассиопея не потребовала ни выкупа, ни иных благ для себя, более того, они не взяли на себя ответственность за похищение Элики. Это могло значить только одно.

— Я научила ее многому, — ни к кому конкретно не обращаясь, задумчиво сказала королева. — Поэзии, истории, алгебре, астрономии. Владению мечом, арбалетом, кинжалами. Дипломатии, риторике, этике. Почему я не научила ее взаимоотношениям с мужчинами?..

— Мама... — потерянно выдохнула Ксена.

Лаэртия тепло улыбнулась старшей дочери.

— Я знаю, моя хорошая. Такого предположить не мог никто. В этом нет твоей вины.

Совсем крупиночка слабости великолепной матриарх, выраженный в задумчивой, полной боли речи. Разительная метаморфоза, произошедшая с ней в последующие минуты...

— Тания, — Лаэртия сузила глаза. — Какое количество слез пустыни нам необходимо для окончательного завершения работы и, по возможности, воссоздания аналога?

— С позволения моей королевы, я прошу отлучиться для возможности предоставить расчеты и дать четкий ответ на этот вопрос, — гений науки поклонилась в ответ на молчаливое позволение удалиться.

— Я приняла решение, — Лаэртия не стала ходить вокруг да около. — Мы заберем ее немедленно.

— Готовить отряд, моя королева? — хищный оскал Латимы Беспощадной как нельзя лучше сейчас оправдывал ее громкий титул. Без этой воительницы царства Лакедона, взявшей со стороны тьмы только лучшие качества, так необходимые в бою и принятии резких, порой шокирующих решений, королева не смогла бы так крепко удерживать власть в своих изящных длинных пальцах. В этом Лаэртия Справедливая всегда открыто признавалась сама себе. Боевая подруга, ее несменный темный хранитель, была с ней рядом практически с детства, и не было уз крепче тех, что до сих пор связывали этих разных на первый взгляд женщин.

Матриарх обвела взглядом присутствующих.

— Нет. Мы не будем сейчас предпринимать никаких военных действий.

— Мама! — почти хором воскликнули Лэндал и Ксения. Лишь Латима подалась вперед, готовая выслушать аргументацию своей правительницы.

— Лэндал, Антоний, а также Тангар вместе двумя с хранителями совета отправятся в Кассиопею... Под знаменами парламентской миссии. Также с вами поедет Фабия, это нужно в первую очередь моей девочке. С собой возьмете не более четырех воинов для охраны в пути. Вступать в открытый конфликт я вам запрещаю. Если кассиопейцы не вернут нам Элику, вы отправляетесь в Гарацию, где расквартирован седьмой легион, и ожидаете дальнейших решений. Только в этом случае мы начинаем боевые действия. Их подготовку я начну немедленно, на случай, если переговоры сорвутся.

Вернулась Тания с большими свитками папируса.

— Если мы будем настаивать на увеличении партии кристаллов взамен иных товаров, с учетом прежней регулярности прибытия их кораблей, нам понадобится четыре декады.

— Отлично. Расчеты окончательные?

— Я проверила все. Погрешность незначительная.

— Спасибо, Тания, — Лаэртия поднялась. — Ксения, я вызвала тебя для подготовки к передаче власти, но в свете последних событий...

— Корона принадлежит Эл, — тихо отозвалась принцесса. — Мыждемся ее приезда.

— Не далее как вчера я сделала заявление о ее исчезновении... Поспешно, но этого предвидеть не мог никто. Однако, не будем медлить. Морем плыть в Кассиопею неразумно, во многом потому, что там вы не будете в такой же безопасности, плюс, лишитесь эффекта внезапности с первыми морскими милями, потому как их система оповещения отлажена до мелочей. Пусть сухопутный путь займет больше времени, но у вас всегда будет подстраховка нашего легиона. Лэндал, дожись Антония, мы обсудим детали. Ксения, если ты желаешь уехать к себе...

— Об этом не может быть и речи, — принцесса решительно встала. — Я останусь здесь и дождусь Элику. Мне бы очень хотелось поехать вместе с братом, но это неоправданный риск.

Лаэртия устало кивнула, неспешно подошла к большому зеркалу.

"Дмитрий, — подумала она с чувством глубокой тревоги. — Ну почему, спустя время, с твоей дочерью повторилась практически твоя история?.."

*****

Черный цвет стал ее талисманом.

Вовсе не цвет тоски за безвременно погибшими, что бы там не говорила Амина. Элика оторвалась от созерцания своего отражения в большом зеркале. Она была великолепна. Высоко забранные волосы открывали ее изящную шею, а платье аристократок Кассиопеи — точеные плечи.

— Без цепей я нравлюсь в нем себе больше, — улыбнулась она Амине. — Что, так горько?

Служанка отставила кубок с эликсиром кофейных зерен, облизнула губы.

— Нет, госпожа. Необычно. Мне нравится.

Солнце уже клонилось к закату. Обычному, не такому яркому, как в Лазурийской пустыне, где, наверное, принцесса оставила часть своего сердца в дар этой первозданной природе. Сейчас девушка ожидала очередного явления Лентула, который не спешил приходить. Может, вообще не явится?

— А я так и не смог к нему привыкнуть, — раздался наигранно веселый голос Кассия за спиной Элики. Амина растерянно подскочила, но Элика тепло ей улыбнулась.

— Ами, оставь нас.

Казалось, целую вечность Кассий смотрел на любимую девочку, такую неприступную и желанную в черном платье из переливчатого шелка, такую близкую и далекую одновременно. Она склонила голову, изучая его, словно недоумевая, почему он до сих пор не сжал ее в крепких объятиях.

Почему? Он и сам не знал. Мог только догадываться. О том, что, сделав это, уже не сможет ее отпустить.

— Эл... — комок застрял в горле, затрудняя дыхание. — Моя атланская девочка, я обдумал твои слова. Я принял решение.

Элика беспокойно опустилась на подушки, казалось, перестав дышать в ожидании вердикта.

— В половину рассвета цикла Фебуса мои корабли отправятся в Атланту. Я отпускаю

тебя. Ты уплывешь домой.

Несколько долгих мгновений ничего не происходило. Кассий ожидал любой реакции. Криков радости. Холодного безразличия и принятия как должного.

К ее слезам он оказался не готов. Элика, потеряв контроль, ухватила его ладонь, прежде чем он осознал, что она собиралась сделать. Прикосновение ее губ и слез к коже руки словно прожгли ее насквозь. Принц опешил.

— Эл, не смей. Встань... Не нужно...

— Спасибо тебе! — Элика вцепилась пальцами в его ладонь, неосознанно причиняя боль. В ее зеленых глазах блестели слезы. — Кассий, спасибо!!! Домой... Но почему так долго ждать?..

Вопрос словно отрезал очередной кусок от его истекающего кровью сердца. Но на лице ни дрогнул ни один мускул.

— Я бы мог отпустить тебя дорогами пустыни, но там очень много опасностей. А мои силы сейчас будут брошены на урегулирование тирасского вопроса. Только поэтому, — боль нарастала с каждым словом, и он поспешно освободил свою руку. — Но в ожидании отплытия... Ты свободна. Во всем, Эл. Это все, что я хотел сказать... — Он замялся. — Ты, наверное, захочешь, чтобы ночью я оставил тебя одну...

— Да, — девушка поднялась с колен, проклиная себя за подобную недопустимую слабость. — Прощу тебя.

— Конечно. Не проси. Достаточно твоего слова.

Эдер, дай ему сил это выдержать. Это его боль, и он должен испытать ее до дна.

— Хотел бы я встретить тебя при иных обстоятельствах, — Кассий задержался в дверях. Горло вновь сжало холодными тисками. — И начать с тобой отношения, в которых бы не было твоих слез и ненависти.

— Касс, прости, — Элика отвела взгляд. — Но я не могу сказать в ответ того же. Я бы желала никогда тебя не знать. Ни в слезах, ни в радости. Прости.

Что могло быть больнее ее слов? Сердце словно разлеталось на куски, с трудом удерживая жизнь. Самоконтроль. Понимая, что еще миг — и он заберет свои слова обратно, выпустив на свободу своего внутреннего зверя, который... Нет, он не хотел об этом даже думать.

— Спи, моя хорошая, отдыхай до завтра, — обреченно выдохнул Кассий, переступая порог.

Бессонная ночь, разбитое сердце, тяжелые мысли.

Ничего удивительного в том, что поиски тирасских фанатиков потерпели сокрушительное фиаско, не было. Наверняка в столице у них были многочисленные союзники. Также можно было предположить, что племя покинуло город, но в это верилось с трудом.

С утра шел затяжной холодный дождь, словно погода столицы прониклась душевным состоянием правителя этих земель. Режущие капли хлестали наотмашь, причиняя боль, словно стремясь этим вывести из невеселой задумчивости. Но справиться с терзанием разбитого сердца дождь был бессилён.

С самого утра, не замечая, что промок до нитки, Кассий в буквальном смысле слова перетряс столицу. Ничего. Ни следа. Но даже за это он готов был благодарить Эдера, потому как поисковая операция хоть немного, но отвлекла его от мыслей о Элике.

Ночь без сна. Иногда удавалось ненадолго забыться. В этом подобии сна все было по-прежнему. Самая дорогая девочка лежала рядом, улыбалась своей неповторимой, но столь редкой улыбкой, отвечала на его жадные, даже неистовые поцелуи без прежнего ужаса в больших зеленых глазах, но главное — в этих кратковременных ночных видениях ничего не предвещало их скорого расставания.

Он едва не сорвался этой ночью. Только чудом удержал себя от дикого желания ворваться в ее покои, высадив при этом дверь — но лишь для того, чтобы этот акт вандализма утихомирил его внутреннего Хищника. Каких же нечеловеческих усилий стоило ему задавить в себе этот отчаянный порыв! Последствия такого бездумного поступка были бы катастрофическими. Ведь совсем не разговора и просьб остаться рядом хотел по отношению к принцессе его внутренний зверь. О том, что он был готов с ней сделать в порыве жестокой жажды обладания, не хотелось вспоминать.

Так же точно, как рвался из телесной клетки внутренний Хищник, так же точно он сам метался в четырех стенах своих покоев, в этой импровизированной тюрьме, которую сам же воздвиг в своем воображении. Несколько раз был готов окликнуть дворцовую стражу с требованием привести на растерзание очередную рабыню, но уже в следующий момент понимал, что ничего от этого не изменится. Будет только опустошение, и, наверняка, слезы очередной девчонки, которая будет дрожать от ужаса и улыбаться через силу, чтобы оставить его довольным, а потом вздрагивать от каждого шороха, ожидая повторения. Тех, кто сам рвался в его постель, он уже не рассматривал в качестве добычи, потеряв интерес окончательно.

С трудом дождался утра, думая лишь об одном — погасить огонь сжигающего заживо желания... Иногда получалось. Ненадолго, но все же...

Во дворец они вернулись почти к закату. Солнце все так же было скрыто за грядой низких дождевых облаков, поивших землю животворительной влагой. Холодный, мокрый дождь не думал прекращаться. Промокший до нитки принц не ощущал сковывающего холода, огонь крови, казалось, осушал неистовые слезы дождя, не позволяя даже коснуться кожи. Господство никогда прежде неведомого для него чувства сделало его почти неуязвимым для неприветливых природных проявлений. Иногда казалось, что на крыльях так бессовестно вторгшейся в его непробиваемое сознание влюбленности он сможет

свернуть горы, выйти один на один с сотенным войском противника и победить в этом неравном бою. Возможно, так бы оно и было. Будь это чувство хоть немного взаимным.

Навстречу вышел Марк, пытаясь прикрыться от дождя плащом, но вскоре оставив эти лишние попытки.

— Мой повелитель, — легат выглядел растерянным. — Система морского оповещения дала нам знать о приближении трех быстроходных кораблей Спаркалии. Они на расстоянии полутора солнечных круговоротов, исчисляя от полудня.

— Спаркалия? — хмыкнул Кассий. — Интересно. Что понадобилось в Кассиопее этим гордецам, исповедующим принципы невмешательства в отношении любых империй?

— Помнится мне, они неоднократно отвечали Актию отказом, светлый мир его памяти, — заметил Домиций. — А совсем недавно, насколько нам известно, цинично отклонили предложение матриарх Справедливой объединить силы для похода в дальние края Земель Белого Безмолвия. Как ни парадоксально, это, по сути, единственная империя, которая может бросить вызов Атланте при соответствующем желании.

— Что же, пора Кассиопее отвечать отказом на их пропозиции. Слишком часто они смеялись в глаза моему отцу! — Кассий спрыгнул с лошади, передавая меч подоспевшему оруженосцу. И в тот же момент все мысли об истинной цели визита нежданных гостей отошли на второй план. Дождь, казалось, прекратился, перестав иссекать кожу привычными косыми укусами...

Элика плотнее закуталась в шелковую черную пелерину, почувствовав взгляд мужчины, перевернувшего ее внутренний мир с ног на голову.

Сон сбегал от нее в эту долгую, дождливую ночь. Вместе с ошеломляющим ощущением счастья от новообретенной свободы и предстоящего скорого возвращения домой чувственность восстала, требуя компенсации своей ненасытности. Элике было отчасти не по себе от того, как отчаянно выгибалась она этой ночью на шелковых покрывалах, как сильно жаждало ее тело грубых, вовсе не щадящих прикосновений сильных мужских рук. Внезапная свобода сняла все ограничения. По жестокой воле судьбы ее уязвимая женственность расцвела в агонии насилия и власти, и, несмотря на ясный и холодный разум, тело просто вопило от чувства потери.

Но он так и не пришел к ней в эту ночь. Уважая ее просьбу, соблюдая данное обещание больше не трогать против ее воли... Почему?! Разве раньше его это останавливало?..

Ей пришлось призвать все свое самообладание, наблюдая за его приближением.

Капли дождя блестели на великолепном теле мужчины. Девушка тотчас ощутила, как предательски пересохло горло, как словно рухнуло вниз ее сердце, разливая в крови огонь неподконтрольного разуму желания. Страсть пробивала все возможные барьеры морали. Она едва не застонала, на миг представив, с каким бы удовольствием осушила губами поцелуи дождя на его коже. Да что с ней такое происходит?!

— Твоя поездка была успешной, мой принц? — проговорила она, сильнее стягивая на груди черный шелк.

Кассий склонил голову. Казалось, он видел ее насквозь.

— Не так, как бы мне того хотелось, — он замер на небольшом расстоянии. — Эл, ты дрожишь. Сегодня холодно.

— Мне надоело сидеть в четырех стенах, только и всего. К тому же, я люблю дождь. Эти слезы неба очищают. Словно смывают все прошлое, чтобы потом начать жить сначала. У нас так говорят...

— Ты разделишь со мной ужин сегодня? — ее неосознанные слова о прошлом заставили его сердце сжаться от сожаления. Исправить это было не под силу даже богам.

Элика едва уловимо вздрогнула, когда он подошел к ней еще ближе.

— Как тебе будет угодно, — его близость путала мысли. Еще немного, и контролировать себя станет просто невозможно. — Выпей огненного эликсира. Ты промок до нитки.

— Со мной ничего не случится, — Кассий сжал ее пальцы, немного помедлив, затем поднес их к губам. Элика вздрогнула, ощутив, как огонь в крови вспыхнул с новой неистовой силой. Это не осталось для него незамеченным. С неохотой выпустив ее руку, мужчина отвел взгляд. — Эл, если бы ты только знала, как мне не доставало тебя сегодня ночью.

Принцесса сглотнула. Кассий, не ожидая никакого ответа, развернулся, выходя из спасительной зоны лоджии под холодные стрелы безжалостного дождя. Может, именно они могли в какой-то мере утихомирить его боль грядущей потери. Небо все так же невозмутимо взирало на его страдания, как совсем недавно на его же эйфорию от психологической ломки любимой женщины. Уже тогда он это осознавал, но не признавался сам себе, идя на поводке своего проснувшегося монстра, требующего самого жестокого наказания для нее, осмелившейся разбудить в нем это чувство.

Элика перестала смотреть ему в спину, просто подошла ближе к мраморным поручням террасы, запрокинув голову. Капли дождя упали на ее пылающие щеки.

— Мне тоже, Касс.

Он не должен был этого услышать. Наверняка ее слова перекрыл шум дождя и свист ветра... Скорее, он ощутил это на ментальном уровне необъяснимой эмпатии. Медленно развернулся, с изумлением глядя на нее, перед тем как стремительно вернуться обратно...

Миг, и поцелуй смел все сомнения девушки. Черный шелк платья впитал влагу его кожи, не вызвав ни капли отторжения. Прижимаясь к нему как можно ближе и крепче, Элика неистово хватала губами его губы, слизывая капли влаги, теряя остатки контроля, уже четко понимая, что ужин был лишь ничего не значащим предлогом.

Слова были лишними. Он все безошибочно прочел в ее затуманенных желанием зеленых глазах. И чувство абсолютной свободы больше не вызывало в ее теле нервную дрожь, не заливало румянцем раскаяния точеные скулы, позволив невозмутимо удерживать его взгляд, выставляя чувства напоказ. Кто мог судить ее, кроме ее самой, и называть это слабостью? Нет. В этом была ее сила. Сила поступать так, как она пожелает, ее воля, неподвластная законам логики.

Подхватив готовую скользнуть к ногам пелерину, принцесса покинула лоджию, унося с собой обещающую улыбку и умиротворение уставшего метаться сердца, осознавая свою абсолютную власть над обстоятельствами и над внутренним миром своего недавнего, такого желанного врага.

Быстро пересекла просторный холл, уже не путаясь в лабиринтах дворца, безошибочно определяя дорогу к своим покоям в этом разветвлении коридоров. Едва не налетела на перепуганную Териду с охапкой одежды в руках возле своей комнаты.

Рабыня сжалась и практически отскочила на несколько шагов, отвесив легкий поклон. Элика, все еще пребывая в приподнятом настроении, жестом показала, что все в порядке. Она практически не злилась на эту вредную девчонку. В самом деле, не ее же вина, что принц распознал настойку в эликсире кофейных зерен... А то, что не сумела удержать его возле себя на продолжительное время — ну, не хватило обаяния и искусности в ласках, тоже

можно понять. Слава Анталу, его зверства после этого сошли на «нет».

Амина отсутствовала. Ах да, она же сама отпустила свою служанку на свидание с одним из воинов дворцовой стражи, который был сегодня свободен от службы. Кассиопейка не умела скрывать своих чувств, так бы и краснела от смущения, боясь ответить на чувства мужчины, если бы Элика не поговорила с ней и не дала бы несколько откровенных советов. Оставалось надеяться, что все между ними будет хорошо.

Принцесса с удовольствием выпила темного эликсира, согреваясь после уличной сырости. Уходя, Ами оставила ей несколько свитков пергамента с описаниями древних исторических баталий Кассиопеи. Увлечшись чтением, Элика едва не пропустила приход дворцового стража. Видимо, необходимость в присутствии Лентула отпала после того, как у нее не осталось повода бояться Кассия.

— Иду, — велел ему ожидать за дверью, Элика быстро подбежала к нише, где хранились ее пелерины, так редко используемые. Вот оно! Керра сдержала свое обещание. Принцесса встряхнула янтарную жидкость в прозрачном флаконе, осмотрев ее на свету. Затем, сняв крышечку, сделала глоток, поморщившись от сладкого привкуса. Хм. Странно. Засахарилась, наверное. Надо попросить Керру, чтобы больше не добавляла туда меда.

Элика быстро спрятала противозачаточный настой в складки разноцветных отрезков шелка. Кристаллики сахара захрустели на зубах, и девушка раздраженно сплюнула, вспомнив, что так же точно хрустел на ее губах песок Лазурийской пустыни...

Обжигающая ласка холодных пальцев, перед воротами чертогов Антала, проводник в омут горячего, страстного безумия...

Зачем жить прошлым?.. Все это закончилось. Обострив восприятие, показав обратную сторону тьмы, расставив все по своим местам, предоставив пути отступления, которыми, откровенно говоря, больше не хотелось пользоваться.

Сегодня она была податливее расплавленного воска в руках ощущавшего ее каждой клеточкой Кассия. Просто отдалась этой невероятной эйфории, отмеряя долгожданные минуты до неминуемого расставания, о котором, все же, не жалела.

Мерцающее пламя освещало ее оливковую обнаженную кожу, и за самой игрой первобытного огня было так хорошо наблюдать, принимая ласки умелых рук и языка... Каждый пальчик ее ног, каждый сантиметр тела, поднимаясь все выше, разливая сладкую истому, приносящую в кровь, уносящую остатки контроля... Казалось, даже сердце постепенно замедляло свое биение, устав от изматывающей пляски...

Огонь вовсе не опалял жаром, сегодня с ним происходило нечто иное. Холод. Ласковый, скорее приятный, не такой агрессивный, как в горах, где ей приходилось бывать. Он словно проникал под кожу, охлаждая кровь. Как такое вообще было возможно? Элика тряхнула головой. Пламя вырвалось из замкнутой чаши, подбираясь ближе, но вовсе не пугая. Коснулось ее рук, проникая в кровь, снимая жар вожделения, принося с собой подобие умиротворения. Элика потрясенно поднялась на локтях... С удивлением осознавая, что все же этого не сделала. Руки ей не подчинялись. Попыталась подтянуть колени к груди, но этого тоже не смогла. Не было сил даже поднять голову и посмотреть, почему Кассий прекратил ее целовать. Вернее, почему она вдруг перестала это чувствовать?..

Цепкий холод разливался по ее телу. Сперва захватив кончики пальцев, постепенно поднимаясь выше. Сжаться бы в комочек, скрестив руки на груди, чтобы прогнать это оцепенение, но конечности словно онемели. Ледяные прикосновения коснулись кожи ее лица, и перед глазами ступила тьма.

Страшно не было совсем. Может, за все это время она просто разучилась бояться?.. Наверное, это был тот самый покой и отрешенность, которые она призывала к себе все это время. С опозданием, но пришло. Девушка хотела улыбнуться своим мыслям, но скулы свело болезненной судорогой, окончательно погасившей свет в ее глазах...

...Слишком запоздало Кассий осознал, что она не отвечает на его прикосновения. Более того, никак на них не реагирует. Остановился, прижал к себе, почти с ужасом отметив, как безвольно повисли ее руки, и запрокинулась голова.

— Эл!!!

Паника приближалась с неумолимым ускорением. Она накрыла его своим черным покрывалом, когда принц понял, что не ощущает ее биения сердца.

— Просыпайся! — рык раненого зверя разорвал тишину покоев. — Не смей засыпать!

Пара ощутимых пощечин не дала никакого результата. Голова Элики просто дергалась из стороны в сторону, а кожа под его пальцами словно остывала с каждой секундой.

— Быстро врачевательницу сюда! — отпустив бессознательное тело девушки, закричал принц. Воины дворцовой стражи замерли в дверях. — Немедленно! Головой отвечаете!

Элика не шевелилась. Кассий старался не замечать, что ее грудь больше не вздымается от дыхания. С отчаянием загнанного в угол зверя он припал к ее губам, словно пытаясь вдохнуть в них жизнь, неосознанно массируя грудную клетку на уровне сердца. На миг ему все же удалось прощупать ее пульс. Но губы словно застыли под его губами, а кожу заливала пугающая бледность, заметная даже при свете слабого огня.

Чья-то рука решительно дернула его за плечо. Он не сразу признал в ее обладательнице дворцовую целительницу. Отпустил руки Элики, позволяя женщине подойти ближе.

— Что она пила? Блюда с твоего стола, повелитель?

— Исключено... — хрипло выдохнул принц. — Мы разделили трапезу, и со мной все хорошо...

Женщина на миг оторвалась от ощупывания тела девушки.

— Вели собрать кубки и все, к чему она прикасалась. Это отравление.

— Что?! — Кассий потрясенно перевел взгляд на целительницу. — Она не могла...

— Значит, ей в этом помогли. Все признаки на лицо. Настой из корневища драцены вместе с окисью серебра и ядом пустынной змеи, его еще называют "эликсиром свободы". Но он действует не столь поспешно и не совсем так... Она выпила его в недопустимо большой дозе.

— Она будет жить?

Пожилая женщина ответила не сразу. Когда же наконец заговорила, Кассий понял одно. Что его жизнь с этих пор разделилась на "до" и "после"

— Она уходит. Слишком много отравы. Вряд ли переживет эту ночь.

Словно Лаки вселился в его сознание при этих словах. Не соображая, что делает, принц вцепился в шею целительницы, сдавив ее изо всех сил.

— Ты лжешь, отродье бога тьмы! Спаси ее! Да я только для этого позволил тебе остаться во дворце, никчемная старуха!

— Касс, прекрати немедленно! — непонятно откуда взявшийся Лентул с усилием развел его руки в стороны. — Ты ей в этом не поможешь! Успокойся сейчас же!

Невозмутимая Керра, на ходу закручивая тесьму платья вокруг шеи, приблизилась к ложу, на котором лежала Элика, и сжала ее ладонь в своей. На мужчин она не обращала ровным счетом никакого внимания. Кассий замер, ошеломленно уставившись на гордую

северянку, непонятными движениями ощупывающую тело принцессы. Ее губы шевелились, словно читая некое заклинание.

— Керра... — ноги не удержали его. Ощутив коленями холод мраморного пола, он не сдержал отчаянного стога. — Она умрет?..

Молодая женщина прервала свое занятие. С какой-то беспощадной грустью встала, отрицательно покачав головой.

— Мы не в силах ей помочь... Попрощайся... Пока еще есть время.

Кассий изначально не осознал сказанного. Страшный смысл стал ему понятен, лишь, когда невозмутимая красавица со стоном прокусила свое запястье до крови, а из черных глаз каскадом хлынули слезы.

— Не смей... — Кассий сжал голову руками. — Не смей умирать... Борись... Ты же под кнутом не сдалась, вы. и тебя Лаки! Ты же в цепях смеялась мне в лицо! Как ты можешь сдаться перед смертью?!

Керра не сразу поняла, что убитый внезапным горем принц обращался вовсе не к ней. Целительница, тронутая отчаянной речью своего повелителя, повернулась к Лентулу, признав в нем единственного, кто сохранил ясность рассудка.

— Не так давно, когда мне довелось провести несколько круговоротов в общине Заклинателей Тьмы, — доверительно заговорила она. — Я стала свидетельницей тайного обряда на крови. Они называли его Поцелуем Лаки. Смерть вышла вместе с кровью, после того, как умирающему была дана иная... Хватило семи мер масла, чтобы он пришел в себя обновленным и полным сил

— Что ты сказала? — встрепнулся Кассий. — Мир тебе подарю! Никогда нужды ни в чем знать не будешь! Проведи этот обряд, спаси мою девочку!

На его глазах блестели слезы. Керра изумленно сглотнула, вытирая глаза. Целительница отчаянно всплеснула руками.

— Я не смогу, мой принц! Для этого надо заручиться поддержкой Лаки, а мне не дано говорить с богами. Только верховная старейшина да несколько приближенных женщин могли это проделывать... Прости.

— Да кто они такие, эти заклинатели тьмы?! — рыдания рвались из груди Кассия, он с трудом удерживал себя в руках. — Где, где мне их искать?!

Керра, пошатываясь, словно сомнамбула, подошла к нему, присев рядом на корточки. Наклонилась к его уху, с обреченностью и надеждой одновременно, прошептала лишь одно слово.

— Тирасы.

Плечи Кассия поникли. Он сбросил ладонь северянки, глядя, словно в пустоту.

— Нет шансов больше... Я потеряю ее... Это я... Я во всем виноват!

— Не потеряешь, — с неуместной уверенностью пообещала Керра.

— Замолчи, безумная колдунья... Я сегодня обыскал весь город, их следов нет и близко. А пустынный стан они давно покинули. У нас нет времени на их поиски... Она же... Она же покинет нас с рассветом... Эдер, за что ты так жесток со мной?! За что ты позволил ей забрать мое сердце?! И для чего, если ей не суждено вершить дальше жизненный путь?!

— Не надо никого искать, — в черных глазах северянки дрожали слезы. Настолько сильно прожгли ее душу угроза потерять подругу и искренние слова повелителя о своих чувствах. — Я знаю, где сейчас Элана. Я знаю этот обряд. Только она сможет подарить ей жизнь, если того захочет Лаки.

— Керра! — Лентул от изумления едва выговорил ее имя. — Ты... Ты связана с тирасами? Они вне закона в империи, о чем ты думала?!

Кассий бросил на друга тяжелый взгляд. Всего за миг до того, как вцепился в ладонь Керры, коснувшись ее лбом в жесте почти фанатичного преклонения.

— Молю тебя, приведи ее... Не позволяй моей девочке умереть! Только не сейчас! Я наконец-то подарил ей свободу, она просто не может меня покинуть...

— Леди Элана не поедет во дворец, — осторожно заметила северянка. — Только... Если только...

— Я немедля готовлю бумагу, мои люди седлают лошадей, — перехватил лидерство Домиций Лентул. — Керра, ты со мной. Она же тебя знает?

— Кто, Элана? Да. Очень хорошо.

— Собирайся... Нельзя терять ни минуты...

Кассий, словно в полусне, приблизился к постели. Элика таяла. В прямом смысле слова. Он сжимал ее холодные пальцы, вглядывался в темные тени на лице, предвестников смерти, и его горячие слезы капали на ее кожу, словно пытаясь воззвать к воле жизни, но, казалось, застывали льдом еще в падении. Он машинально поставил свою подпись на разрешительной бумаге, не замечая ничего вокруг. Просто держал ее безвольные ладони в своих, мысленно предавая свою жизненную энергию, которая, как не пыталась, но так и не смогла пробить панцирь смертоносного льда под кожей...

— Эл, борись, прошу тебя... — глотая горькие слезы, прошептал мужчина. — Ты же сильная, я знаю... Даже я не смог поставить тебя на колени... Без тебя мое сердце биться не будет, просто ни к чему... Не умирай... Я люблю тебя. Ты смысл моего существования. Только с тобой я смог испытать счастье. У меня не будет смысла жить дальше, если ты позволишь себе уйти... Не надо. Я же дал тебе свободу! Почему именно сейчас?..

... Эл потянулась на постели, с изумлением уставившись на опухшие глаза Кассия.

— Да что с тобой? — проговорила она, не слыша собственного голоса. — Прекрати плакать... Мне, в отличие от тебя, не нравятся твои слезы!

Он не слышал ее. Продолжал что-то говорить, глядя куда-то вниз, за ее плечо. Совсем, наверное, обезумел?

— Эй! — она протянула руку, движимая желанием не столько успокоить его, сколько ощутить на своих пальцах его слезы.

Рука наткнулась на невидимую преграду. Элика подскочила, услышав легкий смешок за своей спиной.

— Почему ты так торопишься попасть сюда, не понимаю.

Приятный мужской голос, который показался ей родным, несмотря на то, что она не слышала его раньше. Повернула голову, любопытство оказалось сильнее желания наблюдать за слезами Кассия.

Фигура относительно молодого мужчины, казалось, излучала свет, сам он едва касался твердой поверхности, словно парил над землей.

— Антал Всемогущий... — охнула Элика, поднося руку ко рту.

— Почти угадала. Так меня тоже называет раса богинь-воительниц самой великой земной империи, — его глаза лучились смехом. — Но тут, на этой неприветливой земле, ты можешь звать меня по-другому. Просто Лаки.

— Как? — опешила девушка. — Лаки — бог тьмы этого мира!

— Реки жизни непредсказуемы, правда ведь? — развело руками неземное существо. —

Разве можно было ожидать иного в мире, где женщин, не лишенных воли и отваги, приравняли к исчадиям зла? Не могу сказать, что меня это сильно расстраивает. Вот Лакедон забавы ради примерял белый хитон и велит величать себя Эдером. И где в этом мире справедливость? Нет ее. Да и не нужна она здесь.

Элика уже перестала удивляться чудесам. Повернула голову, желая знать, что принц будет делать дальше, и опешила, увидев саму себя, без движения на ложе.

— Как такое... — потрясенно произнесла, взглядываясь, надеясь, что ошиблась.

— Как ты могла быть столь беспечной, что игнорировала своих скрытых врагов? — Лаки сделал царственный жест мерцающей ладонью, и картину ее тела и склоненного над ним принца словно скрыло темной пеленой. — Ты позволила победить себя обычной рабыне, за которую бы я не дал и пера из крыльев воительниц! Думал, хватит ума обойти это. Хорошо хоть додумался призвать в эту обитель зла свою последовательницу, чтобы вытащила тебя в случае чего...

— Я умерла? — прямо спросила Элика.

Бог рассмеялся.

— Было бы крайне подло дать тебе умереть после тех даров и жертв, что ваша семья испокон века перетаскала на мой алтарь. Ты чувствовала все это время мое присутствие рядом? Я благословил тебя и твоего брата с самого рождения. Он, кстати, не был столь тактичен, когда я ему впервые явился. Велел мне убираться еще как минимум на сто зим... Если я уже решил править твой жизненный путь, пройди его, будь добра, до конца. Да и твоя клятва мести меня интригует. Она еще в силе или же ты расплавилась в руках моего ненавистника, как воск?

— Я полагала, моя месть уже начала вершиться, — усмехнулась Элика, вспомнив слезы принца. — Терида, тварь... Как же я могла упустить это из виду...

— Рано тебе еще почивать в небесных чертогах, принцесса. Кстати, должен ли я напоминать, что наказать отравительницу ты обязана по закону возмездия? И в этот раз я попрошу крови.

— Мог бы и не просить, — согласилась Элика, анализируя его слова. Даже сейчас она ощущала непостижимую ауру благодати и покровительства рядом с божеством.

— Возвращайся к этому потерянному щенку, в которого сама его превратила, а то мне уже мерзко слушать его стенания. Но имей в виду, что на этом останавливаться я тебе не позволю. Устроишь ему это самое Ист Верто спустя какое-то время. Пусть живет пока, не пройдет и четверти меры масла, как он начнет присягать мне на верность. Только я тебе этого не покажу, а то еще пустишь в сердце сожаление и женское сочувствие. Мне это ни к чему. Твоя миссия в не столь далеком грядущем стереть эту обитель иноверцев с лица земли. Ты мне во сто крат важнее живая и невредимая.

— Ист Верто, значит, — Элика подавила ростки тревоги и сомнения. Наверняка он читал ее мысли. — Не вполне понимаю, как... Не нарушив закон чести. Я дала слово сохранить тайну, он дал слово отпустить меня... Сложно все это.

— Такая же молодая апологетка добра, как и твоя мать в свое время, — хмыкнул Антал — Лаки. — Не бойся, законы чести ты ни в коей мере не нарушишь. Король варваров и слуга Лакедона, ой, прости, Эдера, что одно и то же, даст тебе еще не один повод для мести, будь уверена. А теперь отдохни немного, съешь плодов света и величия, — божество указало на огромную пиалу рядом с ложем. — Скоро обратно вернешься, а то твое Ист Верто с ним случится раньше времени.

Элика потрясенно протянула руку к яблокам. Антал оказался беззаботным, своеобразным веселым циником! Вот этого она точно не ожидала.

Вождь тирасского народа, воинственная Элана, держалась с достоинством королевы. Даже во дворце, где стены и потолки поражали своим великолепием, женщина едва достаивала все это взглядом. Жар полуденной пустыни и сирокко кассиопейских степей бежали в ее крови, врожденный дар непостижимой иными свободы во всем, к чему бы она не прикасалась.

Казалось, не Домиций Лентул привел ее в покои принца, а она сама повела их всех за собой. Кассий отпрянул от Элики, впервые оказавшись в замкнутом пространстве один на один с персоной нон грата его империи.

— О, все так плохо? — со скрытым сарказмом поинтересовалась Элана, заметив его покрасневшие глаза. — Даже не мечтала увидеть великого правителя в столь плачевном состоянии.

Тирасы гордились своим умением вольно излагать мысли, подобно собственному темному богу.

— Так, мне рассказали. Атланская амазонка?

Кассий не ответил. Слова застряли в его горле. Когда облаченная в черный балахон, грациозная, несмотря на немолодой возраст, предводительница тирасов склонилась над Эликой, ощупывая ее пульс, его первым желанием было оттолкнуть ее и закрыть своим телом любимую женщину. Только появление Домиция с Керрой позволило ему сдержаться.

— Атланки благословлены именем Лаки, его воительницы происходят от рода этих отважных женщин. — Элана кивнула принцу. — Вели всем покинуть покои. Ее спасет только обряд кроветворения.

Лентул колебался. Керра взяла его под руку, намереваясь вывести из покоев. Элана, сузив глаза, подняла вверх ладонь

— Говорящая с миражами должна остаться. И я не потерплю вмешательства. Что бы тут не происходило, никто не войдет в эти двери до рассвета!

Кассий решительно кивнул. Он так и не встал с колен, даже не задумавшись над тем, как это выглядит со стороны.

— Молю тебя, спаси ее. Я отдам тебе Лазурийскую пустыню и все права граждан Кассиопеи. Я позволю тебе нести свое учение моим людям, несмотря на то, что оно оскорбляет Эдера. Только верни ей жизнь!

Элана велела ему замолчать царственным жестом. Керра захлопнула двери за Лентулом и вернулась к ложу Элики.

— Дай мне руку, держи на ее груди, — распорядилась вождь тирасов. Встав в изголовье постели, сжала виски принцессы своими ладонями.

Долгие минуты ничего не происходило. Затем Элана, оторвав свои руки, словно обжегшись, жестоко улыбнулась убитому горем Кассию.

— Ответь мне, принц, — вкрадчиво попросила она. — Ты все еще хочешь ценой своей крови спасти ту, что в не столь далеком грядущем сотрет твой мир с лица земли в огненном урагане?..

Кассий не понимал ничего. Слезы сжимали его горло, вместе с шокирующим осознанием того, что он потеряет себя окончательно в случае ее смерти. Глупые предрассудки тирасов не стоили ломаной монеты солнечного металла.

— Спаси ее. Все равно, как, и что потом. Забери мою жизнь, если понадобится, но она должна жить!

Керра изумленно охнула, поднеся руку ко рту. Слишком много времени провела она здесь, во дворце Кассиопеи. Слишком жестоки и по-прежнему ясны были ее воспоминания о том дне, когда ее босые ноги впервые ступили на холодный мрамор пола. Как поражена была она этой роскошью, несмотря на весь ужас своего положения. Как усилием воли убила в себе всю слабость, решив стоять до конца, даже если результатом этого будет смерть. Как впервые взглянула в его глаза, не затуманенные огненным эликсиром и фанатическим блеском разрушения... И сразу осознала, что никакой пощады не будет. Холодное сердце. Холодный разум. Холодный расчет.

В каждом человеке можно было найти что-то светлое. В Нем искать это не было ни малейшего смысла. Ужасной была не боль от ударов. Керра считала их вслух, сдерживая крики, теряя сознание и вновь приходя в себя. Смеялась ему в лицо, чтобы не стонать от боли. Не поддавалась на провокационную нежность, когда он гладил ее волосы и просил сдаться добровольно. И тогда, со всей циничной жестокостью, он выбрал беспроегрешное оружие. Самым умелым, изощренным способом, ломая ее защиту, подавляя, подчиняя себе в первобытном поединке власти и покорности.

Она до сих пор не могла простить ему и себе высказанной ею же слабости. То, что иначе быть не могло, что она просто опешила от первого в своей жизни оргазма и не смогла его скрыть, сознание отметало, возвращая чувство вины. Но даже после этого у нее хватило сил язвительно поблагодарить его, всем своим видом демонстрируя, что она вроде как и терпела все его истязания лишь ради плотского наслаждения. Не совсем убедительно. Жестокий завоеватель не оставлял попыток вознести ее к вершинам удовольствия, но Керра быстро научилась играть по своим правилам. Иногда скрывая, иногда, наоборот, демонстрируя, выставляя себя роковой потребительницей. И вместе с этим крепла в ее душе даже не ненависть, а ледяное презрение. Однажды, во время очередного, грубого, как всегда, соития, она вознеслась еще выше, неподконтрольные слезы выступили в уголках ее глаз. "Вот ты и проиграла, рабыня," — самодовольно расхохотался Кассий, не позволяя ей спрятать глаза. Керра вскинула руку, прикрывая бессердечный холод его взгляда, и внезапно перед ее глазами пронеслось странное видение. Образ этого ненавистного монстра на коленях в слезах от горя или потери. В этих же покаях.

— Скоро ты заплачешь сам... и поверь, не от удовольствия, презренный шакал!

Принц резко оборвал смех. Карие, с искорками золота глаза северянки непостижимым образом наполнила тьма, от которой все похолодело у него внутри. Паника смешалась с яростью и злостью на эту гордячку, посмевшую бросить ему вызов. С него хватит. Завтра же он самолично швырнет ее в ноги Лентула. А для начала поставит на коже метку раскаленным железом, чтобы первый советник не утонул в чарах ее агрессивной сексуальности, а видел в ней то, чем она отныне являлась. Вещь без права голоса.

Спустя шесть зим ее видение обрело реальные черты один в один. Сегодня, в этих

покоях. Что-то дрогнуло в циничной душе некогда обиженной им женщины. Не жалость, нет. Что-то сродни пониманию и даже неприкрытому уважению. Казалось, такая разная любовь к атланской принцессе сплотила их в этот момент. Керра ясно поняла, что не будет даже упрека за ее дружеские отношения с племенем Эланы, не будет злости на нее из-за того, что она увидела повелителя в столь разбитом и побежденном состоянии, будет лишь благодарность, если они вместе смогут вырвать Элику из цепких объятий смерти.

— Ты должен присягнуть на верность Лаки, иначе он не примет твой дар крови, — повелительно сказала Элана, подходя к нему. — С колен не вставай. Но прежде чем повторить за мной закон верности, ты обязан впустить в свое сердце искренность. Просить именно бога Тьмы, а не Света. Он есть в каждом из нас, просто сумей его принять. Это не так сложно. Поверь, именно Лаки правит твою руку в военных баталиях, дает тебе возможность быть незаметным и бесшумным для врага даже в светлое время круговорота, именно он позволяет тебе давать выход твоей темной половине время от времени и проявлять высшую мудрость, когда она необходима. Обратись к нему. Исключив всю предвзятость и ненависть, просто говори с ним, как с обычным человеком. Он услышит тебя. Сделай это.

Кассий не сводил глаз с неподвижного тела Элики. В тот миг слова заклинательницы тьмы больше не были в его ушах ересью. Они стали единственным спасением, огнем маяка во тьме бушующей стихии ночного океана, глотком спасительной влаги в бескрайней раскаленной пустыне. Тихий голос женщины обволакивал, раскраивал панцирь недопонимания, недоверия и неприятия на части, слова поражали своей логичностью и разумностью. Это не было попыткой навязать свою волю или религию, хотя, наверное, в таком отчаянном положении Кассий принял бы даже это. Он закрыл глаза, образ Лаки ускользал от его восприятия. Да и что он знал о темном боге своего мира?! Только то, что он ТОТ приветствует дерзость и господство женщин, что его рисуют чаще всего в образе темной, безликой мужской фигуры с винтообразными рогами и хвостом, а появляется он из пламени в окружении прекрасных воительниц, чаще всего нарисованных пером художника по образу и подобию непокорных никому атланток. Что власть Эдера — благодать, власть Лаки — хаос. И что никогда прежде он не смел думать об этом божестве как о покровителе собственных темных деяний, списывая все на милость одного только Эдера...

Его попытки призвать Лаки наткнулись на темную стену ответного неприятия. Отчаяние вновь с прежней силой охватило его израненную душу. Элана, почувствовав состояние принца, почти ласково положила руку ему на плечо.

— Я тебе помогу. Очисти свои помыслы. Ты не отмечен печатью его благосклонности, поэтому он не подпускает тебя к себе. Но твои чувства к его земной дочери сделают это возможным.

Кассий прикрыл глаза, сосредоточившись на теплой ладони тирасской предводительницы. Сначала ничего не происходило, но уже вскоре темные туманообразные завихрения, отделившись от ее пальцев, словно проникли в его сознание. Эта тьма не пугала. Наоборот, она давала надежду, подкупая своим рассудительным холодом, погружая в подобие транса.

У Лаки было лицо и тело обычного человека. По сути, практически молодого парня. Без рогов, хвоста и огненного вихря за спиной. И светящаяся аура вокруг была вовсе не черного цвета. Это был свет, ярче солнечного, но в то же время мягче. И все сознание Кассия против воли подалось навстречу высшей мистической силе, вместе с ощущением себя песчинкой в

бесчисленных барханах пустыни, каплей в бескрайнем океане, вздохом на фоне учащенного дыхания. Ему даже не надо было имитировать свою искренность сейчас. Мысленный посыл говорить не заставил бога тьмы долго ожидать ответа. Мысли Кассия текли непрерывным потоком, горной рекой, не замечающей преград на своем пути.

Спаси ее. Прими мою кровь, даже если заберешь ее всю, и это будет мой последний дар. Я восставал против твоей власти с самого рождения, отрицая твою помощь, приписывая ее Эдеру. Хаос кругом, но я был слеп, обвиняя в этом лишь тебя. Если ты подарил мне истинную любовь в лице Элики лишь для того, чтобы покарать меня, забрав ее обратно, молю, сделай это иначе. Пусть я больше никогда ее не увижу, но только оставь ей жизнь. Забери мою. Я не прошу больше ни о чем, я не заслужил твоей благосклонности. Теперь я знаю, Эдер слеп и жесток в своих помыслах, но ты иной... Как же поздно ко мне пришло это понимание. Забирай, что хочешь. Требуй, что угодно. Молю только об одном, прими мою кровь лишь ради нее, она заслужила право жить!

Беспристрастный, даже циничный, но вместе с тем задумчивый и грустный взгляд Лаки в ответ. Долгое мгновение, усиливающее обреченность своей неопределенностью. Наконец, голова бога склонилась в утвердительном жесте. Но презрительно — соболезнающая улыбка так и не покинула его губ...

Вынырнув из омута транса, Кассий жадно вдохнул, ощутив удушье.

— Я получил благословение. Бери мою кровь! Верни мне мою девочку!!!

Пальцы Эланы успокаивающе поглаживали его затылок. Чуть поодаль Керра взвесила на ладони нож с острым широким лезвием.

— Дай клятву верности Лаки, — велела заклинательница тьмы.

Кассий покорно повторил за ней слова этой клятвы. Сейчас он верил в каждое из них.

— Протяни руку.

Ни страха, ни волнения не было в его душе, когда к нему неспешным шагом приблизилась Керра с золотой пиалой и ножом, зажатым между зубами.

— Представь, как ты отдаешь свою кровь великому Лаки.

Северянка одобряюще улыбнулась своему недавнему врагу. В ее черных глазах плескалось восхищение его отвагой и храбростью.

Он не почувствовал боли, когда острое лезвие вспорол его запястье. Керра удерживала его руку, вместе с этим словно передавая прикосновением веру в то, что все будет хорошо уже совсем скоро. Впервые за все время в его воспаленном сознании на бешеной скорости пролетела мысль, что Лентул и эта женщина достойны друг друга как никто.

Кассий не знал, сколько крови отдал. Держался до последнего. Когда все было закончено, отмахнулся от поддержки обеих женщин, невзирая на сильное головокружение и слабость, дошел до ложа Элики и сжал ее холодную руку. С трудом удержался от протеста, когда Элана хладнокровно рассекла кожу на запястье бесчувственной девушки. Ее заклинания потекли непрерывным потоком, после чего его кровь полилась в разрез на руке Элики через бамбуковый желобок.

Он отключился на моменте, когда вождь тирасов уверенными движениями пальцев наносила на кожу Элики непонятные символы его же кровью. Просто погрузился в непроглядную тьму, сжимая руку самого дорогого человека на свете, так бессовестно и неумолимо оккупировавшего его сердце и мысли. Впервые чувствуя, как нагревается кожа под его прикосновениями, опуская себя в эту непроглядную бездну потустороннего мира, не зная, вернется ли оттуда обратно, или же нет. Главным было лишь то, что она оживала. И

перед последним озарением на пороге тьмы он явственно ощутил своими пальцами рвущийся толчок крови по ее венам. Жизнь.

Он не имел ни малейшего представления, сколько времени прошло на самом деле. Казалось, его рассудок плавал в пучине тьмы целую вечность. Что-то вернуло его обратно острым рывком. Дождь? Струи воды стекали по лицу. Принц резко дернулся, приходя в себя.

— О, неужели я забрала столь много твоей крови? — иронично усмехнулась уставшая Элана. — У нашего повелителя не случалось более серьезных ранений на поле битвы?

Смешок над правым ухом принадлежал Керре. Судя по серебряному кубку в ее руках, именно она привела его в чувство столь радикальным способом.

— Очень сильное волнение, страх. Нет ничего удивительного, — смягчила сарказм повелительницы тьмы северянка, одаривая Кассия улыбкой, как у близкого друга.

Принц вскочил на ноги, не обращая внимания на головокружение и темные пятна, поплывшие перед глазами.

— Эл, что с ней?

Из-за темной пелены перед взором он не мог видеть ее. А беспечная веселость присутствующих женщин еще не выстроила осознанной логической цепочки в его мозгу.

— Эй, не делай резких движений! — предупредила Элана. — Все хорошо. Она просто спит.

— Разве я не должен был отдать свою жизнь? — с бессмысленной настойчивостью проронил Кассий. В голове зашумело, но темные круги понемногу стали исчезать.

— Я сама удивлена, но, видимо, у Лаки на тебя иные планы.

Проигнорировав этот выпад, Кассий, проглотив тяжелый ком в горле, снова опустился на колени и сжал руку Элики. Она была теплой. Пульс разгонял по ее телу кровь вместе с жизнью, а грудь вздымалась от учащенного дыхания. С нее уже стерли кровавые символы, и ее кожа приобрела прежний, здоровый золотистый оттенок.

Нежность затопила его неумолимой волной. Не замечая ничьего присутствия, не стесняясь своих эмоций, мужчина, отбросив слабость, лихорадочно припал в поцелуе к ее припухшим губам, наконец-то вернувшем себе прежний коралловый оттенок, обнимая, прижимая как можно крепче, желая стать с ней единым целым и никогда больше не отпускать. Он не замечал, как капали его слезы на ее золотистую кожу, словно оставляя метку нежности взамен на отжившие себя отметины жестокости. Крупная дрожь сотрясала все его тело, страх потери вместе с робким осознанием того, что жизнь вернулась в тело его любимой женщины, лишил его остатков самоконтроля.

— Не стоит будить ее раньше времени. Это я так, на всякий случай, — с неубывающей иронией заметила вождь тирасов. Кассий в ответ лишь сжал крепче спину Элики, приподнимая ее над постелью. Голос женщины стал строже. — Эй. Если повелитель Кассиопеи сможет до заката последующего круговорота удержать своего дружка в узде, она проснется полной сил и энергии. Разбудишь раньше, она еще декаду в себя прийти не сможет. Горячей крови все равно, но я предупредила. Поразительно. Я взяла в дар почти полную пиалу твоей крови, откуда такое неумное желание обладания?

Керра зажала рот ладонью, покатываясь со смеху... Наверное, именно так требовало выхода колоссальное напряжение этой ночи.

Принц не мог оторваться от Элики. Последствий своего всплеска нежности он не замечал, ровно как и язвительного юмора благодетельницы. Просто гладил нежное тело своей любимой девочки, согревая руками, постепенно осознавая, что опасность миновала, и

Лаки сдержал свое молчаливое обещание. Она будет жить. Больше ничего не имело значения. Даже слова воительницы тирасов об огненном урагане и исчезновении империи.

— Не хочу прерывать это чудесное мгновение, — выждав половину меры масла его объятий со спящей принцессой, проговорила Элана, — Но не пора ли нам обсудить условия, так красочно расписанные мне мужчиной той, что говорит с миражами? Каюсь, заслушалась прямо по дороге сюда. Насколько правдивы были его обещания, и не откажется ли от них повелитель после того, как опасность миновала?

Кассий с неохотой оторвался от груди Элики, которую осыпал поцелуями, все еще ощущая на губах соленый привкус собственных слез облегчения и счастья.

— Приношу свои извинения, леди Элана. Конечно, нам стоит об этом переговорить. Ты желаешь вести разговор сейчас, или на рассвете, после того, как нам всем удастся немного отдохнуть после столь тяжелой ночи?

— Касс, рассвет наступил около меры масла тому, — тихо подсказала Керра.

Он этого даже не заметил. Ничто не волновало его сильнее, чем самочувствие Элики и уверенность в том, что она окончательно поправится.

— Я бы желала обсудить это немедленно, и сразу после этого отбуду в наше временное пристанище в твоей столице. Полагаю, ты уже не сердишься на нас за это несанкционированное вторжение?

— Нет, — сейчас принц был искренен как никогда прежде. Ведь, не случись такого акта неповиновения со стороны тирасов, они бы не оказались в спасительной близости. Если бы пришлось отправляться за их вождем в Лазурийскую пустыню, участь Элики была бы решена.

— И пока мы все здесь, — добавила Элана, — Я скажу еще кое-что. Все, что случилось этой ночью, не должно стать ей известным, — она указала в сторону Элики. — Такова воля Лаки. Я не знаю, что ты ей скажешь, но знаю, чего не скажешь точно. Не было никакого обряда крови. Говорящая с Миражами отпоила ее травами, и это помогло. Если нарушишь волю бога, последствия будут плачевными.

— Как скажешь. Мы можем пройти в зал переговоров, дабы не беспокоить ее.

Шокирующая эйфория, вытесняя остатки недавнего кошмара, когда любимая девочка балансировала на грани жизни и смерти, завладевала его сознанием. Медленно, неотвратимо. Ему хотелось смеяться и кричать одновременно. Убить беспощадно медлительное время, не позволяющее пока услышать ее голос и лицезреть ее улыбку. Резать свои запястья дальше, выражая свое восхищение и поклонение богу тьмы. Полтора круговорота, без нее... И одновременно рядом... Бег времени был так неумолим, а им оставалось так немного быть рядом друг с другом...

Когда двери его покоев распахнулись, он сразу и не осознал, что почти вся дворцовая стража под предводительством Лентула с нетерпением подскочила на ноги. Запрет не входить до рассвета наверняка заставил их изрядно побеспокоиться. Убедившись, что с принцем все в порядке, Домиций испустил вздох натурального облегчения. Керра, слегка пошатываясь от усталости, почти упала в его объятия, без стеснения вытянув губы для глубокого поцелуя. Вождь тирасов обвела недвусмысленным взглядом притихших воинов.

— Давно мои глаза не взирали на столь большое скопление достойных мужей, — беспечно заметила она. Мужчины напряглись, а Кассий со счастливой улыбкой на губах повел плечами.

— Одно твое слово, любой из них придет в твои гостевые покои, только сделай

выбор, — не замечая ошеломленных взглядов, пообещал Элане. Наверное, он бы достал ей сейчас даже Фебус, если бы та попросила.

— О, нет, к счастью большинства, я слишком устала этой ночью, — заклинательница тьмы сразу потеряла интерес к мужчинам, а Кассий мимоходом отметил, как напрягся Марк при их диалоге, как налились плохо скрываемой яростью его глаза и побелели костяшки пальцев, сжимающие рукоять меча.

— Домиций, ты мне нужен, — запомнив на будущее реакцию легата, принц жестом велел т ому и всем остальным расходиться. Втроем они последовали в зал переговоров, где уже ожидал пожилой писец, так рано поднятый с постели для работы при заключении соглашения.

— Я сдерживаю данное тебе обещание, — не размениваясь на ненужные формальности, провозгласил Кассий. — Отныне тирасам дарована полная свобода передвижения по империи, а также право на проживание в столице. Ваш культ поклонения Лаки больше не будет подвергаться гонениям и запретам. Более того, у вас есть мое разрешение организовать его в столице. При условии, что не будет насильственных обращений в чуждую многим веру и человеческих жертвоприношений.

— Человеческих — чего? — засмеялась Элана. — Кто вообще решил, что Лаки принимает людские жертвы?! Повелитель, может, стоило вести переговоры после хорошего сна? А то усталость, знаешь ли...

— Не стану отрицать, такие слухи часто ширятся в столице, хотя мне никогда не хотелось в них верить, — заметил Лентул.

Элана посмотрела на него с любопытством.

— Мне не составит труда развенчать эти кровавые мифы, только понадобится время. Это так, на всякий случай, — женщина перевела взгляд на Кассия, который изо всех сил боролся со сном. — Как я понимаю, я забираю Лазурийскую пустыню?

— Ты забираешь во владение приграничные земли, те, что лежат по линию восхода от священного оазиса. У тебя и членов клана есть право передвижения по землям пустыни, но тебе принадлежит лишь оговоренная часть.

Урок правителя: ты не получишь все и сразу. Сколь бы ценна не была твоя помощь, ты не заставишь меня переступить грани разумного. И каким бы уставшим, измотанным, благодарным и великодушным я не выглядел, уступки никогда не пойдут путем ущерба для империи.

— С этим покончили. Или тебе было обещано иное? — принц прищурил глаза и посмотрел на Лентула.

Элана раздраженно тряхнула кистью, увешанной звенящими браслетами, признавая свое поражение.

— Нет. Этого не обещали.

— Хорошо. Есть еще условия?

— Да. Многих тирасских женщин испокон века обращали в рабство, словно чужеземок. Жажда обладания теми, кто хоть отдаленно, но напоминает мужчинам атланток, превращает их в монстров. Тебе ли об этом не знать.

Кассий проигнорировал последние слова.

— В этом я согласен. Не далее как к вечеру мною будет подписан указ, запрещающий подобные действия. Виновные будут караться по всей строгости закона. Укажи это в договоре! Вместе с гарантией освобождения тех, кто имел несчастье оказаться в рабстве

лишь потому, что ранее закон не гарантировал сбережения их гражданских свобод, — писец едва уловимо кивнул, прописывая оговоренные положения.

Элана выглядела довольной.

— Торговля...

— Я в этом не стану вам препятствовать.

— И значит ли признание культа Лаки некую отставку Эдера?

— Нет. Важно понимать, что, несмотря на свой обет и признание бога Тьмы этой ночью, я не допущу религиозной революции. Эдер покровитель империи, верховное божество, и он им останется. Я допускаю, что в Кассиопее много скрытых приверженцев учения Лаки. Так вот, больше они могут не таиться. Свобода вероисповедания будет прописана отдельным указом в ближайшее время. Но считаю своим долгом предупредить, что в случае любой агрессии с твоей стороны, леди Элана, соглашение будет считаться аннулированным. По всем его пунктам.

— Лаки нет нужды в насильственном обращении его подданных. Только искренние сердцем смогут принять его благосклонность. Наш бог выше насильного пополнения своих рядов воинами тьмы, — разумно отбила его атаку вождь. — Нет повода об этом беспокоиться.

— В таком случае, если у тебя больше нет условий, я предлагаю скрепить наше соглашение печатями. Со своей стороны обещаю, что дворец Кассиопеи всегда открыт для тебя, ты можешь обращаться ко мне с любыми вопросами, предложениями, а также в том случае, если тебе понадобится моя помощь. Допускаю, что первое время среди моих подданных может подняться ропот недовольства; об этом я также должен знать, чтобы вовремя принять меры.

Элана с ироничной ухмылкой развела руками. Соглашение, клейменное горячей смолой, вступило в свою законную силу.

— Теперь я имею честь пригласить тебя разделить со мной утреннюю трапезу. Также, учитывая бессонную ночь и усталость, позволь предложить тебе гостеприимство, до тех пор, пока не захочешь вернуться, — сказал Кассий под аккомпанемент одобрительных кивков Лентула.

— Признаться, я умираю с голоду, — лукаво подмигнула женщина. — Было бы неблагоприятно от этого отказываться. Но второе предложение вынуждена отклонить. Мы партнеры, мой принц, но уж никак не лучшие друзья.

Спустя меру масла, организовав отъезд тирасской предводительницы, Кассий вернулся в свои покои.

Элика спала мирным сном, улыбаясь во сне. На ее смуглых скулах играл здоровый румянец, а грудь медленно вздымалась в такт ровному дыханию. Все еще ощущая слабость от недавней потери большого количества крови и нервного напряжения, Кассий сбросил одежду и лег рядом, прижимая ее к себе, с чувством глубокого умиротворения ощущая тепло податливого женского тела и биение сердца, разносящего по артериям девушки частичку его самого. Элика беспокойно заерзала и прижалась еще крепче. Проклятие! Эрекция не заставила себя долго ожидать. Чтобы немного успокоиться и не нарушить ее долгий сон, принц погладил ее сбившиеся темные волосы, с особой нежностью поцеловав в затылочек, не размыкая кольцо объятий.

— Спи, моя любимая. Больше с тобой ничего не случится. Клянусь, никто и никогда больше не посмеет обидеть тебя, пока я рядом.

Постепенно усталость взяла свое, и Кассий просто провалился в такой же глубокий сон, сжимая руками ее тело и ощущая тепло.

Ему удалось проспать до позднего вечера. В немалой степени этому способствовал затянувшийся дождь, отбивающий баюкающий ритм. Как бы не хотелось выпускать из объятий любимую девочку, государственные дела неумолимо требовали его присутствия.

Он заботливо накрыл ее шелковым покрывалом, очень осторожно, чтобы не нарушить исцеляющий сон. Если бы только у него была возможность находиться с ней рядом до полного ее пробуждения, наблюдая за тем, как она спит, за выражением безмятежности на почти детском сейчас личике! Время расставания неумолимо приближалось, отсчитывая капли масла до того момента, когда весь его внутренний мир неотвратимо погрузится в омут боли, тоски и душераздирающего одиночества. Он не тешил себя пустыми надеждами. Наверняка, заняв трон Атланты, она разорвет с ним все ранее принятые договоренности, чтобы больше никогда не видеть его лица, забыть, как страшный сон. Стереть из памяти — даже неизвестно, что именно: его жестокость, его болезненную страсть, причинившую столько боли нежному сердцу, или же свои неуверенные, но такие необходимые шаги навстречу его объятиям после всего произошедшего. В ее мире для него не будет места. Наверняка появится даже желание уничтожить его, но данное слово будет держать покрепче цепей рабства...

Попытавшись выбросить из головы невеселые мысли, Кассий подписал два новых указа, сдерживая данное Элане обещание. Лентулу предстояло уведомить жителей Кассиопеи об их вступлении в действие как можно скорее.

Как бы Кассию не хотелось вернуться к Эл, охраняя ее сновидения, то ли Эдер, возмущенный предательством принца, вставил палку в колесо, то ли Лаки, наслаждаясь новообретенной властью над своим недавним новообращенным, испытывал его на прочность, но всем приятным планам не суждено было сбыться.

В Кассиопею пожаловали делегаты заморской Спаркалии. Шторм задержал их корабли на подходе к гавани империи до наступления ночи. Кляня себя за то, что упустил их прибытие из виду и отправил Домиция нести новую весть горожанам, Кассий велел немедленно запрягать царскую колесницу, дабы встретить нежданных гостей со всеми почестями, как и подобает правителю.

Посол Спаркалии Аттикус вместе с делегацией в составе семи первых советников императора Фланигуса был встречен с пиететом, достойным самого императора. Элементарная дипломатия и этика. Представители сильной, погрязшей в самоуверенности империи держались подобно завоевателям, ступив на землю Кассиопеи, но принц не имел ни малейшего намерения растекаться перед ними воском. Ему хватило Эланы.

Гости были проведены во дворец, где им предоставили лучшие гостевые покои. Кассий дал понять Аттикусу, что желает вести разговор утром следующего круговорота. Только посол, нацепив маску необоснованного превосходства, сразу заявил о цели своего визита.

— Я пришел с миром и предложением объединения наших совместных усилий! — перебил он принца.

— Ради какой цели, позволь полюбопытствовать? — прогоняя из сознания образ обнаженной спящей Элики, раздраженно поинтересовался Кассий. Его глаза неприветливо изучали дерзкого визитера. Высокий лоб свидетельствовал о недюжинном интеллекте, а узкие губы — о циничной и расчетливой жестокости. Смуглая кожа и гладко выбритый череп создавали отталкивающее впечатление. В древних летописях этой расе и расе

атланских красавиц приписывались одни и те же корни, что вполне могло быть правдой, учитывая цвет кожи и преобладающий голубой оттенок глаз среди сопровождения гостя. Только сравнить сильную, волевою, и вместе с тем утонченную матриарх с этими самоуверенным выскочкой, который вел себя так, словно весь мир принадлежал ему, не представлялось возможным.

— Охотно отвечу, — ослабил зубы в улыбке спаркалиец. — Но, прежде всего, ответь, как сильно в данный момент наступаешь тебе на горло эта доставшая всех Атланта?

Кассий прищурился.

— Ты проявляешь неуважение, чужеземец, игнорируя мой вопрос и требуя немедленного ответа на свой! — ледяным тоном поцедил он. — Ты прибыл сюда с целью что-то сообщить мне, и уж никак не устраивать допрос принцу королевской крови! Попытайся еще раз, дабы я закрыл глаза на твою попытку оскорбления!

Аттикус не ожидал столь резкой отповеди, сказанной спокойным тоном. Его смуглое лицо пошло пятнами негодования. Но мания величия словно испарилась вмиг, под ледяным взглядом недооцененного будущего царя Кассиопеи.

— Я приношу свои извинения за нарушение протокола, — сквозь зубы процедил посол. — Я не смог совладать с эмоциями.

— Я настоятельно порекомендую Фланигусу сменить своего посла, который не может справиться с возложенной на него задачей! — спокойно уведомил Кассий.

Аттикус запнулся, когда в покои вошла хорошенькая темноволосая рабыня с подносом, уставленным напитками и легкими закусками. Оставив это ЕГОна столе, она вернулась к двери, забрала из рук стража стопку шелковых отрезков и покрывал, и, пряча глаза в пол, как и положено, перед свободными мужчинами империи, принялась заправлять постель гостя. При взгляде на нее спаркалиец криво усмехнулся, и в его глазах загорелся нехороший огонь вождения. Кассию это не понравилось. О жестокости этой расы в отношении рабов слагали легенды.

— Я четверть меры масла пытаюсь выбить из тебя ответ на свой вопрос, — холодно напомнил принц. — Не думай, что я буду ожидать до утра. Что ты хотел мне сказать?

— Мы готовы объявить войну Атланта! — оторвавшись от откровенного раздевания взглядом рабыни, провозгласил посол. — Слишком долго они наслаждались своей безнаказанностью и укрепляли позиции. Если мы это сделаем, путь наших отрядов будет лежать через земли Кассиопеи и завоеванной тобой Лассирии. Присоединись к нам, и мы вместе поставим эту девчачью пародию на государство на колени!

— У меня нет повода идти войной на Атланту, — отрезал Кассий. — Мы связаны с матриарх рядом соглашений.

— А что ты скажешь, когда эта сука Лаэртия решит прибрать к рукам Кассиопею? — сдвинул рассеченную бровь Аттикус. — Тебе понадобится наша поддержка. Предлагаю подумать над этим.

— Мы сядем за стол переговоров завтра на рассвете, — припечатал Кассий, стремясь поскорее избавиться от утомившего спаркалийца. — Не жди, что мой ответ будет иным. А сейчас, отдыхай, наслаждайся моим гостеприимством. Мы все обсудим завтра.

Юная рабыня, закончив работу, уже направлялась к выходу, когда Аттикус грубо схватил ее за волосы, заламывая руку.

— Отдай мне эту девчонку на сегодняшнюю ночь! — требовательно проговорил он.

Рабыня побледнела. Кассий едва сдержался, чтобы не разбить собеседнику нос.

— Нет. Отпусти ее. Немедленно.

— Я оплачу тебе нанесенный ей ущерб в трехкратном размере! — разжимая хватку, нахально заявил посол.

Девушка, не сдержавшись, рванулась к Кассию, упав на колени у его ног. Ее трясло.

— Хозяин, нет! Умоляю, не отдавай меня! Лучше избежь плетью, одень в свои цепи, только не делай этого!

Что-то сжалось в сердце принца при столь отчаянном жесте и словах девушки. Аттикус расхохотался.

— Я сам выдеру ее до крови, позволь мне.

— Я неясно выразился? — угрожающе повторил Кассий. — Ты к ней не прикоснешься.

— Разве она не рабыня? — презрительно уточнил спаркалиец.

Принц положил ладонь на голову девочки, успокаивающе пригладив выбившиеся пряди. Затем, желая преподать урок дерзкому визитеру, схватил ее за плечи и поднял с колен.

Тонкий ошейник на ее шейке был заклепан на один зажим. Не сводя взгляда с окончательно доставшего его спаркалийца, Кассий, вцепившись пальцами в тонкий металл, выверенным движением рук разомкнул его на шее. Девушка ошеломленно охнула.

— Как видишь, больше нет, — не дожидаясь благодарности, он подтолкнул ее в сторону двери. — И на будущее. Ты гость в моем доме, но ни к одной из женщин ты не прикоснешься даже взглядом. Если есть желание, тебя проводят в бордель с самыми изысканными жрицами любви. Но здесь тебе в этом отказано!

... Получившая внезапную свободу юная рабыня, не так давно попавшая во дворец и призывающая к себе смерть взамен на жестокие издевательства принца, о которых ей щедро рассказали товарки, сползла по стене коридора, не обращая внимания на изумленных стражей, и впервые за долгую декаду ужаса и страдания залилась слезами облегчения.

В тот же самый момент Элика, потянувшись на шелковых покрывалах, сладко зевнула и открыла глаза...

Все сны смазались моментально после поспешного пробуждения.

Только их отголоски путали мысли, раздражая, и уж никак не проясняя ситуацию. Она помнила явление Антала во сне, только тот почему-то потребовал называть себя Лаки, говорил ей что-то про ИстВерто... И отравление?!

Элика вскочила с постели и прислушалась к себе, своим ощущениям... Странно, но слабости не было и в помине! Более того, все тело было наполнено жизненной энергией и силой, словно после крепкого настоя кофейных зерен. Если ее отравили, разве не должно было быть по-иному?

Боль в запястье привлекла ее внимание. Кисть была забинтована отрезом хлопка, туго и умело. Захотелось развязать этот узел, но затянуть его обратно самой было бы проблематично. Принцесса решила дождаться Амину и уже тогда окончательно выяснить, что произошло на самом деле.

Отравление. Ну, конечно же! И почему ее сразу не насторожил хруст на зубах?

"Ты что, песка туда насыпала?" - вспомнились слова Кассия после той самой неудачной попытки воспользоваться зельем, которое дала Терида. Терида... Рабская тварь! Бог во сне указал именно на нее, да и тогда, она же убиралась в ее покоях... Но почему?! Чего этим хотела добиться эта рабыня?

Элика присела на мраморный подоконник. Уже утро. После того, как она очнулась в одиночестве, ее сморил сон, альтернатива беспомощности. Дождь не прекращался, орошая пересушенную землю. Нет, она не пыталась понять свою отравительницу и уж тем более найти ей оправдание. Насколько она успела заметить, отношение к принцу среди дворцовых рабынь было неоднозначное — часть стремилась укрыться от его внимания, другая же часть плавилась от непонятной симпатии, несмотря на все его зверства. Терида олицетворяла собой как раз второй лагерь.

Губы Эл сжались в тонкую линию. Отлично. Девчонка сама лишила себя шанса упасть в его постель и зализать его раны после ее отъезда. Очень неосмотрительно. Еще глупее, чем показалось принцессе вначале.

Движение за окном привлекло внимание Элики. Отряд из семи мужчин, вдалеке, седлал лошадей, не обращая внимания на проливной дождь. Принцесса подалась вперед, всматриваясь в высокие фигуры с бритыми черепами и фиолетового цвета символикой на копьях, стягах и латах. Цвета были знакомыми. Какой же нации они соответствовали? Уроки истории Тании обычно оставались в ее памяти, но сейчас девушка так и не могла вспомнить.

Среди незнакомцев она разглядела высокую фигуру Кассия. Похоже, что рассекать под дождем с недавних пор стало его любимым занятием. Взгляд принцессы бесстыдно скользил по перекачивающимся мышцам его груди, вызывая очередной прилив эротического желания вместе с холодным равнодушием. Как бы сильно не желало ее тело его вторжения, душа даже не дрогнула. Их ничего не могло связывать столь сильно. Только страсть. Не самая сильная эмоция для того, чтобы забыть обо всех его проделках.

Потеряв к принцу интерес, Элика вышла в центр комнаты. Обхватив ладонями локти, нагнулась, касаясь пола. Хорошо. Ничего не потеряно, она в прекрасной физической форме. Еще пара упражнений удалась без труда.

Кассий пришел лишь спустя меру масла, когда Элика уже измучилась от скуки.

Пробудившаяся энергия требовала немедленного выхода.

Принц замер в дверях, не веря своим глазам. Девушка лишь недоуменно вытянула руки вперед, спасаясь от чрезмерно крепких объятий. Холод дождевых капель и жар его кожи окутали ее невесомым покрывалом.

— Девочка моя... Ты жива... Я думал, ты не вернешься...

— Не дожدهшься, — растерянно проговорила девушка, с трудом сдерживая порыв поддаться бесконтрольному желанию. Много вопросов было для нее не выяснено на данный момент. Она дерзко вскинула голову, освобождаясь от его рук. На миг непонятное то ли воспоминание, то ли видение вызвало непонятную дрожь в теле — он, в слезах, сжимающий ее руку... Да. Последствия отравы, не иначе.

— Что творится в твоём дворце? — Элика отошла, подняв пальцами пустой кубок. — Я не могу даже насладиться эликсиром кофейных зерен, не опасаясь отравления. Вдвойне странно, что у тебя даже не возникло вопросов о том, кто мне ее тогда так великодушно предоставил!

— Кто?! — Кассий вырвал кубок из ее ладони. — Ты сама об этом заговорила... Ты же знаешь, кто это сделал! Верно?

— Знаю, — Элика наслаждалась иллюзией своей власти. — Сначала ответь. Что у меня с рукой? Я порезалась? Где и когда?

— Керра таким образом излечила тебя, — поспешно ответил Кассий, втайне радуясь, что кожаный щиток скрывает аналогичную рану на его запястье. — Она также напоила тебя травами, от которых ты проспала два солнечных круговорота... Ответь, как ты себя чувствуешь? У тебя ничего не болит? Слабости нет?

— Скорее наоборот, — Элика пожалала плечами. — Как я благодарна Керре... Когда я окажусь в Атланте, не смей препятствовать мне в намерении отблагодарить ее драгоценными дарами. Что же до моего самочувствия, я давно не ощущала подобного прилива сил. Готова сворачивать горы и возводить на их месте города.

— Все же я бы тебе этого не советовал, — Кассий, нахмурившись, сжал ее локоть и почти насильно оттащил к постели.

У Элики, несмотря на страх от этой внезапной грубости, заплясали в глазах веселые искорки.

— Эй! Ты решил завершить то, что не удалось моим недоброжелателям? Ах да... Два круговорота... Плюс ко всему я отключилась на самом интересном месте... Мое желание еще принимается в расчет или уже нет?

Принц не отреагировал на веселье в ее голосе. Если раньше его взгляд при подобных моментах заволакивало прозрачным льдом, то сейчас этот лед приобрел пугающий темный оттенок.

— Ты скажешь мне, кто. Немедленно.

— При одном условии, — слотнула Элика. Она его не боится. Она даже смерти не испугалась. На что он рассчитывает?

— Эл, со мной не торгуются, — Кассий подался вперед, прожигая ее взглядом. — Если будешь молчать, клянусь мечом Эдера, я отхлестаю тебя до крови! Можешь меня ненавидеть после этого сколько угодно, но мое сердце больше будет болеть за твою безопасность во дворце. Итак?

— Не сможешь, — дерзко ответила девушка. Но в ее голосе больше не было уверенности. Прежний Кассий вернулся.

— Поверь, ради спасения твоей жизни я еще и не такое смогу. Ты будешь говорить?

Элика из последних сил запрятала свой страх в потайной уголок сознания. Она будет стойкой и выбьет из него гарантированное ей право на возмездие. Чего бы ей это не стоило.

— Я скажу, — она показательно улыбнулась, встречая его взгляд. — Но ты отдашь мне жизнь этого человека.

— Само собой. Я лично снесу ему голову. Я жду.

— Ты не понял, — принцесса поймала его недоуменный взгляд, и ее улыбка стала шире. — Голову ему снесу я. Только если ты дашь мне это сделать, я назову его имя!

— Ты соскучилась по кнуту? — теперь лед был в его голосе. — Я не позволю тебе рисковать собой. Ты под моей защитой, поэтому я убью его лично!

— Охрнительная защита! — вскочила Элика. — Я не могу и глотка воды сделать от твоей защиты! Отравитель на свободе, а все, что тебя занимает, так это повод схватиться за кнут?

Рука Кассия одним рывком ухватила ее волосы, оттянув назад. Отмахиваться от собственного страха становилось все сложнее. Элика взвизгнула от боли.

— Ист Верто, Кассий! Ты не имеешь права мне отказать!

Ледяные серые глаза расширились от удивления, и хватка ослабла. Элика выдохнула, ощущая бешеный ритм сердца. Ему удалось ее напугать, но отступать от намеченной цели девушка не собиралась.

— Это Теридида. И я требую ее жизнь взамен на попытку отобрать мою.

Сказать, что Кассий был в шоке, значило ничего не сказать. Напряжение отступило, и Элика рассмеялась, глядя в его ошеломленные глаза.

— Теридида?! Зачем ей это понадобилось?

— Ну, не знаю, — принцесса сейчас не узнавала саму себя. Сон, в котором она говорила с Лаки, словно передал ей большую дозу равнодушного цинизма. — Наверное, как бы мне не хотелось об этом говорить, ты самый желанный и до одури неповторимый тиран в своей империи. Такими темпами скоро яду не хватит!

— Я разберусь с ней, — Кассий устало вздохнул. — Ты точно уверена в том, что это она?

— О, сожаление? — Элика едва не потеряла над собой контроль. Ничтожная рабыня пыталась ее убить, а все, о чем он думает, так это о том, что одной подстилкой в его гареме станет меньше! — Не стоит, право. Ну чего такого она делала, что не сможет повторить рабыня удовольствия? Можешь написать мне свои требования к замене, я пришлю тебе кого-нибудь из наложниц Лэндала в подарок. А эту суку ты отдашь мне!

— Я сам ее накажу, — Кассий был непреклонен. — Оставь это мне.

— Ист Верто! Идешь наперерез собственным законам?!

— Да будет тебе известно, что по праву Ист Верто правящая власть имеет право избрать меру пресечения на свое усмотрение. Ты хочешь ее смерти, так и будет. Но это сделаю я!

— Кассий, это не моя блажь от скуки в заточении, — Элика почувствовала боль. Он продолжал притеснять и зажимать ее во всем. И это после того, как лично заявил о том, что она может считать себя свободной! — Это моя религия. Покушение на жизнь должно караться смертью. Если я этого не сделаю, Антал не подарит мне своего благословения. Ты обрекаешь меня на скитание по лабиринтам между чертогами Лакедона и Антала!

— Нет. И не проси меня об этом.

— В...би тебя Лаки, — процедила сквозь зубы Эл, отворачиваясь к стене.

Кассий попытался вновь разговорить ее, гладил, обещал защиту и покой в своем дворце, невзначай затронув тему о религиозных предрассудках.

— Исчезни, — просто ответила принцесса, закрывая глаза.

Время послеобеденной сиесты означало почти две меры масла покоя и свободы действий для рабов дворца, и в этом им обычно не препятствовали. Это была некая традиция Кассиопеи, негласно соблюдавшаяся во всех именитых домах империи.

Элика наблюдала издалека за Теридой, о чем-то оживленно беседующей с Гайей. У рабыни хватило смелости расположиться под шелковым пологом шатра для своих господ, пользуясь их отсутствием. Блондинка, казалось, еще больше распустилась от своей безнаказанности за учиненный проступок.

Элика погладила рукоятку меча и жестоко усмехнулась.

Два солнечных круговорота. Ровно столько ей понадобилось, чтобы усыпить бдительность Кассия и лицемерно согласиться с его решением. Когда он пришел в ее покои той же ночью, Элика, отбросив ярое желание вытолкать его за дверь, напоминая о своей свободе, обворожительно улыбнулась, распустила тесьму своего платья, позволив ему свободно упасть на пол.

— Люби меня, повелитель. Я ведь едва не лишила нас этого!

Утихомирить его подозрительность оказалось проще простого, как и получить удовольствие от непривычно нежного совокупления. От этой части их отношений Элика не хотела отказываться ни на миг. Наверное, это единственное, чего ей будет не доставать после возвращения домой. Пожалуй, стоит навестить Ксению и ее оазис страсти. И совсем не для разговоров с наложниками о геометрии и астрономии!

После чувственно-волшебной ночи Кассий ощущал себя самым счастливым человеком на свете, что не укрылось от расчетливого взгляда Элики. Он со смехом кружил ее по комнате на руках, осыпал поцелуями и игриво кормил виноградом прямо с пальцев. Иногда даже устраивал с ней по-детски беззаботные поединки прямо в постели, великодушно позволяя себя одолеть. Чем не могла не воспользоваться принцесса для ключевой просьбы.

— Меня одно очень сильно беспокоит, — сладко запела она. — Когда я вернусь домой, Лэндал наверняка захочет сразиться со мной в дружеском поединке, мы часто это делали. Но я утратила все навыки! Это может показаться ему подозрительным. Если я была твоей гостьей, ты не мог запрещать мне упражняться с мечом... У атланток это в крови... Боюсь, он заподозрит неладное.

— Чего же ты хочешь? — принц был расслаблен и великодушен, чем жестоко пользовалась сейчас Элика, не испытывая ни капли сожаления.

— Разреши мне позаниматься с мечом. Никто не пострадает, обещаю. Много времени это не займет, заново поставить руку.

Кассий колебался, но Элика планомерно сметала его сомнения. В немалой доле этому поспособствовала ее практически добровольная ласка рабыни за дверями спальни уже следующей ночью.

Разрешение было получено. Утром принцесса, ухватив пару деревянных гладиусов, с легкостью искромсала на куски человекоподобные фигуры из веток и листьев. Воины дворца, и так пребывающие от ее выходов в состоянии непрекращающегося изумления, помимо воли засомневались в собственном мастерстве. Кассий неотступно наблюдал за ней и ее действиями. Элика думала, что он опасался ее нападения с оружием на его людей, поэтому и присутствовал на тренировочной площадке. То, что он восхищен умением и

воинственностью своей девочки, Эл даже не брала в расчет. По большому счету, ей было все равно.

После тренировки жажда действия требовала выхода, и Элика окончательно доконала мужчину закрытыми дверями спальни, погрузив в глубокий послеобеденный сон. Пришло время действовать.

— Принцесса, — смущенно поклонился Зарт, когда она зашла в оружейную комнату.

— Приветствую тебя, Зарт Стремительный, повелитель ветра и поля брани, — уверенно поприветствовала его Элика. — Где тот меч, о котором говорил принц? Легкий из арабесской стали?

— Меч? Но повелитель не говорил ничего...

— Да не может быть... Я утром тренировалась на деревянных, но к вечеру он пожелал увидеть, как я буду обходиться с настоящим... Он спит, — поспешно предупредила заерзавшего воина. — Мне меру масла всего с ним потренироваться, боюсь, растеряла грацию боя. Так бы хотелось выступить достойно для его удовольствия... — девушка игриво склонила голову на бок и облизала пухлые губы. Об их близких отношениях с принцем не знали разве что слепые... Которых во дворце не было.

— Этот? — Зарт опустил глаза, скрывая непристойные мысли. Элика выхватила меч, осмотрела лезвие и рукоять. Осталась довольна увиденным.

— Наверное... Если можно, дай мне еще тот, более тонкий, хочу понять, какой из них будет красивее смотреться в моих руках...

Вот так, не прикладывая особых усилий, девушка завладела оружием.

Терида даже не догадывалась, что жить ей осталось считанные моменты. Элика с трудом подавила ярость. Презренная рабыня расхаживала по дворцу как госпожа, Кассий даже не посадил ее под замок до выяснения обстоятельств! Что ж, в этом его ошибка.

Элика еще немного понаблюдала за будущей жертвой. Та что-то рассказывала подруге, не позволяя открыть той рта в ответ. Наверняка, упивалась собственной безнаказанностью. Какие бы мотивы не были у Кассия, оставить этой суке жизнь — принцесса была лишена любого из них.

— Терида! — громко окликнула она, выходя из укрытия. Оба меча, сделав сальто в воздухе, вонзились в землю всего в метре от шатра с девушками.

Лицо блондинки вытянулось от изумления. Гайя вскрикнула, вскочив на ноги.

— Стоять! — предупредила ее бегство Элика. — Терида, девочка моя, я ждать не буду. Или ты берешь меч и защищаешься, или я проткну тебя прямо в шатре.

Рабыня, побледнев, встала и нерешительно оглянулась по сторонам. Ее губы затряслись от страха.

— Ну, смелее, — ухмыльнулась Элика. — Когда подменила микстуру, не дрожала ведь?

Наблюдать за перепуганной отравительницей было донельзя забавно. Сперва она оглядывалась в поиске помощи, затем — путей к отступлению, после чего с недоверием, смешанным с ужасом, вглядывалась в лицо своей будущей убийцы, надеясь найти в нем признаки милосердия или прощения. И лишь осознав, что чуда не случится, заторможено подняла меч, вырывая его из земли. При этом чуть сама не завалилась на спину от усилия.

— Хозяин не простит тебя! — хрипло прошептала, словно надеясь этим остановить.

— Хозяин отдал мне твою жизнь, — беззастенчиво солгала Элика. — Видать, ты ни на что не годишься в постели.

Она смело шагнула вперед. Несмотря на то, что меч был уже у Териды в руках. Фору

слабому противнику — почему бы и нет. Но рабыня, как оказалось, была глупа даже для того, чтобы воспользоваться своим преимуществом. Сжимала оружие смерти обоими руками и не понимала, что же с ним надо делать.

— Ну, давай, — подначила принцесса несостоявшуюся убийцу. — Пока я не взяла его в руки. Чего ты ждешь?

— Я не буду с тобой драться! — визгливо закричала Терида, отпрыгивая назад. Элика, покачав головой, ухватила рукоятку второго меча.

— Значит, я тебя прирежу, как покорную овцу. Выбор за тобой.

Рабыня колебалась недолго. В ее затравленном взгляде появился блеск отчаянного безумия. Миг, и она, подняв меч над головой, с воплем кинулась на Элику.

— Умничка! — расхохоталась принцесса, отпрыгивая в сторону. — А ну, еще раз!

Элика не торопилась нападать. Метания загнанной в ловушку противницы забавляли ее. Тяжелый меч никак не хотел оставаться в руках Терида, грозя выскользнуть. Она держала его обеими руками, и его тяжесть постоянно сгибала хрупкое тело дворцовой рабыни из стороны в сторону. Размах, нечеловеческие усилия... Элика, смеясь, отбила подобие атаки, выбив меч из ее ладоней.

Терида упала на землю, закрыв лицо руками.

— Вставай, — почти ласково сказала Элика, подходя ближе. Рабыня давилась рыданиями, но от этой картины атланская принцесса ощутила лишь омерзение. Несильно ткнула поверженную рабыню ногой под ребра.

— Так легко позволишь себя убить? Ну-ну. Ты же такая смелая... Не побоялась меня отравить... Если думаешь, что я тебя не трону без оружия, то ошибаешься.

Слова достигли цели. Терида рванулась из последних сил, ухватывая и подтягивая меч. Вскочила на ноги, сделала почти слепой выпад, ничего не различая из-за слез.

Боковым зрением Элика увидела наблюдавшего з ними ошарашенного Марка. Их поединок не остался незамеченным. Скоро сюда пожалует Кассий...

Ее лишили полноценного боя. Но другой возможности свершить возмездие просто не будет. Досадуя на подобную несправедливость, Элика почти с сожалением, не прилагая усилий, полоснула противницу по ладони, взрезая кожу. Ее меч вновь оказался на земле.

— Говорила ли я тебе, что воткну в твою плотку меч, если ты позволишь себе даже мысль о том, чтобы подставить меня? — серьезно сказала принцесса, направляя стальное острие в шею Терида. — Я всегда сдерживаю свои обещания. Никогда не смей играть против тех, кто сильнее тебя!

Топот ног со стороны дворцовой аллеи призывал поспешить. Подняв руку, Элика с размаху опустила меч на горло Терида. Так легко. Никаких угрызений совести. Никаких эмоций в виде сожаления...

Алая кровь брызнула фонтаном из горла рабыни, окрашивая черную кожу одежды Элики, заливая руки. Терида упала на колени, недоуменно глядя на противницу, не понимая, что же произошло. Принцесса, воткнув острие окровавленного меча в землю, жестоко улыбнулась умирающей рабыне.

— Твой повелитель без ума от меня. И, поверь, я вовсе не страдаю в его руках с некоторого времени!

Элика отошла от затихшей Терида. Гайя рядом тихо причитала и плакала. А принцесса, гордо подняв голову, встретилась с ледяным, яростным взглядом Кассия, который зачем-то выкрутил руку взбешенному Марку, словно удерживая того от некоего отчаянного шага.

Адреналин бушевал в крови. Это был нектар, особый дар Антала своей валькирии. Элика подняла голову к голубеющим раскаленным небесам и хрипло рассмеялась.

— Антал Всемогущий, прими мой дар возмездия и ниспошли мне свою благодать!

Сейчас ей было все равно. Не пугал даже прежний, давно не проявляющийся взгляд принца, обещающий ей ад на земле за неповиновение. Элика уверенно подошла к нему, улыбаясь с чувством опьяняющего превосходства.

— Ист Верто, мой принц. Спасибо тебе за предоставленное право на возмездие!

Их взгляды скрестились. Еще меру масла назад девушка бы испытала ужас от того, что прочла в его глазах. Но ничего больше не имело значения. Она не будет играть по его правилам. Будущая королева не нуждается ни в чьей защите.

Долгое время они смотрели друг на друга, и никто из них не был готов сдаться и отвести взгляд. Над головой безмолвные равнодушные небеса, на языке соленый привкус крови, во всем теле легкость и свобода свершившейся мести. Даже почти не ощущалась боль в сжатом стальными тисками его руки предплечье. Все та же удовлетворенная улыбка так и не покинула губ Элики, когда он чуть ли не силком потащил ее за собой. Девушка все еще улыбалась, когда он грубо затолкал ее в свои покои, с трудом позволив удержаться на ногах.

Лаки наверняка хохотал как умалишенный в своих чертогах в данный момент. Так же открыто рассмеялась и Элика, подконтрольная ему земная воительница, получив ощутимую пощечину от руки Кассия. Ни страха, ни боли. Она наконец-то отпустила свой страх! Что бы он сейчас не сделал, он поймет, что она хохочет ему в лицо!

— Сука... — прохрипел Кассий, толкая ее на пол, пачкая руки в крови убитой рабыни, хаотично разрывая неподатливую кожу костюма на ее теле. — Сумасшедшая тварь... Ты сдохнуть хотела?! Тебе мало?

Его руки сейчас намеренно причиняли боль, пытаясь утвердить свою окончательную власть, наказав за дерзкое неповиновение. Но непостижимым образом эйфория в крови Элики достигла пика от подобной жестокости, разливая по жилам сладкое безумие и жажду большего. От предсказуемого рывка за волосы тысячи сладких иголок пронзили сознание, и она грациозно выгнулась ему навстречу принимая навязанные, но сейчас такие желанные правила.

— Ты не могла подождать до завтра?! — сжимая ее грудь пальцами, оставляя свою метку, прорычал Кассий. — Да я бы к вечеру лично растянул ее на дыбе на столичной площади! Как ты могла подумать, что я оставлю ей жизнь после того, что она натворила?!

— Пытки... — жмурясь от боли, скривилась Элика. — Варварство! Я за честный поединок! Не моя проблема, что эта сука не удержала меч! Нет моей вины, что она в твоём дворце ничего тяжелее твоего члена никогда не поднимала!

— Да она могла разрубить тебя на куски! — ярость не отпускала принца. — Ты не знаешь, на что способны некоторые люди в попытке выжить! Ты еще от ее выходки в себя не пришла! Что ты творишь?!

Расплавленный огонь бежал по ее венам вместо крови, испепелив страх и неприятие всего того, что так пугало ее раньше. Даже жестокие слова Кассия, в достоверности которых сомневаться не приходилось, доводили пылающую кровь до точки кипения. Невероятное, необъяснимое восхищение этим мужчиной сейчас сделало ее бесстрашной и готовой на все ради одного — подняться на такую высоту постижения его тьмы и мировоззрения, на которую прежде мог подняться только он сам. Даже если ей вскоре придется сорваться с этой вершины на остроконечные камни.

— Я говорил, что буду недоволен, если ты снова посмеешь играть со своей жизнью? — горячее дыхание опалило ее щеку. — Я обещал, что ты снова почувствуешь поцелуи кнута?

Элика выгнулась навстречу его словам, все больше ощущая, как связывает в сладкий узел все ее существо, как желание пойти путь постижения грани жестокости и единения вытесняет легкую панику, страх и память тела, едва не сожженное не так давно в агонии после подобной экзекуции. Ее душа тянулась еще ближе к этому мраку, даже не пытаясь его понять, просто испытать до дна. Ни страх, ни гордость больше не могли ей в этом помешать — теперь у нее был выбор. Свобода. Игра на равных с этим зверем. Его отчаянно-рассудительное признание в том, что это необходимо.

Элика задыхалась в потоках нереально сильного возбуждения. Кровь убитой ею отравительницы засыхала, стягивая ее кожу, посылая дополнительные импульсы в мозг. Кожа боевого костюма наконец-то разорвалась под сильными руками мужчины, открывая ее сладкую уязвимость его власти и... Безумию? Нет. Безумия в нем не было по определению. Самоконтроль, осторожность, защита, ответ на ее безумное доверие, но никак не помутнение рассудка! Тьма была в его душе, но никогда не позволяла себе преобладать над его разумом, казалось, она вступила с ним в мировой союз. Элика не могла сейчас понять, почему так сильно боялась его совсем недавно. Ведь даже тогда она чувствовала себя полностью защищенной в его руках.

Горячие поцелуи сводили с ума, бедра Элики в первобытном танце толкались ему навстречу, требуя большего. Чтобы он брал ее до боли, до потери сознания, до судорожных слез, после которых будет лишь покой и умиротворение. Его сильные руки, сжимая, оставляя отметины на ее оливковой коже, сейчас не обделили своим вниманием ни одного сантиметра ее тела. Ощувив резкое, слегка болезненное вторжение его пальцев, девушка застонала, подаваясь вперед, еще ближе, еще сильнее, ощущая приближение разрядки, в сто раз сильнее и безумнее всех прежних вместе взятых. Следующий ее стон вызвало ощущение потери, когда агрессивная сладкая ласка резко прекратилась.

Кассий резко выпрямился, вскочив на ноги. Элика не видела, что он делал за ее спиной, и, заметив кнут в его руках, ощутила... Совсем не страх. И не ужас. Она сама себе не могла сейчас объяснить реакции своего тела на этот атрибут боли, унижения и ужаса.

Рука мужчины резко дрогнула, и оглушительный щелчок тонкой кожи о мрамор пола взорвал ее возбужденное сознание. Разбрасывая, рассыпая каскады вспышек, грозя утащить вместе с собой во тьму, из которой больше не захочется возвращаться. От следующего щелчка холодный ветерок обдал ее разгоряченное тело, словно пытаясь воззвать к действительности. Ведь это ненормально — желать этой боли, которая убила ее гордость в три щелчка. Против логики и против морали. Но когда Элика в его руках думала о ком-то, кроме себя? Ее тело и распоясавшаяся чувственность жаждала именно этого.

Возможно, именно потому она оказалась готова к этому шквалу обжигающей боли... В тот же момент сменившейся сладким током по телу. Эйфория словно отключала сознание, тьма призывала в свои объятия, обещая непередаваемый вкус удовольствия черно-красного оттенка. Рассудок давно перестал ей принадлежать, но именно сейчас девушка с испугом ощутила, как постепенно он отключается, горько-сладкая тьма тянула его на себя. Уже понимая, что следующий шаг проведет ее за грань удовольствия, боли и независимости, Элика, поджав ноги, вытянула руку вперед, останавливая очередной замах мужчины, обещающий растворить ее в пучине удовольствия окончательно.

— Кассий, нет!!! Я же свободна!

Красная полоса от удара пересекала ее бедро и грудную клетку красивым изгибом. Полыхающая боль на месте удара разгоняла адреналин по ее крови, требуя продолжения, которого бы она немедленно потребовала, если бы не угроза неподвластного сознанию безумия. Потерять себя за этой гранью она была не готова.

Кассий отбросил орудие дезориентации ее сознания в сторону, и уже в следующий момент его губы прикоснулись к вспухшей полоске на ее оливковой коже, забирая поцелуем отголосок приятной, несмотря на всю свою силу боли, усиливая болезненное удовольствие.

— Прости, — выдохнул он в изгиб ее бедра. — Я не имел права этого делать. Твои игры с собственной жизнью когда-нибудь сведут меня с ума!

Нежный шелк опустился на ее разгоряченное тело, и Элика вздрогнула от этого ласкового прикосновения.

— Никогда больше так не делай!

— Ты тоже! — прошептала девушка.

— Никогда больше. Обещаю. Я едва не потерял контроль над собой... Ты просто не оставила мне выбора!

Элика поднялась на локтях. Их глаза встретились.

— Ты не потеряешь, — ее самую сейчас поразила уверенность в собственных словах. — Никогда не терял.

— Я сделал тебе больно!

— Но ты же остановился?

Кассий ошеломленно перевел взгляд на ее лицо, недоверчиво, словно опасаясь поверить тому, что прочитал в ее глазах. Огонь вожделения после поединка и его действий сотрясал девушку мелкой дрожью. Чувствуя, что он готов просто сбежать, дабы не показывать свой страх и бессилия, Элика ощутила чувство непонятной потери.

Пусть через три круговорота она навсегда покинет Кассиопею... Но никто не запретит ей увезти с собой на родину только теплые, будоражащие кровь воспоминания!

Не обращая внимания на полыхающую, даже скорее приятную боль от удара, Элика сбросила тонкий шелк, ловко перекатившись на колени. Желание растопило лед условностей, словно река, выходящая из берегов.

— Сделай, — ласково, с нотками игривой покорности в голосе, попросила она. — Ты же этого хочешь.

— Эл, прекрати... — Кассий дернулся как от удара. — Встань с колен. Это закончилось.

— Отнесись к этому как к игре, — склонила голову набок Элика, протягивая скрещенные руки вперед. — Ну? Где твоя алая лента?..

Элика открыла глаза, вглядываясь в ночную тьму комнаты. Огонь в чаше больше не горел, и сгустившийся мрак сперва показался непроглядным. Но не враждебным, наоборот, умиротворяющим, словно предвещающим что-то неизвестное... Вроде ожидаемое, но в то же время...

Девушка скосила глаза на спящего Кассия, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить. Сколько раз она могла воспользоваться его беспомощным состоянием во сне, и никто бы не смог ей в этом помешать. Вряд ли это было бы очень сложно. Наверняка, не сложнее, чем с Теридой. Хоть в спальне он и прятал от нее оружие, но при огромном желании за него могло сойти все, что угодно. Нож для фруктов. Тяжелые бронзовые кубки, которые не использовались, а лишь украшали покои. Элика злорадно усмехнулась. Даже его любимый кнут, который сейчас валялся в сторонке. Какая ирония судьбы — задушить его во сне самым любимым оружием! Переплетенные полосы кожи могли даже не причинять боль, убивая практически нежно.

Принцесса, усмехнувшись своим практически бесполезным сейчас мыслям, осторожно погладила кончиками пальцев свои припухшие от яростных поцелуев губы. Это было просто безумием, помешательством, помутнением разума — самой попросить его вчера перестать носиться с ней, как со статуэткой из хрупкого стекла. Смеяться ему в лицо, забавляясь его категоричным отказом выпустить на свободу своего собственного монстра. Наконец, осознав, что еще чуть-чуть, и его бесхребетная слабость лишит ее остатков последнего уважения к мужчине, Элика бездумно выпалила:

— Мы вместе последний раз... Только твой выбор, запомнить его, или жалеть потом, что не сделал...

До отплытия кораблей в Атланту оставалось еще три полноценных солнечных круговорота. Почему она не взяла в расчет три оставшиеся ночи, произнося эти слова? Совсем не потому, что собиралась отказывать в близости. Словно шестое чувство сейчас говорило ее устами. "Должно произойти что-то хорошее", — отчетливо поняла Элика, когда красная лента ощутимо вонзилась в ее отвыкшие запястья, забирая ее волю, передавая другому... Ей было сейчас это необходимо. Железная воля мужчины забирала ее сомнения и чувство вины, которое непременно накрыло бы после адреналиновой эйфории.

В эту ночь он больше не прикоснулся к кнуту. Просто не смог. Он утвердил свою такую желанную в данный момент для нее власть по-другому. Эл стирала колени практически в кровь, лишённая возможности подняться на ноги, даже не замечая этого под допингом нереального возбуждения. Ее лишь раздражали попытки Кассия остановить этот танец босиком по заостренным лезвиям.

— Прекрати... — с трудом удерживая остатки самоконтроля, прохрипел он, неуверенно пытаясь успокоить ее еще более возбуждающими поглаживаниями по голове. — Я еще могу остановиться... Ты знаешь, что будет, если я хоть на миг позволю себе потерять контроль. Ты едва пришла в себя после последнего раза...

— Отпускай, — без капли страха и сомнения ответила принцесса. — Мне больше не страшно. Ты не сможешь сделать плохо.

— Если мой Зверь получит свободу, ты будешь ненавидеть меня до конца своей жизни!

— Нет. В этот раз ты меня не заставил. У тебя мое добровольное согласие...

Именно этой уверенности ему не хватало. Получив безапелляционное разрешение, Кассий смог отпустить себя полностью. Его атланская девочка не соврала. Каждый его жест, каждая ласка, даже самая грубая, только возносила ее все выше на волну экстаза.

— Держи меня за волосы... — запинаящимся от желания голосом прошептала Элика, смело сжимая пухлые губы вокруг его восставшего мужского орудия. Он никогда бы не заставил ее это делать, если бы не ее собственное стремление. Проснувшийся Хищник перегрыз стальные прутья клетки обещания и условности, вырываясь на свободу, недоуменно оглядываясь по сторонам... В этот раз жертва не хотела спастись бегством. Наоборот, она была готова разделить его триумф победителя с чистым сердцем, и это новое ощущение стопроцентного покорения уняло бушующую в крови ярость, заполнив сердце ярким светом нереального счастья.

Он не терзал больше свою жертву, он просто демонстрировал ей всю свою любовь, которая, все же, не имела ничего общего с нежностью. Только так он мог обладать полностью, забирая себе ее душу и тело одновременно... Волшебное, неповторимое ощущение! Элика выгибалась в его сильных руках, совсем не так, как прежде, реагируя на элементы насилия. От грубых шлепков по груди в ее затуманенных глазах мерцали звезды, от режущих сознание слов кружилась голова. Он остановился лишь, ощутив, что она провалилась в подобие беспамятства со счастливым выражением на лице.

Элика не поняла, как ловко и бесстрашно перешла грань между удовольствием и болью. На миг ее тело словно оторвалось от земли, звуки и воздействия стали ощущаться по-иному... Это было похоже на стремительный полет, превративший боль в разряды никогда невиданного прежде наслаждения.

Она не знала, что это было на самом деле и как такое могло произойти, но очень хотела верить, что когда-нибудь это, возможно, повторится снова...

Обессиленная, счастливая и немного дезориентированная, она уснула в кольце его сильных рук, ощущая тепло и необычную легкость. Ее с детства приучили брать на себя ответственность, принимать решения и властвовать, рассчитывая лишь на себя. И она с удовольствием приняла эти незыблемые правила, не допуская даже мысли о том, что все может быть и по-иному... Но каким сладким было это чувство свободы от самой себя, ощущение защиты и безопасности в руках носителя иной абсолютной силы, готового закрыть ее собой в случае любой опасности и неопределенности!

... Элика, прогнав непонятные жестокие мысли, вновь прижалась к его горячему телу, ощущая полет собственной свободы от своего незыблемого королевского долга. И впервые это не вызвало в ней сильного протеста. Она уже проваливалась в сон, как вдруг непонятный эмоциональный подъем, ощущение чего-то неотвратимого, но долгожданного, вновь практически подбросило ее на постели.

— Лэндал? — одними губами прошептала девушка, вглядываясь в тьму покоев.

Конечно, он не мог здесь находиться. Но ощущение его присутствия не отступило, наоборот, усилилось. Вместе с чувством тревоги, которое потом перешло в злорадное чувство превосходства.

Они чувствовали каждую эмоцию друг друга даже на больших расстояниях. То, что он оказался в Кассиопее, казалось невероятным. Наверняка это обман взбесившегося сознания. Элика поерзала, переворачиваясь с боку на бок, пока, наконец, не уснула.

Серый рассвет только начал прорезать рассеянными лучами ночную тьму комнаты, когда Кассий открыл глаза.

Кошмарный сон. Они редко приходили к нему, но когда это случалось, несли предвестие чего-то страшного. Осторожно высвободив руку, зажатую в пальцах Элики, он провел ладонью по взмокшему от испарины лбу.

В этот раз ему приснилась Вирсавия. Все такая же беспечная, скромная, с той самой робкой светлой улыбкой, которая не могла не вызвать в тех, кто ее видел, ответного тепла. Она так же с радостью упала в его объятия, потому что всегда скучала за ним сильнее, чем мать. Белокурая, добрая, искренняя, воплощение всех тех хороших качеств, которых он сам лишился еще в глубоком детстве.

— Ты приехал!!! Пойдем, я покажу тебе птичек, которых мне отловили в саду! Они поют!

Он следовал за ней, чувствуя умиротворение, как и прежде наедине с сестрой. Но, по мере того, как они углублялись в сад, пейзаж начинал меняться. Листья деревьев желтели, опали и скручивались, пока не стало совсем темно. Вирсавия замерла, повернувшись к нему спиной.

— Сестренка? — он положил руку на ее плечо, ощутив отчуждение девочки... И что-то еще. И это ему не понравилось.

— Ну же, сестренка... Ты так ждала, что я приеду, почему же сейчас ты так неразговорчива и печальна?

Порыв ледяного ветра едва не сбил его с ног. Вирсавия медленно повернулась, и ее детское личико теперь было искажено ненавистью и яростью.

— Ты мне больше не брат! Ты недостойн им быть! — бросила она ему в лицо и истерически рассмеялась. — Доволен? Тебе всегда все сходило с рук! И в этот раз тоже! Ты просто принес меня в жертву! Ты меня просто отдал! Ты доволен?!

— Вирсавия, что ты говоришь такое? Не смей... Я твой брат, и я никогда не позволю никому тебя обидеть или увести без твоего согласия!

— Скажи, брат, все это того стоило? Или это была очередная твоя блажь, как с девушками нашего дворца в свое время? Когда они заплетали мне косы и боялись покидать мои покои, потому что ты рыскал поблизости?

— Сестренка... Прекрати немедленно! Что значат твои слова?

— Ничего, брат. Только то, что ты ни разу не подумал, что на их месте когда-то могу оказаться я! Тебе снова все сошло с рук... Я никогда не прощу тебе этого! Ты, а не я, должен был отвечать перед богом за свои поступки!..

Порывы ветра и косые стрелы дождя усилились, заволакивая тьмой сад и силуэт Вирсавии, как бы не тянул он к ней руки... Ее образ исчез...

Кассий, с трудом уняв бешеное сердцебиение, оделся, не обращая внимания на дрожащие руки. Дворцовая стража бодрствовала, неся свой караул у дверей покоев.

— Немедленно пошлите гонца во дворец моей матери! — распорядился он. — Сию же секунду!

Время медленно отбивало масляные капли, приближая неотвратимое чувство потери.

Элика спала. Как и прежде, на ее губах играла ласковая улыбка. Кассий отбросил прядь темных волос с ее лба и едва ощутимо провел кончиками пальцев по высоко очерченным скулам.

Им оставалось быть вместе чуть больше половины солнечного круговорота.

*****

Острый язычок Фабии, задержавшись в выемке его ключиц, уверенно переметнулся на

рельефные мышцы предплечий, дразня, покоряя, разливая по телу сладкую ярость желаний. Со стоном Лэндал ухватил руками ее собранные в два хвостика темные волосы, нежно, но настойчиво толкая вниз.

На губах воительницы заиграла дерзкая улыбка.

— Эй, твое величество! Я не наложница!

— Я помню... Но, малышка, ты так соблазнительна! — прохрипел он в ее губы. — И, поскольку ты сама пришла ко мне, тебе придется хотя бы притвориться ею!

Фабия лукаво захихикала, в ее глазах плясали чертики. Слегка царапнув грудь принца своими острыми ноготками, она покорно проложила дорожку из поцелуев по его груди, животу, полоске черных волос, спускаясь ниже. Лэндал задохнулся от сладкого предвкушения. Но дерзкая девчонка, пользуясь своей свободой от рождения, со смехом увернулась, задев язычком кончик его рвущегося в бой члена, и потянулась к кубку с игристым вином.

— Ты доиграешься! — недовольно проворчал Лэндал.

— А то, — ответила девушка, отхлебнув из кубка. Но глотать не стала. Вместо этого, наклонившись, уверенно вобрала в рот его восставшее мужское достоинство. Пузырьки воздуха защекотали нежную кожу, и принц, не сдержавшись, с криком кончил прямо в ротик дерзкой прелестницы.

— Ммм! — мотнула головой пораженная Фабия, с наслаждением сглатывая коктейль из игристого вина и его семени. — Мой принц, я начинаю жалеть, что родилась свободной!

— Мне лишить тебя этих сожалений? — теперь лукаво улыбался уже принц. — Ты ведь знаешь, я могу!

— Ну неееет! — рассмеялась Фабия. — Чего уж, а в твоём гареме я умру со скуки!

Стук в дверь прервал их веселый обмен любезностями. Фабия, посерьезнев, схватила меч, и, как была, в чем мать родила, вскочила на ноги и заняла выжидательную позицию. Как ни крути, а охрана Лэндала в этом путешествии была ее основной миссией.

— Слушаю! — громко сказал принц.

— Ее величество царица Кассиопеи Астарта готова принять гостей в тронном зале! — раздался голос по ту сторону двери. — Сию же минуту!

Фабия, выругавшись, кинулась к сундуку с одеждой. Настал тот момент, когда ей придется надеть платье. Она так не любила их носить, но выбора не было.

Лэндал оделся гораздо быстрее, даже, посмеиваясь, помог ей затянуть шнуровку на плечах.

Астарта Кассиопейская поднялась навстречу гостям, приветствуя их без доли фальши, в отличие от советника Арасия, серого кардинала королевства, без которого не могла ступить и шагу. Лэндал все же изобразил искренность, отвечая на приветствие ставленника царского сына. Варварская Кассиопея!

Он помимо воли сравнил в собственной голове свою мать и Астарту. Как та была не похожа на величественную, гордую, красивую Лаэртию Справедливую! Потухший взгляд, суетливые движения, неуверенность, ожидание одобрения со стороны вольготного державшего себя советника — все это не укрылось от пытливого взгляда принца Атланты. Даже некая угодливость, которую женщина не смогла скрыть под маской волнения и беспокойства, оставила двоякое впечатление.

— Несказанно рада приветствовать сына великой правительницы Справедливой, да ниспошлют боги ему и всей Атланте процветания и великолепия! — голос царицы слегка

дрожал во время традиционного приветствия.

— Для нас честь принимать у себя гостей великой империи, — Арасий надменно улыбался. Его глаза холодным сканером изучали прибывших, недвусмысленно задерживаясь на тонкой фигурке Фабии, которая отвечала ему взглядом, полным недоумения, превосходства и нескрываемого презрения.

Молодая белокурая девушка поклонилась, пряча глаза. Лэндал отметил, что чертами лица она все же похожа на варварского принца, хоть и видел он его всего раз. Лэндал, потеряв интерес к советнику, улыбнулся юной прелестнице обаятельной демонической улыбкой. Принцесса Кассиопеи вспыхнула, и ее нежное личико залилось густым румянцем. Она так и не смогла выговорить ни единого слова. С неохотой отпустив на время жертву, почти павшую под натиском его мнимого обожания, Лэндал повернулся к царице.

— Прекрасная госпожа, как тебе известно, вовсе не с целью подписания дополнительных соглашений и близкого знакомства с великой Кассиопеей совершили мы сие путешествие. Атланта в печали, великая правительница. Уже второй цикл Фебуса, как пропала без вести моя горячо любимая единоутробная сестра, будущая королева Атланты по имени Элика. Круговороты долгих поисков ни к чему не привели, и вот совсем недавно нам удалось выяснить, что она находится в Кассиопее. Оговорю сразу, не с враждебными намерениями я прибыл сюда за ней. Я молю тебя о помощи, добрая правительница. Позволь ей уехать со мной сию же минуту, клянусь, что наши договоренности при этом останутся прежними, а сам досадный инцидент будет забыт.

Астарта была изумлена до предела. Сыграть такое было невозможно. Худшие предположения Лэндала начали подтверждаться.

— Мой милый принц... — потрясенно выдохнула она, растерянно отвечая на его взгляд. — Я чувствую твою боль, и она неимоверно расстраивает меня... Но еще больше меня расстраивает то, что я не знаю, как тебе в этом помочь, ибо нет здесь твоей сестры, и никогда не было!

— У меня нет основания не верить твоим словам, — поспешил успокоить Лэндал. — И я хотел бы просить о разговоре с твоим сыном. У него наверняка может быть информация о ее местонахождении!

— Кассий? — растерянно проговорила Астарта. — Да, конечно... Только он в своем дворце сейчас, в новой столице, она в семи мерах масла пути... Но это ведь невозможно. Он не может иметь никакого отношения к ее исчезновению! Правда, Арасий?

— Будущий правитель не станет вовлекать себя в межгосударственные конфликты! — уверенно заметил советник. — Но наверняка он мог что-то знать об этом. В столице ни одна весть не проходит мимо него.

— В таком случае, госпожа, — Лэндал подмигнул юной принцессе и поклонился царице. — Мы должны отбыть немедленно, до захода солнца, сожалея о том, что не сможем воспользоваться вашим гостеприимством. Потеряно очень много времени, и нет уверенности, что мы получим ответы на все свои вопросы.

— Я понимаю твое горе, принц, — правительница протянула руку в каком-то заискивающем жесте. — Но я настоятельно прошу тебя и твоих спутников разделить с нами трапезу, дать отдых вашим лошадям, и после этого двинуться в путь. Ар, вели отправить гонца во дворец моего сына, чтобы им в пути не чинили препятствий.

Лэндал, поклонившись Астарте, повернул голову направо, наблюдая за тем, как смущенно, но вместе с тем грациозно поднялась со скамьи белокурая принцесса. Вирсавия,

вспомнил он ее имя. Стоило ей поравняться с ним, как принц ступил вперед, отрезая ей путь, и низко поклонился.

— Если бы путь кораблей моих вновь проходил эти воды, я бы не медля вернулся к тебе, о красавица, милая сердцу! Чтобы, как прежде, обнять твои белые, о, царица, колени!

Юная принцесса опешила, услышав из губ чужеземца стихи кассиопейских поэтов. Ее уста задрожали, густой румянец вновь залил щеки, но Лэндал уловил на губах этой женщины-ребенка робкую, неосознанно манящую улыбку. Сомневаться не приходилось, юная сестра его врага пала жертвой его обаяния.

— С юных лет не был я столь ослеплен этим чувством. Лишь ты одна пробудила любовь в моем каменном сердце!

Вирсавия, охнув, приложила ладони к щекам и поспешно выбежала из покоев, напуганная и восхищенная одновременно своими пережитыми ощущениями. Лэндал повернулся к своему сопровождению. Антоний делал вид, что ничего не заметил, молодой Крассий был в растерянности, и лишь Фабия, склонив голову набок, красноречиво сдвинула тонкие брови. Лэндал улыбнулся ей жестокой улыбкой заговорщика. Стоило начать воплощать в действие второй этап их цели.

После обеда, в ожидании, пока лошадей оседлают в дорогу и подготовят разрешительные документы на въезд в одноименную столицу, Лэндал ожидал свою преданную воительницу. Наконец, Фаби без стука влетела в гостевые покои.

— Она еще в саду! — хищно облизнувшись, сообщила принцу. — Охрана, одно название. Поспешу, я ее едва смогла оставить на секунду... Еще чуть-чуть, и пришлось бы сыграть с ней в куклы.

Лэндал обаятельно улыбнулся и, расправив плечи, спустился в сад через застекленную лоджию, еще издалека заметив восхищенный взгляд Вирсавии. Птичка попалась.

*****

— Я просто не понимаю! — развела руками Керра. — Тебе же больно! Как ты можешь утверждать, что хотела большего?

— Я тоже не понимаю, — мечтательно протянула Элика, опуская подол фиолетового патрицианского платья, скрывая едва заметный сладкий укус хлыста. — Почему боль иногда кажется такой сладкой? Она словно выбивает более сильную боль. Душевную.

— Да не выбивает, это другое. Он просто больше не насилует тебя морально. А что до физической боли, я видела твои шрамы. На бедре и под правой лопаткой. Но ты их получила в бою, хоть и в тренировочном, и боли не почувствовала, потому что в этом была твоя свобода. Может, сейчас то же самое?

— Одному Лаки известно, — Элика сжала теплые ладони подруги и заглянула в ее черные глаза. — Как бы я хотела, чтобы ты приехала ко мне в Атланту! Три круговорота, и нам придется расстаться. Ты единственное счастье, которое случилось со мной в этом проклятом дворце! Я никогда не перестану благодарить наших богов, за то, что послали мне тебя! Сама бы я не справилась!

— Эл, ты сильная... — северянка растроганно улыбнулась, сжимая ее руки в ответ. — Но ведь много чего еще произошло. Ты познала удовольствие... В конце концов, ты поставила на колени правителя Кассиопеи и ответила отказом на его предложения брачной клятвы! И после этого, ты все же отстояла свою свободу и заставила его отпустить тебя домой! Ты знаешь, я была в городе с Домом не далее как вчера... Весь о тебе летит по всей империи. Кассий наконец-то снизил поборы для вольных торговцев, установил единую

объективную цену на зерно, и, говорят, отменил закон, заставляющий женщин скрывать лица. Этот закон и так не особо соблюдался, но все же... Все говорят о том, что он восхищен таинственной чужеземкой со смуглой кожей и необычными зелеными глазами, которая не хуже мужчин справляется с лошадьё и держит себя с принцем очень достойно. Предполагают, что из-за тебя он смягчил свою политику, а еще... Что скоро в Кассиопее будет самая прекрасная правительница в мире...

— Я была бы счастлива не знать его вообще, — Элика ощутила какое-то непонятное беспокойство. Азарт, воодушевление... Что еще? Кровь разогналась, ускоряя сердцебиение. Это было очень похоже на сексуальное возбуждение, но все же носило несколько иной характер. Она внимательно посмотрела на Керру, но та сейчас воздержалась от своих предсказаний. Принцесса поспешила переменить тему.

— До того, как ты вступишь в брачный союз с Лентулом, очень прошу, прими мое приглашение во дворец. Я открою для тебя самые изысканные удовольствия нашего мира. Ты заслужила за все свои ранее перенесенные страдания.

— Я приеду, — пообещала северянка. — Но Дом... Не будет никакого союза. Не он предначертан мне судьбой, поверь. Раньше я этому сопротивлялась, но образы красноречивы.

— Мне жаль, но, может, ты изменишь свое мнение?

— В этом нет смысла. Это судьба.

Их разговор прервало появление Домиция Лентула. Он выглядел обеспокоенным. Керра, вскочив, обвила руками его шею.

— Что так терзает твою душу, свет моей путеводной звезды? — поинтересовалась она. — Ты опять покинешь меня на неопределенное время?

Элика привстала, и земля резко ушла у нее из-под ног. Словно удар чего-то... Хорошего?! Долгожданного? Принцесса пригладила волосы. Некая неведомая прежде сила позвала за собой, вынуждая спуститься вниз. Лентул напрягся.

— Керра, любимая, ожидай меня в покоях, мне необходимо переговорить с принцессой с глазу на глаз, — с плохо скрываемым отчаянием в голосе велел он.

Северянка, ободряюще улыбнувшись подруге, вышла.

Элика встретила его взгляд. Слова тут были излишни.

— Домиций, дай пройти. Уйди с дороги.

— Эл, послушай меня, — мужчина приобнял ее напряженные плечи. — Он мне очень дорог. Он даже больше, чем друг. Не разбивай его сердце. Сделай это ради меня.

Элика презрительно улыбнулась, уже прекрасно понимая, что ожидает ее внизу.

— Ты не сделал ничего из того, что обещал. У тебя нет права просить меня об этом.

— Я был твоим другом. Разве ты можешь это отрицать?

— Лентул, я больше не рабыня, не знаю, сказал тебе об этом твой повелитель, или нет. Я свободна. Ты действительно никогда ко мне плохо не относился. Пожалуй, я могу даже назвать это дружбой, и, попроси ты за себе или Керру, я бы не смогла тебе отказать. Но в остальном, ты не можешь чего-либо требовать!

— Прошу тебя, — ей еще не приходилось видеть Лентула таким потерянным. — Эл, подожди хотя бы время... Перед тем, как спуститься туда...

Принцесса вырвалась из его рук, с усилием ударив по груди. Чувство злорадного превосходства и власти сейчас правило бал в ее крови. Гордо вскинув голову, расправив плечи, она хищно выпалила в его потрясенное лицо:

— Только попробуй меня остановить!

Молодой принц был точной копией, зеркальным отражением его любимой девочки.

Те же глаза, оттенка глубокого изумруда, темные волосы, смуглая кожа, аристократические черты лица. И тот же цинизм, превосходство, жестокость и непримиримость, которая с недавних пор так отчетливо проступила в характере Элики. Ее не сломала вынужденная неволя, не наградила покорностью, а только еще больше ожесточила.

Еще с раннего утра он знал об их скором визите. Удивительно, что так поздно, но все же... Гонец его матери принес эту весть рано утром. Сомнений в цели визита атлантов быть не могло. Каким-то образом правда о его участии в похищении принцессы всплыла.

Все выстроенные Эликой планы потерпели грандиозное крушение. Оставалось только догадываться, какие последствия для его империи сулит этот визит.

Настроение Лэндала было крайне агрессивным, хоть он и мастерски это скрывал. Дипломатический характер миссии к этому обязывал. Во дворец они прибыли вчетвером: сам принц, советник матриарх, с которым они не так давно обсуждали условия сотрудничества, молодой аристократ, по-видимому, жрец дипломатии, и красивая воительница. Кажется, он уже видел ее в Атланте. Тоненькая, беспечно улыбчивая и дерзкая, внешне очень милая, но Кассий сразу признал в ней опасную убийцу и хищницу. Девушка обожгла его дерзким, изучающим взглядом, как вещь на рынке. Как бесправного раба, на которого мог пасть ее выбор. Ласковая улыбка и чарующий взгляд не могли сгладить этого впечатления, но неуважение гостя сейчас было не самой большой проблемой принца Кассиопеи.

— Она здесь? — с показательно скучающим видом осведомился Лэндал. Только сжатые кулаки и дрожащие губы выдавали его ненависть.

— Здесь. Она сейчас спустится.

Принц Атланты сделал едва заметный жест, заставляя свою свиту отдалиться на несколько шагов. Два взгляда — пылающий, зеленый, похожий на воды опасной океанской пучины при лучах солнца, и ледяной, жесткий, невозмутимый — схлестнулись в этом молчаливом поединке. Никто не отвел его первым. Лэндал непостижимым образом, наоборот, совладал с собой.

— У нас с детства с ней была такая тесная связь... Представляешь, если она злилась на другом конце страны, или плакала, или смеялась, что было чаще всего, я это чувствовал... стоило появиться странным, необъяснимым перепадам настроения, как я понимал сразу, что это она, — ласковая, теплая улыбка тронула губы молодого принца. — А раз в бою я получил рану. Не поверишь, она в тот же миг подняла легион на уши и кинулась мне на помощь. Испытывал ли ты хоть когда-нибудь такой зов кровных уз? Говорят, его могут ощутить лишь дети Антала (близнецы). Когда она пропала, я чувствовал только ее страх, а потом рассудительность. Никто бы не поверил в то, что моя сестра жива, об этом знал только я... Ответь мне, считай это просьбой. Однажды я ощутил, как мое сердце словно обжигает каленое железо. Это произошло спустя семь круговоротов от ее потери. В этом твоя вина? Ты что-то с ней сделал?

Миг, и взгляд Лэндала захватил первенство. Кассий надрывно вздохнул, опуская глаза. Что он мог сказать в ответ? Все так и было.

— Она ощутила поцелуй моего кнута на своей коже. Мои эмоции взяли верх над моим разумом. Если бы я только мог повернуть колесо времен вспять, этого бы никогда не

повторилось. Тогда мне казалось, что я поступил правильно.

— Она была для тебя на тот момент не более, чем строптивая рабыня?

Правда резала его сердце на кровавые полосы. Что он мог ответить? То, что в их первую встречу она была действительно рабыней в его понимании? Парой рук, которые следовало выкручивать и вязать, или, по настроению, заковывать в тяжелые цепи? Сосудом, в который следовало спускать свое семя, мало заботясь о ее душевном состоянии? Дерзким вызовом, который могла утихомирить лишь боль, от которой ломались самые стойкие? Судьба жестоко над ним подшутила, пронзив алой стрелой высокого чувства... Наверное, еще в их первую встречу. Когда он понял, но не признался самому себе, что никогда не сможет полюбовно обладать этой гордой и независимой девочкой. Когда искал повод подчинить ее себе и наказать — не за царапину на груди, не за публичное унижение... А именно за те чувства, что она в нем пробудила. Когда мысленно взывал к ее свободолюбивой, величественной сущности в безмолвной просьбе предоставить повод... Так безумно и настойчиво, что она его, казалось, слышала...

— Что я еще должен знать? — глухо спросил Лэндал. Его взгляд потускнел от боли за близкого человека. — Ты взял ее силой? Не говори, я это ощутил... Просто ответь, сколь далеко ты зашел в жажде своей мести? Клеймо принадлежности? Или она носит твоего ребенка? Скажи мне сразу. Мы без оружия, наша миссия не несет в себе карательных функций. Просто ответь.

— Я не ставил на ней метку. У меня рука не поднялась. Насчет второго вопроса... Я не знаю, что тебе на это ответить.

Лэндал кивнул. Кассий физически ощущал его состояние и понимал каждую эмоцию, но исправить что-либо был не в силах. Слова тоже не имели значения. То, что в последние дни Эл было хорошо в его руках, только усугубило бы положение.

— Скажи, оно стоило того? Вся боль, что ты причинил ей? Изо дня в день я ощущал, как она, держась из последних сил, призывала меня на помощь, и был бессилён помочь ей. Но теперь... Не знаю, как сильны родственные узы, но я...

— Лэндал!!!

Молодой принц вздрогнул, как от удара, растеряв все свое самообладание. Элика, сбегав вниз по винтообразной лестнице, не замечая ничего вокруг, упала в его объятия. Счастливый смех принцессы наполнил тронную залу. Лэндал подхватил ее на руки, все еще не веря своему счастью.

Кассий отошел в сторону. Сердце кровоточило, отмеряя медленные секунды до беспросветного отчаяния. Тщетно он пытался поймать взгляд Элики. Осознание пришло сразу, лишая последних сил. Его больше не было в ее сердце... Да и был ли он там когда-нибудь? Сомнительно. Девушка была отчужденной. Снова закрытой от него. Вместе с радостью от воссоединения с семьей ее презрение и холодная ненависть просачивались в его кровь, лишая сомнений напрочь. Но как он мог ожидать чего-то иного?

Капли крови, еще немного, и... Нет. Ничего не произойдет. Оно не перестанет биться. Будет надрывно, но молча истекать кровью, не в состоянии возродиться заново. Будет бить его троекратно усиленной болью, за каждый стон боли этой неповторимой девочки, за каждую пролитую ею слезу. И только она больше этого никогда не увидит...

Он наблюдал за ней, не в состоянии даже пошевелиться. Вот она с чувством обняла двоих мужчин, прежде чем закружить молодую воительницу в подобии танца. Ну, стоило догадаться, что они близкие подруги...

— Я могу поговорить с тобой при закрытых дверях? — криво усмехнулся Лэндал. — Это очень важно.

— Да, конечно, — оставив стражу в тронной зале, Кассий проводил нежданного гостя в комнату, служившую ему кабинетом для работы над бумагами. Принц Атланты окинул незаинтересованным взглядом военные карты и рукописи, перед тем как опуститься в кресло напротив.

— Я имел удовольствие вести беседу с твоей величественной матерью, — глядя вдаль, начал он. — Она достойная женщина. И только из большого уважения к ней я не рассказал ей всей правды о том, как цинично, под покровом ночи увез ты мою сестру. Знаю, что она не имеет на тебя ни малейшего влияния. Арасий там правил бал, даже не скрывая. Но я привык не критиковать чужие традиции, у каждого путь правления и постижения свой. У тебя очень хорошая семья. Я не знаю, почему ты проявил подобную жестокость. — Лэндал грустно посмотрел на принца. — Но я верю, что у тебя были на это причины, и ты считал их существенными. Может, я их понимаю, но вот принять... Сложно, пойми. Но я отклонился от темы...

Жестокий блеск в глазах принца Атланты заставил Кассия сжать кулаки в предчувствии приближающейся беды.

— Она похожа на тебя. У вас одни глаза... Полагаю, глаза вашего отца, мир его покою. Она совсем девочка. Красивая, даже очень, умная девочка, и, готов спорить, она не знала прикосновения мужчины... Как и Эл, когда попала к тебе. Мне так жаль ее. Она смотрит на мир широко раскрытыми глазами, и верит, что никто не причинит ей зла, и у нее для этого все основания, ибо она чиста и безгрешна. Мне так жаль. Как бы я хотел, чтобы она не была столь юна и невинна. Но изменить ничего нельзя. У тебя ведь нет иной сестры.

— Не смей произносить даже имени Вирсавии! — Кассий едва не ударил кулаком по столу. — Что ты хотел мне сказать при закрытых дверях? Я слушаю. Я готов принять все твои условия... Поскольку, действительно виноват перед Эл. И матриарх.

Издательская улыбка Лэндала стала шире. Он даже проигнорировал оскорбление в словах оппонента.

— Ты пойдешь на любые условия. Прямо сейчас, когда ты пытаешься из последних сил сохранить свое лицо и даже изобразить раскаяние в своих поступках и неотвратимость судьбы, мои люди на пути к Атланте. Не сами. Юное белокурое создание с глазами цвета грозового неба и румянцем, алее лепестков розы, вместе с ними. Она станет достойным украшением моего гарема.

Небо, казалось, упало. Придавлив своей беспощадной тяжестью, ломая привычный ход жизни, вытесняя все эмоции, которые имели значение еще минуту назад. Кассий не смог скрыть ничего. Сейчас все потрясение, неприятие, ужас, плавно перетекающий в безысходность, застыли на его волевом лице. Лэндал с усмешкой наблюдал за своим врагом. Сейчас он держал в руках всю его сущность.

— Я знаю, о чем ты подумал, — спокойно сообщил он. — Но не вздумай ни слова сказать Элике. Моя сестра справедлива, как и моя мать. Что бы она не пережила в твоих руках, она вряд ли захочет такой мести для совершенно не виноватого в твоих грязных делах ребенка. Если она попросит отпустить... Вирсавию... Очень красивое имя, оно даже распространено в Атланте... Я не смогу ей отказать, это да. Но до Атланты еще нужно доехать... Около семи круговоротов солнца в пути... А что может произойти за это время? Даже боюсь подумать... Совершенно невинное дитя, которое всегда ограждали от грязи и

жестокости этого несправедливого мира, и вдруг все рушится в один момент. В чужой стране, в цепях незнакомого мужчины, в ожидании неизбежного... Что же она с собой может сделать? Выбор невелик. Смерть или бесчестие. Насколько мне известно, у вас нет религиозных предрассудков, запрещающих самоубийство. Что мне стоит послать гонца, который поможет твоей сестре принять верное решение? И моей Эл по возвращению просто некого будет спасать.

— Воюй со мной, — с отчаянием, смешанным с гневом, выдохнул Кассий, поднимая глаза. — Она тут ни при чем. Ты же сам это пони маешь. Если ты ничего не успел с ней сделать, верни ее обратно во дворец. Я предлагаю обмен. Я поеду с тобой. Сам.

— Вот я поражаюсь тебе, — философски заметил Лэндал. — "Если я ничего не успел с ней сделать". А если успел, и не раз? И не только я? Все, можно бросить за ненадобностью? Больше не нужна? Ну, ты прямо развязываешь мне руки. Я займусь ее воспитанием прямо по приезду. И, наверняка, это будет очень просто...

Кассий молчал. Он мог бы с легкостью скрутить шею дерзкому принцу Атланты, будь обстоятельства иными.

— И что мне с тобой делать? Я, извини уж, мужчинами не интересуюсь. Отдать тебя Элике? Глупо, учитывая, что ты и так ей поперек горла. Ну, а Ксения превратит твою жизнь в рай на земле, даже если ты всю жизнь проползаешь у ее ног в рабском ошейнике... Поистине, обмен — равноценное некуда!

— Политика, Лэндал, — овладев собой, заявил Кассий. — Забирай Лассирию. Выбери часть земель Кассиопеи. Я прошу тебя, пощади ее. Она ребенок. У меня нет никого дороже нее!

— Охотно верю, — склонил голову молодой принц. — Скажи, она тоже просила тебя? Смиловился ли ты, узнав, что у меня и матриарх тоже нет никого дороже Элики? Не думаю. Ты упивался своей властью. Ты наслаждался, насилуя ее. Не смей отрицать очевидного. Ну, а земли... Если матриарх это интересно, дождись аудиенции... Если она не снесет тебе голову прямо в зале переговоров за свою дочь, как знать, может, и договоритесь.

Кассий, как не было мерзко от заискивания и акцента на само собой разумеющихся вещах, все же не мог не использовать этого в разговоре.

— Я отпустил Эл. Спроси у нее сам. Через три круговорота солнца она бы отбыла домой под защитой моего флота...

— Ну что ты так напрягся? — расхохотался Лэндал. — Я тебе верю. И я не варвар, мы очень высокоразвитая цивилизация. Думаешь, я оставлю Вирсавию в кандалах рабыни до конца ее дней? Нет, я умею быть великодушным. Я тоже отпущу ее спустя время. Если еще будешь хотеть принять обратно. Я даже сделаю тебе одолжение. Я научу ее таким вещам, которые едва ли приходили тебе в голову, когда ты мучил Эл. Сохранение ее невинности, увы, невозможно, но посмотри на это с другой стороны. Да на рынке невест юная, на все готовая шлюшка-принцесса будет вне конкуренции! И да... Наверняка у тебя появится искушение помешать нам уехать. Так вот знай, на кону, во-первых, жизнь твоей сестры... А во-вторых, война. И вам не выстоять. Выбор за тобой.

Кассий, казалось, не слышал последних слов своего врага. Просто смотрел в одну точку. Заявление Лэндала сломило его окончательно.

— Я могу попрощаться с Эл? — севшим голосом осведомился он. — Ни слова ей. Обещаю.

— Не вижу причин этому препятствовать, — принц Атланты встал. — Я тоже умею

быть великодушным...

Казалось, соскучиться сильнее было просто невозможно. Элика, не скрывая счастливого смеха, кружила Фабию по комнате, сжимая в объятиях, не замечая ничего вокруг. Кончилось ее заточение!!! Еще совсем немного, и она вернется домой, точно так же обнимет мать и Ксению, а потом... О, жизнь возвращается в прежнюю колею! Открывая свободу любых действий и так беспечно игнорируемые ею ранее удовольствия.

— Ты изменилась! — лукаво заметила Фабия, не выпуская рук царственной подруги.

— Я такая же, как и прежде! — смеялась в ответ Элика. — Внешне? Ну, тут не было просто... Каждый день, как последний... Понимаешь?

— Изменилась не в том плане, что ты подумала! — шкодливый блеск в глазах воительницы не мерк ни на секунду. — Ты другая... Но не расстроенная... Ты... Похожа на Ксению. Но не могу понять, почему!!!

Элика понимала. Очень даже хорошо. Румянец смущения слегка тронул ее высокие скулы. С чего бы это? Она, принцесса, смутилась перед подданной? Но факт оставался фактом.

— А где Лэндал? — выпуская подругу из объятий, осведомилась она. — Он с самого начала куда-то запропастился.

Ага. Вместе с Кассием. Но какое ей теперь дело до принца Кассиопеи? Ей все равно, даже если брат отсек ему пальцы по самую голову. Хотя, нет, зачем лукавить. Не все равно. С кровью Кассия на руках им трудно будет вырваться из Кассиопеи.

Элика никогда прежде не испытывала ничего подобного. Мысли о том, что совсем еще недавно она сгорала от страсти в объятиях того, кто уже сегодня мог быть мертв, наполняла ее незнакомой прежде энергией, восторгом и удовольствием. Что могло быть слаще такой игры с человеческой жизнью и эмоциями? Ничего. Она даже была свободна от условий сделки и собственных слов. Он-то свою часть договора не выполнил... Да, не позволили обстоятельства, но какое это теперь имеет значение?

— Не знаю, наверное, пошел поговорить с этим... — Фаби потянула руку, касаясь шеи принцессы. — Антал Всемогущий!!! Какая красота! Это слеза пустыни?! Кто воссоздал это чудо?

— Нравится? — сердце Элики пропустило два гулких удара. Она даже забыла, что два круговорота солнца носила этот кристалл на шее. Не ради Кассия. Лишь потому, что это украшение непостижимым образом подпитывало ее силы. — Когда мне надоест, я его тебе подарю. Всего лишь бесчувственный камень, хоть и в красивой огранке.

Ощущение пристального взгляда укололо в спину. Глаза Элики встретились с глазами Домиция. Но она больше не имела намерения поддаваться на его уговоры, просьбы и обещания. Сейчас ее только позабавило выражение его глаз, смотревших на нее с какой-то надеждой, грустью и невысказанной просьбой.

— Лентул, — язвительно проговорила принцесса. — Я возвращаюсь домой... Как ты и обещал. Неужели ты не рад?

Фабия закусил губу и смерила советника принца бесстыдным взглядом, едва сдерживая смех.

— Я очень рад за тебя, Элика, — осторожно ответил он. — Но если бы был хоть малейший шанс уговорить тебя остаться, я бы им воспользовался.

— Ну что же ты, — девушка сделала шаг ему навстречу. — Все будет хорошо... И ничего плохого ни с кем из вас не случится, верь мне!

Домиций кивнул с обреченным пониманием, когда она так дерзко процитировала его недавние слова. Любые его доводы изначально были обречены на провал. А чего он, собственно, ожидал? Что страсть затуманит ей разум настолько, что она забудет о своем королевском долге и нанесенной ей обиде? Самовлюбленная девчонка даже не услышала его осторожного намека на чувства Кассия. Но сейчас он был даже отчасти этому рад, потому что словесный удар по ослабленному противнику был бы намного сильнее, знай она его слабость.

— Ты позволишь Керре приехать ко мне? Одной, — уточнила Элика, наслаждаясь его замешательством.

— Конечно, — потерянно отозвался Домиций. — Если она сама этого захочет.

— Ну, тогда прощай. Обнимать тебя на прощание, ты уж извини, не буду, — Элика гордо выпрямила спину и повернулась к восхищенной Фабии.

Лэндал появился в зале лишь спустя четверть меры масла. Чувство превосходства и колоссальной уверенности в своих силах явственно читались на его красивом лице, а надменная улыбка не сходила с его губ. Элика собиралась было вновь кинуться на его шею, долгая разлука не прошла бесследно, но, увидев за спиной брата высокую фигуру Кассия, так и не смогла сдвинуться с места. Здесь, в его дворце, она все еще не была в абсолютной безопасности.

Когда принц уверенно направился в ее сторону, девушка метнула предупреждающий взгляд в Лэндала, но тот сделал вид, что ему безразлично. Элика выпустила руку Фабии, которую хотелось держать и не отпускать, дабы не выказать слабость... Но ведь, по сути, именно это слабостью и было.

— Эл, я могу поговорить с тобой? Наедине, — несмотря на то, что он выглядел ошеломленным и словно придавленным горем, его голос прозвучал твердо. Слова о том, что от подруги нет секретов, замерли на губах Элики. Она кивнула в сторону затемненной ниши тронной залы, где, как знала, их никто не смог бы услышать.

— Касс, — с ледяным спокойствием проговорила она, с неудовольствием отметив, что ни сарказм, ни злорадство, ни ирония сейчас не завладели ее сознанием. Сердце бешено колотилось, и, хотя сейчас его бой не имел ничего общего с желанием, она не испытывала ни грамма ярости, зла или обиды.

— Если я попрошу тебя остаться? — Кассий отвел взгляд. — Ты нужна мне. Я знаю, что всего, что произошло между нами, не исправить. Не стереть. Не выжечь раскаленным железом. Я прежде никогда не жалел о своих поступках... Но только потому, что тогда в моей жизни не было тебя.

— Ты сам прекрасно понимаешь, что это невозможно, — Элика поддела пальцами кристалл слезы пустыни. — Я не хочу больше слышать о тебе. Забери свой подарок. Я жажду вычеркнуть нашу встречу из своей памяти. И этого запретить ты мне уже не сможешь...

Он вздрогнул от ее слов. Элика несколько раз моргнула, надеясь, что ей это показалось. Она почти физически ощутила его боль и отчаяние. Вовремя задушив в себе желание взять его за руку, чтобы хоть как-то избавить от этого чувства, объяснения которому не находила, девушка надменно вскинула голову. Он заслужил все это. У него нет ни малейшего права на ее участие.

Но почему сознание не подчинилось закону логики, сжав ее сердце в стальные тиски?

— Нет, Эл. Оставь это себе. Я понимаю, что тебе... Больно вспоминать о том, от кого этот подарок, только... Пообещай, что снимешь его уже дома, потому что, помимо моего разрешения на проезд по землям Кассиопеи, это оградит тебя от проблем в пути... Если такие возникнут.

— Хорошо, Касс, — она задыхалась. Горло сжало в тиски непонятного предчувствия и сожаления. — Я сниму это по приезду.

— Я больше никогда тебя не увижу? — Кассий избегал смотреть ей в глаза. Элика, взяв себя в руки, заставила собственный голос звучать уверенно.

— Нет. Слишком много боли. Слишком. Я не смогу этого забыть.

— Я люблю тебя, — тихо произнес Кассий.

Эл закрыла глаза, понимая, что это было правдой.

Наверное, она знала об этом чуть ли не с самого начала. Такая ненормальная одержимость не могла иметь обычного логического объяснения. Настоящая любовь была вовсе не тем беззаботным и красивым чувством, которым ее пытались показать в своих творениях сказатели и поэты обеих империй. Очень многие были рады этим обманываться, ждать этого дара небес чуть ли не с самого рождения, взяв за основу лишь его светлую сторону... Но никогда любовь не была на стороне одного лишь света, тьма следовала за ней неотступным спутником. Разве у Элики было мало примеров перед взором? Взять даже ее мать... Не то, чтобы она всерьез воспринимала шокирующие откровения Латимы Беспощадной, когда та с удовольствием расписывала историю Лаэртии и Дмитрия Иноземного. Но если хотя бы часть сказанного ею была правдой, ее отец прошел чертоги Лакедона не раз ради любви матриарх и права быть с ней рядом. Даже прекрасная, но яростная и непримиримая Латима разбила в свое время вдребезги сердце молодому императору Спаркалии Фланигусу, который, отчаявшись добиться ее взаимности, позже подослал наемных убийц в ее гостевые покои... Оба погибли, не успев даже приблизиться к первой советнице и лучшей подруге матриарх Справедливой, все обошлось тогда. Любовь властимущих была жестокой и даже кровавой. Ей ли теперь было это не знать?

Злость и отчаяние от такого положения дел завладели девушкой, вытесняя остатки неловкости, сожаления и робкого желания поцеловать на прощание влюбленного в нее мучителя. Она разжала пальцы, поняв, что все же неосознанно сжала его ладонь.

— Любишь? — ее беспощадный звонкий смех разнесся по залу злобной музыкой. — Что ж, мне остается только пожалеть того, кого ты ненавидишь!

Убитое выражение его лица было самой сладостной картиной из всех, что ей когда-либо приходилось видеть.

— Прощай, с тобой было даже неплохо... Временами, — Элика развернулась и направилась к ожидавшему ее брату. Лэндал не мог знать сути их разговора, но, взглядевшись в растерянно-довольное лицо сестры, криво усмехнулся Кассию, который так и не сдвинулся с места.

— Я хочу поскорее уехать отсюда, — принцесса обвела взглядом зал в надежде увидеть Керру. Но верная подруга так и не вышла проститься с ней. Да и знала ли она о скором расставании? Элике не хотелось думать, что она ее в чем-то осуждает. Наверняка Лентул именно так и поспешил изложить ей все положение дел, выставив Кассия жертвой. Но, учитывая отношение северянки к принцу, она должна была только порадоваться...

Элика отбросила идею искать ее по многочисленным комнатам дворца. Все, что было важно, она ей уже сказала. Вырваться, сбежать отсюда прочь — только это сейчас имело

значение.

— Конечно, Эл, — Лэндал еще раз сжал сестру в объятиях, перед тем как увлечь за собой к выходу.

Девушка даже не обернулась, покидая свою недавнюю темницу и тюремщика. Солнечный свет ослепил всего на миг, лазурное небо ласково улыбнулось, вновь приветствуя как равную, свободную, лишённую якорей в виде страха, вожделения и невысказанного, убитого на этапе зарождения желания остаться рядом... Вдохнуть этот воздух свободы полной грудью.

Его любовь, самая крепкая клетка. Которая сначала сжимала ее в тиски, грозя переломить хребет, потом стала свободнее, со временем даже приоткрылась совсем не намного, но осталась по-прежнему именно темницей. Только казалось, что ее прутья условны. Жестокая иллюзия.

С ним она могла потерять весь контроль и даже не заметить этого. Войти за ним в тьму его тайных желаний, к которым не стоило подходить и близко, не то что прикасаться! Принять эту тьму и никогда больше не вернуться к себе прежней.

Она просто разучилась дышать...

Совсем не пекло жаркое солнце, медленно склоняясь к горизонту, совсем не давила свинцовой тяжестью раскаленная жара близлежащей пустыни, совсем не раздражал ветер, трепавший ее темные волосы, которые она каждый раз обещала себе заплести в косы, но так и отказывалась от данного себе обещания. Ведь трудно ему будет ухватить ее за стянутые в узлы волосы... С Аминой даже попрощаться не вышло, какая жалость, две женщины, смягчившие ее время пребывания в Кассиопее в силу своих возможностей, даже не сразу узнали, что она уезжает... Такие разные, кассиопейка, добрая, сочувствующая, деликатная, и северянка, покровительствующая, рассудительная, гордая... Ей будет очень не хватать их обоих. Больше не за кем из этой варварской страны она скучать не будет.

— У него хватило наглости упрашивать тебя остаться? — вырвал Элику из задумчивости голос Фабии. — Удивляюсь, как ты сдержалась, чтобы не двинуть по его смазливой физиономии! Я бы на это с удовольствием посмотрела.

— С врагами тоже можно прощаться достойно, — отмахнулась принцесса. — Да и не пристало будущей королеве хлестать кого-либо по лицу. Это привилегия надсмотрщиков за рабами.

— Он был сильно жесток с тобой? Или все же не достаточно, раз ты его простила? Я услышала обрывки фраз при их разговоре с Лэндалом. Он действительно... Поднял на тебя руку? Я думала, он после такого распрощается с жизнью прямо там...

— Я все расскажу тебе, Фаби, — устало выдохнула Элика. — Но чуть позже.

— Нам стоит сделать привал? — спустя несколько мер масла осведомился Лэндал.

Элика прекратила расспрашивать подругу о жизни в империи в ее отсутствие и неопределенно повела плечами.

— Как бы я не хотела поскорее выбраться из этих земель, но вы очень долго в пути, и практически без отдыха. Поэтому, полагаю, стоит.

— Госпожа милосердна! — прошептал Антоний, бросив на принцессу почти влюбленный взгляд. Он больше остальных изнывал от жары пустыни. Крассий держался, как и Фабия, но красная сеточка в глазах без слов выдавала их усталость.

Четверо атланских воинов быстро отыскали небольшую рощицу пальм в радиусе километра. Лэндал велел разжечь костер, в большей мере лишь для того, чтобы заварить

эликсир кофейных зерен, придающий силы. Элика без аппетита сжевала тонкую лепешку и несколько цитрусовых плодов.

Уже совсем скоро она будет дома... Там ей удастся без проблем вычеркнуть из памяти кошмар своего пребывания в Кассиопее.

Солнце пересекло горизонт. Закат не произвел на девушку особого впечатления — после огненного вихря Лазурийской пустыни он был самым заурядным. Кофе придал бодрости, и, посоветовавшись, атланцы приняли решение скакать всю ночь напролет, а следующий привал сделать в изматывающие жаркие часы полудня. Фабия вздохнула рассказывала Элике о последних соревнованиях по метанию копий в легионе Тигриц, когда Адикт, легионер сопровождения, обогнал их, став на пути.

— За нами кто-то едет. Наверное, стоит уйти с дороги?

— Дай мне оружие! — почувствовав неладное, Элика велела кортежу остановиться и спрыгнула с лошади. — Все равно, что. Меч оставь себе. Мы не станем прятаться в барханах. У нас документы с печатью принца и царицы Кассиопеи. Разбойники, насколько мне известно, редко вершат свои черные дела в такой близости от столицы.

Удлиненный кинжал уверенно лег в ее руку. Фабия, обнажив меч, повернулась, вглядываясь в горизонт. Даже Крассий, прирожденный дипломат, лишенный военной подготовки, уверенно схватил копье, не собираясь оставаться в стороне от возможной опасности.

Миг, и она могла разглядеть вдали пятерых всадников. Они даже не пытались скрыть свои цвета.

Кассиопейцы. Страшная догадка промелькнула в сознании Элики.

Никто не собирался ее отпускать. Кассий обманчиво позволил ей уйти, перед этим попытавшись остановить фальшивыми признаниями... Не вышло... И он решил действовать более радикальными методами...

Чем думала матриарх, посылая брата в эту варварскую, жестокую страну с мирной миссией?! Кого она пыталась остановить от расправы своей дипломатией?! Кассий просчитал все наперед. Резко. Безжалостно. Не без участия Лентула, который наматывал сопли на кулак в просьбах не разбивать сердце принцу, а на самом деле...

Почему она не могла читать между строк всю глубину его беспощадности, интриг и подлости? Отчаяние сжало горло. Холодный расчет. Убить всех ее спутников... Цвет Атланты... Выдать происшедшее за нападение разбойников в пути. Только чтобы получить ее...

Элика приложила руку к груди. Сомнений не было. Пятеро воинов, во главе с Марком, без предупреждения ринулись в атаку. Сердце разрывалось. Как она могла хоть на миг поверить в честность этого монстра?! Вспомнилась отвергшая Фланигуса Латима. История повторилась...

Интересно, если она сдастся без боя, ее спутников оставят в живых?

Она знала ответ. Нет. Не оставят. Убьют без промедления, чтобы замолчали навеки, унесли с собой в чертоги Антала тайну ее жестокого повторного похищения. Чтобы никто не мешал больше Кассию держать ее в своих руках, и больше не в качестве королевы Кассиопеи... Нет... Она понимала это слишком четко. Ее жизнь превратится в ад с этого самого момента. Цепи и метка раскаленным железом будут наименьшими из ее страданий, если он снова ее захватит.

Ярость переросла в отвагу и беспощадность. Живой она ему не достанется. Пусть ее

кровь окрасит его руки... Пусть произойдет то, что должно было произойти изначально, но чего ее лишили в свое время. Зеленые глаза вспыхнули яростью загнанной разъяренной хищницы, готовой дорого продать свою жизнь. Ледяной, жуткий смех вырвался из сжатого в тиски горла. Кассия нет среди этой оравы... Их даже воинами назвать нельзя... Пятеро. Конечно же. Большой отряд привлек бы много любопытных глаз, а впятером — самое то, чтобы сохранить в тайне преступление...

— К бою! — закричала принцесса, когда расстояние между ними и всадниками сократилось до десяти локтей.

Марк издевательски рассмеялся, направив вороного скакуна прямо на нее. Эл едва увернулась от его копыт, полоснув кинжалом круп коня, впрочем, не сильно глубоко. Краем глаза заметила искаженное почти варварской гримасой личико Фабии, которая, сделав сальто в воздухе, приземлилась чуть ли не на голову второго кассиопейца. Миг, и его голова запрокинулась, из рассеченной шеи фонтаном брызнула кровь. Конь сбросил мертвого седока, захрипев, встав на дыбы от запаха крови.

Марк, спрыгнув на землю, ослабил, и, найдя взглядом Элику, обнажил свой меч, пошел прямо на нее. Принцесса, проклиная про себя тонкий кинжал, не столь сильное оружие в борьбе с противником, стремительно повернулась, задев ногой песок, поднимая его в воздух веерной раздачей.

— Атланская сука! — взревел ослепший на миг легат Кассиопеи.

Воспользовавшись этим, Элика, увернувшись от занесенного над головой меча, в три прыжка преодолела расстояние до убитого Фабией воина, выдернув из его скрюченных в предсмертной агонии пальцев тяжелый меч. По правую руку Лэндал сцепился в рукопашной схватке с противником, Крассия нигде не было видно, а Антоний, похоже, забавлялся, парируя атаки самого молодого из нападающих.

Еще один, заметив принцессу, обнажил свой меч и с яростным воплем понесся в ее сторону. Придурок, успела подумать Элика, со всей силы метнув кинжал ему в голову. Но смельчак ловко увернулся от ее броска, и Элика ощутила себя зажатой с обе их сторон. Марк уже успел восстановить зрение. В отличие от собрата по оружию, он не спешил. Ненавистная, злорадная улыбка играла на его губах, когда он уверенным шагом направился к принцессе, легко вращая в руке меч. Тяжелый, непривычный для ее женских рук. Элика запоздало осознала, что не сможет дать ему отпор с такой же легкостью.

Принцесса резко обернулась, с намерением заколоть первым отчаянного смельчака, но ее опередила Фабия. С воинственным криком атланских амазонок она кинулась ему в ноги, пресекая бег, и мужчина рухнул лицом в песок у ее обнаженных ног. Со смехом победительницы девушка всадила меч в его позвоночник, безжалостно прокрутив вокруг оси.

Марк переменился в лице. Гибель воина из его отряда от руки девчонки словно прорвала плотину его злорадной невозмутимости. И без того красные от песка глаза еще сильнее налились кровью, на скулах заиграли желваки. Страшная догадка — что он и не собирался доставлять ее к Кассию живой — пронзила ее сознание. Ему куда проще будет списать ее гибель на сопротивление в ходе поединка.

— Рабская тварь, — сплюнул легат, занося меч над ее головой. — Тебе следовало принять свое существование в его цепях, с меткой рабыни на плече! Но теперь у тебя никакого шанса. Отправляйся к Лаки, атланское отродие!

Эл вскинула голову, достойно встречая острие меча, которое спустя мгновение

неминуемо должно было проткнуть ее грудь, тем самым избавив от незавидной участи... Как знать, может, это было к лучшему... Жизнь не пронеслась перед ее глазами в ускоренном порядке, страх не сковал ее тело ледяными кандалами, промелькнуло лишь сожаление о том, что жизненный путь оборвется столь нелепо на пороге свободы, которая поманила и испарилась жестоким миражом... Рука воина рассекла воздух, поднимая меч, чтобы сей же миг поразить им ее сердце...

Она не сразу поняла, что же именно произошло в этот момент. Ощувив спиной горячий песок пустыни, лишь успела подумать, почему вместо боли почувствовала тяжесть на своем теле. И лишь ощутив на руках и груди кровь... Чужую горячую кровь, осознала все с потрясающей ясностью.

— Фаби!!!

Забыв обо всем, она вскочила на ноги, заметив, но до конца не осознав, что Лэндал вступил с Марком в поединок на мечах, отвлекая его внимание. Фабия всхлипнула, выпустив струйку крови из уголка рта, и недоуменно уставилась на принцессу.

— Элика, заberi его Лакедон... Он... Убил... Меня?

В груди воительницы зияла кровавая, несовместимая с жизнью рана. Кровь залила кожу ее легких лат, практически не защищавших в бою. Огромные голубые глаза все еще недоверчиво смотрели на принцессу, словно ожидая, что та опровергнет жестокую правду.

Мир рухнул. Беспощадный закат пустыни, звон мечей, приглушенные крики, ржание и топот обезумевших от крови лошадей — все перестало иметь значение в этот безжалостный момент. Элика подошла к своей подруге и упала на колени в остывающий песок, окрашенный кровью, казавшейся черной в красках догорающего заката.

— Ты... Жива... — захлебываясь в крови, с трудом произнесла Фабия. — Отомсти... За меня...

— Нет!!! — рыдания сжали грудь принцессы. Она обхватила руками тело подруги, укачивая, словно ребенка, ее слезы, хлынувшие потоком, смешивались с кровью, но это уже не могло спасти жизни девушки, закрывшей ее своим телом от смертельного удара. Фабия умирала.

— Х... холодно... — кровь заливала ее подбородок, а голубые глаза медленно тускнели, отпуская жизнь.

— Я согрею тебя... — рыдала Элика. — Только не уходи... Ты должна быть со мной... Со мной, когда я буду вершить эту месть... Слышишь?! Не засыпай... Умоляю тебя...

— Не... Спусти ему с рук... — последнее, что произнесла бесстрашная атланка. Ее глаза закрылись, по телу пробежала смертельная судорога.

Элика разрыдалась над телом подруги, не замечая ничего вокруг. Укачивая, успокаивающе поглаживая, отпуская куски расколовшегося от потери сердца в свободное плавание. Не понимая в своем горе, что Марк и оставшиеся трое воинов, один очень сильно раненый, прекратили бой и бросились врассыпную к своим лошадям. Не слыша топота копыт приближающихся всадников, которых явно было больше. Умом понимая, что уже не сможет оказать сопротивления, сломленная, морально разбитая, лишенная сил.словно в полусне, накрыла ладонью глаза погибшей подруги, за одну улыбку которой была бы готова сейчас вынести весь ужас неволи снова. Автоматически прошептала слова ритуальной молитвы.

— Антал милосердный, прими дух воительницы твоей, сложившей голову в неравном бою за отвагу и свободу нашей империи, и проведи ее в путь по светлым чертогам

умиротворения и покоя в дар за ее преданную тебе оборвавшуюся жизнь!

— Элика!

Такой знакомый голос... Неужели и он был среди них? Принцесса подняла глаза. Домиций Лентул соскочил с лошади, с ужасом глядя на погибшую Фабию. Отряд из десяти кассиопейцев за его спиной потрясенно взирали на поле сражения. Лэндал, Крассий, Антоний и трое воинов, обнажив мечи, были готовы дать бой незамедлительно. Только Марка и тех, кто приехал с ним, нигде не было видно.

Отчаяние и боль пронзили сердце молодой девушки. Поднявшись с колен, Эл утерла горькие слезы, бесстрашно улыбаясь Домицию в глаза, распрямляя грудную клетку, чтобы ничто не мешало ему бить, тем самым оберегая от участи рабыни в руках жестокого зверя, что было во сто раз хуже смерти.

— О, я знала, что Кассий пошлет убийц... Но не знала, что самого жестокого!

— Кто это сделал? — советник Кассиопеи, казалось, не слышал ее слова. Его лицо замкнулось, он не мог отвести взгляд от тела Фабии.

— Ты, — ответила Элика. — Ее кровь на ваших руках. Знаешь, Лентул, она никому не хотела зла! Она не убила никого в своей жизни лишь ради прихоти и зова крови. Это ты... Вы вместе убили ее!!!

— Элика, он ничего не успел с тобой сделать? — Лентул хотел было обнять ее, но Лэндал угрожающе обнажил меч, делая шаг вперед. Принцесса расхохоталась ему в лицо. И у всех, кто присутствовал сейчас на недавнем поле сражения, кровь застыла в жилах от этого истерического, жуткого смеха.

— Лучше убей меня сразу, я не вернусь в его цепи... — продолжала смеяться принцесса. Домиций проглотил ком в горле. Ее смех был началом чего-то страшного. Невообразимого. Темного.

— Эл, в какие цепи? Ты свободна! Что ты такое говоришь?!

— Цена этой свободы у моих ног? — смех замер на губах девушки. — Вы не люди. Вы именно те, от звания которых пытаетесь бежать. Варвары. Разрушители. Подлая раса. Передай это своему принцу, слово в слово. Это война, Домиций. Вы не приняли руку мира. Так тому и быть!!!

— Элика, это все неправда! От первого до последнего слова! Кассий бы никогда...

— Всегда, — тихо ответила Эл. — С самого начала.

Колючие звезды зажглись в черном небе, невеселое послесловие жестокого дня. Элика, сорвав с шеи кристалл слезы пустыни, опустила его на грудь Фабии.

— Оно тебе понравилось, я помню. Покойся в мире и покое, моя почившая соратница, моя верная подруга, и знай, что каждую каплю твоей крови я верну сторицей!

В пустыне тела погибших воинов обычно не предают земле. Оставляют прямо на песке, на том же месте. На потеху шакалам, гиенам и грифам. Варварство? Необходимость? Элика была против этого нечеловеческого ритуала. Но все, что она могла сделать для подруги — это срезать пряди ее темных волос, дабы предать земле Атланты, и настоять на сооружении могилы. Ветер наметет бархан, скрывая ее от диких животных, даря покой и прохладу под этим беспощадным солнцем...

Кассиопейцы осторожно, словно опасаясь убитую горем атланскую принцессу, разрывали песок, чтобы соорудить могилу и отправить Фабию в последний путь. Они выглядели слегка озадаченными тем, что тут разыгралось до их появления, хотя какая теперь была разница? Не собирались нападать, хорошо, но их участия и фальшивых заверений с нее

было достаточно.

Мужчины быстро засыпали яму с телом атланки остывающим песком пустыни. Элика обессилено упала в объятия Лэндала. Принц имел долгую беседу с Лентулом, и сейчас выглядел, по меньшей мере, растерянным.

— Элика, милая, они утверждают, что это страшное недоразумение, — прошептал он. — Позволь им сопроводить нас до границ империи.

— Нет, — Эл обратила взор к небу и вновь громко рассмеялась. — Слышишь, Фаби? И ты, Лаки! Я подарю вам их головы уже совсем скоро!!! Клянусь, моя месть свершится... Как вы того и хотели!

Колючие звезды. Холодная тьма. И обратный отсчет. Кассиопея сама расписалась в своей непримиримости, беспечно растоптав ногами хрупкие песчаные замки негласного тайного соглашения о молчании. Пусть не сейчас, но уже в скором будущем этой империи придется жестоко заплатить за подобное вероломство.

Но Элика сейчас не строила никаких планов мести, прекрасно понимая, что ее воспаленный разум должен остыть достаточно, чтобы принять взвешенное и объективное решение.

Я отомщу. За каждую пролитую мной каплю слез и крови. За каждый момент моего унижения и твоего восторга, за все то, через что ты почти силком протащил меня в начале нашего пути. За каждый стон твоего удовольствия и каждую каплю своего семени в моем теле ты ответишь стонами боли, самой сладкой музыкой для моих ушей. А за каждый мой оргазм, в котором я задыхалась, теряя себя, ты будешь захлебываться в собственной крови, как не столь давно малютка Фабия. И крови будет много, видит Антал, я честна, прежде всего, с собой, и удовольствия было очень много...

Но сейчас ее руки были связаны усталостью, горем и безысходностью. Все это только предстояло.

Впереди ждала Атланта...

Больше книг на сайте — Knigolub.net